Г. В. Плехановъ

Годъ на Родинѣ

ТОМЪ ВТОРОЙ

Г. В. Плехановъ

Годъ на Родинѣ

Полное собраніе статей и рѣчей 1917—1918 г.
въ двухъ томахъ

ТОМЪ ВТОРОЙ

J. POVOLOZKY & Cie, EDITEURS,
13, rue Bonaparte, Paris (VIe)

IMP. « UNION », 46, BD ST-JACQUES, PARIS

Copyright by Mme R. Plekhanov. Paris. 1921
Tous droits réservés.

Июль 1917 года

Тревожныя опасенія одной умной газеты

(«Единство», № 78 отъ 1-го іюля 1917 г.)

Въ « Рабочей Газетѣ » (№ 98, отъ 29 іюня 1917 года) напечатана передовая статья, озаглавленная : « *Откладывать нельзя* ». Принимая во вниманіе, что она появилась въ такое время, когда армія русской революціи предприняла наконецъ энергичное наступленіе на союзныя войска султана, царя болгарскаго и двухъ императоровъ, естественно предположить, что авторъ статьи разъясняетъ гражданскому населенію его святую обязанность всѣми силами противиться « разстройству тыла ». Борьбы съ названнымъ разстройствомъ, въ самомъ дѣлѣ, никакъ нельзя откладывать. Малѣйшая отсрочка была бы здѣсь измѣной по отношенію къ тѣмъ нашимъ крестьянамъ и рабочимъ, одѣтымъ въ военные мундиры, которые проливаютъ свою кровь за независимость родины. Но законы логики не для « Рабочей Газеты » писаны. Наступленіе наводитъ ее лишь на ту мысль, что русская революціонная демократія должна тотчасъ же начать дѣйствія, могущія,—какъ думаетъ газета, — ускорить заключеніе мира, а, на самомъ дѣлѣ, способныя только свести на нѣтъ или, по крайней мѣрѣ, значительно ослабить слѣдствія самоотверженныхъ усилій нашей арміи.

« Рабочую Газету » смущаетъ успѣхъ наступленія. Она говоритъ, что уже достигнуты довольно крупные стратегическіе результаты. Послѣднія два слова поставлены ею во вносные знаки. Зачѣмъ? Для ехидства? Но если — да, то, во-первыхъ, ехидство получалось бы тутъ совершенно беззубое и безпомощно наивное, а, во вторыхъ, надъ чѣмъ же могла бы въ данномъ случаѣ ехидствовать « Рабочая Газета »? Неужели надъ радостью, выражаемой огромнѣйшимъ большинствомъ русскаго населенія по тому поводу, что не напрасно гибли въ бою наши, сражавшіеся подъ краснымъ знаменемъ, воины?

Какъ бы тамъ ни было, « Рабочая Газета » съ тревогой спрашиваетъ себя : « что же дальше? »

Прежде, нежели отвѣтить на этотъ поистинѣ гамлетовскій вопросъ, она считаетъ нужнымъ, — вѣроятно, ища вдохновенія, — бросить намъ упрекъ, полнѣйшая несостоятельность котораго превосходно извѣстна ей самой. Она приписываетъ намъ стремленіе разгромить Германію.

Мы уже много разъ повторяли, что подобнаго стремленія у насъ никогда не было, нѣтъ и не будетъ. Разумѣется, « Рабочая Газета » не обязана вѣрить намъ на слово. Она имѣетъ право предположить, что мы, ея противники, говоримъ одно, а думаемъ другое. Но для того, чтобы такое предположеніе не осталось лишеннымъ всякаго основанія; чтобы оно не явилось простымъ плодомъ осмѣянной Щедринымъ полицейской склонности « читать въ сердцахъ », необходимо подкрѣпить его сколько-нибудь серьезной критикой нашего отношенія къ вопросу о войнѣ. А такой критики мы не встрѣчали, да, конечно, и не встрѣтимъ на столбцахъ органа, главной отличительной особенностью котораго служитъ полная неспособность къ послѣдовательному мышленію. Читатель еще не забылъ, что « Рабочая Газета » нѣкогда проповѣдывала братанье; что она брала подъ свое высокое покровительство имперіалиста Шейдемана, противъ котораго я, по ея словамъ, велъ « травлю », будто-бы недостойную соціалиста; что, наконецъ, еще совсѣмъ недавно, этотъ умный органъ выступилъ съ требованіемъ перемирія на всѣхъ фронтахъ, а потомъ самъ въ замѣшательствѣ отрекся отъ этого требованія подъ смѣха достойнымъ предлогомъ.

Мы не имперіалисты. Мы самые рѣшительные противники имперіазлима. А такъ какъ Россіи грозила и грозитъ опасность сдѣлаться жертвой германскихъ имперіалистическихъ аппетитовъ, мы говоримъ : она должна защищаться со всей той энергіей, какой она обладаетъ. Мы говоримъ это во имя того права народовъ на самоопредѣленіе, которое признаетъ, конечно, и « Рабочая Газета », но которое, повидимому, истолковывается ею въ томъ оригинальномъ смыслѣ, что, хотя Россія обязана сочувствовать самоопредѣленію всѣхъ народовъ земного шара, но сама она не должна опредѣляться, какъ государство, свободное отъ германскаго имперіалистическаго ярма.

Мы желаемъ не того, чтобы Россія разгромила Германію,

а того, чтобы Германія не разгромила Россію. Пусть « Рабочая Газета » прямо скажетъ намъ : « не бѣда, если нѣмецкое иго ляжетъ на русскую шею ». Это будетъ мысль, достойная самаго рѣшительнаго порицанія съ точки зрѣнія Интернаціонала (перваго и второго Интернаціонала Маркса и Энгельса, если не третьяго Интернаціонала Гримма и Крадека). Но мысль эта, — и только одна эта мысль, — дастъ намъ логическій ключъ къ разсужденіямъ автора статьи « Откладывать нельзя », она, — и только она, — объяснитъ намъ его опасенія. А пока онъ не рѣшился высказать ее, или, — что всего вѣрнѣе, — пока она остается за порогомъ его сознанія; пока онъ не понялъ, что въ ней-то и заключается истинная основа всѣхъ его разсужденій и опасеній, до тѣхъ поръ намъ придется наблюдать крайне печальное зрѣлище публициста, гордо мнящаго себя идеологомъ рабочаго класса и безпомощно бьющагося въ такихъ противорѣчіяхъ, съ которыми легко справится всякій, не совсѣмъ обиженный природой, двѣнадцатилѣтній отрокъ.

« Рабочая Газета» хочетъ мира. Но кто же не хочетъ его? Всѣмъ извѣстно, какъ страстно стремятся къ миру даже самые крайніе германскіе имперіалисты. Еще Бисмаркъ всегда выдавалъ себя за крайне миролюбиваго человѣка. Вопросъ не въ томъ, желаетъ-ли данная страна, данная партія, или данный политическій дѣятель мира, а въ томъ, каковы должны быть мирныя условія. Германскіе имперіалисты хотятъ навязать намъ такія условія мира, которыя явились бы почти непреодолимой преградой на пути нашего экономическаго, общественнаго и политическаго развитія. Ни одинъ сознательный русскій гражданинъ, — если только онъ не принадлежитъ къ партіи незабвеннаго Штюрмера, — не можетъ не содрогнуться при мысли о такихъ условіяхъ. Поэтому мы должны бороться. А кто борется, тотъ неизбѣжно стремится къ побѣдѣ и столь же неизбѣжно радуется своимъ успѣхамъ. И если «Рабочая Газета » смущенно ехидствуетъ по поводу достигнутыхъ нами стратегическихъ результатовъ, то этимъ она только обнаруживаетъ свое неисправимое, — хотя, можетъ быть, безсознательно — пораженческое настроеніе.

Авторъ статьи « Откладывать нельзя » глубокомысленно возвѣщаетъ : « Главная ея (т. е., русской революціи. Г. П.) надежда на миръ — не въ бояхъ подъ Галичемъ, а въ битвахъ народныхъ массъ со своимъ имперіализмомъ въ Англіи и Германіи, Франціи

и Австріи. И пораженіе демократіи въ этихъ послѣднихъ битвахъ, даже при самой рѣшительной побѣдѣ подъ Галичемъ, будетъ пораженіемъ русской революціи, ибо на войну за разгромъ Германіи мы не пойдемъ ».

Какъ уже замѣчено мною выше, рѣчь идетъ теперь вовсе не о разгромѣ Германіи. Она идетъ о самозащитѣ Россіи и всѣхъ странъ, пострадавшихъ отъ германскаго нашествія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно взглянуть на карту военныхъ дѣйствій, на которую такъ часто и съ такимъ побѣдоноснымъ видомъ ссылался германскій имперскій канцлеръ. « Бои подъ Галичемъ » и все вообще нынѣшнее наступленіе наше представляютъ собою лишь вполнѣ правомѣрныя дѣйствія самозащиты. Въ высшей степени странно безпокоиться о возможной участи нападающихъ, т. е., Германіи, вмѣсто того, чтобы позаботиться о желательной судьбѣ тѣхъ, которые защищаются. Но оставимъ это.

Самымъ слабымъ звеномъ въ цѣпи доводовъ нашего автора является то его утвержденіе, что главная надежда русской революціи на миръ — не въ бояхъ подъ Галичемъ, а въ торжествѣ демократіи всего міра, т. е., между прочимъ, Австріи и Германіи. Мы отъ всей души желаемъ успѣха австро-германской демократіи, а въ особенности *соціалъ-демократіи*. Но одно дѣло — желать успѣха австро-германской демократіи, а другое дѣло — желать успѣха австрійскому и германскому императорамъ. Разстраивать нашъ тылъ въ то время, когда идутъ « бои подъ Галичемъ », — какъ это дѣлаетъ своей пропагандой « Рабочая Газета », — значитъ именно служить тѣмъ, съ кѣмъ должна бороться демократія всего міра.

Мы будемъ очень рады, когда услышимъ о томъ, что соціалъ-демократическая партія Гаазе-Бернштейна возьметъ въ свои руки судьбы Германіи. Но сама эта партія весьма разсудительно говоритъ намъ, что никакъ нельзя надѣяться на это въ настоящее время.

Это означаетъ для насъ другими словами, *что пока солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ*. Теперь судьбы Германіи находятся въ грубыхъ рукахъ болѣе или менѣе безпощадныхъ имперіалистовъ. Имперіалисты цинично осмѣиваютъ всѣми нами признаваемое право народовъ на самоопредѣленіе. Они спрашиваютъ себя не о томъ, можно ли допустить аннексіи и контрибуціи, а единственно только о томъ, какъ обширны будутъ тѣ чужія земли, кото-

рыя они захватятъ, и какъ велики будутъ тѣ контрибуціи, которыми они обложатъ побѣжденные ими народы.

По ихъ непоколебимому убѣжденію, этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только ходомъ военныхъ дѣйствій. Для нихъ убѣдителенъ лишь одинъ доводъ : *сила*. И, если мы не прониклись ученіемъ Л. Толстого, если противленіе злу насиліемъ не встрѣчаетъ осужденія съ нашей стороны, то мы радостно должны привѣтствовать успѣхъ галиційскаго наступленія. Тоскливо ныть по его поводу; тревожно спрашивать себя: «что же дальше?» можетъ только тотъ, кто не хочетъ или не умѣетъ служить дѣлу русской революціи, а вмѣстѣ съ нимъ и дѣлу всемірной демократіи.

Пусть не смущаются этимъ тоскливымъ, жалкимъ нытьемъ наши войны, идущіе на смѣну борцамъ, падающимъ на поляхъ Галиціи. Пусть знаютъ они, что дѣло нашей свободы упрочится только въ томъ случаѣ, если имъ удастся достигнуть значительнаго успѣха. Устремляясь въ бой подъ звуки марсельезы, пусть вспоминаютъ они мужественныя слова безсмертнаго гимна :

Amour sacré de la patrie,
Conduis, soutiens nos bras vengeurs!
Liberté, liberté chérie,
Combats avec tes défenseurs... [1])

Объ Интернаціоналѣ

(«Единство», № 80 отъ 4-го іюля 1917 г.)

Идея Интернаціонала потерпѣла полное крушеніе благодаря нынѣшней войнѣ. За границей нѣкоторые публицисты не перестаютъ твердить это съ самаго начала военныхъ дѣйствій. Но и въ Россіи это говорилось уже не одинъ разъ, — иногда съ болью, иногда съ радостью. Нѣсколько дней тому назадъ г. Бѣлоруссовъ

[1]) Святая любовь къ отечеству,
Направляй, поддерживай наши мстящія руки!
Свобода, дорогая свобода,
Сражайся вмѣстѣ съ твоими защитниками!..

безъ малѣйшаго колебанія повторилъ это въ своей статьѣ « *На выборъ* » (« Русскія Вѣдомости » отъ 30 іюня).

И не только повторилъ, но и пытался доказать.

« Не потому, — говоритъ онъ, — потерпѣла въ 1914 году крушеніе идея Интернаціонала, что онъ не могъ предотвратить войну, а потому, что сами идеологи пролетарскаго Интернаціонала при первыхъ звукахъ военной трубы разбѣжались изъ Интернаціонала и стали подъ свои національныя воюющія знамена ».

Отсюда публицистъ « Русскихъ Вѣдомостей » умозаключаетъ, что не слѣдуетъ защищать на словахъ то, чему нельзя оставаться вѣрнымъ на дѣлѣ. И ему странно, что, несмотря на весьма убѣдительный, по его мнѣнію, урокъ прошлаго, все-таки находятся люди, готовые защищать идею Интернаціонала.

Правда, самъ г. Бѣлоруссовъ не совсѣмъ чуждъ интернаціонализма. Онъ прямо заявляетъ это въ своей статьѣ. Но его « концепція » Интернаціонала сильно отлична отъ той, которая входитъ составной частью въ ученіе современнаго соціализма. Подъ развитіемъ Интернаціонала онъ понимаетъ не болѣе, какъ ростъ и упроченіе культурныхъ и государственныхъ сношеній и обязательствъ между народами.

Мы какъ нельзя больше сочувствуемъ тому непреодолимому и плодотворному культурному движенію, которое безпощадно разрушаетъ всѣ китайскія стѣны, отдѣлявшія нѣкогда и, къ сожалѣнію, до сихъ поръ продолжающія отдѣлять одинъ народъ отъ другого. Съ этимъ культурнымъ движеніемъ тѣснѣйшимъ образомъ связываются наши соціалистическія упованія. Но, когда намъ говорятъ, что къ понятію о немъ должна свестись вся «концепція » Интернаціонала, мы отвѣчаемъ : извините, передовой классъ капиталистическаго общества, пролетаріатъ, такой « концепціей » ограничиться не можетъ. Она непремѣнно должна дополняться у него идеей *пролетарскаго* Интернаціонала.

Почему? Потому, что передовой пролетаріатъ нынѣшняго общества стоитъ на соціалистической точкѣ зрѣнія, а соціалистическая организація производства будетъ международной (« интернаціональной ») или ея совсѣмъ не будетъ. Сознаніемъ этой неоспоримой истины и подсказанъ былъ знаменитый кличъ : « Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь! »

Г. Бѣлоруссовъ думаетъ, можетъ быть, что нынѣшняя война

убила также идею соціалистической организаціи производства. Но это ошибка.

Нынѣшняя война, дѣйствительно, нанесетъ жестокій ударъ нѣкоторымъ мнѣніямъ соціалистовъ. Но — какимъ? Тѣмъ, которыя унаслѣдованы были нынѣшними соціалистическими дѣятелями отъ той или другой разновидности *утопическаго* соціализма. У насъ нѣтъ никакого основанія относить къ числу утопическихъ пережитковъ идею *соціалистической* организаціи производства. *Этой* идеѣ война не нанесла ни одного, ровнехонько ни одного удара. Совсѣмъ наоборотъ! Война укрѣпила ее, лишній разъ обнаруживъ, — хотя, разумѣется, и на свой грубый человѣкоубійственный ладъ, — великую важность сознательнаго, планомѣрнаго направленія хода общественнаго производительнаго процесса. А если у насъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія причислять нашу « *конечную цѣль* » къ пережиткамъ утопическаго соціализма, то мы не имѣемъ никакого права отказываться отъ нашей старой идеи пролетарскаго Интернаціонала.

Когда г. Бѣлоруссовъ говоритъ, что какъ только началась война, сами идеологи пролетарскаго интернаціонализма разошлись между собою и стали « подъ свои національныя воюющія знамена », онъ только повторяетъ упреки, воздвигнутые противъ этихъ идеологовъ Гриммомъ, Радекомъ, Балабановой, Ленинымъ, Мартовымъ и другими основателями циммервальдъ-кинтальскаго ученія. А вѣдь ему хотѣлось бы опровергнуть это ученіе, привести его къ абсурду.

Какъ же это такъ выходитъ, что, желая воевать съ циммервальдистами, г. Бѣлоруссовъ повторяетъ ихъ напѣвы, вооружается ихъ доводами и распространяетъ ихъ « концепцію »?

Очень просто! Публицистъ « Русскихъ Вѣдомостей » столь же поверхностно понимаетъ роль пролетаріевъ разныхъ странъ въ нынѣшней войнѣ, какъ и циммервальдъ-кинтальцы. Его представленіе объ этой роли является лишь оборотной стороной представленія о ней, выработаннаго въ Циммервальдѣ и Кинталѣ.

Онъ думаетъ, что если Гэдъ счелъ нужнымъ оборонять Францію, а Гаазе (въ засѣданіи 4 августа 1914 г.) провозгласилъ, что считаетъ себя обязаннымъ защищать Германію, то все дѣло тутъ въ силѣ національнаго чувства. Но роль Гэда, по внѣшности, какъ двѣ капли воды, похожая на роль Гаазе, въ дѣйствительности, была *прямо противоположна ей*.

Гэдъ защищалъ страну, подвергшуюся нападенію, между тѣмъ, какъ Гаазе, подъ лицемѣрнымъ предлогомъ права каждаго народа на существованіе, помогалъ своему правительству нападать на другіе народы съ цѣлью политическаго ихъ подчиненія или экономической эксплоатаціи. Одинъ содѣйствовалъ *оборонительной* войнѣ, другой — войнѣ завоевательной. Различіе между той и другой войной всегда было существеннымъ въ глазахъ членовъ рабочаго Интернаціонала [1])

Изъ этого слѣдуетъ, что Гэдъ остался *вѣренъ* идеѣ Международнаго Товарищества Рабочихъ, между тѣмъ, какъ Гаазе *измѣнилъ ей*. А у г. Бѣлоруссова, — совсѣмъ такъ, какъ у циммервальдъ-кинтальцевъ, — выходитъ, что измѣнили оба. Вотъ, что значитъ довольствоваться поверхностнымъ разсмотрѣніемъ явленій.

Разумѣется, можно возразить мнѣ, что если Гэдъ и не измѣнялъ Интернаціоналу, то измѣны Гаазе было вполнѣ достаточно для нанесенія смертельной раны идеѣ интернаціонализма. Это возраженіе опять покажется довольно убѣдительнымъ на первый взглядъ. Однако, и оно потеряетъ свою убѣдительность, какъ только мы подвергнемъ его болѣе глубокому анализу.

Въ теченіе послѣдней четверти вѣка германская промышленность сдѣлала такіе гигантскіе успѣхи, что у ея руководителей, — капитановъ, какъ выражаются нѣкоторые нѣмецкіе экономисты, — зародилась соблазнительная мысль добиться для своей страны экономическаго господства на всемъ, или почти на всемъ, земномъ шарѣ. Капитаны промышленности прекрасно понимали, что, стремясь осуществить эту мысль, они должны будутъ поддерживать завоевательную политику имперскаго правительства и юнкерской партіи. Но они ничего не имѣли противъ завоеваній. Они сами все болѣе и болѣе проникались воинственнымъ духомъ. Сообразно съ этимъ, *европейскій миръ дѣлался все менѣе и менѣе устойчивымъ*. Лѣтомъ 1914 г. положеніе обострилось до того, что война стала громко стучаться въ дверь цивилизованной и полуцивилизованной

[1]) См. хотя бы «Интернаціоналъ» Екка, гдѣ на стр. 154-157 русскаго перевода — ясно виденъ взглядъ лондонскаго Общаго Совѣта перваго Интернаціонала на различіе между войнами оборонительными и завоевательными, и также на тогдашнія *«опасности нѣмецкой завоевательной политики для Европы»*. Какъ извѣстно, первый Интернаціоналъ былъ основанъ Карломъ Марксомъ, изъ-подъ пера котораго и вышли почти всѣ руководящіе, въ принципіальномъ отношеніи, документы его Общаго Совѣта. *Г. П.*

Европы. Однако, ея можно было бы избѣжать, если бы германскій пролетаріатъ безъ колебаній ополчился на защиту мира. Къ сожалѣнію, его тоже соблазнила мысль объ экономическомъ господствѣ Германіи надъ другими народами. Чтобы помочь ея осуществленію, онъ рѣшился измѣнить завѣтамъ Интернаціонала.

Трудно вообразить что-нибудь печальнѣе такой измѣны, но никакъ нельзя утверждать, что о нее разбилась « концепція » пролетарскаго Интернаціонала.

Въ основѣ этой концепціи лежало и лежитъ матеріалистическое пониманіе исторіи. Не сознаніе опредѣляетъ собой бытіе, а бытіе опредѣляетъ собою сознаніе. Если данный человѣкъ дѣлается эксплоататоромъ, то это происходитъ не оттого, что онъ, по природѣ своей, хуже эксплоатируемыхъ, а просто потому, что онъ попадаетъ въ условія, предрасполагающія его къ эксплоатаціи.

Мы непремѣнно должны устранить эти условія, если хотимъ помѣшать превращенію нѣкоторой части людей въ эксплоататоровъ. Принимаясь за ихъ устраненіе, мы должны будемъ вступить въ борьбу съ тѣми, для которыхъ эксплоатація стала привычнымъ источникомъ существованія. И намъ нужно будетъ преодолѣть ихъ сопротивленіе, если только мы хотимъ, чтобы прекратилась эксплоатація человѣка человѣкомъ.

Вотъ то же и съ нѣмецкими пролетаріями. По природѣ своей, они не хуже и не лучше пролетаріевъ другихъ странъ. Но исключительный ходъ экономическаго развитія Германіи за послѣднюю четверть вѣка поставилъ ихъ въ такія условія, при которыхъ у нихъ могла явиться склонность къ эксплоатаціи другихъ народовъ. И она, дѣйствительно, явилась у нихъ. *Въ этомъ вся тайна германской соціалъ-демократической « политики 4 августа 1914 г. »*, отъ которой уже отказался Гаазе, но которой продолжаетъ держаться Шейдеманъ. Чтобы бороться съ указанной склонностью, нужно было прежде всего помѣшать торжеству « политики 4 августа », такъ какъ оно чрезвычайно умножило бы и надолго упрочило бы именно тѣ условія, подъ вліяніемъ которыхъ возникла у нѣмецкихъ пролетаріевъ склонность эксплоатировать другіе народы. Но склонность эта побудила рабочій классъ Германіи къ дѣятельному участію въ *завоевательной* войнѣ. Поэтому, чтобы бороться съ нею, необходимо было принять не менѣе дѣятельное участіе въ войнѣ *оборонительной*. *Въ этомъ вся тайна политики Гэда, Гайндмэна* и пишущаго эти строки. Такъ или иначе участвуя въ

оборонительной войнѣ, Гэдъ и другіе *не только не измѣняли Интернаціоналу, а, напротивъ, продолжали служить ему*. И чѣмъ энергичнѣе они ему служили въ этомъ смыслѣ, тѣмъ болѣе содѣйствовали они устраненію тѣхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ нѣмецкіе пролетаріи собирались превратиться въ эксплоататоровъ своихъ иностранныхъ братьевъ. Теперь дѣло зашло такъ далеко, что не только Гаазе отрекся отъ политики 4 августа, но и самъ Шейдеманъ начинаетъ вести себя такъ, что его можно будетъ, пожалуй, исправить..., если только страны Согласія будутъ энергично продолжать наступленіе.

Циммервальдъ-кинтальцы не понимаютъ политики Гэда и его иностранныхъ единомышленниковъ. Но вѣдь они, вообще, ровно ничего не понимаютъ. Тутъ удивляться нечему. Но позволительно удивиться тому, что г. Бѣлоруссовъ видитъ въ нихъ носителей интернаціональной идеи.

Г-ну Бѣлоруссову, какъ видно, совсѣмъ неизвѣстно, что за такой интернаціонализмъ, какой проповѣдуютъ теперь циммервальдъ-кинтальцы, просто-напросто удаляли со съѣздовъ второго Интернаціонала: такъ-таки брали «интернаціоналиста» подъ бѣлыя руки и вѣжливенько выводили вонъ. Г. Бѣлоруссовъ, совсѣмъ не знающій исторіи Интернаціонала, не повѣритъ этому; однако, это вѣрно. Интернаціонализмъ циммервальдъ-кинтальцевъ по прямой линіи происходитъ отъ анархо-синдикалиста Домелы Ньевенгайса, выступившаго на Брюссельскомъ Съѣздѣ 1891 г. и Цюрихскомъ — 1893 г. Но послѣ Лондонскаго Конгресса 1896 г. рѣшено было не допускать на международные съѣзды анархистовъ, и когда эти послѣдніе появлялись на нихъ, они были удаляемы.

Такъ обстоитъ дѣло съ тѣмъ мнимымъ интернаціонализмомъ, съ которымъ воюетъ г. Бѣлоруссовъ, желая похоронить истинную идею пролетарскаго Интернаціонала, которая живетъ и будетъ жить, несмотря на ошибки однихъ и недоброжелательство другихъ. Нѣтъ на землѣ такой силы, которая могла бы разбить эту идею.

Какъ же быть?

(«Единство», № 81 отъ 5-го іюля 1917 г.)

Въ нашей революціонной демократіи есть меньшинство, которому присвоено названіе фракціи большевиковъ. Названіе это неправильно, потому что, къ счастью, далеко не всѣ большевики одобряютъ нынѣшнюю тактику указаннаго меньшинства. Оно состоитъ собственно изъ сторонниковъ Ленина. По этой причинѣ ему больше всего приличествуетъ названіе *ленинской* фракціи. Впрочемъ, дѣло не въ названіи: какимъ бы именемъ ни окрестили мы фіалку, она сохранитъ свой прежній запахъ. Сохранитъ свой запахъ и то меньшинство, о которомъ здѣсь идетъ у меня рѣчь, какъ бы мы его ни назвали. Его запахъ весьма своеобразенъ. Когда еще не была, — къ величайшему вреду для русскаго революціоннаго движенія, — разрушена организація Россійской С.-Д. Р. Партіи, сторонники Ленина дѣлались самыми убѣжденными и рѣшительными проповѣдниками дисциплины всякій разъ, когда оказывались въ большинствѣ. Тогда они настойчиво требовали, чтобы меньшинство точно исполняло всѣ рѣшенія, принимавшіяся на нашихъ партійныхъ съѣздахъ. Малѣйшее уклоненіе не только отъ духа, но и отъ буквы этихъ рѣшеній клеймилось ими, какъ анархизмъ. Но, какъ только сами они становились меньшинствомъ, происходила немедленная перемѣна декорацій. Ленинцы переставали уважать волю большинства и вели себя, какъ самые заправскіе анархисты.

Такъ было раньше, когда мы вынуждены были жить въ революціонномъ «подпольѣ», и то же самое происходитъ теперь на глазахъ у всей Россіи.

Хотя сторонники Ленина составляютъ меньшинство въ нашей революціонной демократіи, которая отвергаетъ ихъ тактику, однако это не препятствуетъ имъ твердо держаться своихъ тактическихъ пріемовъ и, время отъ времени, дѣлать попытки пріобрѣтенія господства посредствомъ вооруженныхъ манифестацій.

До сихъ поръ попытки эти оставались безуспѣшными.

Но, во-первыхъ, оставаясь безуспѣшными, онѣ вовсе не проходили безслѣдно. Онѣ внушали ужасъ населенію и тѣмъ

самымъ рождали въ немъ недовѣріе къ революціонному правительству, а, слѣдовательно, и къ революціи. Но что такое *недовѣріе къ революціи*, если не *контръ-революціонное настроеніе?*

Во-вторыхъ, кто поручится намъ за то, что одна изъ вооруженныхъ манифестацій, организуемыхъ ленинцами, не увѣнчается успѣхомъ?

За это никакъ нельзя поручиться по той вполнѣ достаточной причинѣ, что вооруженное меньшинство безъ большого труда можетъ справиться съ невооруженнымъ большинствомъ. По правдѣ сказать, еще неизвѣстно, чѣмъ кончатся волненія, происходящія въ Петроградѣ въ то время, когда я пишу эти строки, и вызванныя, разумѣется, тѣми же ленинцами. Но будемъ надѣяться, что Временное Правительство сумѣетъ совладать съ ними, и спросимъ себя : неужели волненія эти ничему не научатъ нашу революціонную демократію въ лицѣ ея большинства? Казалось бы, что они высоко поучительны. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите и послушайте.

Ленинцы кричатъ : « Вся власть Совѣтамъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Батрацкихъ Депутатовъ! » Но развѣ они считаются съ волей Петроградскаго Совѣта? Нѣтъ, они считаются только со своими собственными рѣшеніями. Развѣ уважаютъ они волю Центральнаго Комитета, выбраннаго Всероссійскимъ Съѣздомъ Совѣтовъ Р. и С. Д.? Нѣтъ, они уважаютъ только свои собственныя центральныя учрежденія и повинуются только лозунгамъ, оттуда исходящимъ.

Большинство революціонной демократіи, въ ихъ глазахъ, представляетъ собою лишь силу, сопротивленіе которой имъ нужно преодолѣть, чтобы придти къ своей цѣли. И они стараются преодолѣть ее рѣшительно всѣми, зависящими отъ нихъ, средствами.

Они дѣлаютъ видъ, что добиваются только устраненія изъ Временнаго Правительства « министровъ-капиталистовъ ». Но участіе « министровъ-капиталистовъ » во Временномъ Правительствѣ вполнѣ согласно съ волей большинства революціонной демократіи. Большинство это убѣждено, что требуемая Ленинымъ диктатура пролетаріата и крестьянства была бы большимъ несчастьемъ для нашей страны, такъ какъ при нынѣшнихъ условіяхъ она породила бы анархію, за которой очень быстро послѣдовала бы контръ-революція.

Значитъ, направляя противъ министровъ-капиталистовъ свои ружья и пулеметы, сторонники Ленина цѣлятъ собственно въ тактику революціоннаго демократическаго большинства. Безъ всякаго сомнѣнія, тактика эта оставила бы по себѣ одно воспоминаніе, если бы ленинцы сумѣли навязать нашей революціонной демократіи отказъ отъ идеи коалиціоннаго правительства.

Ленинцы не отступаютъ передъ междоусобіемъ въ рядахъ революціонной демократіи.

Да что тамъ — « не отступаютъ »! Они прямо вызываютъ его. Какъ же быть?

Перспектива гражданской войны должна приводить въ содраганіе каждаго сознательнаго революціонера нашихъ дней. Гражданская война, значитъ, умножитъ шансы контръ-революціи. Поэтому превосходно дѣлало большинство революціонной демократіи, всѣми силами стараясь предупредить ее.

Этимъ оно исполнило свой долгъ передъ рабочимъ классомъ и передъ всей страной. Но когда вино налито, его надо пить, — говорятъ французы. Когда сторонники Ленина начинаютъ гражданскую войну, демократическое большинство обязано защищать свою позицію и свое правительство. А когда на эту позицію и на это правительство предпринимается вооруженное нападеніе, тогда нельзя довольствоваться добрыми совѣтами по части общественнаго спокойствія и хорошими рѣчами о выгодахъ общественной тишины. Оружіе критики становится безсильнымъ тамъ, гдѣ начинается критика посредствомъ оружія.

Проклятіе тѣмъ, которые начинаютъ гражданскую войну въ эту тяжелую для Россіи годину! И горе тѣмъ, которые не умѣютъ отвѣтить насильникамъ ничѣмъ, кромѣ хорошихъ словъ!

На кого *нападаютъ*, тотъ не можетъ не *защищаться*, если вѣритъ въ правоту своего дѣла.

Двѣ недѣли на размышленіе

(«Единство», № 83 отъ 7-го іюля 1917 г.)

Кризисъ, начавшійся уходомъ изъ министерства представителей Партіи Народной Свободы, не только не кончился, но еще обострился [1]). Только что оставилъ свой постъ министра юстиціи

[1]) Министры, принадлежавшіе къ Партіи Народной Свободы: Мануиловъ,

г. Переверзевъ. Къ чему это приведетъ? Къ чему это должно привести?

Сторонники Ленина говорятъ : это должно привести къ переходу всей власти въ руки С. Р. и С. Д.

Но мы всѣ знаемъ, что за Ленинымъ идетъ лишь *меньшинство* нашей революціонной демократіи. А какъ настроено ея *большинство?*

На этотъ вопросъ отвѣчаетъ резолюція, большинствомъ голосовъ принятая въ объединенномъ засѣданіи Исполнительныхъ Комитетовъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ.

Смыслъ этой резолюціи прежде всего тотъ, что намъ нужно запастись терпѣніемъ. Черезъ двѣ недѣли состоится собраніе Исполнительныхъ Комитетовъ Р. С. и К. Д. съ представительствомъ съ мѣстъ. Оно и скажетъ намъ, каковъ долженъ быть составъ Правительства.

Пока что, мѣста ушедшихъ министровъ будутъ замѣщаться управляющими, которыхъ назначитъ Временное Правительство по соглашенію съ Исполнительными Комитетами Совѣтовъ.

Наконецъ, полнота власти принадлежитъ тому же Правительству, обязанному дѣйствовать въ согласіи съ тѣми же Совѣтами.

Изъ этой резолюціи видно, что товарищи, ее принявшіе, *колебались*, не считая возможнымъ немедленно сказать съ полною увѣренностью, какая именно власть необходима намъ въ настоящее время.

Съ *формальной* стороны колебаніе это необъяснимо, такъ какъ недавно состоявшійся Всероссійскій Съѣздъ Сов. Р. и С. Д. вполнѣ опредѣленно высказался за коалиціонное правительство, въ которомъ участвуютъ *не только* представители рабочихъ, солдатъ и крестьянъ.

Однако, нужно признать, что въ данномъ случаѣ никакъ нельзя было ограничиться разсмотрѣніемъ вопроса съ формальной его стороны.

Уходъ изъ Временнаго Правительства министровъ, принадлежавшихъ къ Партіи Народной Свободы, значительно измѣнилъ положеніе дѣлъ. Онъ явился какъ бы доводомъ въ пользу требова-

---

Некрасовъ, Степановъ, кн. Шаховской и Шингаревъ, покинули 3-го іюля Временное Правительство, разойдясь съ нимъ въ вопросѣ о соглашеніи съ Украинской Радой.

нія, усердно поддерживаемаго сторонниками Ленина : *вся власть въ руки С. Р. и С. Д.* [1]).

Въ томъ то и заключается грѣхъ Партіи Народной Свободы передъ нашей страною, что, отозвавъ изъ коалиціоннаго министерства своихъ представителей, она тѣмъ самымъ увеличила шансы побѣды ленинской тактики надъ тактикой большинства нашей соціалистической демократіи.

Тактика большинства далеко не безупречна. Въ ней много непродуманнаго и непослѣдовательнаго. Я уже не разъ указывалъ читателямъ на ея недостатки и давалъ совершенно правильное, какъ мнѣ кажется, объясненіе этихъ недостатковъ. Я говорилъ, что между ея сторонниками не мало такихъ, которые, сдѣлавъ шагъ *въ направленіи отъ Ленина*, тотчасъ же начинаютъ испытывать болѣе или менѣе угрызенія совѣсти и торопятся шагнуть назадъ, *въ направленіи къ Ленину*. Полуленинство, утверждалъ я, приноситъ нашей революціонной демократіи огромный вредъ. Но изъ двухъ золъ надо выбирать меньшее. Въ послѣднемъ счетѣ, *тактика полуленинцевъ*, несмотря на всѣ свои совершенно неоспоримые недостатки, все-таки лучше *тактики Ленина*. Главное преимущество ея передъ этой послѣдней заключается въ томъ, что она *постепенно, хотя и очень медленно, улучшается*, благодаря тому, что ея сторонники кое-чему научаются самимъ ходомъ жизни, между тѣмъ какъ ленинцы, послѣдовательно развивая основныя положенія своей тактики, все съ большимъ и большимъ усердіемъ *ведутъ ее къ нелѣпости, разрушительной, дикой и кровавой*.

Если кадеты не держатся правила : чѣмъ хуже, тѣмъ лучше, — а они, насколько я знаю, до сихъ поръ его не держались, — то они сами вынуждены будутъ сознаться, что сдѣлали большую ошибку, облегчивъ ленинцамъ ихъ работу.

Но какъ бы тамъ ни было, фактъ на лицо : уходъ изъ коалиціоннаго министерства представителей Партіи Народной Свободы облегчаетъ распространеніе въ средѣ нашей революціонной демократіи мысли о томъ, что полнота власти должна принадлежать Совѣтамъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ.

Съ этимъ фактомъ необходимо считаться. Чѣмъ легче становится распространеніе указанной мысли, тѣмъ внимательнѣе

---

[1]) Очевидно, сторонники Ленина выражаются такъ единственно для краткости и отнюдь не будутъ возставать противъ допущенія къ власти *депутатовъ отъ крестьянства*. *Г. П.*

должны мы вдуматься въ тѣ опасности, которыми угрожаетъ ея торжество на практикѣ.

Ея торжество было бы равносильно побѣдѣ ленинцевъ. Этого, надѣюсь, никто не захочетъ оспаривать. Но побѣда ленинцевъ, въ свою очередь, не замедлила бы принести намъ экономическое банкротство *внутри* и самое жестокое пораженіе на всѣхъ *театрахъ военныхъ дѣйствій*. Этого было бы совершенно достаточно для того, чтобы надолго уронить соціалистическія партіи въ глазахъ населенія, другими словами, — надолго обезпечить торжество контръ-революціи, поддержать и упрочить которую, разумѣется, не отказались бы весьма услужливые по этой части императоры центральныхъ державъ. Революціонная демократія совершила бы самоубійство; она причинила бы всей Россіи неисчислимыя бѣдствія, если бы необдуманно взяла на себя невыполнимую обязанность своими собственными силами, безъ поддержки другихъ элементовъ, враждебныхъ царизму, поправить и наладить все то, что непремѣнно нужно поправить и наладить, но что въ конецъ испорчено было старымъ порядкомъ.

Это должны знать и помнить тѣ наши товарищи, которые, волею революціоннаго большинства, будутъ черезъ двѣ недѣли рѣшать вопросъ о составѣ нашего Временнаго Правительства.

Революція живетъ

(«Единство», № 84 отъ 8-го іюля 1917 г.)

Подъ такимъ заглавіемъ появилась въ « Извѣстіяхъ Петроградскаго Совѣта Р. и С. Д. » (№11) передовая статья, опредѣляющая задачи нашей демократіи въ борьбѣ за революцію. Авторъ ея говоритъ, что не далѣе, какъ два дня тому назадъ, сторонники революціи имѣли основаніе сильно безпокоиться за ея дальнѣйшую судьбу.

« Казалось, — читаемъ мы въ названной статьѣ, — уже приблизился страшный, роковой часъ, когда русская революція, такая побѣдная, такая мощная, вотъ-вотъ захлестнется мутными волнами анархіи, и надъ ея развалинами будетъ злорадно справлять свою кровавую тризну притаившаяся реакція ».

Это справедливо. День 4 іюля былъ именно тѣмъ днемъ, когда можно было спросить себя : не восторжествуетъ ли анархія, прокладывающая прямой и вѣрный путь для реакціи? Этотъ страшный день миновалъ. Революція восторжествовала надъ анархіей. Она живетъ. И теперь на обязанности нашей демократіи лежитъ принятіе такихъ мѣръ, благодаря которымъ жизнь революціи уже не подвергалась бы новой опасности.

Авторъ передовой статьи « Извѣстій » вѣрно говоритъ :

« Долгъ каждаго честнаго революціонера сдѣлать все, чтобы не допустить повторенія кровавыхъ событій 3 и 4 іюля, возобновленія гражданской войны ».

Но какъ же предупредить ея продолженіе?

По этому поводу нашъ авторъ прежде всего замѣчаетъ, что полномочное большинство демократіи не должно прибѣгать къ « средствамъ насилія надъ своими идейными противниками ». Это опять какъ нельзя болѣе вѣрно. Плоха была бы наша революціонная демократія, если-бъ она вздумала вести *идейную* борьбу средствами насилія. Однако, эта какъ нельзя болѣе правильная мысль не имѣетъ никакого отношенія къ предмету, затронутому въ статьѣ « Революція живетъ ». Развѣ тѣ люди, только что прекращенное выступленіе которыхъ грозило, — по собственнымъ словамъ автора, — потопить революцію въ мутныхъ волнахъ анархіи, вели *идейную* борьбу съ революціоннымъ большинствомъ нашей демократіи? Развѣ ихъ ружья, пулеметы и бронированные автомобили играли чуждую всякой примѣси насилія роль логическихъ доводовъ, приводимыхъ въ теоретическихъ спорахъ? Нѣтъ! Конечно, оружіе представляетъ собою весьма убѣдительный доводъ. Но когда люди прибѣгаютъ къ этому доводу, они отъ *идейной* борьбы переходятъ къ такому спору, исходъ котораго рѣшается только *силой*. И когда нашъ противникъ начинаетъ *такой* споръ, мы должны выбрать одно изъ двухъ : или какъ можно скорѣе покориться ему, или какъ можно рѣшительнѣе *противопоставить силѣ силу*.

Я думаю, что съ этимъ согласенъ и авторъ заинтересовавшей меня статьи. Вѣдь, самъ же онъ, замѣтивъ, что революціонное большинство должно точно и неуклонно держаться внутренней и внѣшней политики, принципы которой намѣчены были Всероссійскимъ Съѣздомъ Совѣтовъ, прибавляетъ :

« И если именно для проведенія въ жизнь этой политики

потребуется примѣнить не только слово убѣжденія, но и реальную силу, то органы революціонной демократіи пойдутъ и на это, ибо въ этомъ будетъ спасеніе революціи ».

Очень хорошо. Торжество революціи — высшій законъ. Но нашему автору какъ будто кажется, что слово убѣжденія, идущее со стороны революціоннаго большинства, еще не утратило своего вліянія на сторонниковъ Ленина, и что еще не пришла пора для противопоставленія « реальной силы » тѣмъ насиліямъ, которыя они такъ безцеремонно себѣ позволяютъ. Если онъ въ самомъ дѣлѣ думаетъ такъ, то находится въ величайшемъ заблужденіи Событія 3 и 4 іюля ясно показали даже неопытнымъ и близорукимъ, что ленинцы не уступаютъ ничему, кромѣ « реальной силы », и что они прекратятъ свои « мирныя и организованныя выступленія », грозящія потопить революцію въ мутныхъ волнахъ анархіи, лишь тогда, когда увидятъ, что революціонное большинство опирается на такую силу и не боится употребить ее въ дѣло. Пока у нихъ будетъ основаніе расчитывать на нерѣшительность полномочныхъ органовъ демократіи, до тѣхъ поръ они не перестанутъ пренебрегать ими и покушаться на ихъ сверженіе.

Изъ ихъ собственныхъ заявленій ясно видно, что они вовсе не намѣрены покинуть тотъ путь, выступить на который они пытались еще 10 іюня. « Демонстрація закончилась, — читаемъ мы въ листкѣ « Правда » отъ 6 іюля, — начинаются снова дни упорной агитаціи, просвѣщенія отсталыхъ массъ, привлеченія на нашу сторону провинціи ». Это весьма выразительно. Когда сторонники Ленина « просвѣтятъ » новые слои рабочаго населенія и когда они обезпечатъ себѣ извѣстную поддержку въ провинціи, они опять выйдутъ на улицу съ ружьями, пулеметами и бронированными автомобилями. Возможно, что « дни агитаціи » позволятъ имъ запастись также нѣсколькими артиллерійскими орудіями. И тогда опять начнется въ значительно увеличенныхъ размѣрахъ кровавая сумятица, и опять мутныя волны анархіи начнутъ, съ новой силой, « захлестывать » русскую революцію. Наше демократическое большинство не можетъ предупредить эту опасность иначе, какъ принявъ и во всеуслышаніе выразивъ непоколебимое намѣреніе бороться съ анархіей всѣми безъ исключенія средствами, какія только находятся въ его распоряженіи. Средства эти очень велики, по крайней мѣрѣ, *въ возможности*. Чтобы они стали очень велики *въ дѣйствительности*, нашему демократическому большин-

ству нужно сознать, что *революція* не можетъ входить ни въ какія сдѣлки съ *анархіей*, что у нея не можетъ быть съ нею ни прочнаго мира, ни краткаго перемирія, и,—это разумѣется самое главное,—*поступать сообразно съ такимъ сознаніемъ*.

Если революція не сумѣетъ справиться съ анархіей, починъ борьбы съ этой послѣдней возьмутъ на себя консервативные и реакціонные элементы населенія. Страна поддержитъ ихъ, такъ какъ она не можетъ существовать въ условіяхъ анархической смуты. Но тогда уже мы лишимся права говорить : « *революція эсиветъ* ». Мы вынуждены будемъ признать, что *она умираетъ*.

Нашъ авторъ находитъ, что для утвержденія революціоннаго порядка нужнѣе всего « энергичныя мѣры, устраняющія объективную почву для возможности гражданской войны ».

Совсѣмъ неясно, что понимаетъ онъ подъ такими мѣрами. Въ объективномъ смыслѣ успѣхъ ленинской пропаганды и агитаціи обуславливается прежде всего нашей экономической отсталостью, замедляющей развитіе политическаго сознанія трудящейся массы. Само собою понятно, что нужны энергичныя мѣры для устраненія экономической отсталости.

Но дѣйствіе такихъ мѣръ можетъ быть разсчитано лишь на болѣе или менѣе продолжительное время. Никакъ нельзя ожидать, чтобъ онѣ предупредили анархическія выступленія, которыя грозятъ повториться въ самомъ близкомъ будущемъ.

Противъ этихъ выступленій необходимо принимать быстрыя и энергичныя мѣры. Самой дѣйствительной изъ всѣхъ возможныхъ тутъ мѣръ является, пока что, борьба съ ними организованной *силою революціонной демократіи*.

P. S. Статья эта была написана, когда до моего свѣдѣнія дошло, что насъ постигло большое несчастье, — можетъ быть, цѣлая катастрофа, — на западномъ фронтѣ. Подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ этого извѣстія мнѣ сами собою пришли на память прекрасныя слова А. Ф. Керенскаго :

« Проклятье тѣмъ, которые пролили на улицахъ столицы невинную кровь. Проклятье измѣнникамъ и предателямъ, оставившимъ безъ помощи своихъ братьевъ, истекающихъ кровью на фронтѣ.

« Пусть будутъ прокляты тѣ, кто въ дни тяжкихъ испытаній предаютъ родину ».

Новое министерство

(«Единство», № 85 отъ 9-го іюля 1917 г.)

Новое министерство возникло при звукахъ перестрѣлки на улицахъ Петрограда и подъ крайне тяжелымъ впечатлѣніемъ, вызваннымъ нашими неудачами на западномъ фронтѣ [1]). Во главѣ его стоитъ А. Ф. Керенскій, котораго, не помню ужъ какая газета, нѣсколько романтически назвала « любовью русской революціи ». Одновременно съ извѣстіемъ о назначеніи А. Ф. Керенскаго на постъ перваго министра въ печати появилась слѣдующая радіотелеграмма его :

« Съ несомнѣнностью выяснилось, что безпорядки въ Петроградѣ были организованы при участіи германскихъ правительственныхъ агентовъ. Въ настоящее время безпорядки совершенно прекращены. Руководители и лица, запятнавшіе себя братскою кровью и преступленіемъ противъ родины и революціи, — арестовываются. Также произведены аресты среди чиновъ флота, нарушившихъ гражданскій и воинскій долгъ. Призываю всѣхъ истинныхъ сыновъ демократіи сплотиться вокругъ Временнаго Правительства и всероссійскихъ органовъ демократіи для спасенія родины и революціи отъ внѣшняго врага и его внутреннихъ союзниковъ»

Этой радіотелеграммой опредѣляется, — или, по крайней мѣрѣ, должна была опредѣлиться, — программа новаго, руководимаго А. Ф. Керенскимъ, министерства. Если его глава не сомнѣвается въ томъ, что безпорядки, оросившіе кровью улицы Петрограда, организованы были при участіи германскихъ правительственныхъ агентовъ, то ясно, что оно не можетъ отнестись къ нимъ такъ, какъ должно было бы отнестись, если бы видѣло въ нихъ только печальный плодъ тактическихъ заблужденій меньшинства нашей революціонной демократіи. Безпорядки на улицахъ столицы русскаго государства, очевидно, были составною частью плана, выработаннаго внѣшнимъ врагомъ Россіи въ цѣляхъ ея разгрома. Энергичное подавленіе этихъ безпорядковъ должно поэтому съ

3) Новое министерство, о которомъ говоритъ здѣсь Г. В. Плехановъ, образовалось подъ предсѣдательствомъ Керенскаго; въ составъ кабинета вошли, ко времени написанія этой статьи, Церетели, Прокоповичъ и Некрасовъ.

своей стороны явиться составною частью плана русской національной самозащиты. Всякая слабость или перѣшительность въ отношеніи къ нимъ явилась бы не малой услугой Вильгельму II. Само собою разумѣется, что служить ему наше правительство не имѣетъ никакого права. Да какъ видно, у него и нѣтъ на это ни малѣйшаго желанія. Оно арестовываетъ руководителей безпорядковъ и «лицъ, запятнавшихъ себя братской кровью». Дѣйствія тѣхъ, которые организовали безпорядки съ вѣдома и съ помощью германскаго правительства, а также, конечно, и съ благословенія германскаго главнаго штаба, названы въ радіотелеграммѣ А. Ф. Керенскаго «*преступленіемъ противъ родины и революціи*». Это какъ нельзя болѣе правильно. Ослаблять дѣло русской національной самозащиты именно значитъ совершать смертный грѣхъ противъ русской революціи и даже противъ всемірной демократіи. Много промаховъ проститъ страна новому нашему министерству, если оно будетъ неизмѣнно руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ сознаніемъ этой истины!

А. Ф. Керенскій призываетъ всѣхъ настоящихъ демократовъ сплотиться вокругъ Временнаго Правительства и всероссійскихъ демократическихъ органовъ для спасенія родины и революціи отъ внѣшняго врага и его внутреннихъ союзниковъ. Лучше и выразиться невозможно. Кто мѣшаетъ дѣлу спасенія родины, тотъ безъ малѣйшаго сомнѣнія является союзникомъ внѣшняго врага, торжество котораго было бы гибелью революціи. И, конечно, мѣткія слова А. Ф. Керенскаго радостно отзовутся въ сердцахъ всѣхъ истинныхъ демократовъ.

Древніе римляне утверждали, что времена мѣняются. Они не ошибались. Совсѣмъ еще недалеко отъ насъ то время, когда людей, говорившихъ о защитѣ родины, мнимые революціонеры старались уронить въ глазахъ рабочаго класса, называя ихъ «соціалъ-патріотами». А теперь глава Временнаго Правительства, въ которомъ участвуютъ граждане, когда-то ставившіе намъ въ вину нашъ «соціалъ-патріотизмъ», говоритъ языкомъ революціоннаго патріотизма и старается разъяснить своимъ подчиненнымъ, что дѣло военной защиты нашей родины является въ то же время дѣломъ нашей революціи. Немного прожито, а много пережито. Объективная логика жизни беретъ свое. Старикъ Вольтеръ, должно быть, расчитывалъ на эту логику, когда говорилъ: разумъ всегда кончаетъ тѣмъ, что обнаруживаетъ свою правоту.

Но какъ бы тамъ ни было, одно не подлежитъ сомнѣнію: новое правительство, появившееся на свѣтъ подъ знакомъ спасенія родины и революціи отъ внѣшняго врага и его внутреннихъ союзниковъ, можетъ и должно расчитывать на дѣятельную и самоотверженную поддержку всѣхъ тѣхъ, пониманію которыхъ доступны интересы всемірной демократіи вообще и русской демократіи въ частности. Преступленіемъ передъ революціей было бы не только возставать противъ него, но и воздвигать передъ нимъ хотя бы самомалѣйшія препятствія, поскольку оно станетъ дѣйствовать подъ тѣмъ самымъ знакомъ, подъ какимъ оно возникло.

Я позволю себѣ только одно замѣчаніе. А. Ф. Керенскій уже оказалъ Россіи много весьма существенныхъ услугъ. Но когда я присматривался къ его плодотворной дѣятельности, мнѣ казалось порою, что онъ слишкомъ вѣритъ въ силу слова. Мнѣ хотѣлось бы думать, что я ошибался и что нынѣшній глава нашего министерства хорошо знаетъ, гдѣ прекращается власть слова. *Она прекращается тамъ, гдѣ оружіе критики уступаетъ свое мѣсто критикѣ посредствомъ оружія.* Революціонная власть есть власть революціи. Ея торжество — высшій законъ. Революція должна рѣшительно, немедленно и безпощадно давить все то, что загораживаетъ ей дорогу. Она оказалась бы мертворожденной, она была бы очень скоро побѣждена контръ-революціей, если бы не смогла справиться съ нашей *германофильской* анархіей.

Совершилось

(«Единство», № 86 отъ 11-го іюля 1917 г.)

То, чего мы боялись, то, что мы предсказывали, — отъ души желая оказаться лже-пророками, — совершилось. Армія, развращенная неустанной пропагандой дикихъ понятій о войнѣ и о дисциплинѣ, оказалась, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, утратившей свою боеспособность. Солдаты бросаютъ ружья и бѣгутъ, порою даже раньше, чѣмъ на нихъ нападаетъ непріятель. На такихъ защитниковъ расчитывать невозможно. Россія, такъ недавно освободившаяся отъ царскаго гнета, подвергается страшной опасности утратить свою свободу. Торжество

Вильгельма II было бы равносильно гибели русской революціи. Оно принесло бы намъ болѣе или менѣе,—и скорѣе болѣе, нежели менѣе, — полное возстановленіе стараго порядка. Въ виду такой опасности должны прекратиться всѣ раздоры, кромѣ одного : раздора съ тѣми, которые подготовили наше пораженіе; при ея приближеніи должны смолкнуть всѣ страсти, кромѣ одной : страстной любви къ свободѣ. Революціонная Россія должна встать во весь ростъ, чтобы могучимъ усиліемъ воли отразить вражеское нападеніе.

Говорятъ о диктатурѣ Временнаго Правительства; толкуютъ о томъ, чтобы присвоить ему названіе, заимствованное изъ Великой Французской Революціи. Но дѣло не въ названіи. А что касается диктатуры, то мы не признаемъ никакой другой, кромѣ революціонной диктатуры организованнаго народа. Эта диктатура должна быть выше всего и сильнѣе всѣхъ.

Правительство, какъ бы мы его не назвали, должно быть правительствомъ народной самообороны. Правительство народной самообороны должно имѣть подъ собою прочную и широкую основу. Чтобъ сообщить ему такую основу, непремѣнно нужно призвать къ участію въ немъ представителей всѣхъ тѣхъ партій, которыя не заинтересованы въ возстановленіи стараго режима. Превратить правительство въ правительство рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ, значитъ осуществить завѣтъ того самаго Ленина, дѣятельности котораго мы обязаны нашимъ пораженіемъ и, сузивъ соціальный фундаментъ нашей самообороны, значительно уменьшить шансы ея успѣха.

Пора положить конецъ существованію министерствъ безъ министровъ и министровъ безъ министерствъ! Пора составить правительство коалиціонное по своей природѣ, а не только по имени. Горе тѣмъ, которые такъ или иначе помѣшаютъ его возникновенію. Страна никогда не проститъ имъ ихъ ошибки, чѣмъ бы ни была она вызвана : злой волей, малодушіемъ, предательствомъ или, наконецъ, безпросвѣтнымъ доктринерствомъ.

Историческая справка

(«Единство», № 86 отъ 11-го іюля 1917 г.)

Наша печать давно уже недолюбливаетъ г. Ленина. А съ тѣхъ поръ, какъ его «интернаціонализмъ» проявился во всей своей, по истинѣ, обольстительной красотѣ, автору пресловутыхъ «*тезисовъ*», можно сказать, проходу нѣтъ въ нашей печати. Мнѣ, разумѣется, и въ голову не приходитъ защищать его: слишкомъ много жестокаго, быть можетъ, совершенно непоправимаго вреда принесъ этотъ человѣкъ Россіи. Но я скажу, что, *осуждая* Ленина, его далеко не всегда хорошо *понимаютъ*. Даже тѣ наши періодическія изданія, которыя, кажется, должны хорошо разбираться въ разныхъ оттѣнкахъ соціалистической мысли, нерѣдко дѣлаютъ объ его взглядахъ совсѣмъ неосновательные отзывы. За примѣромъ ходить не далеко.

Въ органѣ народно-соціалистической партіи («Народное Слово», отъ 5 іюля) гражданинъ Александръ Сигаль старался объяснить «почти патологическое стремленіе большевиковъ къ захвату власти» вреднымъ вліяніемъ на нихъ соціалъ-демократическаго ученія о диктатурѣ пролетаріата. Этому понятію онъ противопоставилъ ученіе о народовластіи, утверждая, что соціалистическій строй не можетъ возникнуть и существовать помимо воли на то большинства.

По этому поводу необходимо прежде всего замѣтить, что не всѣ большевики одобряютъ нынѣшнюю дѣятельность Ленина. Нѣкоторые изъ нихъ упорно борются съ нимъ. Это мало извѣстно читающей публикѣ, но это въ самомъ дѣлѣ такъ, и несправедливо было бы забывать объ этомъ.

Но главное — въ томъ, что, согласно соціалъ-демократическому ученію, диктатура пролетаріата станетъ возможной и желательной лишь тогда, когда наемные рабочіе будутъ составлять *большинство* населенія. Отсюда слѣдуетъ, что сдѣланное гражданиномъ А. Сигалемъ противопоставленіе понятія о народовластіи понятію о диктатурѣ пролетаріата не выдерживаетъ критики.

Вообще, всякій, кто старается объяснить поведеніе ленинцевъ тѣми или другими особенностями соціалъ-демократическаго ученія, очень сильно рискуетъ сдѣлать теоретическую ошибку.

Въ соціалъ-демократическомъ ученіи, — я говорю : *въ ученіи*, — самое большое и самое почетное мѣсто до сихъ поръ принадлежитъ взглядамъ Маркса и Энгельса. А что же общаго съ этими взглядами имѣетъ тактика Ленина? Ничего, ровно ничего! Ленинъ происходитъ отчасти отъ Бланки и состоитъ, кромѣ того, въ болѣе или менѣе близкомъ родствѣ съ Бакунинымъ.

Вспомните, какъ настойчиво обвинялъ Бакунинъ Маркса въ патріотизмѣ, ставя его, въ этомъ отношеніи, почти на одну доску съ Бисмаркомъ. Вспомните также, какъ рѣзко осуждалъ онъ мнимое желаніе Маркса пріобрѣсти почитателей среди буржуазіи и толкнуть «пролетаріатъ на сдѣлки съ буржуазными радикалами» [1]).

А теперь сопоставьте эти упреки, посылавшіеся Бакунинымъ по адресу Маркса, съ тѣми обвиненіями, которыя не перестаетъ посылать Ленинъ по адресу нѣкоторыхъ нынѣшнихъ нашихъ послѣдователей автора «Капитала» за ихъ «соціалъ-патріотизмъ», и съ тѣми проклятьями, которымъ не перестаетъ онъ предавать тѣхъ же послѣдователей за ихъ мнимое пристрастіе къ партіи народной свободы. Сдѣлавъ такое сопоставленіе, вы непремѣнно должны будете согласиться, что, если бы знаменитый основатель научнаго соціализма вышелъ изъ гроба и, оставаясь неузнаннымъ, началъ проповѣдывать свои тактическіе взгляды, то Ленинъ сейчасъ же предалъ бы его анаѳемѣ и отнесъ бы къ числу сторонниковъ «Единства», т. е., къ «буржуямъ», ибо сторонникъ «Единства» и буржуй — одно и тоже : это, какъ дважды два четыре, доказано «Правдой». Какъ хорошо, что бѣдный Марксъ умеръ, не доживъ до такого позора!

Съ другой стороны, не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что, если бы Ленину пришлось дѣйствовать при жизни Маркса, то этотъ послѣдній ни въ какомъ случаѣ не призналъ бы его своимъ ученикомъ въ области тактики. Онъ безъ колебаній объявилъ бы его бланкистомъ. Что это въ самомъ дѣлѣ такъ, покажетъ слѣдующая характеристика Бланки, сдѣланная другомъ и неизмѣннымъ единомышленникомъ Маркса, Энгельсомъ.

Помнится, я уже дважды доводилъ эту блестящую характеристику до свѣдѣнія русскихъ читателей. Но такъ какъ это уже

[1]) «Государственность и Анархія. — Борьба двухъ партій въ Интернаціональномъ Обществѣ Рабочихъ». — Полное собраніе сочиненій Бакунина, изданіе И. Балашева, стр. 132-133 и 222. *Г. П.*

давно[1]), и такъ какъ, занимаясь дѣломъ публициста, нельзя избѣжать повтореній, то я опять приведу ее полностью въ нынѣшней моей статьѣ.

«Въ своей политической дѣятельности, — писалъ Энгельсъ о Бланки, — онъ былъ, въ сущности, « человѣкомъ дѣла », человѣкомъ вѣры въ то, что небольшое, хорошо организованное меньшинство, старающееся вызвать возстаніе въ благопріятную минуту, можетъ своими первыми успѣхами увлечь за собой народную массу и такимъ путемъ совершить революцію... Изъ того, что Бланки смотрѣлъ на всякую революцію, какъ на дѣло маленькаго революціоннаго меньшинства, сама собой слѣдуетъ, въ случаѣ успѣха, необходимость диктатуры, разумѣется, диктатуры не всего революціоннаго класса, пролетаріата, но небольшого числа тѣхъ, которые начали возстаніе и уже заранѣе организовались подъ диктаторской властью одного или немногихъ ».

Гражданинъ Александръ Сигаль видитъ теперь, что «почти патологическое стремленіе большевиковъ къ захвату власти » вовсе не находится въ причинной связи съ тѣмъ понятіемъ о диктатурѣ пролетаріата, котораго держатся марксисты. Эта диктатура есть именно диктатура всего революціоннаго класса, сдѣлавшагося большинствомъ. И она не имѣетъ ничего общаго съ тою, къ которой стремятся ленинцы. *Ленинскій* захватъ власти принадлежитъ къ числу тактическихъ пріемовъ « добраго стараго времени », предшествовавшаго возникновенію научнаго соціализма.

Считая, что захватъ власти можетъ и долженъ быть дѣломъ небольшого числа революціонныхъ удальцовъ, которымъ предстоитъ увлечь за собой пока еще безсознательную народную массу, Ленинъ издавна стремился стать диктаторомъ въ средѣ подобныхъ удальцовъ. Всѣмъ, знакомымъ съ исторіей нашей соціалъ-демократіи, извѣстно, что расколъ, начавшійся въ ней въ 1903 г., поддерживался и упрочивался желаніемъ Ленина пріобрѣсти въ партіи,— поневолѣ бывшей тайнымъ обществомъ, — диктаторскую власть. Власть эту онъ называлъ *дирижерской палочкой*. Партійная организація, какъ она ему представлялась, напоминаетъ картину, изображенную Алексѣемъ Толстымъ въ « Балладѣ о мандаринѣ »:

[1]) Послѣдній разъ я говорилъ о ней въ 1906 г. въ статьѣ «Гдѣ же правая сторона и гдѣ ортодоксія?», которая выйдетъ на-дняхъ новымъ изданіемъ. *Г. П.*

« Сидитъ подъ балдахиномъ,
Китаецъ Дцу-Кінь-Дзинь
И молвитъ мандаринамъ :
— Я главный мандаринъ »!

Въ другомъ мѣстѣ Энгельсъ говоритъ о бланкистахъ, какъ о людяхъ, стремившихся « къ тому, чтобы опередить революціонный процессъ развитія, вызвать въ немъ искусственный кризисъ, сдѣлать революцію въ такое время, когда еще не было на лицо необходимыхъ для нея условій... Они были алхимиками революціи и отличались такой же путаницей понятій и такой же ограниченностью взглядовъ, какіе были свойственны алхимикамъ стараго времени ».

Вотъ такими алхимиками революціи нужно признать и нашихъ ленинцевъ. Они хотятъ искусственно ускорить историческій процессъ, сдѣлать въ Россіи соціалистическую революцію въ такое время, когда еще нѣтъ необходимыхъ для нея условій. Ихъ выступленія очень дорого обошлись Россіи. Поэтому необходимо какъ можно скорѣе отмежеваться отъ нихъ. И когда они говорятъ : « Не душите своихъ друзей, давайте совмѣстно работать »[1]), революціонное демократическое большинство должно рѣшительно отвѣтить имъ : работать вмѣстѣ съ вами можно только на гибель русскаго государства и русской революціи.

Но если тактика Ленина по прямой линіи происходитъ отъ тактики Бланки, то она существенно отличается отъ нея вотъ въ какихъ отношеніяхъ.

Бланки вовсе не имѣлъ того равнодушія къ судьбамъ своей страны, которое такъ свойственно Ленину. Когда нѣмецкія войска наступали на революціонную Францію, онъ издавалъ газету « Отечество въ опасности! » Онъ понималъ, что чѣмъ болѣе сильное пораженіе будетъ нанесено Франціи, тѣмъ больше шансовъ на успѣхъ будетъ имѣть французская реакція. Ленинъ органически не способенъ понять, что пораженіе Россіи будетъ пораженіемъ русской свободы.

Это не все. Несмотря на отсталость своихъ тактическихъ пріемовъ, Бланки никогда не былъ демагогомъ. Ленинъ дема-

[1]) Слова ленинца Ногина, произнесенныя 9 іюля въ Таврическомъ дворцѣ на соединенномъ засѣданіи Всероссійскаго Комитета Совѣтовъ Р. и С. Д. и Исполнительнаго Комитета Всерос. Совѣта Кр. Депутатовъ.

гогъ до конца ногтей. И тутъ онъ ближе къ Бакунину, нежели къ Бланки.

Въ тактикѣ Бакунина была порядочная примѣсь демагогіи. На послѣдней страницѣ своей « Государственности и анархіи » онъ говоритъ, между прочимъ, что нужна « организація разнузданной чернорабочей черни ». Въ другомъ мѣстѣ той же книги рѣчь идетъ у него о «дикомъ, голодномъ пролетаріатѣ », какъ о носителѣ соціалистической идеи. Это, конечно, демагогія. Но то, что было зародышемъ у Бакунина, принесло роскошный плодъ у Ленина. Ленинъ — несравненный мастеръ по части собиранія подъ свое знамя « разнузданной чернорабочей черни »; онъ всѣ свои псевдо-революціонные планы строитъ на неразвитости « дикаго, голоднаго пролетаріата».

Наконецъ, онъ, волею или неволею, сознательно или безсознательно, служитъ германскому имперіализму. Въ этомъ нельзя было упрекнуть ни Бакунина, ни, — всего меньше, — Бланки. Здѣсь Ленину пришлось бы родными счесться кое съ кѣмъ другимъ. Но объ этомъ — когда нибудь послѣ, такъ какъ это выходитъ за предѣлы нынѣшней моей исторической справки.

Партія, или только фракція?

(«Единство», № 88 отъ 13-го іюля 1917 г.)

Въ своемъ « Дневникѣ публициста » (« День » отъ 12 іюля) А. Н. Потресовъ, отвѣчая т. Вайнеру, пишетъ на тему, — проклятую тему, какъ выражается онъ, — нашего партійнаго с.-д. развитія. Но подъ партіей онъ понимаетъ не *партію* въ настоящемъ смыслѣ этого слова, а только одну изъ нашихъ фракцій, именно — фракцію такъ называемыхъ *меньшевиковъ*. А между тѣмъ, это далеко не одно и то же.

Само собою разумѣется, что во всякой хорошо организованной партіи на расколы всегда смотрѣли и будутъ смотрѣть, какъ на преступленіе. Расколы гибельны. Ихъ необходимо избѣгать. Таково общее правило. Но нѣтъ правила безъ исключеній. Партійное единство не можетъ быть самоцѣлью, оно въ высшей степени полезно, когда способствуетъ распространенію и воплощенію въ

жизнь извѣстныхъ принциповъ. А когда оно начинаетъ *препятствовать* ихъ воплощенію и распространенію, тогда оно становится въ высшей степени вреднымъ. Не человѣкъ для субботы, а суббота для человѣка. Гаазе позабылъ объ этомъ въ роковой день 4 августа 1914 года. И на его, до тѣхъ поръ безупречномъ, имени навсегда останется пятно, котораго не выведутъ даже и самые ученые химики Германской Имперіи.

Не человѣкъ для субботы, а суббота для человѣка. Если объ этомъ не мѣшаетъ вспомнить, говоря о *партіи*, то тѣмъ болѣе нужно имѣть это въ виду, заводя рѣчь о *фракціяхъ*. Онѣ еще менѣе, чѣмъ партія, могутъ быть разсматриваемы, какъ самоцѣль. Какъ организаціи, распространяющія свою власть на коренныя убѣжденія своихъ членовъ, собственно говоря, онѣ даже не должны быть организаціями. Когда онѣ становятся таковыми, можно быть увѣреннымъ, что съ партіей обстоитъ неблагополучно. При нормальномъ положеніи партійныхъ дѣлъ, фракція есть не что иное, какъ свободная группа товарищей, сблизившихся между собою благодаря сходству своихъ воззрѣній на жгучіе вопросы минуты. Такая группа существуетъ въ *предѣлахъ партійной организаціи*. И ей противостоятъ, въ *тѣхъ же предѣлахъ*, другія группы, другія фракціи. Если, переходя изъ одной партіи въ другую, серьезный человѣкъ почти всегда переживаетъ извѣстную нравственную ломку, то переходъ изъ одной фракціи *данной партіи* въ другую долженъ совершаться естественно и свободно, въ зависимости отъ смѣны очередныхъ вопросовъ общественной или партійной жизни. Въ германской с.-д. партіи война естественно и свободно объединила въ одну фракцію такихъ людей, которые прежде стояли очень далеко одинъ отъ другого. Примѣръ: Каутскій и Бернштейнъ.

Меньшевики не составляютъ партіи. Они — только *фракція*. Это до такой степени вѣрно, что ихъ главный комитетъ называется *не центральнымъ, а организаціоннымъ*, т. е., такимъ, который обязанъ содѣйствовать созданію будущей партіи. Именно въ качествѣ такового, онъ и присутствовалъ въ лицѣ своихъ представителей на Объединенной Конференціи, имѣвшей мѣсто въ Брюсселѣ, за двѣ недѣли до начала нынѣшняго международнаго столкновенія, подъ предсѣдательствомъ Вандервельде и съ участіемъ Каутскаго. На той же конференціи я представлялъ заграничную организацію большевиковъ и меньшевиковъ-партійцевъ и петроградскую, —

тогда еще петербургскую, — группу « Единство ». За исключеніемъ ленинцевъ, всѣ мы, участники Конференціи, признали необходимымъ возстановленіе Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи и всѣ мы подписали манифестъ, написанный въ этомъ смыслѣ. Окончательное и формальное возстановленіе нашей партіи отстрочено было, по разнымъ соображеніямъ, до Международнаго Соціалистическаго Съѣзда, который долженъ былъ состояться черезъ три недѣли въ Вѣнѣ. Война помѣшала созыву съѣзда, но она ни коимъ образомъ не поставила меня и моихъ ближайшихъ товарищей за *тѣ предѣлы будущей нашей партіи*, которые начертаны были Брюссельской Конференціей. Если Организаціонный Комитетъ дѣлаетъ теперь видъ, что забываетъ объ этомъ, то единственно потому, что для него, какъ и для всѣхъ сторонниковъ циммервальдъ-кинтальскихъ резолюцій, ненавистенъ нашъ взглядъ на войну. Если, — какъ я достовѣрно знаю это, — онъ употребилъ всѣ старанія для того, чтобы закрыть нашимъ представителямъ доступъ въ Исполнительный Комитетъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, то и это, — а еще болѣе то, что ему удалось исполнить свое намѣреніе, — опять не болѣе, какъ *плодъ циммервальдъ-кинтальскаго изувѣрства*.

Но А. Н. Потресовъ такимъ изувѣрствомъ не зараженъ, мы всѣ знаемъ это. Зачѣмъ же изображаетъ онъ, *какъ разрывъ съ соціалъ-демократической партіей*, сближеніе съ нами, — *виртуальными ея членами*, — тѣхъ меньшевиковъ, которые раздѣляютъ нашъ взглядъ на вопросъ о войнѣ и на другіе важные тактическіе вопросы? Въ *организаціонномъ* отношеніи тутъ не можетъ быть и рѣчи о разрывѣ съ партіей. А что касается *идейнаго* разрыва, то я позволю себѣ напомнить А. Н. Потресову, что его «*партія*» (на самомъ дѣлѣ *фракція*) до сихъ поръ называетъ своею ту *программу*, которая написана была мною, — *конечно, для партіи, а не для какой-нибудь изъ ея фракцій*, — и только чуть-чуть испорчена соединенными силами Ленина и Мартова.

Борьба съ контръ-революціей

(«Единство», № 90 отъ 15-го іюля 1917 г.)

О томъ, что надо бороться съ контръ-революціей не перестаютъ говорить въ нашей соціалистической печати. И само собою разумѣется, что ни одинъ здравомыслящій демократъ не станетъ утверждать, будто контръ-революціонной опасности не существуетъ. Весь вопросъ въ томъ, какъ бороться съ нею.

Контръ-революціи нерѣдко ищутъ въ карманѣ П. Н. Милюкова. Тамъ ея не найдутъ. Хотя кадеты, отозвавъ членовъ своей партіи изъ коалиціоннаго министерства, сдѣлали выгодную для контръ-революціи ошибку, однако, совсѣмъ неправильно относить ихъ къ числу тѣхъ общественныхъ силъ, которыя стремятся возстановить старый порядокъ. Нужно быть совершенно ослѣпленнымъ партійной ненавистью, чтобы считать, напримѣръ, кровавые безпорядки, имѣвшіе мѣсто въ Липецкѣ, плодомъ кадетскихъ подстрекательствъ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что подстрекатели и организаторы липецкихъ выступленій вовсе не сочувствуютъ программѣ партіи народной свободы. А между тѣмъ, они, подстрекатели и организаторы безпорядковъ, подобныхъ липецкимъ, елецкимъ и проч., являются самыми усердными исполнителями роли контръ-революціонеровъ. И, конечно, ихъ липецкія и елецкія выступленія были только первыми опытами натравливанія темной массы противъ носителей революціонной идеи. За этими первыми опытами послѣдуютъ другіе. Не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать это. И не нужно быть глубокимъ политикомъ, чтобы понять, какъ вредна была бы всякая слабость и половинчатость въ борьбѣ съ тѣми, которые предаются опытамъ этого рода. Торжество революціи — высшій законъ. Революція должна быть безпощадной по отношенію къ людямъ, пытающимся выбить ее изъ занятыхъ ею позицій.

Усмиряя липецкихъ и елецкихъ бунтовщиковъ противъ революціи, генералъ Верховскій не побоялся употребить въ дѣло пушки. Онъ былъ правъ. Въ крайнихъ обстоятельствахъ неизбѣжны самыя крайнія средства.

Контръ-революціонеры дѣлаютъ свое мрачное дѣло, стараясь использовать выгодныя для нихъ настроенія уличной толпы. Они

ободряются, когда толпа перестаетъ вѣрить въ силу революціонной власти. А толпа естественно утрачиваетъ вѣру въ эту силу, когда революціонная власть оставляетъ безнаказанными такія дѣянія, съ какими не можетъ помириться ни одно благоустроенное общество : захватъ чужого имущества, насилія надъ личностью и т. д., и т. д. Самосуды, неизбѣжно вызываемые такими дѣяніями, свидѣтельствуютъ о томъ, что уличная толпа уже не ждетъ помощи отъ революціоннаго правительства. А не ожидая отъ него помощи, она дѣлается болѣе или менѣе доступной внушеніямъ контръ-революціонеровъ. Продолжительное безпрепятственное пребываніе « анархистовъ » на дачѣ Дурново и « коммунистовъ » въ особнякѣ Кшесинской не мало облегчило контръ-революціонную работу въ Петроградѣ. Въ этомъ, къ сожалѣнію, трудно сомнѣваться.

Почему же наше революціонное правительство оставляло безнаказанными дѣянія, имѣвшія всѣ признаки преступности? Потому, что оно не было увѣрено въ своей силѣ. А почему оно не было увѣрено въ ней? Потому, что каждый разъ, когда оно пробовало отстоять нарушенныя « анархистами » или « коммунистами » права частныхъ лицъ, подымался безсмысленный крикъ о томъ, что оно посягаетъ на только что пріобрѣтенную нами политическую свободу. Правительство знало, что крикъ этотъ окажетъ свое вліяніе на петроградскій гарнизонъ, безъ поддержки котораго оно не могло бы обойтись въ случаяхъ сколько-нибудь серьезныхъ столкновеній съ « анархистами » и « коммунистами ». Опасаясь, что петроградскій гарнизонъ тоже заподозритъ его въ посягательствѣ на нашу политическую свободу и откажется повиноваться ему, оно колебалось, медлило и *говорило* тамъ, гдѣ нужно было *дѣйствовать* безъ колебаній и промедленій.

А кто вынуждалъ правительство замѣнять дѣло словомъ? Кто мѣшалъ энергичнымъ выступленіямъ его противъ нарушителей чужихъ правъ? Конечно, прежде всего именно тѣ, которые нарушали эти права. Вѣдь не даромъ же они надѣвали революціонныя одежды того или другого покроя. Но кромѣ ихъ и другіе. Были искренніе, честные люди, отнюдь не желавшіе нарушать чужія права и безкорыстно преданные революціи, но при этомъ наивно воображавшіе, что примѣненіе правительствомъ силы въ его борьбѣ съ «анархистами» и «коммунистами» явилось бы нарушеніемъ свободы. Люди эти даже и не подозрѣвали, что *одно дѣло свобода*

всѣхъ, а другое дѣло произволъ единицъ, и что нѣтъ свободы тамъ, гдѣ правительство, которое обязано быть ея стражемъ, лишено возможности силой подавлять преступныя проявленія произвола.

Такимъ образомъ выходитъ, что люди, беззавѣтно преданные революціи и готовые служить ей до послѣдняго своего издыханія, сами способствовали,—парализуя революціонное правительство,— росту того настроенія, уличной толпы, которое такъ выгодно для контръ-революціонеровъ. Съ этимъ необходимо покончить. Было бы слишкомъ печально, если бы мы и теперь не поняли, что революціонное правительство никоимъ образомъ не должно быть стѣсняемо въ своемъ единоборствѣ съ анархіей, или, другими словами, что ему нужно дать всю *полноту власти*. Это и будетъ самымъ дѣйствительнымъ средствомъ въ борьбѣ съ контръ-революціей, ибо,—какъ я говорилъ уже не одинъ разъ, — если революція не раздавитъ анархіи, то анархія пожретъ революцію, какъ тощія коровы пожрали жирныхъ въ сновидѣніи Іосифа, и тѣмъ положитъ путь для возстановленія стараго порядка. И это тѣмъ болѣе нужно, что анархія сносится съ внѣшнимъ врагомъ, а внѣшній врагъ поддерживаетъ анархію. Щадить анархію значило бы оказывать услугу внѣшнему врагу.

Соглашеніе нужно и возможно

(«Единство», № 91 отъ 16-го іюля 1917 г.)

Разгромъ Россіи войсками срединныхъ имперій и ихъ союзниками нужно предупредить во что бы то ни стало. Онъ означалъ бы крушеніе нашей революціи. Крушеніе революціи, прежде и больше всего, повредило бы интересамъ трудящагося населенія. И не только въ самой Россіи, но, въ большей или меньшей степени, во всей Европѣ, а можетъ быть и во всемъ мірѣ. Даже нѣмецкій пролетаріатъ, который, увлекшись перспективой всемірнаго экономическаго господства Германіи, вошелъ въ сдѣлку съ имперіалистами (партія Шейдемана), много потерялъ бы отъ возстановленія въ Россіи стараго порядка. Упрочивъ свое торжество, русская революція дастъ могучій толчекъ экономическому и политическому развитію другихъ странъ.

Если это вѣрно, — а это теперь очень трудно оспаривать, — то совершенно ясно, что вся стратегія и вся тактика сознательнаго русскаго пролетаріата должны быть насквозь проникнуты мыслью объ упроченіи революціи, а стало быть и о борьбѣ съ австро-германскими завоевателями.

Хороша та политическая стратегія, которая, предупреждая военный разгромъ Россіи, упрочаетъ торжество революціи. Плоха та политическая стратегія, которая, ослабляя силу военнаго сопротивленія нашей страны, тѣмъ самымъ подготовляетъ побѣду реакціи. Тоже и съ тактикой. Въ этомъ теперь для насъ — революціонеровъ и соціалистовъ, *вся мудрость, « смыслъ философіи всей »*.

Революція говоритъ намъ, какъ Егова сказалъ когда-то еврейскому народу : « Я Господь Богъ твой, и да не будетъ у тебя другихъ боговъ кромѣ Меня! ». Особенно большимъ грѣхомъ является съ нашей стороны служеніе тому богу, который называется *доктринерствомъ*. На алтарѣ этого бога многіе изъ насъ готовы заколоть самые существенные интересы революціи. Потребовалось бы все страстное краснорѣчіе древнихъ еврейскихъ пророковъ, чтобы достойнымъ образомъ заклеймить непростительный грѣхъ служенія Молоху доктринерства.

Молоху доктринерства служатъ всѣ тѣ, которые, однажды усвоивъ себѣ тотъ или другой пріемъ политической стратегіи или тактики, забываютъ, что всякій пріемъ этого рода важенъ не самъ по себѣ, а *единственно въ мѣру своей цѣлесообразности*. Какъ только онъ перестаетъ быть цѣлесообразнымъ, онъ долженъ быть отвергнутъ и замѣненъ другимъ пріемомъ, — такимъ, который по условіямъ даннаго времени и даннаго мѣста лучше другихъ способствуетъ достиженію цѣли. Большая часть ошибокъ, совершенныхъ нашими революціонерами въ продолженіи революціоннаго подъема 1905-1907 г. г., вызвана была именно забвеніемъ этого правила.

Было бы слишкомъ печально думать, что мы не вспомнимъ о немъ теперь, когда на карту поставлена судьба русской революціи.

Спасти революцію отъ крушенія, а государство отъ временнаго разгрома можетъ только такая революціонная власть, вокругъ которой сомкнутся всѣ живые, — т.е., не реакціонные, — элементы населенія. Но не всѣ эти элементы заинтересованы въ осуществленіи соціалистической программы. Поэтому партія сознательнаго пролетаріата совершила бы большую ошибку, если бы потребовала

осуществленія этой программы отъ нынѣшняго правительства. Нынѣшнее наше правительство пока еще не можетъ быть исключительно соціалистическимъ и не должно быть таковымъ. Соціалистическое правительство по необходимости оказалось бы весьма неустойчивымъ. Оно просуществовало бы очень недолго, и его паденіе было бы побѣдой контръ-революціи, которая больше всего вреда принесла бы тому же пролетаріату.

Но если наше правительство не должно быть исключительно *соціалистическимъ*, то оно должно быть *коалиціоннымъ*, т. е., такимъ, въ которомъ соціалистическія партіи участвуютъ наряду съ различными партіями буржуазіи. Именно такой характеръ имѣло наше правительство второго состава. Однако, тѣ партіи, изъ которыхъ оно состояло, плохо уживались вмѣстѣ. Какъ извѣстно, представители партіи народной свободы совсѣмъ вышли изъ состава правительства, не найдя возможности столковаться съ представителями соціалистическихъ партій. Поступивъ такъ, они сдѣлали ложный шагъ. Соціалисты не перестаютъ ставить имъ это на видъ. Но для сознательнаго русскаго пролетаріата плохимъ утѣшеніемъ служитъ возможность упрекнуть партію народной свободы въ ошибкѣ. Ошибки, подобныя той, которую недавно совершила партія народной свободы, вредятъ интересамъ всей страны. Больше того : онѣ могутъ роковымъ образомъ отразиться на ходѣ нашей національной самообороны, а, слѣдовательно, и на судьбѣ русской революціи. Поэтому сознательный пролетаріатъ, какъ самая могучая движущая сила этой революціи, долженъ позаботиться о томъ, чтобы выработана была такая « платформа », на которой съ удобствомъ могли бы помѣститься, какъ его собственные представители, такъ и представители буржуазіи.

Можно ли выработать такую « платформу »? « Нѣтъ! — отвѣчаютъ люди, служащіе Молоху доктринерства: — сознательный рабочій классъ долженъ стоять на точкѣ зрѣнія соціализма. Соціалистическое движеніе предполагаетъ борьбу классовъ. Сдѣлки съ буржуазіей ослабляютъ эту борьбу или вовсе прекращаютъ ее, — хотя бы только на время. Вотъ почему мы должны рѣшительно отвергать ихъ».

Невозможно сомнѣваться въ томъ, что вхожденіе соціалистовъ въ составъ коалиціонаго правительства является сдѣлкой ихъ съ представителями буржуазныхъ партій. Кто не допускаетъ подобныхъ сдѣлокъ, тотъ не можетъ помириться съ мыслью о коалиціон-

номъ правительствѣ. Сторонники Ленина отвергали ее. Они были вѣрны себѣ, когда пускали въ обращеніе лозунгъ : «Долой министровъ-капиталистовъ!» Но ленинцы были меньшинствомъ въ нашей революціонной демократіи. Ея большинство не видѣло грѣха въ томъ, что соціалисты входили въ составъ коалиціоннаго правительства. Поэтому на обязанности его представителей и лежала выработка такой платформы, на которой умѣстились бы представители всѣхъ партій, не заинтересованныхъ въ возстановленіи стараго порядка.

Говоря по правдѣ, имъ до сихъ поръ плохо удавалось это. Я не говорю, что винить за это нужно только ихъ однихъ. Но несомнѣнно, что доля отвѣтственности падаетъ и на нихъ.

Они находили ложнымъ тотъ «тезисъ» Ленина, что пришло время порвать со всѣми требованіями капиталистовъ. Они признавали, что наша февральская революція знаменовала собою начало новой эпохи въ исторіи русскаго капитализма. Но если они довольно легко мирились съ существованіемъ капитализма въ Россіи, то имъ довольно трудно было помириться съ существованіемъ капиталистовъ въ русскомъ капиталистическомъ обществѣ. Имъ какъ будто хотѣлось, чтобы существовалъ буржуазный способъ производства безъ буржуазіи. А такъ какъ это было невозможно, и такъ какъ событія повелительно потребовали отъ нихъ участія въ томъ правительствѣ, въ которомъ засѣдали также и «министры-капиталисты», то они въ тяжеломъ раздумьи остановились передъ вопросомъ : какъ же быть съ принципомъ классовой борьбы? Боясь совершить измѣну по отношенію къ этому принципу, они рѣшили продолжать классовую борьбу въ нѣдрахъ коалиціоннаго правительства. Отсюда — многія злоключенія этого послѣдняго.

Коалиція есть соглашеніе. Соглашеніе не есть борьба. Кто входитъ въ соглашеніе, тотъ въ его предѣлахъ, — замѣтьте, я говорю : въ *его предѣлахъ*, — отказывается отъ борьбы. А кто продолжаетъ борьбу, тотъ нарушаетъ соглашеніе. Тутъ середины быть не можетъ : не хотите соглашенія, — идите за Ленинымъ; не рѣшаетесь итти за Ленинымъ, — входите въ соглашеніе.

Но мыслимо-ли такое соглашеніе, вступая въ которое, представители пролетаріата не совершили бы измѣны по отношенію къ его интересамъ? Конечно, мыслимо. *Соціалисты не измѣняютъ интересамъ пролетаріата, когда вступаютъ въ такое соглашеніе,*

которое обезпечиваетъ имъ возможность лучше, нежели прежде, защищать эти интересы.

« Пока извѣстный способъ производства находится въ восходящей стадіи своего развитія, — говоритъ Энгельсъ, — до тѣхъ поръ ему воздаютъ хвалу даже тѣ, кто остается отъ него въ накладѣ. Такъ было съ англійскими рабочими во время возникновенія крупной промышленности ».

Почему же это такъ было? Англійскіе рабочіе чувствовали, что они остались бы въ еще большемъ накладѣ, если бы прекратилось развитіе крупной промышленности и увѣковѣчился старый способъ производства. Они нисколько не измѣнили своему классовому интересу, способствуя буржуазіи устранять все, что мѣшало развитію капитализма. Не измѣнили они ему, и въ области политики поддерживая либеральныя требованія буржуазіи. Наоборотъ. Они жестоко нарушали свой собственный классовый интересъ, когда отказывались поддерживать эти требованія. А это значитъ, что бываютъ такія историческія обстоятельства, при которыхъ классовый интересъ пролетаріата не только допускаетъ соглашенія этого класса съ буржуазіей, но весьма явственно подсказываетъ ихъ. Это превосходно было выяснено Марксомъ и Энгельсомъ въ ихъ полемикѣ съ доктринерами нѣмецкаго утопическаго соціализма, отрицавшими допустимость подобныхъ соглашеній.

Россія находится теперь въ томъ переходномъ періодѣ своей экономической исторіи, въ теченіе котораго пролетаріатъ можетъ *не только безъ ущерба, но съ выгодой для себя вступать въ соглашенія съ буржуазіей для совмѣстной борьбы со всѣмъ тѣмъ, что задерживаетъ развитіе нашихъ производительныхъ силъ.*

А такъ какъ возстановленіе стараго порядка страшно задержало бы это развитіе, то пролетаріатъ показалъ бы себя до послѣдней степени близорукимъ, если бы не пожелалъ входить въ соглашенія съ буржуазіей, ради торжества революціи.

Съ другой стороны, наши « капитаны промышленности » обнаружили бы не меньшую политическую близорукость, если бы отказались сдѣлать пролетаріату всѣ тѣ уступки, которыя экономически возможны въ настоящее время. Если рабочему классу невыгодно возстановленіе стараго порядка, который сковывалъ наши производительныя силы, то оно невыгодно и буржуазіи, для расцвѣта которой непремѣнно нужно быстрое развитіе этихъ силъ. И если Россія сдѣлаетъ значительные успѣхи на пути эконо-

мическаго развитія, то не иначе, какъ при условіи поднятія нашего рабочаго класса на гораздо болѣе высокій, чѣмъ теперь, уровень матеріальнаго существованія.

Наконецъ, сознательные представители нашей буржуазіи должны понимать, какъ невыгоденъ для ихъ класса военный разгромъ Россіи, который превратилъ бы ее въ германскую колонію.

Вотъ почему соглашеніе выгодно, какъ для пролетаріата, такъ и для буржуазіи. А когда оно выгодно для обѣихъ сторонъ, тогда нѣтъ основанія сомнѣваться въ его возможности.

Пойми, кто можетъ!

(«Единство», № 92 отъ 18-го іюля 1917 г.)

Въ нашу печать проникло извѣстіе о томъ, что, въ противоположность шведскому соціалъ-демократическому лидеру Брантингу и голландскому — Флигену, путешествующая теперь заграницей русская соціалистическая делегація высказалась *противъ* внесенія въ порядокъ дня будущей соціалистической конференціи вопроса о причинахъ нынѣшней войны. Делегаціи приписываютъ то мнѣніе, что конференція, принявшись обсуждать этотъ вопросъ, отклонилась бы отъ рѣшенія практическихъ задачъ и затруднила бы ясную постановку проблемы классовой борьбы.

Если это правда, — а это, пожалуй, похоже на правду, — то мы опять имѣемъ тутъ дѣло съ тѣмъ предразсудкомъ, который принесъ уже много вреда нашей революціи. Но теперь старый предразсудокъ высказывается при новыхъ политическихъ обстоятельствахъ, о которыхъ стоитъ поговорить.

Въ Германіи партія Шейдемана — Эберта — Зюдекума тоже требуетъ, чтобы на международной соціалистической конференціи вопроса о причинахъ нынѣшней войны не поднимали. Наоборотъ, партія Гаазе—Каутскаго—Бернштейна находитъ полезнымъ разсмотрѣніе этого вопроса. Я не знаю, предъявила ли эта партія официальное требованіе въ этомъ смыслѣ. Но, какъ это всѣмъ извѣстно, Бернштейнъ и Гаазе не разъ печатно выражали то свое убѣжденіе, что соціалисты сдѣлали ошибку, отказавшись разсматривать, на кого именно падаетъ отвѣтственность за то воен-

ное столкновеніе, которое наполняетъ міръ всевозможными бѣдствіями. И это, конечно, вполнѣ справедливо.

Довольствоваться тѣмъ соображеніемъ, что нынѣшняя война есть война имперіалистическая, значитъ, умышленно или неумышленно, останавливаться на поверхности явленія.

Передовыя, — въ экономическомъ значеніи этого слова, — страны міра переживаютъ эпоху *имперіалистическаго капитализма*. Этого никто оспаривать не станетъ. Но дѣлать отсюда тотъ выводъ, что въ каждомъ данномъ случаѣ отвѣтственность за войну въ одинаковой мѣрѣ падаетъ на всѣхъ ея участниковъ, можетъ только тотъ, кто совершенно незнакомъ съ правилами научнаго мышленія.

А. Ж. Кетлэ еще въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія показалъ, что при данномъ строѣ общества въ немъ роковымъ образомъ совершается данное количество преступленій даннаго рода. Эта его мысль весьма важной составною частью вошла въ ученіе о преступности. Мы, сторонники матеріалистическаго объясненія исторіи, говоримъ теперь, что экономика нынѣшняго общества есть та почва, свойствами которой, въ послѣднемъ счетѣ, опредѣляется « злая воля » современнаго преступника. И мы правы. Несмотря на это, когда совершается то или иное преступленіе, мы не ограничиваемся указаніемъ на причинную связь между общественной экономикой и преступностью, а спрашиваемъ : кто совершилъ его и при какихъ обстоятельствахъ? Если у Петра убили близкаго ему человѣка, то онъ, — хотя бы и былъ самымъ убѣжденнымъ сторонникомъ историческаго матеріализма, — никакъ не согласится признать, что отвѣтственность за убійство распространяется на него въ такой же мѣрѣ, какъ и на убійцу. А если кто-нибудь постарается убѣдить его въ этомъ, то онъ подумаетъ, что убѣждающій или самъ участвовалъ въ преступленіи, или страдаетъ припадками остраго помѣшательства.

Вотъ то же самое и въ вопросѣ о войнѣ. Кто говоритъ, что нынѣшняя война есть война имперіалистическая, тотъ утверждаетъ лишь то, что въ ея основѣ лежитъ экономическая причина. Но изъ того, что въ ея основѣ лежитъ экономическая причина, никакъ нельзя дѣлать тотъ выводъ, что страна, *подвергшаяся нападенію*, такъ же виновата въ ней, какъ и — *нападающая*. И когда кто-нибудь выступаетъ съ такимъ утвержденіемъ, мы имѣемъ полное основаніе предположить, что онъ такъ или иначе заинтере-

сованъ въ торжествѣ нападающей стороны или же... совсѣмъ неопытенъ въ дѣлѣ мышленія.

« Война — отецъ всего ». — « Заботиться о мирѣ значитъ, для германскаго народа, отравлять его душу ядомъ ». — « По моему мнѣнію, мы не можемъ исполнить нашъ національный долгъ, не вынувъ меча изъ ноженъ ». — « Такъ какъ война необходима и неизбѣжна, мы должны бороться во что бы то ни стало до конца ». — « Насъ не должны ослѣплять попытки Англіи къ сближенію. Мы только можемъ пользоваться этими попытками до тѣхъ поръ, пока у насъ не будетъ опредѣленныхъ шансовъ на удачный исходъ необходимый, неизбѣжной борьбы » [1]).

Такъ говорилъ извѣстный нѣмецкій генералъ Бернгарди еще за два года до начала мірового пожара. Другой германскій имперіалистъ, тоже весьма не безызвѣстный, Пауль Рорбахъ, писалъ послѣ убійства Франца-Фердинанда въ Сараевѣ :

« Мы не боимся войны, ибо мы знаемъ, что для насъ дѣло идетъ о войнѣ, которая неизбѣжна и въ крайнемъ случаѣ могла бы быть только отсрочена. Однако, врядъ-ли когда-либо повторится такой моментъ, когда соотношеніе силъ Германіи и ея противниковъ будетъ для насъ болѣе благопріятнымъ, чѣмъ въ настоящее время » [2]).

Бернгарди и Рорбахъ отнюдь не были исключеніемъ въ средѣ господствующихъ классовъ Германской Имперіи. Духомъ воинствующаго имперіализма насквозь пропитаны были консерваторы и націоналъ-либералы, т. е., юнкерская партія и партія крупныхъ промышленниковъ. Много поклонниковъ имѣлъ имперіализмъ и въ другихъ слояхъ нѣмецкаго населенія. Главный германскій штабъ былъ, разумѣется, превосходно освѣдомленъ на этотъ счетъ и потому былъ вполнѣ основательно увѣренъ, что огромная масса нѣмецкаго населенія сочувственно откликнется на звукъ военной трубы. У него не было никакого повода откладывать нападеніе на Россію и Францію. И онъ поспѣшилъ объявить войну.

Все это стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Эдуардъ Бернштейнъ въ своемъ сочиненіи « Рабочій Интернаціоналъ и война » привелъ многочисленныя данныя, доказывающія, что вплоть до начала войны германская соціалъ-демократическая партія, ни мало не

[1]) Не имѣя подъ рукой своей библіотеки, я цитирую эти афоризмы Бернгарди по весьма интересной книгѣ Б. Ишханяна: «Развитіе милитаризма и имперіализма въ Германіи». Петроградъ, 1917 г., стр. 35. *Г. П.*

[2]) Тамъ же, стр. 346. *Г. П.*

колеблясь, возлагала главную отвѣтственность за нее на Австрію и Германію. Но когда разразилась военная буря, партія эта сдѣлала роковую ошибку, рѣшившись поддержать имперіалистическую политику правительства, въ расчетѣ на тѣ экономическія и политическія выгоды, которыя могла принести нѣмецкому пролетаріату побѣда Германіи. Разъ совершивъ эту до крайности печальную ошибку, нѣмецкіе соціалъ-демократы уже неохотно касались вопроса о виновникахъ война, такъ какъ его изслѣдованіе непремѣнно привело бы къ обнаруженію ихъ собственной виновности. Даже Ледебуръ, издавна примыкавшій къ лѣвому крылу своей партіи, объявилъ на съѣздѣ въ Циммервальдѣ, что такъ какъ война имперіалистическая, то безполезно разбирать, кто ее началъ.

Но мало по малу въ нѣдрахъ нѣмецкой с. д. партіи стало зрѣть сознаніе крайней ошибочности «политики 4 августа». Сначала сознаніе это вызвало ростъ внутрипартійной оппозиціи противъ постыдной политической сдѣлки, въ которую вовлечена была германская соціалъ-демократія вреднымъ вліяніемъ ревизіонистовъ. Потомъ дѣло дошло до раскола. Въ Германіи образовалась независимая соціалъ-демократическая партія.

Съ ея возникновеніемъ вопросъ объ отвѣтственности за войну вступилъ въ новый фазисъ. Чтобы оправдать свой выходъ изъ старой партіи, Бернштейну, Гаазе и ихъ сторонникамъ надо было обнаружить ошибочность «политики 4 августа». Они не могутъ сдѣлать этого, опираясь на отвлеченныя положенія въ родѣ того, что соціалисты «не пріемлютъ войны», «не пріемлютъ капитализма», и т. д. Такія отвлеченныя положенія, вполнѣ согласныя со взглядами старыхъ соціалистовъ-утопистовъ и нынѣшнихъ анархосиндикалистовъ, не имѣютъ никакого кредита у германской соціалъ-демократіи, недаромъ проходившей когда-то школу Маркса. Даже повернувшись спиною къ автору «Капитала», нѣмецкіе ревизіонисты, въ родѣ Бернштейна, все-таки удержали кое-что изъ его научнаго метода. Они понимаютъ, что соціальные и политическіе вопросы непремѣнно должны быть разсматриваемы въ ихъ конкретной обстановкѣ, такъ какъ иначе не выйдетъ ничего, кромѣ пустословія. Но разсматривать вопросъ о нынѣшней войнѣ въ его конкретной обстановкѣ, значитъ, между прочимъ, рѣшить, на кого падаетъ отвѣтственность за нее. Вотъ почему Бершнтейнъ и говоритъ, что соціалистамъ необходимо рѣшить это. Шейдеманъ утверждаетъ, что этого совсѣмъ не нужно. Онъ утверждаетъ это

единственно потому, что хочетъ замести слѣды своего страшнаго преступленія противъ Интернаціонала. Казалось бы, что наша соціалистическая делегація должна была высказаться противъ Шейдемана и поддержать Бернштейна. Она поступила наоборотъ. И это—во имя ясной постановки проблемы классовой борьбы. Пойми, кто можетъ!

Повторяю: я не вполнѣ увѣренъ въ томъ, что мнѣніе русской соціалистической делегаціи правильно передано было въ газетныхъ извѣстіяхъ. Мнѣ очень хотѣлось бы думать, что его передали совсѣмъ неправильно. Но если тутъ нѣтъ никакой ошибки, то нельзя не пожать плечами, удивляясь невѣроятной логикѣ русской соціалистической делегаціи.

Глухое ухо

(«Единство», № 93 отъ 19-го іюля 1917 г.)

У французовъ есть образное выраженіе: « дѣлать глухое ухо ». Само собой разумѣется, что когда человѣкъ « *дѣлаетъ* » глухое ухо, то у него есть при этомъ извѣстный умыселъ. Вотъ, напримѣръ, Коробочка « дѣлала » глухое ухо, когда Чичиковъ убѣждалъ ее продать ему мертвыя души: она не хотѣла уступить свой товаръ до наведенія справки о томъ, по какой цѣнѣ продается онъ на рынкѣ. Эта ея « политика » вывела изъ себя сдержаннаго Чичикова и, къ ея благочестивому ужасу, онъ посулилъ ей чорта. Признаюсь, я его понимаю. Нѣтъ ничего досаднѣе, какъ разсуждать съ человѣкомъ, который заранѣе рѣшилъ оставлять безъ вниманія всѣ ваши доводы.

Глухое ухо дѣлается не только въ частной жизни. Многіе политическіе люди глохнутъ всякій разъ, когда имъ нечего возразить своимъ противникамъ.

Взять хоть бы вопросъ объ отношеніи къ войнѣ. Нынѣшніе наши « интернаціоналисты » — члены Интернаціонала Гримма, Радека и Ганецкаго, — охотно дѣлаютъ глухое ухо, когда имъ напоминаютъ о преніяхъ по военному вопросу, происходившихъ на Цюрихскомъ съѣздѣ *второго* Интернаціонала, — Интернаціонала Энгельса, Либкнехта, Бебеля, Лафарга, Гайндмэна и т. д.

А между тѣмъ, пренія эти были довольны поучительны и, если о нихъ слышать не хотятъ « интернаціоналисты », то для читателя, не зараженнаго предразсудками этихъ господъ, они могутъ представлять значительный интересъ.

Я уже однажды ссылался на нихъ въ статьяхъ своихъ, посвященныхъ войнѣ и миру. И все-таки, я не могу устоять передъ искушеніемъ напомнить о нихъ еще разъ. Римляне правильно говорили : « повтореніе есть мать ученія ». Вдобавокъ, пренія, происходившія на Цюрихскомъ Международномъ Съѣздѣ 1893 г., пріобрѣтаютъ новое значеніе въ виду того, что происходитъ теперь на нашемъ юго-западномъ фронтѣ.

Голландскій анархо-синдикалистъ Домела Ньевенгайсъ [1]), бывшій однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ названнаго съѣзда, предложилъ, чтобы въ случаѣ войны соціалисты постарались, каждый въ своемъ государствѣ, вызвать военную стачку. Противъ его предложенія рѣшительно возстали соціалъ-демократы всѣхъ странъ. Пишущій эти строки, бывшій докладчикомъ военной комиссіи, возражая Ньевенгайсу, говорилъ такъ :

« Представьте себѣ двѣ воюющія между собой страны. Въ одной изъ нихъ населеніе, находясь по той или другой причинѣ подъ сильнымъ вліяніемъ соціалистовъ, слѣдуетъ ихъ призыву и осуществляетъ мысль о военной стачкѣ.

« Въ другой — народная масса относится холодно къ соціалистическому призыву и отвергаетъ мысль о стачкѣ. Что же выйдетъ? Выйдетъ то, что страна, въ которой сильно вліяніе соціалистовъ на народъ, окажется беззащитной въ борьбѣ съ тою страною, въ которой масса не идетъ за соціалистами. Это будетъ торжество милитаризма. А такъ какъ международные соціалисты ни въ коемъ случаѣ не могутъ поддерживать милитаризмъ, то предложеніе Домелы Ньевенгайса должно быть безусловно отвергнуто ими».

«И оно въ самомъ дѣлѣ было отвергнуто Цюрихскимъ Съѣздомъ.

Когда я напоминаю объ этомъ г. г. « интернаціоналистамъ », они дѣлаютъ глухое ухо. Оно и понятно : возразить на это нечего.

Правда, одинъ товарищъ мнѣ сообщилъ, что въ какомъ-то « интернаціоналистскомъ » періодическомъ изданіи, — чуть ли не въ парижскомъ « Нашемъ Словѣ », — была напечатана когда-то

[1]) Тогда анархисты и анархо-синдикалисты еще допускались на Международные Съѣзды соціалистовъ. Рѣшеніе не допускать ихъ туда принято было послѣ Лондонскаго Съѣзда 1896 г. *Г. П.*

статейка, авторъ которой пытался опровергнуть доводы, выдвинутые мною на Цюрихскомъ Международномъ Съѣздѣ. Онъ утверждалъ, что если бы данная страна рѣшилась не оказывать никакого сопротивленія наступающему на нее противнику, то этотъ послѣдній, въ свою очередь, пересталъ бы нападать на нее.

Но, во-первыхъ, это — чисто толстовскій доводъ. Кто дастъ себѣ трудъ перелистать тѣ сочиненія Л. Толстого, въ которыхъ изложена его теорія непротивленія злу насиліемъ, тотъ встрѣтится съ этимъ доводомъ почти на каждой страницѣ. Если г. г. « интернаціоналисты » вынуждены усваивать себѣ аргументацію проповѣдника непротивленія, то совершенно ясно, что имъ нечѣмъ защищать свою позицію. Это — своего рода свидѣтельство объ умственной нищетѣ.

Во-вторыхъ, тотъ случай, въ которомъ населеніе данной страны *во всей своей массѣ* отказывается воевать съ непріятелемъ, есть лишь крайній, гипотетическій случай. Очень мало вѣроятно, чтобы онъ могъ когда-нибудь имѣть мѣсто въ дѣйствительности. Гораздо болѣе вѣроятенъ другой случай : тотъ, въ которомъ только большая или меньшая часть народа не хочетъ защищаться отъ непріятельскаго нападенія. Въ этомъ случаѣ, военная мощь данной страны будетъ уничтожена не цѣликомъ. Однако, это — плохое утѣшеніе для соціалистовъ. Чѣмъ большей окажется та часть народа, которая откликнется на ихъ призывъ, тѣмъ слабѣе будетъ сила военнаго сопротивленія страны и тѣмъ съ большей легкостью побѣдитъ ее армія того государства, жители котораго не находятъ или не найдутъ возможнымъ сдѣлать предложенную Ньевенгайсомъ стачку. Стало быть, мы опять увидимъ то же самое : *тактика [1]) голландскаго анархо-синдикалиста окажетъ услугу милитаризму.*

Взгляните на то, что происходитъ у насъ. « Интернаціоналисты », во главѣ которыхъ шествовали большевики, осуждали мысль о наступленіи, проповѣдовали братаніе и, вообще, какъ нельзя болѣе усердно, примѣняли тактику Домелы Ньевенгайса. Наоборотъ, австро-германскіе соціалъ-демократы не только отвергли его тактику, — само по себѣ взятое, это сдѣлало бы имъ только честь, — но, что уже совсѣмъ плохо, рѣшили поддержать

1) Въ этомъ мѣстѣ оригинала было, повидимому, введено придаточное предложеніе, но оно такъ искажено въ печатномъ текстѣ, что мы не были въ состояніи его возстановить.

хищническіе планы своихъ интернаціоналистовъ. На призывъ нашихъ «интернаціоналистовъ» откликнулись цѣлые полки, дивизіи и даже корпуса. Этимъ весьма значительно ослаблена была боевая мощь нашей арміи. На призывъ австро-германскихъ соціалъ-демократовъ тоже откликнулась огромная часть населенія. Но такъ какъ они, — всѣ эти Шейдеманы, Эберты, Зюдекумы, Пернерсторферы, Эленбогены и другіе, — звали его не на военную стачку, а на поддержку германскихъ имперіалистическихъ плановъ, то боеспособность германской арміи не только не уменьшилась, а возросла до такой степени, какой она никогда не достигла бы, если бы соціалъ-демократы остались вѣрны завѣту перваго и второго Интернаціоналовъ — возставать противъ войнъ, начинаемыхъ съ завоевательными цѣлями, и дѣятельно участвовать въ войнахъ оборонительныхъ. Что же случилось? Несмотря на добрую волю и даже героизмъ отдѣльныхъ частей, армія наша не можетъ сопротивляться войскамъ Вильгельма германскаго и Карла австрійскаго. Ее бьютъ, а вмѣстѣ съ нею наносятъ раны и русской революціи. Анархо-синдикалистическая тактика большевиковъ, — я опять выражаюсь такъ, чтобы гусей не раздразнить, — принесла огромную пользу австро-германскому милитаризму.

Пора задуматься надъ этимъ. Пора перестать «дѣлать глухое ухо» *по отношенію къ тому, что говоритъ исторія Интернаціонала, и что громко вопіетъ до крайности печальный опытъ нашихъ дней.*

Къ вопросу о виновникахъ нынѣшней войны

(«Единство», № 93 отъ 19-го іюля 1917 г.)

Телеграфъ сообщаетъ:

«Газета «Таймсъ» дѣлаетъ разоблаченія чрезвычайной важности. Изъ достовѣрныхъ источниковъ «Таймсъ» узналъ, что 5 іюля 1914 года въ Берлинѣ состоялась политическая и военная конференція, на которой было рѣшено начать войну противъ Россіи, Сербіи и Франціи. На конференціи присутствовали: кайзеръ, имперскій канцлеръ Бетманъ-Гольвегъ, адмиралъ Тирпицъ, генералъ Фалькенгайнъ, фонъ-Штумъ, эрцгерцогъ Фридрихъ, австро-венгерскій министръ иностранныхъ дѣлъ, венгерскій пре-

мьеръ графъ Тисса и начальникъ австрійскаго главнаго штаба Конрадъ фонъ-Генцендорфъ. На конференціи были рѣшены всѣ главнѣйшіе пункты ультиматума, который былъ посланъ Сербіи. Возможно, что конференція даже установила день мобилизаціи. Фонъ-Яговъ и графъ Мольтке не присутствовали на конференціи, чѣмъ объясняется утвержденіе фонъ-Ягова, что онъ не видалъ текста ультиматума. Путешествіе кайзера въ Норвегію было предпринято съ цѣлью усыпить бдительность союзныхъ державъ. Черезъ три недѣли, когда стало ясно, что Англія не останется нейтральной, Бетманъ-Гольвегъ хотѣлъ отступить, но было уже поздно, Недавно въ Рейхстагѣ депутатъ Гаазе упомянулъ объ этой конференціи 5 іюля и требовалъ сообщенія о томъ, что на ней было рѣшено, но германское правительство отказалось дать разъясненіе ».

Не правда ли, это очень интересно?

Наши псевдо-революціонные германофилы, навѣрное, возразятъ, что, вѣдь, сообщеніе о конференціи 5 іюля появилось въ органѣ крупной англійской буржуазіи, заинтересованной въ томъ, чтобы свалить на нѣмцевъ отвѣтственность за нынѣшнюю войну. Съ такимъ возраженіемъ нельзя не считаться. Разумѣется, трудно оклеветать такихъ джентельменовъ, какъ Вильгельмъ II, фонъ-Штумъ, Фанкельгайнъ и фонъ-Тирпицъ. Однако, при нѣкоторомъ усердіи можно и имъ приписать такое дѣяніе, какого они не совершали. Сознательный международный пролетаріатъ не долженъ принимать безъ критики извѣстія въ родѣ вышеприведеннаго.

Но недаромъ же германскій соціалъ-демократъ Гаазе говорилъ въ рейхстагѣ о конференціи 5 іюля. Очевидно, тутъ что то есть. И именно по этой причинѣ, мы должны не отказываться отъ разоблаченія истины, а напротивъ употребить всѣ усилія къ тому, чтобы она сдѣлалась извѣстной. Марксъ писалъ въ первомъ манифестѣ Интернаціонала, что рабочимъ слѣдуетъ проникать въ тайны международной политики. Теперь насъ хотятъ увѣрить, что соціалистъ, старающійся проникнуть въ эти тайны, измѣняетъ Интернаціоналу. Какой, съ Божьей помощью, поворотъ!

Новое правительство, буржуазія и революціонная демократія

(«Единство», № 99 отъ 26-го іюля 1917 г.).

Наконецъ-то прекратился правительственный кризисъ, не помню который именно по счету, но на этотъ разъ затянувшійся очень надолго. Излишне говорить, какъ неудобно было странѣ переживать правительственный кризисъ въ такое время, когда на западномъ фронтѣ она испытывала серьезныя военныя пораженія, а внутри ея продолжала расти и безъ того уже большая экономическая разруха. Но не мѣшаетъ подумать о причинахъ, замедлившихъ образованіе новаго Правительства.

Въ нашихъ лѣвыхъ партіяхъ есть много людей, считающихъ, что причины эти ясны, какъ божій день, и что онѣ сводятся въ сущности къ одной : къ злонамѣренности буржуазіи, которая стремится къ контръ-революціи. Это очень просто. Къ сожалѣнію, простое нерѣдко бываетъ односторонними.

Что цѣлые слои нашей буржуазіи обнаруживаютъ теперь разочарованіе въ революціи, въ этомъ врядъ ли можно сомнѣваться. Трудно сомнѣваться и въ томъ, что, разочаровавшись въ революціи, извѣстная часть нашихъ предпринимателей начинаетъ отрицательно относиться къ такимъ мѣропріятіямъ Правительства въ области соціальной реформы, которыя не только вполнѣ согласимы съ существованіемъ капиталистическаго способа производства, но прямо необходимы для его развитія въ широкомъ современномъ масштабѣ.

Развитіе капитализма предполагаетъ развитіе производительныхъ силъ. Чѣмъ быстрѣе растутъ эти силы, чѣмъ большей высоты достигаютъ онѣ въ своемъ развитіи, тѣмъ пышнѣе расцвѣтаетъ капитализмъ. Конечно, мы, соціалисты, убѣждены, что современемъ высоко развитымъ производительнымъ силамъ станетъ тѣсно въ рамкахъ капиталистическаго способа производства и что тогда капитализмъ долженъ будетъ уступить свое мѣсто соціализму. Но для Россіи это дѣло сравнительно отдаленнаго будущаго. Теперь Россія страдаетъ, — какъ мы это повторяли уже не одинъ разъ, — не столько отъ развитія капитализма, сколько отъ недостатка его развитія. Война, такъ безпощадно разоблачившая нашу постыдную

техническую безпомощность и обусловленную сю страшную экономическую отсталость, доказала это съ математической убѣдительностью. Очереднымъ вопросомъ историческаго дня является у насъ теперь развитіе производительныхъ силъ на капиталистической основѣ. И это обстоятельство открываетъ широкія перспективы передъ нашими предпринимателями. Въ виду великихъ затрудненій, создаваемыхъ войной, можно подумать, что я говорю парадоксъ. Но въ сказанномъ мною нѣтъ ровно ничего парадоксальнаго. Создаваемыя войной великія затрудненія пройдутъ. А перспективы, упомянутыя мною, останутся, конечно, если мы не будемъ разгромлены нѣмцами.

Американцы, обладающіе несравненной практической сноровкой, предчувствуютъ это и, насколько извѣстно, уже теперь, въ страшный часъ небывалой экономической разрухи, не боятся вкладывать свои капиталы въ русскія предпріятія. Но если развитіе производительныхъ силъ на капиталистической основѣ является у насъ очереднымъ вопросомъ историческаго дня, наша крупная буржуазія не должна забывать, что самая драгоцѣнная производительная сила каждой страны есть ея трудящееся населеніе, и что всѣ мѣры, принимаемыя для поднятія его жизненнаго уровня, для его просвѣщенія и для его организаціи, съ избыткомъ оплачиваются ходомъ послѣдующаго экономическаго движенія. А поскольку она забываетъ объ этомъ, постольку она становится контръ-революціонной въ экономической области и постольку наше новое революціонное правительство должно будетъ осуществлять свои реформаторскіе планы вопреки ея сопротивленію и ея предразсудкамъ.

Это такъ. Но этимъ еще не исчерпывается вопросъ о томъ, откуда взялось разочарованіе извѣстныхъ слоевъ буржуазіи въ революціи. Остается еще выяснить, не вызывалось ли оно нѣкоторыми дѣйствіями революціонной демократіи.

Возьмемъ ту часть демократіи, которая шла за Ленинымъ. Это было меньшинство. Но это меньшинство такъ шумѣло, что изъ-за шума, поднятаго имъ, не слышно было голоса большинства. Вдобавокъ оно вошло въ сношеніе съ непріятелемъ (см. обвинительный актъ по дѣлу Ленина и др.) и, оплодотворивъ свою энергію его золотомъ, принесло много жестокаго вреда Россіи. Если старый порядокъ оставлялъ нашу армію безъ оружія, то ленинцы своимъ разлагающимъ вліяніемъ постепенно превращали ее въ

дикую, развращенную орду. Будемъ безпристрастны и спросимъ себя : не должна ли была развращающая дѣятельность ленинцевъ сѣять въ широкихъ кругахъ населенія разочарованіе въ революціи?

Это еще не все. Ленинцы не только развращали армію, вынимая изъ нея душу живую; они затемняли сознаніе рабочаго класса, подбивая его на предъявленіе предпринимателямъ такихъ требованій, исполненіе которыхъ представляло собою простую и часто очевидную экономическую невозможность. Подобныя требованія нерѣдко сопровождались угрозами и насиліями. Отсюда рождалось множество недоразумѣній, усиливавшихъ экономическую разруху. Будемъ безпристрастны и спросимъ себя : не должна ли была ленинская агитація среди рабочихъ сѣять въ широкихъ кругахъ населенія, — особенно въ предпринимательскихъ кругахъ, — разочарованіе въ революціи?

Большинство революціонной демократіи не одобряло дѣятельности меньшинства. Порой оно довольно энергично противодѣйствовало его анархическимъ выступленіямъ. Такъ было въ историческую ночь съ 9 на 10 іюня. Но такъ бывало очень рѣдко. Въ его собственной средѣ преобладало настроеніе, которое я назвалъ полуленинскимъ. Отвергая выводы Ленина, полуленинцы принимали его посылки и тѣмъ самымъ помогали ему примѣнить его доводы на практикѣ.

Возьмемъ для примѣра знаменитый лозунгъ Ленина : вся власть Совѣтамъ Р. и С. Д. Осуществленіе этого лозунга было бы равносильно диктатурѣ пролетаріата. Большинство революціонной демократіи понимало, что еще не пришло время для такой диктатуры. Поэтому оно отвергало ленинскій лозунгъ, за что нѣкоторые его представители чуть не подверглись разстрѣлянію 3—5 іюля. Но, отвергая самый лозунгъ, организованное революціонное большинство, въ лицѣ своихъ разноименныхъ комитетовъ, вело себя по отношенію къ правительству такъ, какъ будто власть уже принадлежала Совѣтамъ Р. и С. Депутатовъ. Оно хотѣло диктовать правительству его поведеніе. А такъ какъ правительство было коалиціоннымъ, то легко вообразить, какъ чувствовали себя при этомъ входившіе въ его составъ представители разныхъ слоевъ буржуазіи. Если большинство революціонной демократіи умѣетъ критиковать свои поступки, — что, конечно, гораздо труднѣе, нежели дѣлать враждебные выпады въ сторону другихъ партій,—

то оно пойметъ, что это была весьма печальная ошибка, которая отнюдь не должна повторяться.

Однако, эта ошибка, которая должна быть сознана и которая отнюдь не должна повторяться, не была сознана и была повторена нашими разноименными комитетами во время переговоровъ объ образованіи новаго правительства. Это неоспоримо. Разноименные комитеты въ своихъ сношеніяхъ съ А. Ф. Керенскимъ проявили много требовательности, объясняемой лишь теоріей принадлежности всей власти С. Р. и С. Д. Это, конечно, и было одной изъ причинъ крайней продолжительности правительственнаго кризиса. И это не осталось безъ вліянія на составъ новаго министерства. Въ засѣданіи Петроградскаго Совѣта Р. и С. Д., состоявшемся въ Александринскомъ театрѣ и посвященномъ вопросу о разрѣшеніи кризиса власти, т. Церетелли сказалъ между прочимъ: «если мы увидимъ, что власть не укрѣпляетъ демократію, а грозитъ дѣлу революціи и свободы, тогда мы отзовемъ нашихъ представителей и начнемъ борьбу съ властью».

Само собою разумѣется, что революціонный народъ долженъ возстать противъ правительства, дѣлающаго контръ-революцію. Но серьезные представители народа заговариваютъ объ этомъ только тогда, когда подозрѣваютъ правительство въ контръ-революціонныхъ замыслахъ.

Имѣетъ-ли т. Церетелли какое-нибудь основаніе подозрѣвать въ такихъ замыслахъ нынѣшнее правительство А. Ф. Керенскаго? Никакого! Почему же онъ все-таки заговорилъ о возможности возстанія противъ этого правительства? Потому, что онъ нашелъ нужнымъ принести жертву на алтарѣ демагогіи. А зачѣмъ понадобилось ему приносить такую жертву? Ему нужно было успокоить аудиторію, которую онъ, т. Церетелли, и другіе члены Исполнительнаго Комитета своими поступками постоянно пріучали къ той мысли, что вся власть на дѣлѣ, хотя и не на словахъ, должна принадлежать Совѣту Р. и С. Депутатовъ. Теперь власть эта ускользаетъ изъ рукъ Петроградскаго Совѣта, т. е., точнѣе, его Исполнительнаго Комитета, а также изъ рукъ Комитета, выбраннаго Съѣздомъ Совѣтовъ. Церетелли и его слушателямъ не по себѣ. И вотъ бывшій министръ чтобы *успокоить* себя и своихъ единомышленниковъ, произноситъ слова, способныя вселить *безпокойство* въ широкой массѣ населенія. Слова эти похожи на отходную, прочитанную въ виду только что родившагося младенца. Но читать

отходную новому правительству, значитъ ослаблять его силу, его вліяніе въ такое время, когда и та и другое должны быть доведены до высочайшей степени.

Неужели наше революціонное большинство неспособно усвоить себѣ цѣликомъ, безъ колебаній, ту политику, какой настоятельно требуютъ отъ него интересы страны и интересы революціи?

Нашъ сотый номеръ

(«Единство», № 100 отъ 27-го іюля 1917 г.)

Какъ и всѣ сознательные русскіе граждане, мы, члены редакціи и сотрудники газеты « Единство », проникнуты теперь совсѣмъ не юбилейнымъ настроеніемъ. И все таки берясь за перо, чтобы писать статью для №100 нашего органа, я чувствую потребность оглянуться на путь, до сихъ поръ нами пройденный. Надѣюсь, что читатель найдетъ эту потребность вполнѣ извинительной.

Прежде всего, я скажу два слова о техническихъ недостаткахъ нашего изданія. Оно явилось въ такое время, когда уже давала себя чувствовать великая экономическая разруха. Несмотря на усилія товарищей, самоотверженно взявшихъ на себя техническую сторону дѣла, мы чуть не каждый день наталкивались на новыя препятствія, затруднявшія правильный выходъ « Единства ». Между ними было много такихъ, устраненіе которыхъ не зависѣло отъ воли частныхъ лицъ.

Вотъ, напримѣръ, всѣмъ извѣстно, какъ затруднены были почтовыя сношенія въ Россіи въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ. Но затрудненіе почтовыхъ сношеній означало неправильную доставку газеты подписчикамъ. Намъ пришлось получить отъ нихъ не мало жалобъ на неправильность этого рода. Мы вполнѣ добросовѣстно отвѣчали, что она вызывается причинами, въ полномъ смыслѣ слова, отъ редакціи независящими. И мы повторяемъ это въ нашемъ сотомъ номерѣ. Мы просимъ подписчиковъ вѣрить, что мы никогда не позволимъ себѣ пренебрежительно относиться къ ихъ интересамъ, и что, если они и впредь будутъ неправильно получать « Единство », то они поступятъ несправедливо, возлагая

на насъ отвѣтственность за такое, крайне печальное для насъ явленіе.

Перейдемъ теперь къ идейной сторонѣ предмета. Появленіе нашего органа недоброжелательно встрѣчено было въ той средѣ, отношеніемъ которой къ намъ мы не могли не интересоваться уже по одному тому, что сами принадлежали и принадлежимъ къ ней : въ средѣ соціалистовъ. Нашлись люди, которые поставили себѣ цѣлью систематическое распространеніе въ этой средѣ самыхъ нелестныхъ для насъ слуховъ. Наибольшимъ усердіемъ въ преслѣдованіи этой цѣли отличалась покойная « Правда ». На страницахъ этого органа, — никогда не стѣснявшагося говорить неправду, — каждый день возвѣщалось всѣмъ, кому это вѣдать надлежало, что я продался буржуазіи и сталъ кадетомъ. Оставалось невыясненнымъ только одно : за какую именно сумму отрекся я отъ своихъ соціалистическихъ убѣжденій. Не знаю, что помѣшало прыткой газеткѣ до конца изслѣдовать этотъ вопросъ. Полагаю, однако, что это не имѣетъ важности. Въ самомъ дѣлѣ, не все ли равно, сколько именно милліоновъ марокъ получили изъ Германіи тѣ послѣдователи « Правды », которые сѣяли у насъ внутреннюю смуту и развращали нашу армію въ полномъ согласіи съ планами главнаго германскаго штаба? Такъ и со мной : за сколько именно я продался буржуазіи, это — вопросъ не важный; главное то, что я продался. А что я продался, это достовѣрно извѣстно всѣмъ Ганецкимъ, Радекамъ, Гриммамъ, Апфельбаумамъ, Розенфельдамъ и прочей братіи, пользующейся такой бѣлоснѣжной репутаціей. И это безпрестанно переходитъ отъ одного сплетника третьяго Интернаціонала къ другому.

Будемъ, однако, справедливы. Дѣло тутъ не только въ склонности къ сплетнѣ и не только въ злостномъ желаніи во что бы то ни стало, какъ можно болѣе, навредить « инакомыслящему ». Дѣло тутъ также и въ непониманіи. Наши противники затвердили, что интересы пролетаріата противоположны интересамъ буржуазіи. Отсюда они сдѣлали тотъ упрощенный выводъ, что, вредя буржуазіи, рабочій классъ тѣмъ самымъ обезпечиваетъ себѣ извѣстныя выгоды. Одного этого упрощеннаго вывода, независимо отъ какихъ бы то ни было сношеній съ непріятелемъ, было совершенно достаточно, чтобы толкать рабочій классъ на такія выступленія, которыя въ огромной степени увеличивали нашу, и безъ того уже огромную, экономическую разруху. Видя, что « Единство » рѣ-

шительно осуждаетъ такія выступленія, наши противники дѣлали тотъ новый, и не менѣе упрощенный выводъ, что мы перешли на сторону буржуазіи.

Едва ли не излишне говорить, что изъ противоположности интересовъ буржуазіи и пролетаріата вовсе не слѣдуетъ, будто пролетаріату всегда выгодно вредить буржуазіи.

Когда на первыхъ шагахъ своего развитія бунтовавшіе рабочіе ломали фабричныя машины, они наносили убытокъ буржуазіи, но при этомъ вредили также самимъ себѣ, замедляя ходъ развитія производительныхъ силъ въ своей странѣ. Точно также замедленіе подвоза сырья въ данную фабричную мѣстность можетъ весьма невыгодно отразиться на интересахъ предпринимателя. Однако рабочіе поступили бы совсѣмъ неумно, если бы усвоили себѣ «тактику» затрудненія такого подвоза. Недостатокъ сырья привелъ бы къ остановкѣ производства, а остановка производства— къ безработицѣ, съ тяжелыми экономическими послѣдствіями которой такъ трудно бороться даже организованнымъ пролетаріямъ. И наоборотъ: все то, что облегчало бы подвозъ сырья, было бы въ интересахъ предпринимателей, но при этомъ совпадало бы также и съ интересами наемныхъ рабочихъ.

Только что сказанное о сырьѣ вполнѣ вѣрно даже въ примѣненіи къ высокоразвитому капиталистическому обществу. А въ такомъ обществѣ, которое находится на одной изъ первыхъ ступеней капиталистическаго развитія, еще легче отмѣтить случаи совпаденія интересовъ пролетаріата съ интересами буржуазіи. Самымъ важнымъ изъ нихъ надо признать — тотъ, когда буржуазія и пролетаріатъ вступаютъ въ борьбу съ защитниками стараго, докапиталистическаго порядка. Постепенно расширяясь, такая борьба принимаетъ наконецъ характеръ *борьбы за политическую свободу*.

Соціалисты-утописты осуждали участіе рабочихъ въ ней именно потому, что успѣхъ ея былъ выгоденъ буржуазіи, а выгода буржуазіи всегда равносильна, какъ полагали они, — соціалисты добраго стараго времени, — вреду для пролетаріата. Марксъ опровергъ и осмѣялъ это утопическое представленіе. Онъ показалъ, что выгодное для буржуазіи завоеваніе политической свободы не только не вредитъ дальнѣйшимъ успѣхамъ рабочаго движенія, но безусловно для нихъ необходимо. Мы, ученики Маркса, не могли забыть этой истины, когда въ Россіи загремѣлъ громъ

всенароднаго ревлюціоннаго движенія. Больше того. Мы положили ее въ основу своей тактики. А наши противники, нерѣдко тоже называвшіе себя марксистами, но понимавшіе Маркса лишь коекакъ, съ «пятаго на десятое», и въ сущности оставшіеся утопистами, вообразили, что мы совсѣмъ перестали заботиться объ интересахъ пролетаріата. Отсюда было рукой подать до подозрѣнія насъ въ измѣнѣ и до смѣшной сплетни о томъ, что мы продались буржуазіи. Стало быть, не все въ этой сплетнѣ должно относить на счетъ злой воли нашихъ противниковъ. Въ значительной части своей сплетня эта объясняется также ихъ природной несообразительностью или ихъ крайней отсталостью по части соціалистической теоріи.

Какъ видитъ читатель, мы умѣемъ быть вполнѣ безпристрастными даже по отношенію къ тѣмъ, которые при всемъ честномъ собраніи поносятъ насъ басурманской бранью. Но безпристрастіе— безпристрастіемъ, а дѣло — дѣломъ.

Бросая взглядъ на путь, пройденный нами со времени выхода перваго номера « Единства », мы можемъ съ гордостью сказать, что событія цѣликомъ оправдали ту тактику, которую мы рекомендовали сознательнымъ элементамъ русскаго рабочаго класса.

Я терпѣть не могу цитировать самого себя. Но сейчасъ я вынужденъ сдѣлать это, чтобы не повторяться.

Въ своемъ привѣтствіи состоявшемуся вечеромъ 18 апрѣля собранію организаціи « Единства » я, характеризуя нашу тактику, писалъ :

« Первымъ словомъ тактики группы « Единство » является напоминаніе русскому пролетаріату о томъ, что ему необходимо, прежде всего, упрочить ту политическую свободу, которую онъ пріобрѣлъ цѣною славной мартовской революціи. Для упроченія этой свободы, онъ долженъ стать во главѣ всѣхъ тѣхъ классовъ и слоевъ населенія, интересы которыхъ были бы нарушены возстановленіемъ стараго порядка.

«Въ своихъ политическихъ выступленіяхъ и заявленіяхъ, онъ долженъ теперь выдвигать на первый планъ не то, что его разъединяетъ съ этими классами и слоями, а то, что объединяетъ его съ ними. Намъ говорятъ, что, поступая такимъ образомъ, онъ измѣняетъ своему классовому интересу. Совершенно наоборотъ. Поступая такимъ образомъ, онъ создаетъ политическія учрежденія, при которыхъ ему легче и удобнѣе всего будетъ защищать именно этотъ интересъ.

«Въ этомъ-то и заключается величіе политической роли, выпавшей теперь на долю русскаго пролетаріата, что, совершенно безкорыстно работая для блага всего населенія Россіи, — за исключеніемъ реакціонныхъ его элементовъ, — онъ тѣмъ самымъ работаетъ для своего собственнаго блага.

«Кому непонятно это счастливое и плодотворное сочетаніе двухъ указанныхъ интересовъ, тотъ не постигъ смысла текущаго историческаго момента».

Это первое слово нашей тактики до сихъ поръ довольно туго усваивается тѣми нашими соціалистами, которые продолжаютъ коснѣть въ старыхъ утопическихъ понятіяхъ и наивно мнятъ, будто выругать буржуазію—значитъ оказать услугу пролетаріату. И все-таки все болѣе и болѣе очевиднымъ становится, что, уединяясь отъ другихъ классовъ и слоевъ, не заинтересованныхъ въ возстановленіи стараго порядка, пролетаріатъ сузилъ бы соціальную основу революціи и умножилъ бы шансы ея неудачи. Въ совѣщаніи Центр. и Исполн. Комитетовъ, состоявшемся въ ночь съ 24 на 25 іюля, крестьянинъ Зенкинъ говорилъ:

« Нечего думать теперь о классовыхъ интересахъ, когда всѣ классы могутъ погибнуть.

«Гдѣ будете вы со своими классовыми интересами, когда Вильгельмъ будетъ стоять надъ нами съ желѣзной палкой?»

Въ свою очередь, рабочій Романовъ воскликнулъ: « Насталъ моментъ, когда нужно творить не классовую политику, а общенаціональную. Гибель націи будетъ гибелью всѣхъ трудящихся».

Товарищъ Романовъ могъ бы прибавить, — какъ съ самаго начала прибавляли мы,—что, творя обще-національную политику, пролетаріатъ будетъ въ настоящее время творить также и политику своего класса.

Товарищъ Романовъ, какъ видно, этого еще не созналъ. Но совершенно ясно, что его мысль идетъ въ томъ же направленіи, какъ и наша.

Можетъ быть, она стала двигаться въ этомъ направленіи лишь подъ отрезвляющимъ вліяніемъ военной опасности. Но военная опасность грозила Россіи съ первыхъ же дней нынѣшняго международнаго столкновенія и ни на минуту не перестала грозить ей со времени революціи.

Соображеніе объ этой опасности непремѣнно должно было

принадлежать къ числу условій, опредѣлявшихъ собою нынѣшнюю тактику русскаго пролетаріата. Мы знали это.

« Второе слово нашей тактики, — продолжалъ я въ цитированномъ выше обращеніи къ организаціи « Единство », — есть неустанное напоминаніе русскому рабочему классу о томъ, что надъ нашей страной все еще виситъ грозная опасность германскаго завоеванія. Для меня крайне отрадно убѣжденіе въ томъ, что и въ этомъ случаѣ мнѣ не нужно доказывать вамъ неоспоримую истинность второго слова нашей тактики. Только неисправимые утописты воображаютъ, будто указанная мною опасность можетъ быть устранена посредствомъ противопоставленія бронированному кулаку германскихъ имперіалистовъ слащавыхъ соображеній о преимуществахъ мира, объ ужасахъ войны и т. п. Обладатели бронированнаго кулака только презрительно смѣются надъ подобными соображеніями. Правда, въ Германіи возникла новая соціалистическая партія, болѣе или менѣе рѣшительно осуждающая войну. Но огромныя и чрезвычайно хорошо организованныя военныя силы Германской Имперіи находятся, вѣдь, не въ рукахъ этой партіи, а въ рукахъ Вильгельма съ его пособниками, — вплоть до Шейдемана и компаніи. И вы прекрасно знаете, что у молодой русской свободы нѣтъ болѣе опаснаго врага, чѣмъ германскій императоръ и его многочисленные сообщники. Если бы центральныя имперіи побѣдили насъ и нашихъ союзниковъ, то, не говоря уже о вѣроятности возстановленія нашего стараго порядка, онѣ навязали бы намъ условія, крайне неблагопріятныя для роста нашихъ производительныхъ силъ, и тѣмъ въ соотвѣтствующей мѣрѣ замедлили бы дальнѣйшее численное и культурное развитіе нашего рабочаго класса. А это, въ свою очередь, сильно задержало бы его движеніе къ конечной цѣли, т. е. къ соціализму.

«Дѣятельно участвуя въ нынѣшней войнѣ, русскій пролетаріатъ не измѣняетъ своему классовому интересу, а, напротивъ, защищаетъ его съ оружіемъ въ рукахъ ».

Скажите, читатель : долженъ-ли я взять назадъ хоть одно слово изъ того, что было мною написано 18 апрѣля? Конечно нѣтъ! Теперь то, что было написано мною тогда, постепенно входитъ во всеобщее сознаніе, теперь нашимъ языкомъ пишутся воззванія революціоннаго правительства народной самообороны. Теперь уже какъ-то не слышно, чтобы насъ бранили соціалъ-патріотами.. Да оно и понятно : теперь всѣ, — за исключеніемъ лишь самыхъ

одичалыхъ и самыхъ не умныхъ, — заговорили объ интересахъ дорогой родины, то есть, всѣ сдѣлались соціалъ - патріотами.

Лучше поздно, чѣмъ никогда, а еще лучше — рано, чѣмъ поздно. Мы явились работниками « перваго часа », и мы имѣемъ полное право сказать нашимъ противникамъ :

Въ концѣ-концовъ, вы идете туда-же, куда идемъ мы. Но мы приближаемся къ нашей цѣли, повернувшись къ ней лицомъ, а вы подвигаетесь къ ней, обернувшись затылкомъ. Поэтому ваши шаги неловки и полны колебанія, тогда какъ наша походка самоувѣренна и свободна.

Августъ 1917 года

Пора дерзнуть!

(«Единство», № 106 отъ 3-го августа 1917 г.)

Передо мною лежатъ два номера еженедѣльной газеты « Наша Мысль », которая называетъ себя органомъ бобруйскаго комитета россійской соціалъ-демократической рабочей партіи. Трудно сообразить, что хочетъ сказать газета, объявляя себя органомъ названной партіи. Дѣло въ томъ, что партія наша еще задолго до войны разрушилась вслѣдствіи непрерывной и ожесточенной борьбы фракцій. Со времени ея разрушенія названіе « Россійская соціалъ-демократическая рабочая партія » присвоила себѣ организація, созданная Ленинымъ. Это извѣстно всѣмъ членамъ бывшей партіи. Поэтому, когда мы читаемъ подъ какимъ-нибудь заявленіемъ или воззваніемъ : центральный, или петроградскій, или московскій комитетъ россійской соціалъ-демократической рабочей партіи, мы говоримъ себѣ : это идетъ отъ ленинцевъ.

Называя себя « органомъ бобруйскаго комитета россійской соціалъ-демократической рабочей партіи », « Наша Мысль » даетъ намъ полное право предположить, что она обслуживаетъ ленинскую организацію. Однако, на повѣрку выходитъ, что это не такъ. Напечатанное въ первомъ номерѣ названнаго органа заявленіе гласитъ : « Наша Мысль », — по мѣрѣ своихъ скромныхъ силъ и возможности, — будетъ направлять энергію нашей революціонной демократіи по тому руслу, въ которомъ сочетается борьба за раскрѣпощеніе труда со здравымъ государственнымъ инстинктомъ, — по руслу меньшевизма.

« Меньшевизмъ — естественная позиція, находясь на которой рабочій классъ и революціонная демократія могутъ закрѣпить завоеванія революціи ».

Итакъ, бобруйскій комитетъ, органомъ котораго является « Наша Мысль », считаетъ себя принадлежащимъ къ россійской соціалъ-демократической рабочей партіи меньшевиковъ. Но это —

чистое недоразумѣніе. Такой партіи пока еще не существуетъ. Организаціонный Комитетъ, вокругъ котораго болѣе или менѣе тѣсно объединяются разныя группы меньшевиковъ, потому и называетъ себя *организаціоннымъ*, что онъ хотѣлъ бы *организовать* соціалъ-демократическую партію. Но, во-первыхъ, это, какъ видимъ, еще только дѣло будущаго, а во-вторыхъ, когда въ самомъ дѣлѣ возстановится у насъ единство соціалъ-демократической партіи, въ нее войдутъ не одни только меньшевики.

Изо всего этого слѣдуетъ, что дѣйствующая въ Бобруйскѣ организація меньшевиковъ поступила неосмотрительно, окрестивъ себя бобруйскимъ комитетомъ россійской соціалъ-демократической рабочей партіи. Пойдемъ дальше.

« Наша Мысль » стоитъ на точкѣ зрѣнія меньшевизма, который, по ея мнѣнію, одинъ только можетъ закрѣпить завоеванія революціи. Но что такое « меньшевизмъ »? Представляетъ-ли онъ собою сколько нибудь опредѣленное идейное теченіе въ русской соціалъ-демократіи? Нисколько. Между « интернаціоналистомъ » Мартовымъ, цѣликомъ усвоившимъ себѣ тактику и многіе взгляды анархо-синдикалистовъ, и « оборонцемъ » Потресовымъ, послѣдовательно, хотя и не всегда рѣшительно, отстаивающимъ завѣты второго интернаціонала, нѣтъ ничего общаго, кромѣ ярлычка : *меньшевикъ*. И замѣтьте, что, какъ у Мартова, такъ и у Потресова имѣется среди меньшевиковъ не мало единомышленниковъ. Конечно, между направленіемъ Мартова, съ одной стороны, и направленіемъ Потресова — съ другой, есть промежуточные оттѣнки. Но эти оттѣнки не могутъ быть признаны характерными для «меньшевизма » именно потому, что они — *промежуточные*. Они характерны развѣ только своей безхарактерностью. Но напрасно мы стали бы надѣяться, что безхарактерность поможетъ намъ « закрѣпить завоеванія революціи ». Куда ей! Она способна только все путать, все обезличивать, постоянно переходить, по выраженію Мольера, отъ бѣлаго къ черному, осуждать сегодня то, что она говорила вчера, и мѣнять мнѣнія, какъ моду.

Возьмемъ хоть « Рабочую газету », являющуюся чѣмъ-то въ родѣ центральнаго органа меньшевиковъ. Было время, когда она отстаивала пресловутое братаніе. Теперь она осуждаетъ его. Молчаливо, но все-таки осуждаетъ. Еще совсѣмъ недавно она испытала постыдную и смѣшную тревогу, когда наши войска взяли Галичъ. Теперь она, вслѣдъ за другими, рѣшается утверждать, что

мы должны защищать Россію отъ нѣмецкаго нашествія. Въ ней найдешь все, кромѣ логики. И ея меньшевизмъ « закрѣпитъ завоеванія революціи »?!

Нѣтъ, въ это не можетъ вѣрить и « Наша Мысль ». Я съ увѣренностью говорю такъ на томъ основаніи, что органъ бобруйскаго комитета стоитъ на « оборонческой » точкѣ зрѣнія. По ясно выраженной мысли одного изъ его сотрудниковъ, « невозможно отказаться отъ того, что такъ дорого каждому человѣку, какое бы положеніе онъ ни занималъ и подъ какимъ бы политическимъ знаменемъ ни стоялъ, — честь и независимость его родины»[1]).

Другой сотрудникъ « Нашей Мысли » С. К. Харченко въ рѣчи, произнесенной въ бобруйскомъ городскомъ саду 12 іюля, восклицалъ :

« Товарищи и граждане!

« Мы всѣ съ презрѣніемъ и негодованіемъ относимся къ тѣмъ, кто, забывъ о своемъ долгѣ передъ родиной, малодушно бѣжитъ съ фронта ».[2])

Долгъ передъ родиной! Если меньшевикъ Мартовъ прочтетъ эти слова меньшевика Харченко, то онъ съ негодованіемъ замѣтитъ: Да это чистѣйшій соціалъ-патріотизмъ! Онъ будетъ правъ. Это какъ разъ то, что нѣкоторые неразумные люди, между которыми были и большевики и меньшевики, безуспѣшно старались опозорить названіемъ *соціалъ-патріотизмъ*. Но, въ такомъ случаѣ, какъ же меньшевикъ Харченко будетъ трудиться вмѣстѣ съ меньшевикомъ Мартовымъ надъ « закрѣпленіемъ завоеваній революціи »? Признаюсь, я не понимаю. И мнѣ кажется, что по ихъ поводу слѣдуетъ сказать словами Крылова :

Когда въ товарищахъ согласья нѣтъ,
На ладъ ихъ дѣло не пойдетъ,
И выйдетъ изъ него не дѣло, только
мука.

Внутри « меньшевизма » *согласья нѣтъ*. Поэтому *не пойдетъ на ладъ* его дѣло; не удастся ему « закрѣпить завоеванія революціи» А между тѣмъ, закрѣпить ихъ безусловно необходимо. Кто же способенъ на это? На этотъ счетъ « Наша Мысль » молчитъ. Она предпочитаетъ топтаться на одномъ мѣстѣ вокругъ « меньшевизма».

[1]) См. статью К. А. Лужскаго «Три года», во 2 № «Нашей Мысли». *Г. П.*
[2]) См. «Нашу мысль» № 1. *Г. П.*

Но.топтаніе на одномъ мѣстѣ — не только не движеніе впередъ, а даже не моціонъ, какъ говаривалъ когда то А. С. Хомяковъ. Впрочемъ, будемъ надѣяться, что въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ своихъ редакція бобруйскаго соціалъ-демократическаго органа осмѣлится наконецъ сдѣлать нѣсколько серьезныхъ шаговъ въ направленіи къ правильному рѣшенію рокового вопроса. Пора дерзнуть!

Къ вопросу объ Объединительномъ Съѣздѣ Россійской соціалъ-демократіи

(«Единство», № 107 отъ 4-го августа 1917 г.)

Въ соціалъ-демократической печати много пишутъ теперь о предстоящемъ съѣздѣ, которому присваивается названіе Объединительнаго Съѣзда россійской с.-д. рабочей партіи. При этомъ высказывается много жалобъ на нынѣшнее положеніе дѣлъ въ русской соціалъ-демократіи. Такъ, бобруйская « Наша Мысль », — о которой я говорилъ во вчерашней моей статьѣ,—слѣдующимъ образомъ комментируетъ мнѣніе « Бюро по созыву съѣзда »: « Наша партія расщеплена на множество враждующихъ теченій. Всякое изъ нихъ старается проложить себѣ отдѣльно русло въ сознаніи народныхъ массъ. Въ концѣ концовъ, это обстоятельство парализуетъ творческую силу партіи. Партійная энергія распыляется, силы дробятся — партія теряетъ свой удѣльный вѣсъ въ странѣ »... [1]).

Это, — увы! — какъ нельзя болѣе справедливо. Наши соціалъ-демократическія силы, дѣйствительно, дробятся. Скажу болѣе : онѣ уже раздробились. Но если это такъ, то я былъ совершенно правъ, замѣтивъ во вчерашней моей статьѣ, что бобруйская организація меньшевиковъ не имѣла права назвать себя бобруйскимъ комитетомъ россійской с.-д. рабочей партіи. Когда возстановится единство русской соціалъ-демократіи, тогда у насъ будетъ и партія, какъ единая организація, а не какъ отвлеченная идея. Когда у насъ будетъ единая партійная организація, тогда у насъ будутъ

[1]) См. ст. С. Вольфсона «Къ съѣзду с.-д. партіи », въ № 1 «Нашей Мысли». *Г. П.*

и партійные органы вродѣ комитетовъ и т. д. А пока что, *партійныхъ* комитетовъ у насъ нѣтъ, и бобруйскій комитетъ, пусть извинятъ меня его члены,—нѣсколько напоминаетъ гоголевскій носъ, который пытался, какъ извѣстно, вести независимое отъ остального организма существованіе и даже гулялъ по Невскому.

Это, конечно,—частность, по нынѣшнему времени заслуживающая вниманія, но все-таки частность. Гораздо важнѣе и печальнѣе то, что вполнѣ справедлива жалоба « Нашей Мысли » на крайне вредное раздробленіе силъ русской соціалъ-демократіи. Однако, высказать основательную жалобу еще не значитъ объяснить, какъ помочь горю. « Наша Мысль » говоритъ : надо объединиться.

То же самое говорятъ и всѣ сторонники скораго созыва Объединительнаго Съѣзда. И это вполнѣ справедливая мысль : объединиться, въ самомъ дѣлѣ, нужно. Но для того, чтобы объединеніе состоялось, необходима наличность извѣстныхъ предварительныхъ условій. А эти условія до сихъ поръ остаются очень плохо выясненными.

Наши партійныя силы раздроблены были еще до начала войны. Это знали соціалисты всѣхъ странъ, часто и настойчиво призывавшіе насъ къ объединенію. Не безъ ихъ вліянія созвана была наша Брюссельская Объединительная Конференція, закончившая свои работы почти ровно за 2 недѣли до того, какъ Германія послала свой ультиматумъ Россіи. Она состоялась подъ предсѣдательствомъ Вандервельде и при дѣятельномъ участіи Гюисманса и Каутскаго. Но наши западные товарищи имѣютъ много практическаго опыта. Они поняли, что нельзя было тотчасъ же объединить распыленныя силы русской соціалъ-демократіи. Поэтому они постарались придать Брюссельской Конференціи характеръ простого совѣщанія, только уравнивающаго путь для будущаго объединенія. Окончательному же объединенію предстояло произойти позже, на Международномъ Съѣздѣ, который долженъ былъ состояться черезъ нѣсколько недѣль въ Вѣнѣ.

Нельзя не подивиться тому такту, съ которымъ наши западные товарищи предостерегали насъ отъ всякой излишней поспѣшности въ дѣлѣ собиранія нашихъ распыленныхъ силъ. Особенно умѣнъ былъ въ этомъ случаѣ совѣтъ повременить съ возстановленіемъ нашего партійнаго единства до будущаго Международнаго съѣзда. Соціалъ-демократическіе делегаты всѣхъ странъ своимъ смягчающимъ вліяніемъ безпристрастныхъ единомышленниковъ устранили

бы тѣ трепія, которыя, конечно, продолжали еще существовать между различными группами русской соціалъ-демократіи. А главное — ихъ контролирующее присутствіе, вѣроятно, сдѣлало бы нравственно невозможными тѣ подвохи, съ помощью которыхъ грязныя группы и фракціи на нашихъ « объединительныхъ съѣздахъ — ихъ было уже не мало, — « подсиживаютъ » одна другую и тѣмъ сѣютъ новое разъединеніе.

При такихъ предварительныхъ условіяхъ, объединеніе ставшее дѣйствительно *очень нужнымъ*, становилось практически возможнымъ. И мы всѣ охотно шли на него, за исключеніемъ ленинцевъ, которые стремятся къ объединенію съ другими организаціями въ томъ смыслѣ, въ какомъ голодный человѣкъ мечтаетъ объ объединеніи съ кускомъ хлѣба, т. е. во что бы то ни стало хотятъ съѣсть эти организаціи. Эти молодцы не въ счетъ.

Война помѣшала осуществленію превосходнаго объединительнаго плана, выработаннаго въ Брюсселѣ при помощи Вандервельде, Гюисманса и Каутскаго. Она вообще до крайности затруднила возстановленіе нашего партійнаго единства. И не только затруднила возстановленіе партійнаго единства тамъ, гдѣ, какъ у насъ, оно въ данное время не существовало. Война разрушила единство германской партійной организаціи, изумлявшей весь міръ своей стройностью и, казалось, несокрушимой прочностью. Нѣмецкіе соціалъ-демократы, нѣкогда столь презрительно осмѣивавшіе распыленность нашихъ силъ, сами раздѣлились на нѣсколько организацій. Что отвѣтили бы они, положимъ, французамъ которые дали бы имъ благой совѣтъ : объединяйтесь? Они сказали бы имъ : мы не хуже, а, пожалуй, и лучше васъ знаемъ цѣну единства; но наше нынѣшнее положеніе такъ сложно, что всякія попытки немедленнаго объединенія осуждены на неудачу.

Война осложнила внутреннее положеніе Россіи никакъ не меньше, чѣмъ осложнила она внутреннее положеніе Германіи. Правда, на другой ладъ, но, несомнѣнно, очень осложнила. Къ осложняющему вліянію войны у насъ прибавилось также осложняющее вліяніе революціи. « Наша Мысль » справедливо замѣтила, что мы переживаемъ эпоху страшнаго идейнаго разброда. Но чѣмъ больше нашъ идейный разбродъ, тѣмъ обдуманнѣе и осторожнѣе должны быть наши объединительныя попытки. И тѣмъ внимательнѣе должны мы относиться къ предварительнымъ условіямъ, которыя одни только и могли бы сдѣлать подобныя попытки

сколько нибудь плодотворными. Въ противномъ случаѣ, у насъ произойдетъ не *объединительный* съѣздъ, а рядъ взаимныхъ подвоховъ, сѣющихъ *разъединеніе*.

Сбилъ, сколотилъ — вотъ колесо.
Сѣлъ да поѣхалъ — ахъ, хорошо!
Оглянулся назадъ, —
Однѣ спицы лежатъ.

Такъ иронизируетъ нашъ народъ надъ скороспѣлыми издѣліями нашихъ деревенскихъ плотниковъ-самоучекъ. Это народное четверостишіе часто приходилось мнѣ вспоминать, когда я созерцалъ пышные всходы разъединенія, которые такъ старательно сѣялись на нашихъ « объединительныхъ » съѣздахъ. Можно почти съ увѣренностью утверждать, что « объединительный » съѣздъ, недостаточно обдуманно созванный въ настоящее время, не далъ бы намъ ничего, кромѣ неумѣло сколоченнаго колеса, отъ котораго очень скоро останутся однѣ только спицы.

Конференція международныхъ оппортюнистовъ

(«Единство», № 108 отъ 5-го августа 1917 г.)

Вопросъ о Стокгольмской Конференціи значительно подвинулся къ своему положительному рѣшенію. Какъ извѣстно, англійская рабочая партія огромнымъ большинствомъ голосовъ постановила на своемъ съѣздѣ послать на нее своихъ представителей. Теперь можно съ полной увѣренностью сказать, что она состоится. Правда, правительства союзныхъ съ нами большихъ странъ, съ своей стороны, постановили не выдавать паспортовъ тѣмъ лицамъ, которые будутъ выбраны соотвѣтствующими партіями для участія въ конференціи. Но это не такое препятствіе, котораго нельзя было бы преодолѣть. Въ демократическихъ странахъ, какими издавна являются наши великія западно-европейскія союзницы, правительства привыкли принимать въ соображеніе ясно и рѣшительно выраженную волю организованнаго пролетаріата. А такъ какъ воля эта склонилась во Франціи и въ Англіи въ

сторону участія въ конференціи, то, по всей вѣроятности, тамошнія правительства своевременно сдѣлаютъ необходимую уступку.

Итакъ, Стокгольмская Конференція состоится. Что же принесетъ она Россіи въ частности и цивилизованному міру вообще?

Намъ она принесетъ, прежде всего, новую и опасную путаницу понятій въ умахъ солдатъ. Положимъ, русское правительство заявило, что Стокгольмская Конференція созывается вовсе не по его почину и представляетъ собою чисто партійное дѣло. Но русскій солдатъ врядъ-ли усвоитъ себѣ это важное различеніе. Онъ услышитъ, что созвана международная конференція въ цѣляхъ борьбы за миръ и, не спрашивая себя, кто именно созвалъ ее, вообразитъ, будто не сегодня-завтра война совсѣмъ прекратится. Когда явится у него подобная мысль, онъ, естественно, потеряетъ охоту энергично продолжать вооруженную борьбу съ непріятелемъ. А, вѣдь, извѣстно, что уже и теперь, подъ вліяніемъ ленинцевъ, такая охота во многихъ частяхъ нашей арміи почти совсѣмъ пропала. Извѣстія о Стокгольмской Конференціи еще больше будутъ способствовать ея исчезновенію. Такимъ образомъ, названная конференція будетъ вліять на русскую армію въ томъ же самомъ направленіи, въ какомъ вліяютъ на нее сторонники Ленина. Большинство русскихъ организаторовъ Конференціи, навѣрное, не отдаетъ себѣ въ этомъ надлежащаго отчета.

Большинство это, конечно, одушевлено самыми хорошими намѣреніями. Жаль только, что хорошія намѣренія не всегда ведутъ за собою хорошіе поступки. Извѣстно, что добрыми намѣреніями вымощенъ весь адъ.

Недавно А. Ф. Керенскій сказалъ въ одной изъ своихъ рѣчей, что мы можемъ потерять нашъ хлѣбородный югъ. Само собою понятно, что если бы оправдалось это опасеніе, то Россія получила бы одинъ изъ самыхъ жестокихъ ударовъ, когда-либо нанесенныхъ ей врагами. Чтобы избѣжать грозящаго ей удара, она должна напречь всѣ свои силы въ отчаянной самообороне.

Пусть же судитъ читатель, насколько умѣстно ослаблять въ эту лихую годину силу сопротивленія русскаго солдата, невольно, но неизбѣжно поселяя въ его умѣ ошибочное представленіе о томъ, что скоро начнется въ Стокгольмѣ конференція для заключенія мира.

Впрочемъ, что же мы говоримъ о Россіи? Мы только лишній разъ навлекаемъ на себя тяжелое обвиненіе въ «соціалъ-патріо-

тизмѣ ». Да и стоитъ ли поднимать вопросъ объ интересахъ одной страны тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о торжествѣ всемірнаго соціализма? Давайте же взглянемъ на дѣло съ точки зрѣнія этого послѣдняго.

Однимъ изъ самыхъ рьяныхъ сторонниковъ созыва Международной Стокгольмской Конференціи выступалъ и выступаетъ вожакъ голландскихъ соціалъ-демократовъ Трульстра. Онъ всегда былъ большимъ оппортюнистомъ, что не мѣшало ему, впрочемъ, обнаруживать весьма значительную энергію. Немногочисленные голландскіе марксисты могли бы разсказать намъ не мало интереснаго на счетъ той энергіи, которую проявлялъ онъ въ борьбѣ съ ними. И эта то недюжинная энергія была вложена имъ въ его неусыпныя заботы о созывѣ Стокгольмской Конференціи. Зачѣмъ понадобилась она ему? Для торжества соціалистическаго принципа? Какъ бы не такъ!

Насквозь пропитанный духомъ оппортюнизма и совсѣмъ несклонный къ теоретической работѣ, Трульстра смотритъ на принципы, какъ на нѣчто незаслуживающее серьезнаго вниманія. Въ чемъ же дѣло? Въ томъ, что Голландія уже довольно много пострадала отъ нынѣшней войны. Дальнѣйшее продолженіе военныхъ дѣйствій сулитъ ей новыя и, можетъ быть, горшія бѣды. Въ виду этого, Трульстра и его единомышленники въ голландской с.-д. партіи рѣшили всѣми силами и способами добиваться мира. Чѣмъ скорѣе будетъ прекращена война, тѣмъ лучше. Разумѣется, Трульстра, нимало не колеблясь, высказывается въ пользу мира на основѣ самоопредѣленія народовъ. Но это одна « словесность ». На самомъ дѣлѣ, ему нуженъ не миръ на справедливой основѣ, а просто миръ, миръ во что бы то ни стало, какъ бы ни пострадали отъ него интересы отдѣльныхъ государствъ и, скажемъ, Россіи или Франціи. Миръ на справедливой основѣ дорогъ Трульстрѣ лишь въ примѣненіи къ будущей судьбѣ Голландіи. Трульстра стоитъ на точкѣ зрѣнія своей родины и, думая исключительно о ней, онъ развѣ только на словахъ воспротивится закланію другихъ странъ на алтарѣ... « Интернаціонала ».

Нужно быть политическимъ ребенкомъ, чтобы не замѣтить здѣсь вопіющаго противорѣчія. И точно также только политическій младенецъ « изряднаго возраста » можетъ ожидать, что люди, стоящіе, подобно Трульстрѣ, на точкѣ зрѣнія эгоистическихъ интересовъ отдѣльныхъ народовъ, склонны и способны сдѣлать что-нибудь для торжества истинныхъ принциповъ международной

соціалъ-демократіи. Люди этого разряда слишкомъ « практичны » для того, чтобы имъ могли быть дороги завѣты Интернаціонала.

И не подумайте, что такихъ людей будетъ немного. Къ величайшему сожалѣнію, приходится признать, что почти всѣ соціалисты нейтральныхъ странъ показали себя во время войны довольно равнодушными къ дѣйствительнымъ нуждамъ международнаго движенія. Каждый изъ нихъ много думалъ о своей собственной странѣ и очень мало заботился о другихъ странахъ. Такъ какъ война причинила большіе убытки нейтральнымъ государствамъ, то ихъ соціалистическіе представители, съѣхавшись на Стокгольмскую Конференцію, пойдутъ ради скораго заключенія мира на любыя принципіальныя уступки.

Руководители англійской рабочей партіи отдавали себѣ ясный отчетъ въ этомъ настроеніи соціалистическихъ представителей нейтральныхъ государствъ, когда объявили себя нерасположенными толковать на конференціи объ условіяхъ мира (Гендерсонъ). Они боялись, чтобы имъ не навязали въ Стокгольмѣ такихъ мирныхъ условій, которыя, подъ предлогомъ служенія Интернаціоналу, явились бы услугой германскому и австрійскому императорамъ. То же опасеніе побудило ихъ требовать, чтобы рѣшенія конференціи не имѣли обязательнаго характера.

Но если не говорить на конференціи о мирныхъ условіяхъ, какъ этого хотѣлъ бы Гендерсонъ, и не касаться вопроса о виновникахъ войны, какъ этого хотѣлъ Шейдеманъ и нѣкоторые глубокомысленные... простаки въ другихъ странахъ, то спрашивается : зачѣмъ же собственно ѣхать туда? Неужели затѣмъ, чтобы отвести душу въ назидательной бесѣдѣ съ тѣмъ же Шейдеманомъ? Вожди англійскаго пролетаріата — слишкомъ серьезные и слишкомъ дѣловые люди для того, чтобы они могли соблазниться перспективой подобной бесѣды. Они ѣдутъ въ Стокгольмъ не для болтовни, а съ довольно опредѣленной практической цѣлью. Они боятся, чтобы ихъ « русскіе друзья », предоставленные своему собственному простодушію, не сдѣлали, подъ вліяніемъ миролюбивыхъ эгоистовъ нейтральныхъ странъ, ложныхъ шаговъ, вредныхъ для союзныхъ съ Россіей государствъ. У Г. И. Успенскаго одинъ крестьянинъ, идя вмѣстѣ съ другимъ, сообщаетъ, что онъ состоитъ при своемъ спутникѣ « вродѣ губернанки ». Какъ видно, « вродѣ губернанки » будутъ выступать въ Стокгольмѣ и англійскіе единомышленники Гендерсона.

Я думаю, что « губернанка », да еще такая, которая обладаетъ несокрушимой настойчивостью Джона Буля, можетъ очень пригодиться. Но все-таки я не знаю, что привезутъ съ собою изъ Стокгольма делегаты разныхъ странъ. Имѣя весьма значительный опытъ по части Международныхъ Соціалистическихъ Съѣздовъ, я думаю, что они не привезутъ, да и не могутъ привезти съ собою ничего, кромѣ двухъ-трехъ каучуковыхъ резолюцій, по своей растяжимости не выясняющихъ, а наоборотъ, затемняющихъ принципы международнаго соціализма. Но стоитъ-ли далеко ѣздить за каучуковыми резолюціями? И позволительно-ли подрывать изъ-за нихъ, и безъ того уже значительно подорванную, силу сопротивленія русскаго солдата? Вотъ, по истинѣ, гамлетовскіе вопросы.

Пока наши русскіе сторонники Стокгольмской Конференціи будутъ думать надъ этими гамлетовскими вопросами (если найдутъ они наконецъ нужнымъ хоть немного задуматься надъ ними), я напомню имъ объ одномъ документѣ, недавно напечатанномъ въ «Единствѣ» (№ 98) и тоже заслуживающемъ большого вниманія.

Говоря это, я имѣю въ виду резолюцію, принятую группой Либкнехта въ связи съ агитаціей въ пользу Стокгольмской Конференціи, на которой будетъ участвовать официальная германская соціалъ-демократія, т. е., партія Шейдемана.

Вотъ два, весьма поучительныхъ пункта изъ этой резолюціи:

« 1) Официальная германская соціалъ-демократія работаетъ для мира только съ согласія съ германскимъ правительствомъ и въ духѣ нѣмецкаго милитаризма.

2) Въ 1914 и въ 1915 годахъ соціалъ-демократія надругалась надъ словомъ « миръ », потому что тогда она думала, что миръ повлечетъ за собою ослабленіе Германіи. Она принимаетъ сейчасъ это слово, потому что само германское правительство говоритъ о мирѣ, готовя, конечно, германскую побѣду. Эта псевдо-мирная пропаганда соціалъ-демократіи поддерживается правительствомъ, потому что она поднимаетъ духъ арміи,[1]) въ то время, какъ мирная пропаганда даже буржуазныхъ пацифистовъ безжалостно преслѣдуется тѣмъ же правительствомъ ».

Поясняя цитируемую мною резолюцію, нѣмецкіе сторонники

[1]) Поднимаетъ духъ арміи въ томъ смыслѣ, что лицемѣрно изображаетъ Германію миролюбивой страною, несправедливо обижаемой своими сосѣдями.- *Г. И.*

Либкнехта прибавили, что они смотрятъ на шейдемановцевъ, какъ на партію шпіоновъ и разбойниковъ. « Въ скоромъ времени, — замѣчаютъ они,—должна открыться Международная Соціалистическая Конференція въ Стокгольмѣ. Допущеніе этихъ продажныхъ каналій на эту конференцію было бы позоромъ и безчестьемъ для международнаго соціализма и для всего цивилизованнаго міра. Оскорбленіемъ Либкнехта и соціалистовъ-мучениковъ было бы допущеніе на конференцію ихъ палачей... Нѣмецкое правительство открыто хвастаетъ, что оно посылаетъ соціалъ-демократовъ въ Стокгольмъ, какъ своихъ представителей. И можно быть увѣреннымъ, что эти шпіоны будутъ ему тотчасъ же доносить шифрованными телеграммами о каждомъ услышанномъ словѣ ».

Все это умно, правильно и очень ярко выражено. И все-таки конференція соберется. И все-таки самый фактъ присутствія на ней шейдемановцевъ будетъ фактомъ братанія соціалистовъ странъ, атакованныхъ австро-германскимъ имперіализмомъ, съ этой « партіей шпіоновъ и разбойниковъ ». Такова, пока еще непреодилимая, сила международнаго оппортюнизма. Скучно, на этомъ свѣтѣ, господа.

P. S. Мнѣ могутъ возразить : да развѣ изъ оппортюнистовъ состоитъ французская соціалистическая партія, тоже, какъ извѣстно, отправляющая своихъ делегатовъ въ Стокгольмъ? Отвѣчаю : во французской партіи, какъ почти вездѣ, есть два теченія. Гэдисты, — французскіе марксисты, — были *противъ* участія въ Стокгольмской Конференціи, но оказались въ меньшинствѣ и подчинились рѣшенію, принятому партійнымъ большинствомъ. Что же касается этого большинства, то въ немъ, безъ сомнѣнія, силенъ оппортюнистическій элементъ.

Наканунѣ Московскаго Совѣщанія

(«Единство», № 110 отъ 8-го августа 1917 г.)

На Московскомъ Совѣщаніи предстоитъ встрѣча двухъ общественныхъ силъ, соотношеніемъ которыхъ опредѣлится будущая судьба нашей страны. Торгово-промышленная буржуазія сойдется тамъ съ представителями такъ или иначе организованной части русской революціонной демократіи. Что выйдетъ изъ этой встрѣчи?

Я не беру на себя роли пророка. Но то, что произошло на 2-мъ торгово-промышленномъ съѣздѣ въ Москвѣ, невольно рождаетъ тревогу. На этомъ съѣздѣ раздались такія рѣчи, которыя кто-то справедливо сравнилъ съ рѣчами большевиковъ, т. е., — выражаясь точно, — *ленинцевъ*. Особенную склонность говорить языкомъ Ленина обнаружилъ г. Рябушинскій. Въ его рѣчи прозвучалъ страстный, почти истерическій призывъ къ борьбѣ. И она была покрыта бурными рукоплесканіями. Очевидно, слушатели г. Рябушинскаго тоже проникнуты были стремленіемъ къ борьбѣ и стремились къ ней съ такою же страстностью, какъ онъ самъ. Къ сожалѣнію, пока еще нѣтъ признаковъ, которые давали бы поводъ надѣяться, что къ тому времени, когда состоится Московское Совѣщаніе, руководящіе круги нашего торгово-промышленнаго класса проникнутся менѣе воинственнымъ по отношенію къ демократіи настроеніемъ. Какъ же не тревожиться?

Борьба — прекрасное дѣло. Безъ борьбы нѣтъ жизни. Еще «темный» эфесскій мыслитель говорилъ: споръ есть отецъ всѣхъ вещей. Но, признавая великое, прогрессивное значеніе борьбы въ ходѣ развитія общественной жизни, необходимо помнить, что ея сознательные участники должны въ каждомъ данномъ случаѣ стараться поставить ее въ такія условія, при которыхъ она была бы дѣйствительно плодотворна. «Споръ», необдуманно затѣянный при неподходящихъ условіяхъ времени и мѣста, можетъ оказаться «отцомъ» такой страшной вещи, какъ гибель цѣлаго государства.

Г. Рябушинскій, такъ громко возвѣстившій свое выступленіе въ походъ, какъ будто забылъ о томъ, что у нашихъ дверей стоитъ Аннибалъ австро-германскаго имперіализма. Онъ какъ будто не нашелъ нужнымъ спросить себя: не облегчимъ ли мы дѣло завоевателя нашимъ походомъ противъ демократіи?

Всякому безпристрастному человѣку достаточно поставить себѣ этотъ вопросъ, чтобы немедленно рѣшить его въ утвердительномъ смыслѣ: да, все то, что умножаетъ у насъ шансы гражданской войны, тѣмъ самымъ увеличиваетъ вѣроятность побѣды центральныхъ имперій. Къ чему бы ихъ привела побѣда? Это теперь уже всѣмъ извѣстно. Прежде всего, къ хозяйственному порабощенію Россіи Германіей. Не говоря уже о томъ, насколько не выгодно было бы такое порабощеніе для всей нашей родины, совершенно ясно, что отъ него очень много выиграла бы *нѣмецкая*

буржуазія и очень много потеряла бы — *русская*. Отсюда, съ неизбѣжностью правильно обоснованнаго математическаго вывода, слѣдуетъ, что нашъ торгово-промышленный классъ не считался даже со своими собственными интересами, когда, устами своихъ руководителей, громко возвѣщалъ о своемъ намѣреніи вступить въ борьбу съ демократіей.

Я вовсе не хочу сказать, что классъ этотъ не имѣлъ повода жаловаться. Поводы несомнѣнно были. Демократія сдѣлала много ошибокъ. Я такъ часто писалъ объ этомъ, что нѣкоторые, « скорбные главою », демократы стали подозрѣвать меня въ « контръреволюціонныхъ» стремленіяхъ. (См. публицистическія упражненія сотрудниковъ органа Максима Неразсудительнаго). Но развѣ на ошибки противника непремѣнно нужно отвѣчать ошибками? Это изъ рукъ вонъ плохая тактика. А, кромѣ того, неужели нашъ торгово-промышленный классъ воображаетъ, будто въ его пассивѣ нѣтъ ошибокъ? Увы, есть! да еще какія!

Безпристрастный историкъ переживаемаго нами тяжелаго историческаго періода долженъ будетъ признать, что многія заблужденія рабочихъ коренились въ неправильныхъ и ничѣмъ не оправдываемыхъ дѣйствіяхъ предпринимателей.

Нашъ торгово-промышленный классъ уже достигъ той ступени развитія, на которой можно отъ него требовать сознательности. Но въ чемъ заключается ея первый и самый главный признакъ? Въ умѣніи критически относиться къ своимъ собственнымъ поступкамъ. Правда, такое умѣніе дается весьма не легко. Несравненно пріятнѣе критиковать другихъ, нежели самого себя. Но только тотъ, кто умѣетъ — и не *боится*! — критиковать самого себя, стоитъ на высшей ступени сознательности. Къ величайшему сожалѣнію, надо сказать, что нашъ торгово-промышленный классъ показалъ себя въ лицѣ своихъ представителей, участвовавшихъ въ съѣздѣ, очень мало расположеннымъ къ самокритикѣ. Пылкій Ахиллъ этого класса, г. Рябушинскій, жестоко нападалъ на демократію, но не нашелъ ни одного, хотя бы самого мягкаго, слова порицанія по отношенію къ представителямъ торговли и промышленности. Читая его страстную филиппику противъ демократовъ, подумаешь, что нашихъ купцовъ и фабрикантовъ можно, — по извѣстному французскому выраженію, — пріобщить даже безъ исповѣди. Но такъ ли это, на самомъ дѣлѣ? Самъ г. Рябушинскій, конечно, хорошо знаетъ, что нѣтъ.

А какъ нужна была бы самокритика нашему торгово-промышленному классу! Русское государство принесло много жертвъ, содѣйствуя развитію нашей торговли и промышленности. Жертвы эти приносились въ нездоровой обстановкѣ самодержавія, вслѣдствіе чего наши торговцы и промышленники пріобрѣтали навыки, очень плохо уживавшіеся не только съ нуждами болѣе широкихъ круговъ населенія, но даже съ правильно понятыми интересами промышленности и торговли. Теперь самодержавіе рухнуло; Россія входитъ въ новый фазисъ политической жизни, старые навыки отжили свое время; нужны новые пріемы дѣятельности, новая формулировка ея задачъ. А для всего этого, прежде и больше всего, нужна та здоровая самокритика, на которую нѣтъ даже намека ни въ рѣчи г. Рябушинскаго, ни въ разсужденіяхъ г. Третьякова, ни въ доводахъ г. Бубликова.

Война уже навязала на шею Россіи такой огромный государственный долгъ, что мы обанкротимся, если намъ не удастся поднять наши производительныя силы на небывалую у насъ до сихъ поръ высоту. Это должны были понимать участники второго торгово-промышленнаго съѣзда. А если они понимали это, то имъ необходимо было начертать широкую программу новой экономической дѣятельности. Такая программа, можно сказать, сама собою потребовала бы, какъ естественнаго своего дополненія, не менѣе широкой программы *реформъ въ интересахъ рабочаго класса*. Если бы г. Рябушинскій выступилъ съ этими двумя программами, то въ его лицѣ нашъ торгово-промышленный классъ показалъ бы себя способнымъ взять на себя чрезвычайно плодотворную историческую роль и *тѣмъ самымъ намѣтилъ бы путь для своего соглашенія съ революціонной демократіей*. Г. Рябушинскій предпочелъ сердиться и браниться. Россія не дождется ничего другого отъ идеологовъ нашей торговли и промышленности? Слишкомъ печально думать это наканунѣ созываемаго Правительствомъ Московскаго Совѣщанія.

Наше спасеніе не въ гражданской войнѣ, а въ сознательномъ, всесторонне-обдуманномъ, планомѣрномъ и добросовѣстномъ соглашеніи тѣхъ двухъ классовъ, совокупныя усилія которыхъ одинаково нужны, при нынѣшнихъ конкретныхъ условіяхъ, для экономическаго обновленія Россіи. Горе утопистамъ, отказывающимся понять это, — все равно, къ какому бы классу они ни принадлежали. Лучше было бы имъ навязать себѣ камень на шею и броситься въ воду.

Все о томъ же

(«Единство», № 111 отъ 9-го августа 1917 г.)

Прежде, когда германская соціалъ-демократія еще не склонялась къ « политикѣ 4 августа », въ ея періодическихъ изданіяхъ нерѣдко можно было встрѣтить довольно ядовитыя насмѣшки надъ Вильгельмомъ II. Такъ, однажды, не помню какой именно соціалъ-демократическій органъ отмѣтилъ слѣдующую черту нынѣшняго главы германской имперіи, какъ оратора : между тѣмъ какъ обыкновенные, не коронованные, ораторы сначала корректируютъ свои рѣчи, а потомъ печатаютъ ихъ, Вильгельмъ II сначала ихъ отдаетъ въ печать, и только потомъ корректируетъ. Эта насмѣшка вызвана была тѣмъ, что нѣмецкій императоръ въ самомъ дѣлѣ часто вносилъ поправки въ свои рѣчи послѣ того, какъ онѣ, появившись въ печати, вызывали неудовольствіе читающей публики. Я вспомнилъ объ этомъ смѣшномъ обычаѣ кайзера, прочитавъ появившееся въ газетахъ извѣстіе о второй рѣчи г. Рябушинскаго, которая несомнѣнно представляетъ собой поправку къ его *первой* рѣчи. И я сказалъ себѣ: г. Рябушинскій лучше сдѣлалъ бы, если бы, ограничившись *одной* рѣчью, сначала выправилъ ее, а потомъ произнесъ на торгово-промышленномъ съѣздѣ и, наконецъ, предалъ тисненію.

Впрочемъ, у всякаго свои привычки. Г. Рябушинскій предпочелъ произнести свою первую рѣчь, не выправивъ ее надлежащимъ образомъ, а чтобы загладить произведенное ею непріятное впечатлѣніе, онъ взялъ слово еще одинъ разъ. Это его дѣло. Вопросъ лишь въ томъ, на сколько вторая рѣчь г. Рябушинскаго исправила первую. Не знаю, какъ вамъ, читатель, а мнѣ кажется, что своей второй рѣчью онъ не достигъ той цѣли, которую себѣ поставилъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ этой рѣчи онъ говорилъ, обращаясь къ крайнимъ лѣвымъ : « пойдемте вмѣстѣ ». Нельзя не одобрить этого. Но если человѣкъ собирается идти съ кѣмъ нибудь вмѣстѣ, онъ поступаетъ совсѣмъ не цѣлесообразно, преподнося своему будущему спутнику, въ видѣ дорожнаго запаса, цѣлую вязанку крѣпкихъ словъ. Одинъ петроградскій органъ нашелъ, что г. Рябушинскій поступилъ правильно, такъ какъ ему необходимо

было высказаться до конца. Но одно дѣло высказаться до конца, а другое дѣло выругаться на чемъ свѣтъ стоитъ. Удивительно, какъ петроградскій органъ могъ вообразить, что это одно и то-же.

Что высказаться до конца необходимо теперь болѣе, чѣмъ когда бы то ни было, это совершенно очевидно. Но до конца-ли высказался г. Рябушинскій во второй своей рѣчи? Въ этомъ позволительно усомниться. Позволительно — потому, что въ умѣ этого идеолога нашего торгово-промышленнаго класса понятіе о задачахъ нынѣшняго момента врядъ-ли ограничивается сознаніемъ необходимости «*итти впередъ*». Прежде, нежели пускаться въ совмѣстное путешествіе, слѣдуетъ сговориться объ его условіяхъ. А къ этому очень мало расположенія показываетъ г. Рябушинскій.

Правда, онъ требуетъ, чтобы наша демократія не оттѣсняла торгово-промышленнаго класса; чтобы она не лишала его вліянія на ходъ нашей общественной жизни. И тутъ онъ правъ. Непослѣдовательны тѣ наши демократы, которые, съ одной стороны, во всеуслышаніе признаютъ, что Россія переживаетъ теперь *буржуазную* революцію, а съ другой, прилагаютъ всѣ усилія къ тому, чтобы на практикѣ свести къ нулю вліяніе буржуазіи. Въ этой непослѣдовательности коренятся почти всѣ тѣ, весьма важныя, тактическія ошибки, которыя сдѣланы были нашей демократіей. *Немыслимъ буржуазный порядокъ безъ буржуазіи, капиталистическій способъ производства безъ капиталистовъ.* Представители нашего торгово-промышленнаго класса не только имѣютъ право, но *обязаны* требовать, чтобы его не связывали по рукамъ и ногамъ.

Однако, сказать, что Россія переживаетъ теперь буржуазную революцію, еще вовсе не значитъ признать, что буржуазія можетъ не считаться съ требованіями рабочаго класса.

Когда мы говоримъ: «Россія переживаетъ теперь буржуазную революцію», мы понимаемъ подъ этимъ, что у насъ не настала пора замѣны капиталистическаго способа производства соціалистическимъ. И всякій соціалъ-демократъ, хоть немного усвоившій себѣ теорію научнаго соціализма, охотно прибавитъ, что если бы нашъ рабочій классъ захотѣлъ стѣснять дальнѣйшее развитіе капиталистическаго способа производства, онъ тѣмъ самымъ нанесъ бы жестокій вредъ, какъ всей странѣ, такъ и своимъ собственнымъ интересамъ. Но въ каждой данной странѣ развитіе капитализма совершалось и совершается при *данной* исторической обстановкѣ. Та историческая обстановка, въ которой будетъ

совершаться на русской почвѣ дальнѣйшее движеніе капиталистическаго способа производства, характеризуется, прежде всего, значительной степенью политической самодѣятельности пролетаріата. Я вполнѣ понимаю, что есть люди, которымъ не нравится это обстоятельство. Но я не могу представить себѣ, чтобы кто-нибудь рѣшился отрицать его. Пролетаріатъ выступилъ на русскую историческую сцену и онъ такъ или иначе останется на ней — въ качествѣ класса, все болѣе и болѣе созрѣвающаго для правильнаго пониманія своихъ интересовъ. Идеологи нашей буржуазіи непремѣнно должны принять это во вниманіе. А разъ они захотятъ принять это во вниманіе, они тотчасъ поймутъ, что имъ нужно какъ можно скорѣе, громче и рѣшительнѣе заявить о своей готовности пойти навстрѣчу правомѣрнымъ требованіямъ рабочаго класса. По моему мнѣнію, г. Рябушинскій только въ томъ случаѣ высказался-бы « *до конца* », если-бы онъ, хоть въ одной изъ своихъ рѣчей, распространился на эту тему. Но, къ сожалѣнію, онъ ея то и не коснулся.

Французы говорятъ : что отсрочено, то еще не потеряно. Будемъ надѣяться, что на Московскомъ Государственномъ Совѣщаніи указанная мною важная тема привлечетъ къ себѣ вниманіе самого г. Рябушинскаго, или же какого либо другого представителя торгово-промышленнаго класса.

Мы переживаемъ теперь буржуазную революцію. Только неисправимый утопистъ, только человѣкъ, лишенный всякаго теоретическаго смысла и всякаго практическаго чутья, рѣшится утверждать, что въ нынѣшней Россіи возможно достигнуть *конечной цѣли* соціалистическаго движенія. Но тамъ, гдѣ еще нельзя достигнуть *конечной цѣли* соціализма, нужно болѣе или менѣе полно осуществить то, что соціалисты называютъ своей *минимальной программой*. Эта программа именно и расчитана *на постепенное осуществленіе въ капиталистическомъ обществѣ*. И она сама собою должна была бы прійти на память тѣмъ идеологамъ русскаго торгово-промышленнаго класса, которые способны возвыситься до пониманія важнѣйшихъ соціально-политическихъ задачъ переживаемаго нами историческаго момента.

Было время, когда идеологи буржуазіи думали, что всякая уступка, дѣлаемая наемнымъ рабочимъ капиталистами, причиняетъ убытокъ этимъ послѣднимъ. Продолжительный рабочій день и низкая заработная плата считались тогда необходимыми

условіями обезпеченія капиталистамъ высокаго уровня прибавочной стоимости. Мало-по-малу опытъ передовыхъ капиталистическихъ странъ опровергъ это заблужденіе теоретиковъ и практиковъ буржуазной экономики. « *Дешевая* » рабочая сила оказалась *дороже* « *дорогой* ». Наемный рабочій, живущій въ лучшихъ матеріальныхъ условіяхъ, оказался болѣе производительнымъ *(даже съ чисто капиталистической точки зрѣнія)*, нежели жалкій наемникъ, ведущій полуголодное, нищенское существованіе. Теперь это считается одной изъ азбучныхъ истинъ въ экономической наукѣ. И теперь идеологи русскаго пролетаріата имѣютъ полное право спросить идеологовъ торгово-промышленнаго класса: *извѣстна-ли имъ эта азбучная истина, и если — да, то намѣрены-ли они считаться съ ней въ своей экономической политикѣ?*

Московское Совѣщаніе сдѣлало бы очень много для внутренняго успокоенія Россіи, если бы оно дало, между прочимъ, исчерпывающіе, — и при томъ, конечно, утвердительные, — отвѣты на эти « проклятые » вопросы. Только такіе отвѣты и могутъ дать твердую основу для политическаго соглашенія между наемными рабочими и предпринимателями, между революціонной демократіей и торгово-промышленнымъ классомъ.

И ихъ слѣдуетъ дать, какъ можно скорѣй. Всякое промедленіе крайне опасно здѣсь потому, что, возбуждая справедливое неудовольствіе *сознательныхъ* элементовъ рабочаго класса, оно предрасполагаетъ *менѣе сознательные* элементы его къ усвоенію утопическихъ лозунговъ анархо-синдикализма.

И пусть не говорятъ намъ, что во многихъ предпріятіяхъ рабочіе уже предъявили цѣлый рядъ требованій совершенно неосуществимыхъ по своей утопической чрезмѣрности. Не касаясь вопроса о томъ, до какой степени утопическая чрезмѣрность этихъ требованій объясняется *прежними* экономическими и политическими условіями существованія русскихъ рабочихъ, я замѣчу одно : *лучшимъ средствомъ борьбы съ распространеніемъ утопическихъ лозунговъ въ средѣ русскаго пролетаріата явится система широкихъ соціальныхъ реформъ, выработанная путемъ всесторонне-обдуманнаго соглашенія между революціонной демократіей и торгово-промышленной буржуазіей.*

Другими словами : чтобы справиться съ утопизмомъ, переживаемая нами *буржуазная* революція должна отвести законное мѣсто *соціалистической* « *программѣ — минимумъ* ».

Къ вопросу о превращеніи видовъ

(«Единство», № 112 отъ 10-го августа 1917 г.)

Заранѣе соглашаюсь съ тѣмъ, что заглавіе моей нынѣшней статьи очень странно.

« Къ вопросу о превращеніи видовъ »?! Да зачѣмъ же поднимать этотъ вопросъ въ ежедневной политической газетѣ? — спроситъ читатель. Пусть разбираютъ его въ спеціальныхъ біологическихъ аудиторіяхъ. А если ужъ очень захотѣлось вамъ поговорить о немъ въ « Единствѣ », то посвятите ему фельетонъ, наконецъ — два, три фельетона. Въ фельетонѣ можно толковать обо всемъ на свѣтѣ, отъ балета до астрономіи. Но лѣзть въ передовую статью съ вопросомъ о томъ, какъ совершается превращеніе видовъ, это — воля ваша! — значитъ не имѣть никакого чувства дѣйствительности.

Читатель будетъ правъ. Но съ другой стороны, что же дѣлать, если нынѣшняя наша дѣйствительность такъ печальна, что хочется хоть на одинъ день мысленно удалиться отъ нея въ область « чистой» науки? Конечно, лучше было бы мнѣ съ моимъ вопросомъ о превращеніи видовъ укрыться въ фельетонѣ. Однако, привычка — вторая природа, и меня тянетъ написать именно передовую статью. При томъ же я, какъ увидитъ читатель, подхожу къ своей *біологической* темѣ съ той ея стороны, которою она соприкасается съ нѣкоторыми проблемами *общественной психологіи*. А тутъ область чистой науки незамѣтно переходитъ въ сферу прикладныхъ знаній.

Послѣ этой неизбѣжной оговорки я, съ упорствомъ, достойнымъ сожалѣнія, — что правда, то правда! — перехожу къ своему вопросу.

Какъ совершается превращеніе видовъ? Оно совершается посредствомъ медленныхъ незамѣтныхъ измѣненій. Такъ отвѣчалъ Дарвинъ. И этотъ его взглядъ долго держался въ біологіи, гдѣ его упроченію способствовала очень сильно распространенная между естествоиспытателями увѣренность въ томъ, что всѣ измѣненія мірового процесса происходятъ лишь постепенно и что природа не дѣлаетъ скачковъ. Это положеніе было однимъ изъ краеугольныхъ камней ученія о развитіи не только въ естествознаніи, но и въ наукѣ о человѣческомъ обществѣ.

Однако, уже задолго до выхода въ свѣтъ главныхъ сочиненій Дарвина, это ученіе о развитіи нашло себѣ сильнаго противника въ лицѣ Гегеля, который находилъ его односторонимъ. Гегель утверждалъ, что, какъ въ природѣ, такъ и въ исторіи постепенныя измѣненія вовсе не исключаютъ скачковъ. « Измѣненіе бытія, — писалъ онъ въ своей « большой » Логикѣ, — совершается не только путемъ перехода одного количества въ другое, но также путемъ перехода качественныхъ различій въ количественныя и, наоборотъ, — перехода, прерывающаго постепенность и ставящаго на мѣсто одного явленія другое ». Всюду, гдѣ прерывается постепенность, происходитъ скачекъ. Я не буду приводить здѣсь тѣ убѣдительные примѣры, съ помощью которыхъ Гегель доказывалъ, что безъ скачковъ немыслимъ процессъ развитія ни въ природѣ, ни въ исторіи. Замѣчу только, что въ настоящее время къ числу этихъ примѣровъ можно было бы прибавить переходы одного вида энергіи въ другой, скажемъ — теплоты въ электричество. Такіе переходы совершаются тоже не иначе, какъ посредствомъ скачковъ. Кромѣ того, я не могу устоять предъ искушеніемъ привести геніальное замѣчаніе Гегеля о главномъ логическомъ грѣхѣ эволюціоннаго ученія, отрицающаго скачки.

« Въ основѣ ученія о постепенности, — говорилъ великій германскій мыслитель, — лежитъ представленіе о томъ, что возникающее уже существуетъ въ дѣйствительности и остается незамѣтнымъ только вслѣдствіе своихъ малыхъ размѣровъ. Точно такъ же, говоря о постепенномъ уничтоженіи, воображаютъ, будто небытіе даннаго явленія, или то новое явленіе, которое должно занять его мѣсто, уже находится налицо, хотя пока незамѣтно... Но такимъ образомъ уничтожается всякое понятіе о возникновеніи и исчезновеніи... Объяснять возникновеніе или уничтоженіе постепенностью измѣненія, значитъ... представлять возникающее или уничтожающееся въ уже готовомъ видѣ».

Замѣчательно, что въ теченіе послѣдней четверти вѣка ученіе, видящее въ процессѣ развитія только одно постепенное измѣненіе стало утрачивать кредитъ даже въ біологіи. Укажу на выдвинутую Гуго де-Фрисомъ теорію мутацій. Эту теорію нельзя назвать иначе, какъ теоріей скачкообразнаго превращенія видовъ.

Вотъ какъ излагаетъ ее въ немногихъ словахъ самъ г. де-Фрисъ: « Процессъ въ царствѣ жизни въ общемъ и цѣломъ скачкообразенъ. Тысячелѣтіями все остается въ покоѣ. Дико растущее

растеніе нашей отечественной флоры ничѣмъ по существу не отличается теперь отъ тѣхъ, которыя были во времена германцевъ. Однако, отъ времени до времени, природа старается создать что-нибудь новое и получше. Сейчасъ она принимается за одинъ видъ, въ другой разъ за другой. Пробуждается творческая сила и новыя формы возникаютъ на старомъ, дотолѣ неизмѣнномъ стволѣ. Но творческая дѣятельность не подчиняется господствующимъ жизненнымъ условіямъ. Она творитъ только для того, чтобы образовать что-нибудь новое, она уничтожаетъ богатство формъ, но предоставляетъ имъ самимъ оріентироваться среди существующихъ условій. Одной формѣ благопріятствуетъ счастье, другой — нѣтъ, и это рѣшаетъ, что, въ концѣ концовъ, выживетъ и что будетъ избрано для продолженія родословнаго дерева » [1]).

Гуго де-Фрисъ выражается такъ, какъ будто онъ хотѣлъ олицетворить природу. Это составляетъ серьезный недостатокъ его изложенія. Однако, изъ-за этого недостатка не слѣдуетъ забывать объ огромномъ значеніи высказанныхъ де-Фрисомъ теоретическихъ соображеній и сдѣланныхъ имъ научныхъ открытій. Въ высшей степени важныя сами по себѣ, эти соображенія и открытія важны еще потому, что ими съ большимъ успѣхомъ можно воспользоваться при изслѣдованіи нѣкоторыхъ вопросовъ соціальной психологіи.

Штандфуссъ, изучавшій наслѣдственность и скрещиваніе бабочекъ, назвалъ замѣченныя имъ тамъ скачкообразныя измѣненія измѣненіями, совершающимися внезапно, или, — чтобы точнѣе передать его мысль, — *измѣненіями посредствомъ взрывовъ*. Де-Фрисъ захотѣлъ сдѣлать эти взрывообразно происходящія измѣненія предметомъ научнаго наблюденія въ ботаникѣ. Онъ много работалъ съ этой цѣлью, и его ожиданія блестяще оправдались изслѣдованіемъ растенія, которое у спеціалистовъ носитъ названіе Oenothera Lamarckiana (крупно-цвѣтный ослинникъ). Онъ убѣдился, что растеніе это производитъ новые виды въ огромномъ количествѣ. Нѣкоторые изъ нихъ очень слабы и неплодотворны, или такъ рѣдки, что дальнѣйшая культура ихъ не удается. Но за то другіе отличаются значительной мощностью. Во всякомъ случаѣ, крупноцвѣтный ослинникъ является чрезвычайно интереснымъ предметомъ научнаго изслѣдованія.

[1]) Гуго де-Фрисъ, проф. ботаники въ Амстердамѣ, «Мутаціи и періоды мутацій при происхожденіи видовъ». Петербургъ, 1912, стр. 27. *Г. П.*

Въ области соціальной психологіи не менѣе благодарнымъ предметомъ изслѣдованія, чѣмъ крупно-цвѣтный ослинникъ въ біологіи, является видъ, которому съ полнымъ основаніемъ можетъ быть присвоено названіе Zimmervaldianus vulgaris (обыкновенный циммервальдіецъ). Этотъ видъ тѣмъ болѣе интересенъ, что возникъ сравнительно недавно : вскорѣ послѣ начала нынѣшней войны. Такимъ образомъ, все его недолгое существованіе прошло на нашихъ глазахъ, а между тѣмъ въ этомъ видѣ уже теперь можно наблюдать очень сильныя и чрезвычайно поучительныя *измѣненія посредствомъ взрывовъ*, кладущія начало новымъ видамъ и разновидностямъ.

Такъ, напримѣръ, всѣмъ извѣстно, что обыкновенный циммервальдіецъ (Zimmervaldianus vulgaris) отличается непримиримой ненавистью къ людямъ, которыхъ онъ подозрѣвалъ въ « соціалъ-патріотизмѣ »; названіе « соціалъ-патріотъ » было, по его мнѣнію, однимъ изъ самыхъ обидныхъ. Это продолжалось около трехъ лѣтъ. Но вотъ интересующій насъ соціально-психологическій видъ внезапно вступилъ въ періодъ измѣненія посредствомъ взрывовъ; и публицисты, къ нему принадлежащіе, начали писать такъ : « Никогда еще не бились наши сердца такой тревогой за родину, какъ въ эти смутные дни. Никогда еще не была такой напряженной и страстной наша сокровенная, интимная любовь къ ней, любовь глубинная и цѣломудренная, избѣгающая лѣзть на показъ и выражаться въ широковѣщательныхъ фразахъ »[1])

Фраза насчетъ цѣломудрія, будто бы свойственнаго патріотизму вульгарнаго циммервальдійца, показываетъ, что въ умѣ нашего публициста еще совсѣмъ не изгладилось воспоминаніе о томъ времени, когда названіе « соціалъ-петріотъ » считалось имъ за одно изъ самыхъ оскорбительныхъ. Она свидѣтельствуетъ также о возможности « регрессивнаго метаморфоза », т. е., болѣе или менѣе полнаго возврата публицистовъ этого типа на прежнюю точку зрѣнія. Но пока этотъ возвратъ не совершился, необходимо признать, что вульгарный циммервальдіецъ самъ превратился въ патріота, и только не хочетъ признать, что превращеніе это произошло въ немъ скачкообразно. По нѣкоторымъ мотивамъ, — тоже указывающимъ на возможность регрессивнаго метаморфоза, — онъ предпочитаетъ изображать дѣло такъ, какъ будто онъ всегда былъ патріотомъ и только оставался незамѣтнымъ въ этомъ

[1]) «Дѣло Народа», № 112. *Г. П.*

своемъ качествѣ, вслѣдствіе побочныхъ обстоятельствъ (ср. Гегеля). Но эти маленькія хитрости и эти сентиментальныя оговорки ни на одну минуту не введутъ въ заблужденіе опытнаго изслѣдователя, который сразу увидитъ, что передъ нимъ типичный случай *измѣненія посредствомъ взрыва* и что видъ Zimmervaldianus vulgaris такъ же важенъ для соціолога, какъ крупно-цвѣтный ослинникъ для біолога.

Прошу замѣтить, что въ этой статьѣ я держусь золотого научнаго правила: не плакать, не смѣяться, а понимать. Для меня не имѣетъ здѣсь ни малѣйшаго интереса вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли быть «соціалъ-патріотомъ» и какъ должны относиться серьезные политики къ скачкообразнымъ превращеніямъ, совершающимся въ душахъ вульгарныхъ циммервальдійцевъ. Это все вопросы политики, а я здѣсь повернулся спиной къ практикѣ и дорожу только чистой наукой. Съ точки же зрѣнія чистой науки мнѣ важно лишь то, что теорія превращенія видовъ отдѣлывается отъ своей прежней односторонности, перестаетъ закрывать глаза на явленія скачкообразнаго развитія.

Въ дополненіе ко всему сказанному обращу вниманіе читателя еще вотъ на что. Говоря о вульгарныхъ циммервальдійцахъ, я привелъ примѣръ, заимствованный изъ произведеній публицистовъ его эсъ-эровской разновидности. Но много совершенно подобныхъ же примѣровъ можно было бы заимствовать изъ печатныхъ и устныхъ заявленій его эсъ-дековской разновидности. Достаточно сослаться на И. Г. Церетелли и Н. С. Чхеидзе, которые смотрятъ теперь на дѣло національной самообороны глазами чистокровныхъ соціалъ-патріотовъ. Тутъ мы опять имѣемъ случай превращенія посредствомъ взрыва.

Можетъ быть названнымъ товарищамъ непріятно указаніе на пережитый ими взрывъ.

Прошу извинить. Но и на нихъ я ссылаюсь въ интересахъ чистой науки. Признаюсь, — и тутъ во мнѣ тоже, наконецъ, заговариваетъ чувство, — мнѣ очень пріятно убѣдить себя и другихъ въ томъ, что старый Гегель оказывается какъ нельзя болѣе правымъ. Вѣдь это напрасно твердятъ обо мнѣ, что я терпѣть не могу нѣмцевъ. Если мнѣ не по нутру Шейдеманъ, то мнѣ очень нравится Либкнехтъ. А изъ стариковъ, какъ видитъ читатель, я высоко ставлю Гегеля, дорожу Гете и многими другими представителями германской мысли и поэтической литературы. Впрочемъ

это отступленіе. Главное въ томъ, что превращеніе видовъ совершается скачкообразно, и что для доказательства этого вульгарный циммервальдіецъ даетъ не меньше матеріала, чѣмъ крупно-цвѣтный ослинникъ.

Неужели они его удалятъ?

(«Единство», № 114 отъ 12-го августа 1917 г.)

«Кто колеблется, тотъ родился
для словъ, а не для дѣйствій».
С. Красинскій. «Иридіонъ».

Въ газетахъ появилось извѣстіе о томъ, что управляющій военнымъ министерствомъ Б. В. Савинковъ подалъ въ отставку. Если это извѣстіе справедливо, если Б. В. Савинкова вынудятъ удалиться, — о невынужденномъ оставленіи имъ своего поста, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи, — то придется съ печальной увѣренностью сказать: *Россію постигло большое несчастье.*

Дѣло тутъ не въ личности Б. В. Савинкова, хотя личность его, несомнѣнно, принадлежитъ теперь къ числу самыхъ выдающихся и самыхъ талантливыхъ. Дѣло въ той идеѣ, которую онъ внесъ въ управленіе своимъ министерствомъ и которая непремѣнно должна быть осуществлена для того, чтобы Россія могла выбиться изъ своего нынѣшняго, до послѣдней степени опаснаго, положенія. *Дѣло въ той идеѣ, отвергнувъ которую правительство, называющее себя Правительствомъ Общественнаго Спасенія, роковымъ образомъ превратится въ Правительство Общественной Гибели.* Армія, утратившая дисциплину, есть не армія цивилизованнаго государства, а дикая развращенная орда. Я писалъ это въ обращеніи къ одной изъ нашихъ воинскихъ частей вскорѣ по возвращеніи моемъ на родину. Послѣдующій ходъ событій вполнѣ подтвердилъ правильность этой моей мысли. (Да и могъ-ли онъ не подтвердить то, что представляетъ собою неоспоримую истину). Чѣмъ больше падала дисциплина въ русскомъ войскѣ, тѣмъ быстрѣе понижалась боевая способность нашего солдата и тѣмъ больше проникался онъ животнымъ своекорыстіемъ, которое не оставляетъ мѣста для какого-бы то ни было чувства долга передъ родиной. Русскій

воинъ, когда-то славившійся своей стойкостью и выносливостью, сталъ обращаться въ постыдное бѣгство при видѣ *слабѣйшаго* непріятеля. Съ другой стороны, тотъ же воинъ, постыдно бѣжавшій передъ слабѣйшимъ непріятелемъ, безпощадно издѣвался надъ безоружнымъ населеніемъ и, — это уже самая низкая ступень позора, — грабилъ своихъ раненныхъ товарищей. Нашему безпощадному и прекрасно организованному непріятелю оставалось лишь побѣдоносно гнать передъ собою озвѣрѣвшія и въ то же время трусливыя толпы этихъ жалкихъ людей. Конечно, не вся наша армія находилась въ такомъ безнадежномъ состояніи. Напротивъ, нѣкоторыя части ея высказывали не мало героизма и обнаружили готовность выполнить свой долгъ до конца. Но вопросъ былъ въ томъ, хватитъ ли ихъ самоотверженныхъ усилій для того, чтобы остановить побѣдоносное нашествіе вражескихъ силъ. Кромѣ того, можно было не безъ основанія спросить себя : не распространится-ли проникавшая въ армію страшная нравственная зараза и на тѣ части ея, которыя до тѣхъ поръ оставались здоровыми? Во всякомъ случаѣ, никакъ нельзя было сомнѣваться въ томъ, что надо поскорѣе остановить распространеніе заразы. И вотъ тутъ-то раздались мужественные голоса, призывавшіе къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ для возвращенія солдатъ на путь исполненія долга передъ страной и для возстановленія дисциплины въ войскахъ. Къ ихъ числу принадлежалъ голосъ Б. В. Савинкова. Благо народа — высшій законъ. Во имя этого блага Б. В. Савинковъ когда-то беззавѣтно посвящалъ революціонному дѣлу свою собственную жизнь. Во имя того же блага онъ потребовалъ примѣненія смертной казни въ тѣхъ случаяхъ, когда менѣе жестокія средства окажутся недостаточными для спасенія арміи, а съ нею и всей Россіи, а съ Россіей и русской революціи. Въ этомъ нашемъ террористѣ заговорила та суровая и несокрушимая энергія, которая помогла французскимъ революціонерамъ конца XVIII вѣка разбить ополчившуюся противъ ихъ родины австро-прусскую реакцію.

Само собою понятно, что вопросъ о возстановленіи смертной казни, несмотря на всю свою трагическую мрачность, представлялъ собою лишь одну изъ составныхъ частей сложной задачи оздоровленія духа русскаго войска. Главной составною частью этой задачи оказывается болѣе общій вопросъ о томъ, въ какое отношеніе должны стать войсковые комитеты къ тѣмъ носителямъ

военной власти, распоряженіями которыхъ необходимо опредѣляются, въ послѣднемъ счетѣ, боевыя дѣйствія арміи. Всякому непредубѣжденному человѣку ясно, какъ божій день, что если войсковые комитеты должны и могутъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, принести большую пользу дѣлу нравственнаго оздоровленія русской арміи, то они же принесутъ ему страшный вредъ, если ихъ распоряженія пойдутъ въ разрѣзъ съ приказами высшихъ военныхъ властей. Отсюда слѣдовало, что въ интересахъ русской революціи, судьба которой такъ тѣсно связана съ ходомъ военныхъ дѣйствій, — необходимо было ввести дѣятельность войсковыхъ комитетовъ въ опредѣленныя границы.

Правительство Общественнаго Спасенія, казалось, хорошо поняло эту необходимость. Поручивъ Б. В. Савинкову управленіе военнымъ министерствомъ, А. Ф. Керенскій давалъ понять всей политически мыслящей Россіи, что онъ готовъ безъ колебанія поддерживать программу, выработанную нашимъ террористомъ на основаніи своихъ наблюденій надъ состояніемъ русской арміи. И, конечно, Б. В. Савинковъ былъ не одинъ. Вокругъ него сгруппировались единомышленники столь, же какъ онъ, беззавѣтно преданные революціи, и такъ же, какъ онъ, хорошо понимавшіе, что въ крайнихъ случаяхъ нельзя обойтись безъ крайнихъ мѣръ. Есть основаніе думать, что планы и распоряженія управляющаго военнымъ министерствомъ встрѣчали глубокое сочувствіе со стороны наиболѣе сознательныхъ революціонныхъ элементовъ нашей арміи, не стѣсняя при этомъ дѣятельности военнаго командnаго состава. Короче, можно было надѣяться, что недалеко то время, когда наша армія будетъ представлять собой надежную босвую силу. И вдругъ Б. В. Савинковъ подалъ въ отставку. Почему? Повторяю, если онъ поступилъ такъ, то, значитъ, что онъ не могъ поступить иначе. Нашлись силы, вліянія которыхъ не избѣжалъ, какъ видно, А. Ф. Керенскій и которыя осудили планы и распоряженія Савинкова. Но, если эти планы и распоряженія будутъ отвергнуты, то процессъ разложенія нашей арміи возобновится съ удвоенной силой, и Правительство, допустившее его возобновленіе, явится въ глазахъ страны, — да и дѣйствительности, — Правительствомъ Общественной Гибели.

Переживаемый нами новый кризисъ, какъ нельзя болѣе, опасенъ. Онъ еще не кончился. Когда я пишу эти строки, отставка Б. В. Савинкова, повидимому, еще не принята. Должно быть

нашъ первый министръ колеблется. Но теперь не такое время, когда простительно колебаться. А. Ф. Керенскій долженъ безъ всякихъ колебаній поддержать Савинкова. Теперь болѣе, чѣмъ когда либо, лицамъ, отвѣтственнымъ за судьбу родины и революціи слѣдуетъ помнить взятыя мною за эпиграфъ слова С. Красинскаго: « *Кто колеблется, тотъ родился для словъ, а не для дѣйствій* ».

P. S. Отставка Б. В. Савинкова принята. Большое несчастье случилось. Какъ радъ будетъ Гинденбургъ!

Основы политической тактики

(Для дѣтей изряднаго возраста и примѣнительно къ нынѣшнему времени)

(«Единство», № 115 отъ 13-го августа 1917 г.)

По глубокому замѣчанію Фридриха Энгельса, для всякаго даннаго класса не можетъ быть большаго политическаго несчастья, какъ быть вынужденнымъ захватить власть въ такое время, когда онъ еще не способенъ плодотворно воспользоваться ею. Объ этомъ забывали и забываютъ у насъ ученики Ленина. Но объ этомъ помнили и помнятъ полуленинцы. Оспаривая ленинцевъ, они говорятъ: еще не настало время для политической диктатуры пролетаріата въ Россіи. Въ этомъ ихъ справедливомъ мнѣніи сказывается сила того обстоятельства, что цѣлая половина ихъ тактическихъ взглядовъ лишена ленинской окраски. Но такъ какъ другая половина тѣхъ же взглядовъ насквозь пропитана у нихъ духомъ Ленина, то полуленинцы, объявивъ несвоевременной диктатуру пролетаріата въ Россіи, не рѣшаются прямо и громко признать необходимость политическаго соглашенія этого класса съ буржуазіей. Въ ихъ груди живетъ двѣ души, какъ въ груди Фауста. Съ одной стороны, они не отвергаютъ соглашенія съ буржуазіей, доказательствомъ чего можетъ служить принятіе ими идеи коалиціоннаго правительства. Съ другой стороны, принимая эту идею, они дѣлаютъ все, отъ нихъ зависящее, для того, чтобы положеніе « министровъ-капиталистовъ » стало до крайности за-

труднительнымъ. Считая диктатуру пролетаріата несвоевременной, они подсказываютъ « полномочнымъ органамъ демократіи » такіе пріемы политическаго дѣйствія, какіе были бы умѣстны только въ томъ случаѣ, если бы захватъ власти рабочимъ классомъ сдѣлался насущной задачей текущаго момента. Каждая изъ двухъ душъ, живущихъ въ груди полуленинца, ведетъ неустанный споръ со своей сожительницей. Легко понять, что изъ такого спора ничего хорошаго выйти не можетъ. Вмѣсто соглашенія съ буржуазіей, безусловно необходимаго въ виду того, что рабочій классъ далеко еще не созрѣлъ въ Россіи до политическаго господства, получается все болѣе и болѣе далекое расхожденіе съ нею.

Къ чему это можетъ привести? Ни къ чему иному, кромѣ гражданской войны. А къ чему приведетъ гражданская война? Въ лучшемъ случаѣ къ побѣдѣ пролетаріата, т. е., къ захвату имъ политической власти. А какое значеніе будетъ имѣть такой захватъ? Мы уже знаемъ какое : значеніе самого большого политическаго несчастья, какое только могло бы случиться съ нашимъ рабочимъ классомъ. (См. приведенныя мною въ началѣ статьи слова Энгельса).

Если это вѣрно, — а въ вѣрности этого не можетъ быть никакого сомнѣнія, — то въ чемъ же заключается обязанность тѣхъ русскихъ соціалистовъ, которые, отвергая « лозунги » *Ленина*, въ то же самое время не страдаютъ раздвоенностью, свойственной *полуленинцамъ?* Она заключается въ томъ, чтобы убѣждать въ необходимости взаимнаго соглашенія и пролетаріатъ, и буржуазію.

Соціалистъ, не зараженный ни ленинствомъ, ни полуленинствомъ, не смутится тѣмъ доводомъ, что, проповѣдуя соглашеніе между буржуазіей и пролетаріатомъ, онъ отрекается отъ принципа классовой борьбы. Нѣтъ ничего ошибочнѣе такого довода, слишкомъ часто сбивающаго съ толку многихъ и многихъ товарищей нашихъ.

Классовая борьба не есть *самоцѣль*. Она есть только *средство* для защиты классовыхъ интересовъ. Думать иначе можетъ только идеалистъ, для котораго *принципъ* — все, *а классовый интересъ* — ничто.

Если классовая борьба есть лишь средство для защиты классоваго интереса, то всякій общественный классъ показалъ бы ссбя весьма неразумнымъ, если бы счелъ себя обязаннымъ вести

классовую борьбу тамъ, гдѣ она *не только не полезна, но вредна*, съ точки зрѣнія классоваго интереса.

Можемъ ли мы представить себѣ такое сочетаніе историческихъ условій, при которомъ, съ точки зрѣнія интереса даннаго класса, вредно было бы начинать борьбу и, наоборотъ, полезно было бы отъ нея воздержаться?

Еще бы нѣтъ! Выше мы уже должны были признать, что гражданская война между пролетаріатомъ и буржуазіей въ лучшемъ случаѣ кончилась бы у насъ теперь великимъ несчастьемъ для перваго изъ этихъ двухъ классовъ, то есть преждевременнымъ переходомъ всей политической власти въ его руки. А вѣдь гражданская война есть только крайній случай обостренія классовой борьбы. Значитъ..., но во избѣженіе повтореній я предоставлю самому читателю сдѣлать выводъ изъ установленныхъ мною здѣсь логическихъ посылокъ.

Притомъ-же ошибочно думать, будто тотъ, кто вступаетъ въ соглашеніе, отказывается отъ борьбы за свой интересъ. Нѣтъ, если онъ правильно опредѣлилъ для себя условія соглашенія, то, вступая въ него, онъ не отказывается отъ борьбы, а только не считаетъ возможнымъ вести ее дальше той черты, перейдя которую онъ сталъ-бы безсильнымъ. Всякое соглашеніе есть своего рода параллелограммъ силъ. Но параллелограммъ силъ получается въ результатѣ ихъ взаимодѣйствія, а не исчезновенія той или другой изъ нихъ.

Итакъ, гражданская война даже при лучшемъ своемъ исходѣ нанесла бы жестокій вредъ интересамъ русскаго пролетаріата. Это значитъ, что пролетаріатъ долженъ стремиться къ соглашенію съ буржуазіей. А если онъ долженъ стремиться къ соглашенію съ нею, то спрашивается :

Какимъ языкомъ должны говорить съ торгово-промышленнымъ классомъ его сознательные представители?

Разсудительному человѣку достаточно поставить себѣ этотъ вопросъ, чтобы немедленно отвѣтить на него безъ малѣйшихъ колебаній :

Они должны говорить серьезно и спокойно, старательно избѣгая такихъ оборотовъ рѣчи, которые вызывали бы совершенно нецѣлесообразное тутъ раздраженіе. А что думать о такихъ представителяхъ соціализма, которые, въ корнѣ отрицая тактику Ленина и признавая гибельной гражданскую войну, все таки нашли бы

нужнымъ говорить съ буржуазіей языкомъ Сквозника-Дмухановскаго: «А, самоварники, аршинники, архиплуты, протобестіи, надувалы морскіе!» и т. д.? О нихъ по меньшей мѣрѣ пришлось сказать бы, что ихъ языкъ есть врагъ ихъ цѣли, что, идя въ комнату, они сильно рискуютъ попасть въ другую.

Вотъ именно такимъ языкомъ Сквозника-Дмухановскаго и считаютъ себя обязанными говорить съ буржуазіей нѣкоторые органы нашей печати, до сихъ поръ, насколько я знаю, не одобрявшіе тактики Ленина и не желавшіе гражданской войны.

Я имѣю въ виду «День», который, съ очевидной претензіей на ехидство, замѣтилъ, что я говорю съ буржуазіей ангельскимъ тономъ.

Думаю, что способности говорить ангельскимъ тономъ во мнѣ, къ сожалѣнію или къ счастью, такъ же мало, какъ и женственности, открытой у меня нѣкимъ Антоновымъ. Но, что я говорю съ буржуазіей тономъ серьезной и спокойной дѣловитости, это едва ли можетъ быть оспариваемо. И я горжусь этимъ.

Кто желаетъ избѣжать гражданской войны, — кто понимаетъ, что соглашеніе между буржуазіей и пролетаріатомъ необходимо въ интересахъ обоихъ этихъ классовъ и всей страны, тотъ не долженъ говорить другимъ тономъ. Конечно, бесѣдуя «замосворѣцкимъ» стилемъ Сквозника-Дмухановскаго, легче пріобрѣсти въ извѣстныхъ кругахъ славу большого радикала. Но такая слава въ полномъ смыслѣ слова — дымъ, и стыдно жертвовать ради нея интересами родины и революціи.

Объ этомъ полезно было напомнить теперь, когда началось Московское Совѣщаніе, которое можетъ явиться новымъ и огромнымъ шагомъ въ направленіи гражданской войны.

Начало Московскаго Совѣщанія

(«Единство», № 116 отъ 15-го августа 1917 г.)

Я пишу эти бѣглыя строки подъ впечатлѣніемъ газетныхъ извѣстій о первомъ засѣданіи Московскаго Совѣщанія. Корреспонденты нѣкоторыхъ петроградскихъ газетъ замѣчаютъ, что засѣданіе это имѣло болѣе мирный характеръ, чѣмъ можно было

ожидать, судя по тому настроенію, въ которомъ находились главные участники совѣщанія до его начала. Но, собственно говоря, характеръ пролога Московскаго «Земскаго Собора» выразился пока довольно односторонне: за исключеніемъ московскаго городского головы гражд. Руднева, дѣйствующими лицами перваго засѣданія явились только министры. Они произносили свои рѣчи передъ участниками Совѣщанія, а эти послѣдніе болѣе или менѣе сдержанно, болѣе или менѣе горячо встрѣчали ихъ заявленія. Конечно, отношеніе къ ораторамъ можетъ доставить достаточный матеріалъ для сужденія о томъ, какъ настроены слушатели. Но это возможно только въ томъ случаѣ, когда рѣчи ораторовъ выдержаны въ одномъ опредѣленномъ тонѣ. Къ сожалѣнію, этого нельзя сказать о длинной рѣчи главнаго участника Совѣщанія, А. Ф. Керенскаго.

Въ этой рѣчи не мало красотъ, но есть въ ней и весьма важный недостатокъ. Онъ состоитъ именно въ отсутствіи опредѣленности. А. Ф. Керенскій хотѣлъ привести всѣхъ участниковъ Совѣщанія къ полному единенію. Это было не только естественно, но прямо обязательно въ его положеніи главы такого правительства, передъ которымъ жизнь поставила задачу объединить всѣ живыя силы страны для борьбы съ внѣшними и внутренними врагами. Однако, средства, употребляемыя имъ для рѣшенія этой задачи, едва ли могутъ быть признаны удовлетворительными. Нашъ первый министръ выступилъ въ своей рѣчи настоящимъ эклектикомъ. Онъ захотѣлъ подарить всѣмъ сестрамъ по серьгамъ. И когда онъ преподносилъ одной сестрѣ предназначенныя для нея серьги, она отвѣчала на его любезность рукоплесканіями. Въ это время другая сестра, повидимому, оставалась очень сдержанной, чтобы не сказать: холодной. А когда наступила ея очередь получить серьги, она принималась горячо рукоплескать, между тѣмъ какъ первая погружалась въ холодную неподвижность. Въ общемъ рукоплесканій оказалось много, а единодушія — маловато.

Да другого нельзя было и ожидать отъ рѣчи, пропитанной, какъ я сказалъ, духомъ эклектизма. Эклектизмъ не способенъ вызвать единодушіе. Онъ способенъ только затушевать существующія разногласія. Между тѣмъ, задача Московскаго Совѣщанія заключается вовсе не въ томъ, чтобы затушевать тѣ разногласія, которыя существуютъ между его главными участниками, а въ

томъ, чтобы, обнаруживъ ихъ съ полной ясностью, все таки найти путь для взаимнаго соглашенія.

Что соглашеніе возможно, это ясно уже по одному тому, что его настоятельно требуетъ сама объективная необходимость.

Если захватъ политической власти пролетаріатомъ былъ бы въ настоящее время величайшимъ несчастьемъ для этого класса; если, съ другой стороны, буржуазія никакъ не можетъ претендовать на безраздѣльное политическое господство въ нынѣшней Россіи, то совершенно очевидно, что необходима политическая сдѣлка между этими двумя классами. Но политическія сдѣлки бываютъ жизнеспособны только тогда, когда въ ихъ основѣ лежитъ соглашеніе экономическихъ интересовъ. Соглашеніе экономическихъ интересовъ, въ свою очередь, предполагаетъ не эклектическое сглаживаніе противоположностей, а хотя бы временное разрѣшеніе ихъ съ помощью единаго руководящаго принципа. Было бы очень интересно выслушать мнѣніе А. Ф. Керенскаго о такомъ принципѣ. Однако, онъ не коснулся его въ своей рѣчи. Онъ ограничился политической поэзіей тамъ, гдѣ нужно было начать съ экономической прозы. Нельзя не пожалѣть объ этомъ.

Принципъ, который можно и должно положить въ основу экономическаго соглашенія между пролетаріатомъ и буржуазіей заключается въ широкой системѣ соціальныхъ реформъ.

Такія реформы представляютъ собою незамѣнимое условіе того развитія производительныхъ силъ, безъ котораго Россія никогда не въ состояніи будетъ залѣчить раны, нанесенныя ей нынѣшней войной. Но извѣстно, что въ каждой странѣ самой драгоцѣнной производительной силой является ея трудящееся населеніе. Вотъ на это обстоятельство долженъ былъ указать нашъ первый министръ, какъ на самый главный доводъ въ пользу такихъ мѣропріятій Временнаго Правительства, безъ которыхъ оно не имѣло бы права называться правительствомъ, выражающимъ народные интересы. Во имя того же обстоятельства онъ съ полнымъ правомъ могъ бы требовать уступокъ отъ торгово-промышленнаго класса, такъ какъ могучее развитіе производительныхъ силъ, несомнѣнно лежащее въ интересахъ этого класса, возможно теперь только тамъ, гдѣ рабочее населеніе поднимается до высокаго « Standart of life » (уровня жизни). Такимъ образомъ, съ помощью одного и того же принципа онъ нашелъ бы удовлет-

ворительное, — хотя, конечно, только временное, — разрѣшеніе двухъ враждебныхъ противоположностей.

А. Ф. Керенскій не привыкъ къ политико-экономическому мышленію. Гораздо большую привычку обнаружилъ въ этомъ смыслѣ С. Н. Прокоповичъ. Но его справедливыя указанія на важность развитія производительныхъ силъ въ Россіи не были связаны надлежащимъ образомъ съ политическими задачами текущаго момента. Такое связываніе, разумѣется, и не входило въ его обязанность, какъ министра спеціальнаго вѣдомства, но онъ все-таки хорошо сдѣлалъ бы, если бы постарался относящимися сюда разъясненіями поправить недостатокъ, такъ сильно замѣтный въ рѣчи перваго министра.

Будемъ надѣяться, впрочемъ, что А. Ф. Керенскій въ своихъ послѣдующихъ рѣчахъ, доскажетъ то, что было недосказано имъ въ его первой рѣчи. Лучше поздно, чѣмъ никогда.

13 августа.

Рѣчь, произнесенная 15 августа на Государственномъ Совѣщаніи въ Москвѣ [1])

Гражданки и Граждане! Позвольте мнѣ, прежде всего, сказать вамъ, что въ своей — весьма, впрочемъ, небольшой — рѣчи, я не позволю себѣ сказать тѣ слова, которыя повели бы къ возбужденію дурныхъ страстей, потому что нѣтъ мѣста взаимному раздраженію между партіями, которыя съѣхались сюда для участія въ Государственномъ Совѣщаніи. *(Бурные апплодисменты)*. Я полагаю, что въ этотъ торжественный и грозный часъ, который переживаетъ въ настоящее время Родина, на каждомъ изъ насъ лежитъ обязанность выдвинуть не то, что насъ раздѣляетъ, а то, что насъ объединяетъ *(Бурные апплодисменты)*. Граждане и Граждане! Само собою разумѣется, что вы не потребуете отъ человѣка, посѣдѣвшаго подъ революціоннымъ знаменемъ, десятки

[1]) За отсутствіемъ у насъ стенограммы рѣчи Г. В. Плеханова, мы ее печатаемъ по текстамъ, помѣщеннымъ въ № 117 «Единства» и въ № 187 «Русскаго Слова».

лѣтъ сражавшагося подъ стягомъ революціонной демократіи, чтобы онъ сейчасъ, говоря передъ вами, склонилъ это знамя или отложилъ его въ сторону. Я былъ революціонеромъ и только революціонеромъ. Я надѣюсь и увѣренъ, что у васъ хватитъ терпимости, чтобы выслушать откровенную исповѣдь русскаго революціонера. (*Бурные апплодисменты*).

И вотъ въ качествѣ революціонера я прежде всего долженъ сказать, что нѣкоторыя выслушанныя мною вчера рѣчи произвели на меня тяжелое впечатлѣніе. Мнѣ казалось, что нѣкоторыя политическія партіи отнеслись съ большимъ предубѣжденіемъ къ революціонной демократіи. Мнѣ казалось, что нѣкоторые изъ ораторовъ какъ будто хотѣли подчеркнуть, что, по ихъ мнѣнію, лучше было бы, если бы совсѣмъ не существовало революціонной демократіи. Одинъ изъ ораторовъ сказалъ : « Да неужели вы думаете, что крайняя революціонная демократія сдѣлала революцію? Революцію сдѣлала Государственная Дума въ согласіи со всей страной ». Мнѣ, по крайней мѣрѣ, послышалось, что такія слова были сказаны.

Замѣтьте, граждане, что я никого не обижаю, я только позволилъ себѣ подвести итогъ тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя я вынесъ. Мнѣ послышались такія слова, и когда послышались, то я сказалъ себѣ : да такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Тутъ есть отчасти истина, но много и заблужденія. Если точно формулировать то, что произошло весной 1917 года, то надо сказать, что революцію сдѣлала страна. Народъ возсталъ, разразилась буря, и наша Государственная Дума поддержала эту бурю. Она содѣйствовала ей, и въ этомъ ея великая заслуга. Мы были бы неблагодарными и неблагородными людьми, если бы позабыли объ этомъ. Но надо помнить, что для того, чтобы противъ позорнаго режима самодержавія возсталъ, наконецъ, весь народъ, нужна была чрезвычайно продолжительная, упорная и самоотверженная работа. И съ историческимъ безпристрастіемъ надо сказать, что эту длинную, упорную, самоотверженную работу сдѣлала, именно, крайняя революціонная демократія. Гражданки и граждане, это неоспоримый историческій фактъ!

Это одинъ изъ тѣхъ фактовъ, о которомъ можно сказать, что если бы люди позабыли о немъ или обошли его, составили заговоръ молчанія, то возопили бы камни и деревья. Я говорю : камни и деревья, потому что, если въ Россіи тюрьмы строятся

преимущественно изъ камня и кирпича, то Сибирскіе этапы строятся преимущественно изъ дерева. (*Бурные апплодисменты*). Вотъ, гражданки и граждане, эти то мирныя убѣжища, эти каменныя тюрьмы и деревянные этапы, они, можно сказать, насквозь переполнены воспоминаніями о тѣхъ представителяхъ крайней революціонной демократіи, которые всѣмъ пожертвовали для того, чтобы занести лучъ политическаго сознанія въ головы темной народной массы. (*Апплодисменты*).

Это надо помнить, господа, и каковы бы ни были ошибки демократіи, каково бы ни было ваше раздраженіе, — я говорю это, обращаясь направо, — вы должны же сказать себѣ : « да, дѣйствительно, велики заслуги русской революціонной демократіи. Это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію ».

Знаете, — существуютъ такія партіи, о которыхъ можно сказать, что если бы онѣ не сдѣлали ни одной частной ошибки, если бы онѣ были чисты, какъ ангелы Божьи, то все-таки въ ихъ пассивѣ была бы огромная ошибка — эта ошибка заключается въ томъ, что онѣ существуютъ, просто въ самомъ фактѣ ихъ существованія. Вотъ такой партіей была партія русскаго самодержавія, и такой партіей въ настоящее время являются тѣ, которые хотѣли бы путемъ контръ-революціи возстановить это самодержавіе.

Но есть и другія партіи, про которыя можно сказать, что каковы бы ни были частныя ошибки, которыя сдѣлали эти партіи, огромная заслуга заключается уже въ томъ, что эти партіи существуютъ. Товарищи, я не одинъ разъ смѣло и рѣзко критиковалъ частныя ошибки нашей партіи, но здѣсь, на русскомъ Государственномъ Совѣщаніи, торжественно заявляю : великая заслуга нашей крайней революціонной демократіи заключается въ томъ, что она существуетъ, и плохіе политики тѣ люди, которые хотѣли бы, чтобы она перестала существовать.

Обращаюсь направо, къ тѣмъ, которые представляютъ собою буржуазію, или, — такъ какъ терминъ этотъ начинаетъ пріобрѣтать нѣкоторый привкусъ одіозности, — къ тѣмъ, которые представляютъ торгово-промышленный классъ. Я скажу имъ : граждане, теперь насталъ такой моментъ, когда въ интересахъ всей Россіи и въ вашихъ собственныхъ интересахъ необходимо искать сближенія съ пролетаріатомъ, необходимо искать сближенія съ рабочимъ классомъ. Было время,я еще помню, когда одинъ изъ представителей нашего торгово-промышленнаго класса, встрѣтивъ

въ Нижнемъ Новгородѣ министра финансовъ Витте, сказалъ: «Мы смотримъ впередъ безъ боязни». Почему этотъ представитель торгово-промышленнаго класса смотрѣлъ впередъ безъ боязни? Потому, что онъ думалъ, что передъ русской промышленностью открывается блестящая будущность въ союзѣ съ царскимъ самодержавіемъ. Теперь всякія желанія, всякіе разсчеты на то, что передъ русской промышленностью откроются блестящія перспективы въ союзѣ съ русскимъ самодержавіемъ, разумѣется, совершенно должны быть отброшены. Да я и не думаю и не позволю себѣ предполагать, чтобы въ вашей средѣ нашлось много людей, которые бы мечтали о возстановленіи стараго строя. *(Возгласы на скамьяхъ промышленниковъ: «ни одного!» Апплодисменты всего зала).* Тѣмъ лучше, что никто изъ васъ не стремится къ возстановленію стараго порядка, тѣмъ лучше, говорю я; но если когда то русская промышленность развивалась, опираясь на поддержку царскаго самодержавія, то я позволю себѣ утверждать, не боясь сдѣлать ошибку, что отнынѣ русская промышленность можетъ развиваться только въ томъ случаѣ, если торгово-промышленный классъ поставитъ передъ собою задачу осуществленія широкихъ соціальныхъ реформъ. *(Апплодисменты и возгласы: «правильно!»).*

Граждане, не разъ многіе изъ васъ говорили, — да и кто изъ насъ не говорилъ этого? — что передъ Россіей въ настоящее время стоитъ великая задача развитія ея производительныхъ силъ. Вы согласны съ этимъ; мы, соціалисты, тоже согласны съ этимъ. Мы понимаемъ, что страна, въ которой производительныя силы стоятъ на низкой ступени развитія, эта страна, конечно, не способна ни къ политическому, ни къ экономическому, ни къ соціальному прогрессу. *(Апплодисменты. Голоса: «правильно!»).*

Да, необходимо широкое развитіе производительныхъ силъ. Это должно быть общей программой всѣхъ тѣхъ, кто съ той или съ другой стороны имѣетъ отношеніе къ общественно-производительному процессу. Но, граждане, всякій долженъ понимать, — и, конечно, всякій понимаетъ, — что во всякой передовой странѣ, скажу шире, во всякой современной странѣ, самой могучей, самой драгоцѣнной и единственно незамѣнимой производительной силой является ея рабочій классъ, ея трудящееся населеніе. *(Возгласы справа: «правильно!»).* Если Россіи, въ самомъ дѣлѣ, суждено поднять свои производительныя силы на уровень передовыхъ

странъ Запада, то это можетъ случиться лишь въ томъ случаѣ, если широкая система соціально-политическихъ реформъ подыметъ рабочій классъ изъ того жалкаго положенія нищаго раба, въ которомъ онъ находился до сихъ поръ, къ своему собственному горю и позору всей Россіи. Если вы, представители торгово-промышленнаго класса, пойдете съ открытымъ сердцемъ по пути этихъ реформъ, я утверждаю, что передъ вами откроется тогда путь плодотворнаго соглашенія съ сознательными представителями рабочаго класса.

Граждане, говорятъ, что революціонная демократія сдѣлала то-то и не сдѣлала того-то. Говорятъ, между прочимъ, что революціонная демократія готова была заключить сепаратный миръ. Нѣтъ! Если отдѣльные безумные люди изъ среды революціонной демократіи и позволили себѣ такого рода преступныя рѣчи, то наша крайняя революціонная демократія, въ своемъ цѣломъ, никогда на сепаратный миръ не пойдетъ. Я, который расходился съ этой революціонной демократіей во многомъ, позволю себѣ отъ лица вашего (жестъ налѣво) сказать, больше того : поручиться отъ лица вашего за то, что революціонная демократія никогда не сдѣлаетъ такой низости. *(Апплодисменты. Возгласы : «правильно!»)*. Мы не пойдемъ на сепаратный миръ, мы не хотимъ измѣнить нашимъ союзникамъ, которые находятся во главѣ цивилизаціи. Ихъ страны суть демократическія страны, широко демократическія страны. Мнѣ скажутъ : ну да, конечно, на такую демократію, которая существуетъ въ Англіи и во Франціи, разумѣется, всѣ мы согласны, противъ такой демократіи мы ничего не имѣемъ. Это, разумѣется, очень хорошо. Но позвольте, граждане, въ интересахъ историческаго безпристрастія сказать вамъ, что для того, чтобы въ Англіи и Франціи установились современныя демократическія конституціи, нужно было, чтобы каждая изъ этихъ странъ прошла черезъ періодъ революціи и чтобы въ каждой изъ этихъ странъ являлись партіи крайней революціонной демократіи, — тѣ партіи, дочерью или, если вы предпочитаете, внучкой которой является, mutatis mutandis, наша нынѣшняя крайняя революціонная демократія.

Итакъ, если эта партія революціонной демократіи совершила извѣстныя ошибки, то, вѣдь, граждане, вамъ все-таки безъ этой партіи не обойтись. Нельзя говорить или думать : мы хотѣли бы сохранить завоеванія революціи, но не желаемъ существованія

революціонной демократіи, ибо для того, чтобы сохранить блага революціи, необходима упорная и систематическая работа революціонной демократіи. (*Апплодисменты*). Граждане, положеніе наше таково, что вы, представители имущихъ классовъ, которые здѣсь, въ этой залѣ, сидите частью направо, частью въ центрѣ, вы должны понять, что въ настоящее время невозможна экономическая жизнь, сколько-нибудь планомѣрная и сколько-нибудь плодотворная, невозможна также и борьба съ внѣшнимъ непріятелемъ безъ соглашенія съ крайней революціонной демократіей, а путь для этого соглашенія, какъ вы видите, открытъ, разъ вы готовы будете признать программу широкихъ соціальныхъ реформъ. Вотъ вамъ путь, вотъ вамъ средства для соглашенія съ крайней революціонной демократіей. Ибо что такое декларація 8 іюля, какъ не требованіе, какъ не желаніе крайней революціонной демократіи добиваться извѣстныхъ рѐформъ въ интересахъ рабочаго класса? (*Возгласъ слѣва:* « *Совершенно вѣрно!* »).

Это я говорю, обращаясь направо.

Теперь, товарищи, позвольте обратиться къ вамъ налѣво. Если то или другое не понравится вамъ въ моихъ словахъ, то прошу васъ спокойно выслушать меня. Если-бы оказались ошибки въ моей рѣчи, вспомните, что я сорокъ лѣтъ работалъ подъ революціоннымъ знаменемъ, а за этотъ срокъ можно даже нѣсколько разъ ошибиться. (*Смѣхъ. Апплодисменты*).

Товарищи, вспомните, когда печальной памяти Ленинъ, пріѣхавъ къ намъ, на второй или третій день выступилъ въ Петроградскомъ Совѣтѣ Рабочихъ Депутатовъ и говорилъ о томъ, что рабочій классъ долженъ немедленно, вкупѣ съ батрацкими и крестьянскими депутатами, захватить политическую власть въ свои руки, — что вы отвѣтили ему тогда? Вы — большинство Петроградскаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ — сказали : нѣтъ, этой программы мы не принимаемъ, ибо Россія переживаетъ теперь капиталистическую революцію, а когда страна переживаетъ капиталистическую революцію, то рабочему классу захватывать всю полноту политической власти совершенно неумѣстно. И одинъ изъ васъ, — я не помню, кто именно (*Голосъ слѣва:* «*Церетели*»), — напомнилъ чрезвычайно глубокія слова нашего общаго учителя Фридриха Энгельса о томъ, что для рабочаго класса не можетъ быть большаго несчастья, какъ захватить полноту политической власти въ тотъ моментъ, когда онъ еще не созрѣлъ для

плодотворнаго употребленія въ дѣло этой власти. Неправда-ли, эти слова были сказаны, и этимъ словамъ рукоплескало большинство Петроградскаго Совѣта?

Товарищи, разъ вы стоите на этой точкѣ зрѣнія, разъ вы понимаете всю политическую и теоретическую глубину этихъ словъ, вы должны сообразно съ этимъ опредѣлить и свои отношенія къ торгово-промышленному классу. Не можетъ быть такой капиталистической революціи, въ которой не было бы буржуазіи. Не можетъ быть такого капитализма, въ которомъ не было бы капиталистовъ. Разъ это подсказывается логикой, это надо понять и сообразно съ этимъ надо дѣйствовать.

Разъ намъ предстоитъ еще пережить болѣе или менѣе длинный періодъ капиталистическаго развитія, то надо помнить, что этотъ процессъ является двустороннимъ, причемъ на одной сторонѣ будетъ дѣйствовать пролетаріатъ, а на другой буржуазія. И если пролетаріатъ не захочетъ повредить своимъ интересамъ, а буржуазія своимъ, то и тотъ, и другой классъ должны, bona fide, искать путь для экономическаго и политическаго соглашенія. Позвольте, товарищи, напомнить вамъ вчерашнія слова Церетелли. Гордыя слова сказалъ онъ: « Вы говорите, что вы еще не знаете, за кѣмъ пойдетъ русскій народъ, но послѣдніе выборы, — онъ имѣлъ въ виду, очевидно, наши муниципальные выборы, — своимъ исходомъ показали, что русскій народъ идетъ за крайней революціонной демократіей». Да, это дѣйствительно такъ, товарищи. И когда начнутся выборы въ Учредительное собраніе, то вѣроятно, русскій народъ, русская трудящаяся масса скажетъ, что она готова итти за нашей крайней революціонной демократіей. Но что означаетъ это? Что означаетъ этотъ фактъ огромнаго и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ неожиданнаго исхода нашихъ муниципальныхъ выборовъ? Этотъ фактъ означаетъ, что мы всѣ, революціонеры и соціалисты, подписали трудящейся массѣ вексель на огромную сумму. Этотъ вексель былъ учтенъ рабочимъ классомъ, трудящейся массой вообще, но нѣтъ такого векселя, по которому не надо было бы платить. Точно также и для васъ, граждане, настанетъ такое время, когда нужно будетъ платить по этому векселю. Если бы вы сдѣлали ошибку, которая заключается въ изолированіи себя, если бы вы не сдѣлали всего нужнаго, чтобы привлечь къ себѣ всѣ живыя силы страны для совмѣстной работы, то вы не были бы въ состояніи заплатить по этому векселю не

потому, что у васъ не хватило бы доброй воли, — воля у васъ была бы, — но не хватило бы силушки для этого. (*Апплодисменты. Голоса: «правильно»*). И когда вы оказались бы передъ трудящейся массой въ положеніи неоплатнаго должника, какъ отнеслась бы, какъ поняла бы это трудящаяся масса?

Она отвѣтила бы вамъ, по выраженію народнаго поэта, « насмѣшкою горькою обманутаго сына надъ промотавшимся отцомъ ». Въ это положеніе ни въ коемъ случаѣ не долженъ позволить себѣ становиться нашъ пролетаріатъ въ лицѣ своихъ сознательныхъ представителей.

Вы помните, товарищи, что въ тѣ первые дни, когда я пріѣхалъ сюда и когда было такъ много идеалистическаго въ нашихъ отношеніяхъ, вы пригласили меня въ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, и я тамъ напомнилъ вамъ евангельское ученіе :« Будьте кротки, какъ голуби, и мудры, какъ зміи» . Я сказалъ : « Я не требую отъ васъ голубиной кротости, но требую отъ васъ мудрости змѣй ». И теперь, товарищи, эта мудрость должна руководить всѣми вашими дѣйствіями. Не бойтесь признать извѣстныя ошибки, которыя вы совершили. Вчера товарищъ Церетелли, къ моему величайшему удовольствію, намекнулъ въ своей рѣчи на нихъ. Не бойтесь признать эти ошибки. А такъ какъ рѣчь идетъ о томъ, чтобъ не повторять этихъ ошибокъ, избѣгайте повторенія, избѣгайте изоляціи, стремитесь къ тому, чтобы столковаться съ представителями торгово-промышленнаго класса. А, вѣдь, кромѣ этого класса и кромѣ пролетаріата, есть цѣлый рядъ промежуточныхъ слоевъ, которые будутъ привѣтствовать такое соглашеніе. Это соглашеніе сдѣлаетъ насъ сильными, непобѣдимыми, и тогда намъ не будутъ страшны никакіе Макензены, никакіе Гинденбурги.

Если же, граждане, — я обращаюсь направо и налѣво, — если мы не придемъ къ такому соглашенію, то что будетъ? Будетъ ваша гибель (*обращается направо*). — Будетъ ваша гибель (*обращается налѣво*). Будетъ гибель всей страны. Позвольте напомнить одну ирландскую легенду о двухъ кошкахъ, которыя дрались такъ упорно и такъ жестоко, что отъ нихъ остались только хвосты.

И вамъ, представители крайней революціонной демократіи, и вамъ, представители торгово-промышленнаго класса, не надо быть сторонниками безпримѣрной борьбы, въ результатѣ которой остались бы только хвосты и отъ васъ, и отъ насъ, и остался бы

голько хвостъ отъ Россіи, къ великой радости германскихъ капиталистовъ.

Я закончилъ. (Шумные апплодисменты).

У послѣдней черты

(«Единство», № 122 отъ 23-го августа 1917 г.)

Нѣкогда Щедринъ жаловался, что его современники забываютъ извѣстныя слова. Мы теперь говоримъ такъ много, что намъ нуженъ огромный запасъ словъ, и мы забываемъ лишь весьма немногія изъ нихъ. Но съ нами случилось нѣчто гораздо худшее, чѣмъ *забвеніе* словъ. Мы *помнимъ* ихъ, мы безпрестанно ихъ произносимъ и... не связываемъ съ ними почти никакого опредѣленнаго представленія. Таковы слова : « Россія въ опасности! » — Мы повторяемъ ихъ — да еще какъ часто повторяемъ! — едва ли не съ такимъ же спокойствіемъ, съ какимъ замѣчаемъ, взглянувъ утромъ въ окно : дождь идетъ. Вообще говоря, для горожанина хорошая погода лучше дождливой, и когда онъ видитъ мокрую улицу, это причиняетъ ему нѣкоторую непріятность. Однако непріятность эта рѣдко его смущаетъ и измѣняетъ усвоенный имъ образъ дѣйствій развѣ только въ томъ смыслѣ, что, выходя изъ дому, онъ, вмѣсто тросточки беретъ съ собой дождевой зонтикъ. Приблизительно такъ же дѣйствуетъ на большинство русскихъ людей слова : « Россія гибнетъ, Россія въ опасности !». Разумѣется, они никого не радуютъ, или, — чтобы выразиться точнѣе, — никто не позволяетъ себѣ выразить радость, услышавъ ихъ. Но какъ-то не замѣчается и того, чтобы многіе огорчались ими. Они не побуждаютъ насъ измѣнить наше обычное препровожденіе времени. Мы или устраиваемъ свои частныя, « обывательскія », дѣлишки, или, если у насъ имѣется возможность привольно жить безъ дѣла на счетъ государства, мы гуляемъ по улицамъ и бульварамъ, занимаясь отъ скуки « лущеніемъ сѣмечекъ » и неосмысленнымъ глазѣніемъ въ пространство. Наконецъ, если по обстоятельствамъ нашей жизни, лущеніе сѣмечекъ не представляется намъ привлекательнымъ препровожденіемъ времени, мы занимаемся *политикой*, подъ которой слишкомъ часто понимается у насъ вымолачиваніе языкомъ отвлеченныхъ формулъ,

принимаемыхъ безъ всякаго, сколько нибудь серьезнаго анализа ихъ отношенія къ дѣйствительной жизни и къ ея насущнымъ нуждамъ. Мы говоримъ, говоримъ, говоримъ сплошь и рядомъ вовсе не затѣмъ, чтобы сказать что-нибудь, а единственно для того, чтобы не остаться нѣмыми. Мы обличаемъ другія партіи; подставляемъ ножку «инакомыслящимъ» въ нашихъ собственныхъ рядахъ; предлагаемъ резолюціи; вносимъ поправки; любуемся своимъ «интернаціонализмомъ»; всеусердно заботимся о томъ, чтобы въ нашихъ рѣчахъ и предложеніяхъ не замѣчалось никакого «поправѣнія» и предоставляемъ Россіи собственными силами справляться съ той горькой бѣдою, въ которую попала она, благодаря завоевательнымъ планамъ австро-германскихъ имперіалистовъ. Какъ будто бы у какой угодно страны могли быть другія силы, кромѣ совокупности силъ ея гражданъ!

Мы не забыли словъ: «Россія въ опасности!». Но эти слова не производятъ на насъ впечатлѣнія, соотвѣтствующаго ихъ трагическому смыслу. И это—самое худшее изо всего, что могло съ нами случиться. Страна, граждане которой равнодушно слышатъ и повторяютъ извѣстіе о томъ, что ей грозитъ страшная опасность, въ самомъ дѣлѣ находится на волосокъ отъ гибели.

Открывая Московское Совѣщаніе, А. Ф. Керенскій сказалъ, между прочимъ, что нужны нечеловѣческія слова для того, чтобы выразить весь ужасъ нашего положенія и всю огромность задачъ, на каждомъ изъ насъ лежащихъ. Нечеловѣческія слова намъ, вѣроятно, были бы очень полезны. Но гдѣ взять ихъ? Нечеловѣческими словами умѣли говорить только древніе еврейскіе пророки, эти суровые, непреклонные и неустрашимые обличители, такъ художественно изображенные на фрескахъ равнаго имъ по духу Микель Анджело. Хорошо было бы, если бы въ нашемъ многострадальномъ государствѣ явились подобные гиганты. Но, пока что, намъ, русскимъ публицистамъ, остается прибѣгать къ обыкновенному, — человѣческому, — русскому языку для опредѣленія историческаго смысла того, что намъ всѣмъ угрожаетъ. Хоть и «прибились къ ушамъ» страшныя слова о близкой гибели нашей родины, но вѣдь гибель-то, въ самомъ дѣлѣ, все болѣе и болѣе приближается. И — какъ знать? — можетъ быть ея крайняя и совершенно уже неоспоримая близость пробудитъ, наконецъ, въ нашихъ современникахъ живое и дѣйственное сознаніе того, что нельзя же въ роковое время позорить гражданина санъ...

Нанося намъ рядъ пораженій на нашемъ южномъ и юго-западномъ фронтѣ, непріятель грозитъ овладѣть Одессой и, вообще, отрѣзать насъ отъ Чернаго моря. Съ другой стороны, онъ овладѣлъ Ригой. Нѣкоторые военачальники наши говорятъ, что нравственное значеніе утраты нами Риги гораздо больше ея военнаго значенія. Мнѣ думается, что говорятъ такъ, желая предупредить панику. Но опасности слѣдуетъ смотрѣть прямо въ глаза. А кто смотритъ ей прямо въ глаза, тотъ не можетъ не видѣть, что, перейдя Двину и овладѣвъ Ригой, непріятель получилъ возможность серьезно угрожать Петрограду. Это уже само по себѣ важно: Петроградъ до сихъ поръ остается столицей русскаго государства. Но кромѣ *военной* точки зрѣнія, можно и должно взглянуть на дѣло съ точки зрѣнія политической или, если вамъ угодно, *исторической*. Уже со временъ Ивана Грознаго московское государство стремилось открыть себѣ доступъ къ Балтійскому морю. Въ этомъ выразилась великая культурная потребность и непреложная экономическая необходимость. Петръ Первый, устремившійся сначала къ Азову, т. е., къ южному морю, вскорѣ обратилъ свой проницательный взоръ на Балтійское побережье. Открытіе Россіи доступа къ этому побережью было ничѣмъ незамѣнимымъ предварительнымъ условіемъ совершенія Петровской реформы.

Какъ бы мы ни относились къ Петру Первому, — этому деспоту, кнутовищемъ писавшему свои преобразовательные указы, — никто изъ насъ не можетъ отрицать, что Петровская реформа явилась болѣе или менѣе отдаленной причиной всѣхъ тѣхъ перемѣнъ во внутренней жизни Россіи, которыя, въ свою очередь, обусловили собою возникновеніе революціоннаго движенія въ Россіи. Не даромъ передовые русскіе люди издавна были, за самыми немногими исключеніями, горячими поклонниками Петра (вспомните Бѣлинскаго и Чернышевскаго).

Безъ Петровской реформы невозможно было бы возникновеніе соціалъ-демократическаго движенія въ Россіи.

И вотъ теперь германскій имперіализмъ, своими побѣдами, отбрасываетъ насъ отъ Балтійскаго и Чернаго морей. Онъ хочетъ ввести нынѣшнюю Россію въ предѣлы стараго московскаго государства. Если бы ему удалось осуществить свои планы, судьба русскаго соціалъ-демократическаго движенія была-бы рѣшена: его не ожидало бы въ будущемъ ничего, кромѣ упадка. Ростъ соціалъ-демократическаго движенія предполагаетъ наличность

извѣстныхъ экономическихъ условій. А ихъ-то и не было бы на лицо, если бы Германія, оттѣснивъ насъ отъ морей, заставила насъ попятиться чуть-ли не ко времени царя Алексѣя Михайловича.

Всякій, кто не хочетъ, чтобы пошло назадъ наше экономическое развитіе, обязанъ приложить всѣ усилія къ тому, чтобы разстроились планы германскихъ имперіалистовъ. Всѣхъ больше и энергичнѣе должны работать въ этомъ направленіи мы, соціалъ-демократы, которыхъ не можетъ же не наполнять трепетомъ мысль о томъ, что не только остановится численный и культурный ростъ русскаго пролетаріата, но, — какъ неизбѣжное слѣдствіе попятнаго движенія въ области нашей экономики, — начнется постепенное превращеніе извѣстной части русскихъ пролетаріевъ въ темныхъ и развращенныхъ обитателей босякскихъ пріютовъ. Война, ведомая теперь Россіей, есть война оборонительная, а не завоевательная. Участіе въ оборонительныхъ войнахъ, считалось обязательнымъ для соціалистовъ, какъ во время перваго, такъ и во время второго Интернаціонала. Мы можемъ разить врага съ совершенно спокойной совѣстью.

Еще совсѣмъ на-дняхъ, въ засѣданіи Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, т. Церетелли сказалъ, что мы, по прежнему, должны вести войну за миръ. Но не было и не можетъ быть такой войны, которая не велась бы за миръ. Вопросъ, во-первыхъ, въ томъ, *какого мира* желаетъ данная воюющая сторона, а, во-вторыхъ, какими средствами она этого мира добивается.

Мы, русскіе соціалъ-демократы, не желаемъ другого мира, кромѣ мира, основаннаго на признаніи права всѣхъ народовъ на самоопредѣленіе. Но Россія не можетъ явиться тутъ исключеніемъ. Между тѣмъ, ея право на самоопредѣленіе было бы жестоко нарушено, если бы осуществилось то, что замышляютъ противъ нея германскіе имперіалисты. Значитъ, нужно воевать.

Какъ воевать? Со всей тою энергіей, на какую еще способна Россія. Чѣмъ энергичнѣе будемъ мы воевать, тѣмъ скорѣй придетъ справедливый миръ. А чтобы Россія энергично вела войну, надо, чтобы мы, соціалисты, отметали въ своей пропагандѣ и въ своихъ резолюціяхъ все то, что могло бы ослабить боеспособность нашей арміи.

Мы, русскіе революціонеры, не можемъ, не имѣемъ права способствовать тому, чтобы наша революція явилась отправной точкой реакціи противъ реформы Петра Великаго.

Что дало Московское Совѣщаніе

(«Единство», № 123 отъ 24-го августа 1917 г.)

Крайне тревожныя военныя событія послѣднихъ дней [1]) заставили всѣхъ насъ почти совсѣмъ забыть о недавнемъ Московскомъ Совѣщаніи. Между тѣмъ, результаты его заслуживаютъ вниманія именно въ виду крайне тревожныхъ событій послѣднихъ дней.

Что *дало* Московское Совѣщаніе? Прежде, чѣмъ приступить къ рѣшенію этого вопроса, полезно спросить себя : что *могло оно дать?*

Оно не могло вынести какія-нибудь опредѣленныя рѣшенія, такъ какъ оно ничего не рѣшало. Его значеніе было чисто совѣщательное.

« Вы не имѣете права предъявлять намъ (т. е., Временному Правительству. *Г. П.*) какія нибудь требованія», рѣзко замѣтилъ предсѣдатель совѣщанія А. Ф. Керенскій, когда одинъ изъ ораторовъ заговорилъ въ повелительномъ тонѣ. Съ формальной точки зрѣнія это было вѣрно, хотя нашъ первый министръ поступилъ-бы тактичнѣе, воздержавшись отъ приведеннаго мною замѣчанія. Какъ-бы тамъ ни было, необходимо помнить, что на Московскомъ Совѣщаніи могли обнаружиться только *настроенія* разныхъ общественныхъ классовъ и слоевъ. И когда мы ставимъ вопросъ : что оно дало? — мы, собственно говоря, спрашиваемъ себя : какія настроенія обнаружились въ немъ?

Въ теченіе перваго дня преній, какъ правая, такъ и лѣвая сторона обнаруживала настроеніе, котораго никакъ нельзя назвать миролюбивымъ. Ораторы говорили съ такой страстью, что самыя пренія начинали казаться безполезными : зачѣмъ тратить время на произношеніе обидныхъ *словъ*, когда не остается ничего другого, какъ немедленно перейти къ враждебнымъ *дѣйствіямъ?* Въ такомъ же духѣ споры велись и въ продолженіе значительной части второго дня. Но къ концу его, — т. е., къ концу послѣдняго дня Совѣщанія, — въ рѣчахъ нѣкоторыхъ ораторовъ зазвучали примирительныя ноты, сопровождавшіяся указаніемъ на страшную опас-

[1]) Наступленіе германцевъ на сѣверо-западномъ русскомъ фронтѣ, взятіе ими Риги 21 августа.

ность, грозящую всей странѣ, а стало быть и борющимся въ ней партіямъ. Когда А. А. Бубликовъ при оглушительныхъ рукоплесканіяхъ всего зала подалъ руку И. Г. Церетелли, можно было подумать, что недалеко то соглашеніе между партіями, безъ котораго наша родина не выйдетъ изъ переживаемыхъ ею страшныхъ затрудненій. И тогда каждый участникъ Совѣщанія могъ сказать себѣ : мы не напрасно съѣхались въ Москву.

Тутъ я долженъ замѣтить слѣдующее : *Лѣвой* стороной я называю представителей демократическихъ элементовъ населенія, *а правой* — представителей торгово-промышленнаго класса. Дворянство, *какъ таковое*, совсѣмъ не выступало на Московскомъ Совѣщаніи. То, что оно считало возможнымъ выразить, сказано было ораторомъ, выступившимъ отъ имени союза земельныхъ собственниковъ и заявившимъ : мы готовы даже на черный передѣлъ, но только не на Черновскій. Разумѣется, эта игра словъ не можетъ быть разсматриваема, какъ сколько-нибудь знаменательное выраженіе дворянскихъ стремленій.

Что касается торгово-промышленнаго класса, то въ рѣчахъ его ораторовъ, конечно, слышно было весьма сильное раздраженіе противъ органовъ революціонной демократіи. И все-таки, когда пишущій эти строки сказалъ въ своей рѣчи : « я не позволю себѣ предполагать, чтобы въ вашей средѣ нашлось много людей, которые мечтали бы о возстановленіи стараго строя », съ правой стороны послышались единодушные возгласы : « ни одного ». Я тогда же отвѣтилъ на это : « тѣмъ лучше! » Я повторяю это теперь. Поскольку нашъ промышленный классъ не зараженъ духомъ реакціи, поскольку онъ склоненъ къ укрѣпленію завоеваній революціи, постольку возможно и нужно соглашеніе между нимъ и рабочимъ классомъ, для котораго укрѣпленіе этихъ завоеваній составляетъ необходимое условіе всѣхъ дальнѣйшихъ успѣховъ.

Мнѣ очень хорошо извѣстно, что мнимые радикалы, совершенно независимо отъ обстоятельствъ времени и мѣста отвергающіе всякія соглашенія между пролетаріатомъ и буржуазіей, возразятъ мнѣ : « нашъ торгово-промышленный классъ представляетъ собою контръ-революціонную силу, и никакъ не слѣдуетъ вѣрить его сочувственному отношенію къ завоеваніямъ революціи». Но если согласиться съ этими мнимыми радикалами, неспособными понять тактику, опирающуюся на теорію научнаго соціализма,

то придется требовать, вмѣстѣ съ Ленинымъ, диктатуры пролетаріата и крестьянства. Такое требованіе отвергалось до сихъ поръ большинствомъ революціонной демократіи. И пока большинство это не измѣнитъ своего отношенія къ псевдо-революціонной тактикѣ Ленина, до тѣхъ поръ ему при нынѣшнихъ нашихъ обстоятельствахъ не останется ничего другого, какъ сознательно и планомѣрно стремиться къ соглашенію съ руководящими представителями торгово-промышленнаго класса.

На путь соглашенія съ этимъ классомъ оно выступило гораздо раньше Московскаго Совѣщанія. Что такое наше коалиціонное Вр. Правительство, какъ не плодъ политическаго соглашенія между различными общественными классами? Когда сторонники Ленина кричали : «долой министровъ-капиталистовъ!» — они этимъ давали понять, что наше Вр. Правительство составилось путемъ соглашенія между представителями трудящейся массы, съ одной стороны, и представителями капитала — съ другой. Они неправы здѣсь только въ томъ смыслѣ, что представительство торгово-промышленнаго класса въ нашемъ Вр. Правительствѣ было и до сихъ поръ остается случайнымъ и прямо-таки неудовлетворительнымъ. Можетъ быть, Московское Совѣщаніе приведетъ къ устраненію этого недостатка въ составѣ нашего Вр. Правительства. Но, во всякомъ случаѣ, фактъ тотъ, что соглашеніе существуетъ. Весь вопросъ въ томъ, должно-ли оно быть сознательнымъ и планомѣрнымъ и потому плодотворнымъ, или же по прежнему оставаться лишеннымъ всякой сознательной основы, почти совершенно безплоднымъ и каждую минуту готовымъ сойти на нѣтъ вслѣдствіе недоразумѣній, дѣлающихъ невозможной совмѣстную работу сторонъ, представленныхъ во Вр. Правительствѣ.

Не буду распространяться въ этой статьѣ о желательномъ и возможномъ экономическомъ фундаментѣ соглашенія между пролетаріатомъ и буржуазіей. Я достаточно говорилъ о немъ, какъ въ моихъ статьяхъ, предшествовавшихъ Совѣщанію, такъ и въ рѣчи, произнесенной на самомъ Совѣщаніи. Притомъ же дѣло идетъ не обо мнѣ, а о томъ, что далъ намъ первый Московскій Земскій Соборъ XX вѣка.

Онъ далъ намъ, хотя, — увы! — быть можетъ только на нѣсколько дней, психологическую возможность надѣяться на объединеніе всѣхъ живыхъ, — т. е., не заинтересованныхъ въ возста-

новленіи стараго порядка, — силъ страны для дружной работы въ цѣляхъ упроченія нашей политической свободы и отраженія внѣшняго врага. Эта психологическая возможность нашла свое выраженіе, между прочимъ, и въ заключительной рѣчи А. Ф. Керенскаго.

« Я вѣрю и даже знаю, — сказалъ онъ, — что одно уже достигнуто, — достигнуто большее пониманіе другъ друга, достигнуто большее уваженіе другъ къ другу, достигнуто большее и общее сознаніе, что бываютъ такія времена, когда каждый, во имя цѣлаго, и себя и близкихъ своихъ по крови и по классу забыть долженъ ».

Но если Московское Совѣщаніе, въ самомъ дѣлѣ, привело своихъ участниковъ къ сознанію необходимости ставить интересы цѣлаго выше интересовъ отдѣльныхъ его частей, то естественно возникаетъ вопросъ : а какъ же должно отнестись цѣлое къ тѣмъ своимъ частямъ, которыя, думая только о себѣ, пренебрегаютъ интересами всей страны ради своихъ собственныхъ, иногда весьма плохо понятыхъ, интересовъ?

Вездѣ и всегда было такъ, что когда цѣлое обладало достаточной силой, оно въ борьбѣ съ эгоизмомъ отдѣльныхъ своихъ частей *прибѣгало къ принужденію*. Наше Вр. Правительство до сихъ поръ лишь очень неохотно выдвигало этотъ послѣдній доводъ всякой власти. А. Ф. Керенскій съ чувствомъ довольно наивнаго, и, въ сущности, ничѣмъ не оправдываемаго, внутренняго удовлетворенія отмѣтилъ это въ своей заключительной рѣчи. Признавая, что обстоятельства могутъ вынудить его впредь поступать иначе, онъ обнаружилъ при этомъ такую скорбь сердца, что растрогалъ немалую часть присутствующихъ. Но скорбь сердца не помѣшала ему громко возвѣстить, что отнынѣ правительство не остановится даже передъ самыми крайними средствами въ борьбѣ съ анархическими и контръ-революціонными выступленіями. И это заявленіе нашего перваго министра должно быть признано важнымъ результатомъ Московскаго Совѣщанія.

Россія находится теперь въ такомъ исключительномъ положеніи, что испытываетъ, можно сказать, настоящую тоску по твердой власти. Эта тоска дала себя почувствовать также и на Московскомъ Совѣщаніи. До сихъ поръ страна предпочитаетъ *революціонную* власть власти *реакціонной*. Но если революціонная власть не сумѣетъ подняться на высоту положенія, если она не

проявитъ достаточной энергіи, страна повернется къ ней спиною и протянетъ руки реакціи. Такова логика вещей, которой нельзя, по нѣмецкому выраженію, *отболтать прочь* (wegschwatzen). Заключительная рѣчь А. Ф. Керенскаго показала, что глава нашего Вр. Правительства чувствуетъ убѣдительность этой логики и готовъ сообразовать съ нею свои дѣйствія. Послышавшіяся въ этой рѣчи трагическія ноты, которыя выходили изъ сердца, получившаго свѣжую рану, свидѣтельствовали о томъ, что Московское Совѣщаніе особенно ярко освѣтило въ умѣ А. Ф. Керенскаго сознаніе необходимости крайнихъ мѣръ. И это опять должно быть записано въ активъ названнаго Совѣщанія, такъ какъ, повторяю, странѣ нужна сильная, ни передъ чѣмъ не останавливающаяся. революціонная власть. Безъ нея она погибнетъ.

И. Г. Церетелли

(«Единство», № 125 отъ 26-го августа 1917 г.)

И. Г. Церетелли, по болѣзни, покидаетъ Петроградъ и ѣдетъ на Кавказъ. Общественные дѣятели страдаютъ, по временамъ, сомнительными болѣзнями. Что касается т. Церетелли, то въ его болѣзни нѣтъ, къ сожалѣнію, ровно ничего сомнительнаго. Продолжительное пребываніе въ тюрьмѣ серьезно разстроило его легкія. И можно удивляться лишь тому, что нашъ талантливый и самоотверженный товарищъ такъ долго могъ оставаться въ Петроградѣ. Онъ сознательно ухудшалъ свое физическое состояніе ради исполненія своего революціоннаго долга. Этого не забудутъ русскіе пролетаріи.

Т. Церетелли работалъ не только съ самоотверженіемъ, но и съ немалымъ успѣхомъ. Я никогда не забуду, съ какимъ восторженнымъ сочувствіемъ внимало его рѣчамъ большинство соціалъ-демократическихъ участниковъ іюньскаго съѣзда представителей Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. « Онъ лучше всѣхъ другихъ ораторовъ выражаетъ наши взгляды, » — сказалъ мнѣ одинъ изъ делегатовъ юго-восточной (если не ошибаюсь) Россіи. Это было совершенно вѣрно. Въ то время рѣчи И. Г. Церетелли

являлись самымъ яркимъ выраженіемъ того, къ чему стремилась наибольшая часть фракціи меньшевиковъ. И въ это время его популярность достигла высшей своей точки. Потомъ она стала падать.

Почему? Это очень интересный вопросъ, имѣющій общественное значеніе.

Тов. Церетелли вовсе не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыхъ можно назвать *теоретиками* данной партіи. Мнѣ неизвѣстно, имѣетъ ли онъ глубокіе теоретическіе запросы. Если — имѣетъ, то врядъ-ли имѣлъ онъ возможность удовлетворить ихъ въ значительныхъ размѣрахъ. Во всякомъ случаѣ, я ничего не знаю объ его теоретическихъ работахъ. Теоретикомъ грузинской соціалъ-демократіи былъ и остается Н. Жорданіа. Но, какъ замѣтилъ однажды самъ И. Г. Церетелли въ одной изъ своихъ рѣчей, у него есть извѣстный *инстинктъ*, помогающій ему разбираться въ вопросахъ политической практики. Этому инстинкту,—Сократъ сказалъ бы : *демону*, — онъ обязанъ очень многимъ. Благодаря ему, онъ, даже исходя изъ ошибочныхъ посылокъ, умѣлъ избѣгать такихъ выводовъ, которые ставили бы его въ явное противорѣчіе съ требованіями жизни. «Демонъ» т. Церетелли сдѣлалъ изъ него, — человѣка открытаго и прямого по своему личному характеру, — довольно тонкаго дипломата. Это послѣднее обстоятельство обусловило собою его огромную популярность и оно же повело къ тому, что эта огромная популярность его клонится теперь къ упадку.

Дѣло вотъ въ чемъ. Когда т. Церетелли, взявъ за точку отправленія ложныя посылки, чувствуетъ, что выводы, изъ нихъ вытекающіе, идутъ въ разрѣзъ съ самыми ясными указаніями жизни, онъ въ своихъ рѣчахъ, болѣе или менѣе рѣшительно жертвуетъ названными выводами и считается съ названными указаніями. И онъ съ такимъ тонкимъ искусствомъ совершаетъ эту, всегда рискованную для публициста и для оратора, логическую операцію, что его слушатели, по большей части, совсѣмъ не замѣчаютъ того противорѣчія, въ которое онъ попадаетъ съ самимъ собою, т. е., со своими ошибочными посылками. А когда они сами одобряютъ ошибочныя посылки и, въ то же время, сами ощущаютъ извѣстное безпокойство, въ виду вытекающихъ изъ нихъ, слишкомъ уже нелѣпыхъ, выводовъ, они проникаются несказанною благодарностью къ оратору, избавляющему ихъ отъ безпокойства,

они награждаютъ его «бурными, долго несмолкающими апплодисментами» и съ жаромъ говорятъ: «онъ лучше всѣхъ другихъ ораторовъ выражаетъ наши взгляды».

До поры до времени все идетъ хорошо и для оратора, и для слушателей. Однако, — только до поры до времени.

Дипломатія прекрасная вещь. Но логика объективной дѣйствительности не поддается ни на какія дипломатическія уловки и не довольствуется отказомъ отъ нелѣпыхъ выводовъ. Рано или поздно, она выставляетъ суровое требованіе: «*откажись отъ ошибочныхъ посылокъ, или я въ порошокъ сотру всѣ твои практическіе планы*». Т. Церетелли уже слышитъ это суровое требованіе объективной логики: его демонъ обладаетъ гораздо болѣе тонкимъ слухомъ, нежели демоны его многочисленныхъ почитателей. Поэтому нашъ товарищъ начинаетъ одобрять такія мѣропріятія, которыхъ онъ не одобрилъ бы два-три мѣсяца тому назадъ. Но это пугаетъ его почитателей. Они смутно сознаютъ, что ихъ вождь подошелъ къ отреченію отъ такихъ вѣрованій, — въ данномъ случаѣ, отъ вѣры въ циммервальдъ-кинтальскую догму, — отъ которыхъ имъ пока еще совсѣмъ невозможно отречься. И они возстаютъ противъ него, проваливаютъ предлагаемыя имъ резолюціи и вообще обнаруживаютъ готовность итти за другимъ вождемъ (или за другими вождями).

Т. Церетелли смущается и, — недаромъ же его демонъ сдѣлалъ изъ него довольно тонкаго дипломата! — идетъ на уступки.

Замѣтивъ какъ отстали отъ него люди, еще вчера дружно и горячо ему рукоплескавшіе, онъ поспѣшно пятится назадъ. На такъ называемомъ Объединительномъ Съѣздѣ россійской соціалъ-демократіи онъ выступаетъ съ проектомъ резолюціи, которая, по самой снисходительной оцѣнкѣ, представляетъ собою, — чтобы употребить здѣсь энергичное выраженіе Энгельса, — эклектическую нищенскую похлебку и заканчивается указаніемъ *на необходимость продолжать «борьбу за миръ»*. Согласитесь, что при нынѣшнемъ военномъ положеніи Россіи рѣшительно нельзя итти дальше въ смыслѣ уступокъ россійскому Циммервальдъ-Кинталь. И россійскій Циммервальдъ-Кинталь цѣнитъ крайнюю уступчивость т. Церетелли. Его резолюція принимается большинствомъ участниковъ «Объединительнаго Съѣзда». Почитатели опять поладили со своимъ вождемъ. Надолго-ли? Я думаю, что не надолго.

Чтобы долго пребывать въ любви и въ согласіи со своими

почитателями, т. Церетелли нужно было бы совершенно разстаться со своимъ демономъ. А это едва-ли возможно для него : вѣдь его *демонъ* это — его *собственное я*, время отъ времени пытающееся сбросить съ себя узы мертворожденной догмы и дѣйствовать въ согласіи съ логикой объективной дѣйствительности. Отъ своего я отказаться такъ же трудно, какъ поднять самого себя за волосы. Мнѣ сдается, что тов. Церетелли самъ это понимаетъ.

Сдается мнѣ также, что, именно, нежеланіе мучить себя безплодной борьбой со своимъ собственнымъ я и побудило его, наконецъ, внять совѣтамъ врачей и заняться возстановленіемъ своего сильно расшатаннаго здоровья.

Если мое предположеніе справедливо, то я могу только одобрить его отъѣздъ на Кавказъ. Не говоря уже о томъ, что я отъ всей души желаю ему возстановленія физическихъ силъ, я надѣюсь, что на Кавказѣ онъ избавится отъ угара вредныхъ для него рукоплесканій и окончательно выяснитъ себѣ роль вождя, которая заключается вовсе не въ томъ, чтобы приспособляться къ предразсудкамъ массы, а въ томъ, чтобы смѣло бороться съ ними.

Наконецъ, подышавъ роднымъ воздухомъ Кавказа, т. Церетелли, можетъ быть, перестанетъ довольствоваться *инстинктомъ* и дойдетъ до яснаго *сознанія* насущныхъ задачъ текущаго момента. Его демонъ держался явно неудовлетворительнаго метода. Онъ чувствовалъ, что нельзя не считаться съ дѣйствительностью, но онъ слишкомъ часто попадалъ въ заблужденіе, принимая за *объективную дѣйствительность субъективныя настроенія* меньшевиковъ.

О классовомъ интересѣ

(Посвящается сознательнымъ элементамъ русскаго рабочаго класса)

(«Единство», № 126 отъ 27-го августа 1917 г.)

Есть люди, настроенные до такой степени возвышенно, что ихъ приводитъ въ негодованіе всякая ссылка на интересы общественныхъ классовъ или сословій. Они убѣждены, что защищать классовый интересъ значитъ служить классовому эгоизму и чуж-

даться безкорыстія, самоотверженія и прочихъ хорошихъ чувствъ. Конечно, въ настоящее время такого убѣжденія могутъ держаться только очень наивные люди. Но извѣстно, что наивными людьми хоть прудъ пруди. Особенно много ихъ среди русской интеллигенціи. Поэтому, нельзя только презрительно пожимать плечами при видѣ глубоко вкоренившагося въ ихъ умахъ предразсудка относительно классовыхъ и сословныхъ интересовъ. Время отъ времени приходится спорить съ ними, чтобы разсѣять тотъ идеалистическій туманъ, въ который погружаютъ они понятія о самоотверженіи, безкорыстіи и другихъ хорошихъ вещахъ.

Еще Фейербахъ очень тонко замѣтилъ, что вовсе несостоятельно противопоставленіе справедливости интересу, такъ какъ она весьма нерѣдко совпадаетъ съ нимъ. Люди, испытавшіе тотъ или другой гнетъ, естественно заинтересованы въ торжествѣ справедливости, осуждающей этотъ гнетъ и избавляющей ихъ отъ него. Нѣмецкій матеріалистъ лишь мимоходомъ бросилъ свое тонкое замѣчаніе. Если бы онъ захотѣлъ обосновать его, ему стоило бы только обратиться къ исторіи тѣхъ многочисленныхъ человѣческихъ обществъ, въ которыхъ существовало (или существуетъ) раздѣленіе на классы или сословія.

Когда французская духовная и свѣтская аристократія старалась сохранить тотъ «старый порядокъ», который въ ущербъ третьему сословію обезпечивалъ за нею многочисленныя преимущества, она практиковала политику эгоизма, не имѣвшую ничего общаго ни съ безкорыстіемъ, ни со справедливостью. Но когда третье сословіе, добиваясь отмѣны вредныхъ для него привилегій аристократіи, стремилось къ низверженію названнаго порядка, въ его политикѣ не было ничего эгоистическаго. Его сословный интересъ совершенно совпадалъ въ данномъ случаѣ съ интересомъ всей страны. Недаромъ его идеологи съ гордостью говорили, что оно обнимаетъ всю націю, за исключеніемъ привилегированныхъ (т. е., тѣхъ, которые, какъ замѣчено выше, практиковали политику сословнаго эгоизма). И не даромъ также все, что было жизнеспособнаго, просвѣщеннаго и благороднаго въ тогдашнемъ цивилизованномъ мірѣ, съ величайшимъ вниманіемъ слѣдило за освободительнымъ движеніемъ французскаго третьяго сословія, восторженно привѣтствуя даже малѣйшіе его успѣхи.

Подобно этому, въ Россіи XIX вѣка стремленіе помѣщичьихъ крестьянъ освободить свою шею отъ ярма крѣпостного права

нимало не противорѣчило общенародному интересу. Наоборотъ, попытки помѣщиковъ увѣковѣчить это право насквозь пропитаны были духомъ сословнаго эгоизма и шли въ разрѣзъ съ интересами всего государства. Вотъ почему, всѣ благородные просвѣщенные русскіе люди, — даже изъ тѣхъ, которые сами принадлежали къ дворянскому сословію, — единодушно одобряли тѣ мѣры правительства, которыя казались имъ направленными къ избавленію крестьянъ отъ власти помѣщиковъ.

Чтобы не плодить лишнихъ примѣровъ, я укажу еще только на современный сознательный пролетаріатъ, стремленіе котораго къ замѣнѣ капиталистическаго способа производства соціалистическимъ, будучи подсказано его классовымъ интересомъ, ни мало не противорѣчитъ, въ то же время, интересу всего передового человѣчества. И именно поэтому, глубоко неправы тѣ сторонники неземного идеализма, которые пренебрежительно улыбаются всякій разъ, когда рѣчь зайдетъ о классовомъ интересѣ рабочихъ. Подъ маской этого неземного идеализма нерѣдко скрываются, къ тому же, самые эгоистическіе интересы господствующаго класса. Извѣстно, что въ настоящее время возвышенные идеалисты несравненно чаще сухихъ матеріалистовъ потягиваютъ потихоньку винцо, во всеуслышаніе проповѣдуя воду.

Теперь взглянемъ на предметъ съ другой стороны.

Классовый интересъ пролетаріата совпадаетъ съ интересомъ всего передового человѣчества. Это такъ. Но отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, что достаточно производителю сдѣлаться пролетаріемъ, чтобы немедленно широко и правильно понять интересы своего класса. Развитіе классового самосознанія пролетаріата представляетъ собою длинный процессъ, первыя ступени котораго такъ описаны въ знаменитомъ « Манифестѣ » Маркса и Энгельса :

«Сначала борются отдѣльные рабочіе, потомъ рабочіе одной фабрики, потомъ рабочіе одной отрасли труда, въ одной мѣстности, — противъ отдѣльнаго буржуа, непосредственно эксплоатирующаго ихъ. Они направляютъ свои удары не только на буржуазныя производственныя отношенія, они направляютъ ихъ и на самыя орудія производства; они уничтожаютъ иноземные конкурирующіе товары, они разбиваютъ машины, они поджигаютъ фабрики, они пытаются возстановить погибшее положеніе средневѣковаго рабочаго ».

На этихъ первоначальныхъ ступеняхъ развитія нерѣдко

случается, что рабочіе данной отрасли производства выставляютъ такія требованія, которыя несогласны съ интересами рабочихъ другихъ отраслей. Само собою разумѣется, что, добиваясь осуществленія такихъ требованій, они отстаиваютъ только свой групповой интересъ, противорѣчащій интересу ихъ собственнаго класса, взятаго въ его цѣломъ, а также, — почти всегда, — интересамъ всего народа. Тутъ они поступаютъ эгоистично.

Легко понять и то, что когда рабочіе уничтожаютъ машины, поджигаютъ фабрики и, вообще, такъ или иначе задерживаютъ развитіе производительныхъ силъ, они этимъ вредятъ странѣ въ ея цѣломъ, а прежде всего — самимъ себѣ. Чѣмъ быстрѣе развиваются производительныя силы въ данномъ государствѣ, тѣмъ легче его рабочему классу сплачиваться, организоваться и, вообще, вести борьбу за свое освобожденіе.

Если это такъ, — а я увѣряю читателя, что это неоспоримо, — то очевидно, что *сознательные* рабочіе обязаны предостерегать своихъ отсталыхъ товарищей отъ такихъ выступленій, которыя, коренясь въ ихъ безсознательности и являясь выраженіемъ ихъ эгоистическихъ групповыхъ интересовъ, вредны для благосостоянія всей страны вообще и пролетаріата, какъ цѣлаго, въ отдѣльности. Конечно, подобныя предостереженія могутъ вызывать неудовольствіе мало сознательныхъ элементовъ рабочаго класса. Роль учителя не всегда бываетъ благодарной ролью. Рукоплесканія чаще достаются на долю демагоговъ. Но это не мѣшаетъ демагогу оставаться презрѣннымъ существомъ, а учителю — полезнымъ для человѣчества работникомъ.

Я увѣренъ, что въ средѣ русскаго пролетаріата есть уже достаточно сознательныхъ элементовъ, способныхъ взять на себя благородную, хотя не всегда благодарную, задачу предостереженія нашихъ рабочихъ отъ ошибокъ, въ послѣднемъ счетѣ вредныхъ для нихъ же самихъ.

Рабочіе отдѣльныхъ отраслей труда часто выдвигаютъ у насъ такія требованія, исполненіе которыхъ только увеличило бы царствующую теперь экономическую разруху. Разруха вредна всѣмъ намъ. Но не даромъ же интересы пролетаріата солидарны съ интересами страны въ ея цѣломъ. Вредя всей странѣ, эгоистическія требованія *отдѣльныхъ рабочихъ группъ* приносятъ жестокій вредъ *рабочему классу*. Разруха парализуетъ промышленность и торговлю, а тамъ гдѣ парализованы промышленность и

торговля, до послѣдней степени падаетъ спросъ на рабочія руки. Конечно, можно сказать, — да и говорятъ демагоги, — что казна возьметъ на себя остановившіяся предпріятія. Но экономическая разруха не щадитъ и казны. Она роковымъ образомъ ведетъ къ ея полному опустѣнію. А что же въ состояніи предпринять государство съ пустой казною?

Богатство всякой страны создается трудомъ ея населенія. Если рабочіе, подъ предлогомъ защиты своихъ классовыхъ интересовъ, понижаютъ производительность своего труда, то они, вредя всей странѣ, опять-таки очень сильно рискуютъ повредить своему собственному классу.

Возьмемъ примѣръ. Въ Донецкой области страшно понизилась добыча каменнаго угля, приходящаяся на долю отдѣльнаго рабочаго. Это извѣстно всѣмъ. Но каменный уголь очень мѣтко названъ хлѣбомъ современной промышленности. Чѣмъ меньше будетъ этого хлѣба у русской промышленности, тѣмъ больше будетъ она замедлять свое движеніе, тѣмъ быстрѣе станетъ расти экономическая разруха и тѣмъ скорѣе встрѣтится нашъ пролетаріатъ съ безработицей. Въ Донецкой области введенъ восьмичасовой рабочій день. Но на дѣлѣ рабочіе трудятся гораздо меньше восьми часовъ. По ихъ мнѣнію, поступая такъ, они защищаютъ свой классовой интересъ. Это огромная ошибка. По только что указанной причинѣ, они вредятъ и самимъ себѣ, и всему своему классу, и всей Россіи.

Англійскіе рабочіе рѣшили, что, добиваясь восьмичасового дня, они будутъ трудиться больше 8-ми часовъ вплоть до окончанія нынѣшней войны [1]). Этимъ они показали, что умѣютъ широко смотрѣть на свой классовый интересъ. Если бы Германія побѣдила Англію и ея союзниковъ, то это весьма вредно отразилось бы на состояніи англійской промышленности, а, слѣдовательно, и на интересахъ англійскаго пролетаріата. Понимая это, англійскіе рабочіе, рѣшили пожертвовать интересами непродолжительнаго настоящаго времени ради интересовъ несравненно болѣе продолжительнаго будущаго. Они поступили вполнѣ разумно.

Почему бы русскимъ рабочимъ не послѣдовать примѣру анг-

[1]) См. ниже замѣтку т. Ольгина. *Г. П.* — Въ этой замѣткѣ приведена слѣдующая телеграмма: «Конгрессъ синдикалистовъ въ Блэкпулѣ принялъ 24-го авг. резолюцію, превозглашающую установленіе 48-часового недѣльнаго рабочаго дня тотчасъ *послѣ окончанія войны*».

лійскихъ? Вѣдь, побѣда Германіи грозитъ русской промышленности гораздо болѣе тяжкими невзгодами, чѣмъ — англійской.

Итакъ, одно дѣло — интересъ пролетаріата, а другое дѣло — плохое пониманіе этого интереса. Одно дѣло — интересъ всего рабочаго класса, а другое дѣло — интересъ его отдѣльныхъ группъ. Одно дѣло — интересъ непродолжительнаго настоящаго времени, а другое дѣло — интересъ гораздо болѣе продолжительнаго будущаго.

Что дѣлать?

(«Единство», № 127 отъ 29-го августа 1917 г.)

При спокойномъ ходѣ событій, Россіи слѣдовало бы весело и шумно праздновать теперь полугодіе своей революціи. Но ей не до праздниковъ. Событія примаютъ поистинѣ трагическій оборотъ.

Уже прорывъ сѣверо-западнаго фронта и взятіе нѣмцами Риги явились для насъ крайне тяжелымъ ударомъ. Возникъ вопросъ о томъ, будемъ ли мы въ состояніи отстоять Петроградъ. Одного этого вопроса достаточно было бы для того, чтобы смутить самыхъ беззаботныхъ насчетъ политики людей. Въ настоящее время опасность удваивается, если не удесятеряется. Кромѣ движенія непріятеля къ Петрограду, намъ угрожаетъ гражданская война. Да что я говорю : угрожаетъ! Гражданская война уже началась.

Верховный главнокомандущій, который, казалось бы, прежде всего долженъ былъ подумать о томъ, какъ затруднить движеніе непріятеля къ нашей сѣверной столицѣ, самъ предпринялъ противъ нея вооруженное нападеніе. Онъ находится въ войнѣ съ нашимъ Временнымъ Правительствомъ. И жителямъ Петрограда остается лишь только спрашивать себя, кто же собственно опаснѣе для нихъ : нѣмецъ внѣшній, — Гинденбургъ съ подчиненными ему военачальниками, — или же нѣмецъ внутренній, — бывшій нашъ верховный главнокомандующій съ вѣрными ему полками?

Что благодаря всему этому страна попала въ крайне опасное положеніе, этого не приходится доказывать, такъ какъ это совершенно очевидно. Правда, въ своемъ выступленіи противъ Вре-

меннаго Правительства генералъ Корниловъ вовсе не обнаружилъ большой... расторопности.

Отрядить къ Временному Правительству г. Львова съ требованіемъ передать въ руки предпріимчиваго генерала всю полноту власти значило поступить какъ нельзя болѣе наивно. Исторія знаетъ не мало примѣровъ захвата политической власти представителями военной силы. Но одно дѣло — захватить власть силой, а другое дѣло получить ее путемъ посылки къ ея обладателямъ болѣе или менѣе краснорѣчиваго вѣстника. Если бы наше Временное Правительство подчинилось требованію, предъявленному г. Львовомъ, оно уподобилось бы тому миѳическому французу, котораго убѣдили въ томъ, что ему слѣдуетъ быть гильотинированнымъ. Оно не захотѣло быть гильотинированнымъ «вслѣдствіе убѣжденія» (par persuasion).

Оно арестовало г. Львова, — этого Василія Шибанова нашихъ дней, — и тѣмъ самымъ отвѣтило генералу Корнилову: «приди и возьми». Иного отвѣта и не могло дать Революціонное Правительство.

Повторяю, первый шагъ, сдѣланный генераломъ Корниловымъ на пути государственнаго переворота, былъ совершенно неловокъ и свидѣтельствовалъ о большой наивности нашего бывшаго верховнаго главнокомандующаго. Этотъ неловкій шагъ значительно уменьшилъ шансы задуманнаго генераломъ Корниловымъ предпріятія. И все-таки, его предпріятіе еще далеко отъ жалкаго конца. Оно очень можетъ окончиться успѣхомъ. Взбунтовавшійся генералъ имѣетъ много средствъ для нанесенія весьма серьезнаго вреда Петрограду, а съ нимъ и всей Россіи.

Что же дѣлать? Этотъ вопросъ, прежде всего, должно поставить себѣ наше Временное Правительство, на которомъ лежитъ страшная отвѣтственность за судьбу страны. И его же обязанъ поставить себѣ каждый изъ насъ, потому что мы не имѣемъ ни малѣйшаго права оставаться бездѣятельными въ переживаемый нами грозный историческій моментъ.

Уже на Московскомъ Совѣщаніи стало ясно всякому, имѣвшему очи, чтобы видѣть, до какой степени нужно нашему правительству расширить ту соціальную основу, на которую опирается его власть. Власть, воздвигнутая на узкомъ соціальномъ фундаментѣ, неизбѣжно страдаетъ неустойчивостью. А неустойчивость власти такъ же неизбѣжно вводитъ во искушеніе разныхъ аван-

тюристовъ, пытающихся замѣнить ее новой властью, болѣе удобной для нихъ честолюбивыхъ замысловъ. Къ величайшему сожалѣнію, наше правительство не воспользовалось тѣмъ урокомъ, который дало ему Московское Совѣщаніе. Оно не измѣнило своего состава, не привлекло въ свою среду представителей торгово-промышленнаго класса Это большая ошибка. Есть основанія предполагать, что если бы наше правительство сдѣлалось болѣе устойчивымъ, расширивъ свою соціальную основу, генералъ Корниловъ не позволилъ бы себѣ и думать о захватѣ политической власти. Однако, ошибка, сдѣланная нашимъ правительствомъ, пока еще не представляется непоправимой. А. Ф. Керенскій еще можетъ сдѣлать обязательную для него попытку войти въ политическое соглашеніе съ торгово-промышленнымъ классомъ.

Невозможно никакое сомнѣніе въ томъ, что наша революціонная демократія поддержитъ Временное Правительство въ его борьбѣ съ генераломъ-бунтаремъ И это, разумѣется, очень хорошо. Но если революціонная демократія окажется изолированной, если всѣ остальные слои населенія повернутся спиной къ Временному Правительству, то это послѣднее будетъ побѣждено, и въ то же время побѣждена будетъ русская революція.

Наша революціонная демократія сама должна позаботиться о томъ, чтобы Правительство сдѣлало всѣ необходимые шаги для привлеченія въ число своихъ членовъ представителей торгово-промышленнаго класса.

Въ рѣчи, произнесенной мною на Московскомъ Государственномъ Совѣщаніи, я, обращаясь къ присутствовавшимъ на немъ соціалъ-демократамъ меньшевикамъ, напомнилъ имъ, какъ одинъ изъ нихъ привелъ въ видѣ возраженія на пресловутые тезисы Ленина глубокія слова Энгельса: «для рабочаго класса не можетъ быть большаго несчастья, какъ захватить въ свои руки власть въ такое время, когда онъ еще не созрѣлъ для ея планомѣрнаго использованія». Теперь какъ нельзя болѣе умѣстно еще разъ напомнить эти глубокія слова.

Если наша революціонная демократія своей тактикой поставитъ руководимую ею трудящуюся массу въ изолированное положеніе, она тѣмъ самымъ приведетъ ее къ тому несчастію, о которомъ говорилъ Энгельсъ. А такъ какъ никто изъ насъ, оставшихся вѣрными соціалъ-демократическому знамени, не можетъ задаваться

подобной цѣлью, то ясно, что тактика изоляціи должна быть рѣшительно отвергаема всѣми нами.

Я полагаю, что соціалъ-революціонеры, въ свою очередь, найдутъ достаточно поводовъ для того, чтобы не усваивать себѣ этой тактики.

Значитъ, о ней можно и не распространяться.

Но вотъ, что слѣдуетъ помнить. Однимъ изъ самыхъ убѣдительныхъ въ глазахъ населенія доводовъ противъ революціонной демократіи и поддерживаемаго ею Временнаго Правительства могъ бы явиться тотъ, что ни та, ни другое не склонны вести войну со всею энергіей, какая требуется въ нашемъ отчаянномъ положеніи. Этотъ доводъ безусловно необходимо вырвать изъ рукъ противниковъ революціи. А его нельзя вырвать иначе, какъ отказавшись отъ « борьбы за миръ » въ цимервальдскомъ духѣ. Мы должны бороться за побѣду.

Съ циммервальдской утопіей наша революціонная демократія должна разстаться, по крайней мѣрѣ, на время. Пусть она вѣритъ въ ея будущее воскресенье. Пусть она украситъ ея мавзолей трогательной надписью : « покойся, милый прахъ, до радостнаго утра ». Но теперь циммервальдская утопія должна быть похоронена, чтобы не погибла Россія, а съ нею и русская революція.

P. S. Моя статья уже набиралась, когда я узналъ изъ вечернихъ газетъ о слѣдующемъ заявленіи Ф. Ф. Кокошкина : « Коалиціонное Правительство, по нашему мнѣнію, сейчасъ существовать не можетъ ». Это попытка окружить Временное Правительство желѣзнымъ кольцомъ бойкота. Надо сдѣлать все возможное, чтобы сломать это кольцо. Изолированная демократія очень рискуетъ быть побѣжденной. Другой вопросъ, что принесетъ кадетамъ пораженіе демократіи. Они думаютъ, какъ видно, что оно принесетъ имъ большую выгоду. Какъ бы не ошибиться имъ въ расчетѣ.

Два слова публицисту „Рѣчи“

(«Единство», № 128 отъ 30-го августа 1917 г.)

« Рѣчь » (см. передовую статью номера отъ 29 августа) сожалѣетъ о томъ, что « недоразумѣніе » между Временнымъ Правительствомъ и ген. Корниловымъ приняло такіе « грандіозные

размѣры ». Она говоритъ, что психологія нынѣшнихъ нашихъ правителей напоминаетъ психологію старой власти : « даже тѣ требованія, которыя справедливы и признаны, не встрѣчаютъ удовлетворенія, потому что удовлетворить ихъ значитъ подорвать « престижъ » власти. Уступки, наконецъ, приходятъ, но онѣ приходятъ поздно » А подчасъ бываетъ, — по словамъ автора цитируемой статьи, — и еще хуже: « Вмѣсто того, чтобы уступить требованіямъ жизни, власть становится въ гордую позу и поступаетъ по принципу : лучше погибнуть, чѣмъ уступить, забывая, что борьба происходитъ на живомъ тѣлѣ и что вмѣстѣ съ властью страдаетъ Россія ».

Смыслъ всѣхъ этихъ разсужденій « Рѣчи » тотъ, что хорошо было бы войти въ соглашеніе съ Корниловымъ, если дѣло не испорчено въ конецъ неуступчивостью Временнаго Правительства. А отсюда неизбѣжно слѣдуетъ, что если соглашеніе стало теперь невозможнымъ и если Россіи придется испить горькую чашу междоусобія, то винить въ этомъ нужно будетъ не кого другого, какъ все то же правительство. Но такъ-ли это?

Во-первыхъ, одно дѣло *правительство издыхающаго самодержавія*, а другое дѣло *революціонное правительство*. Если бы царскіе совѣтники отличались хоть нѣкоторымъ благоразуміемъ и хоть нѣкоторою преданностью тому порядку, которому они служили, они неустанно внушали бы своему повелителю, что уступки безусловно необходимы, такъ какъ только посредствомъ ихъ и можно, хоть немного, продлить существованіе старой власти. Но революціонное правительство находится въ другомъ положеніи. Конечно, ему нужна, — и еще какъ нужна — очень гибкая тактика. Оно должно соглашаться на уступки тамъ, гдѣ безъ нихъ нельзя обойтись. *Доктринерство « сильной власти »* было бы гибельно для него, *какъ и всякое другое доктринерство*. Но въ то же самое время оно обязано, въ интересахъ революціи и представляемой имъ страны, прилагать всѣ старанія къ тому, чтобы сдѣлать свою власть какъ можно болѣе сильной. Если бы оно не захотѣло или не сумѣло стать сильнымъ, оно рисковало бы погибнуть подъ ударами анархіи или контръ-революціи. Это до такой степени очевидно, что въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ вся страна громко и единодушно взывала къ нашему Временному Правительству : « укрѣпи свою власть, или я повернусь къ тебѣ спиною ». Партія народной свободы не составляла въ этомъ случаѣ исключенія. Она тоже настоятельно

и безпрестанно требовала сильной власти. Но пусть же скажутъ мнѣ публицисты этой партіи, могло бы претендовать на сильную власть такое правительство, которое способно было бы считать простымъ недоразумѣніемъ вооруженное выступленіе противъ него имъ же назначеннаго главнокомандующаго? Ясно, что нѣтъ!

Правда, авторъ разбираемой мною статьи различаетъ *анархическія* выступленія противъ правительства отъ такихъ, которыя подсказываются идеей *государственности*. Этому его различенію Л. И. Аксельродъ (Ортодоксъ) посвятила въ нынѣшнемъ номерѣ « Единства » особую замѣтку. Поэтому я не остановлюсь на немъ. Замѣчу только, что если вооруженное выступленіе верховнаго главнокомандующаго противъ правительства своей страны не есть дѣйствіе анархическое въ худшемъ смыслѣ этого слова, то я не знаю, что же собственно слѣдуетъ называть практическимъ анархизмомъ.

Нѣтъ, что бы ни говорили адвокаты, выступающіе на защиту Корнилова на столбцахъ « Рѣчи », всякій хоть немного безпристрастный человѣкъ долженъ будетъ назвать ихъ *адвокатами проиграннаго дѣла*.

Генералъ Корниловъ совершилъ преступленіе. Онъ пошелъ противъ правительства своей страны въ такое время, когда обязанъ былъ итти противъ внѣшняго врага, только что одержавшаго побѣду, чреватую для насъ неисчислимыми бѣдствіями. Онъ, настаивавшій на необходимости возстановленія строгой дисциплины въ арміи, долженъ быть, во имя той же дисциплины, наказанъ *по всей строгости законовъ военнаго времени*. Я полагаю, что на этотъ счетъ не можетъ быть двухъ мнѣній между людьми, не зараженными болѣе или менѣе « анархическими » взглядами.

Насколько позволительно судить по извѣстіямъ, доходящимъ до Петрограда съ театра войны между Временнымъ Правительствомъ и его бывшимъ главнокомандующимъ, дѣло генерала Корнилова *уже* проиграно. Этого и слѣдовало ожидать въ виду проявленной имъ и отмѣченной мною во вчерашнемъ номерѣ « Единства » *нерасторопности*. Однако, никто не можетъ поручиться за то, что его, хотя бы и весьма неудачному, примѣру не захочетъ послѣдовать какой-нибудь другой военачальникъ: генералъ Калединъ или иной. И вотъ, всѣмъ элементамъ нашего населенія, не сочувствующимъ анархизму и не стремящимся къ возстановленію стараго порядка, слѣдовало бы разъ навсегда, рѣши-

тельно и безповоротно, осудить «недоразумѣнія» вродѣ того, которое явилось результатомъ преступнаго желанія генерала Корнилова насильственно захватить въ свои руки всю полноту политической власти. Всѣмъ имъ слѣдовало бы также безъ оговорокъ признать, что самое желаніе изображать дѣйствія, подобныя корниловскому, простыми недоразумѣніями, какъ двѣ капли воды похоже на своеобразное увлеченіе *анархизмомъ*, — пусть только временное и вызванное исключительнымъ стеченіемъ обстоятельствъ.

Наконецъ, всѣмъ этимъ элементамъ, всѣмъ тѣмъ изъ насъ, которые не сочувствуютъ анархизму и не стремятся къ контръ-революціи, пора уже твердо усвоить себѣ ту мысль, что Россія можетъ быть спасена только усиліями коалиціоннаго правительства. Подъ коалиціоннымъ правительствомъ надо, разумѣется, понимать не такое, въ которомъ одна составная часть старалась бы насолить другой части, а такое, составныя части котораго дружно и планомѣрно трудились бы для устраненія внутренней разрухи и для побѣды надъ внѣшнимъ врагомъ. Вчерашнія вечернія газеты сообщили заявленіе Ф. Ф. Кокошкина о томъ, что, по мнѣнію партіи народной свободы, коалиціонное правительство теперь не возможно. Мнѣ очень и очень хотѣлось бы вѣрить, что Ф. Ф. Кокошкинъ этого не говорилъ. Но если онъ это сказалъ, то его можно понять только въ томъ смыслѣ, что кадетская партія не желаетъ сотрудничать съ *соціалистами*. Но положеніе теперь таково, что одноцвѣтное правительство, — правительство одной какой-нибудь партіи, — у насъ прямо-таки не возможно. Поэтому, отказавшись отъ сотрудничества съ соціалистами, партіи народной свободы пришлось бы вступить въ коалицію съ какой-нибудь другой партіей или съ другими партіями. Съ *какою* же или, если вы предпочитаете, — *съ какими же?* Съ партіей октябристовъ?

Но не подлежитъ сомнѣнію, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ кадетско-октябристскій блокъ вынужденъ былъ бы все дальше пятиться въ направленіи къ контръ-революціи. Въ борьбѣ съ революціонной демократіей есть своя неумолимая логика. Объ этомъ стоитъ подумать партіи народной свободы.

Вѣдь нельзя не признать, что вчера, отказавшись отъ коалиціи съ соціалистами, — если только вѣрно было извѣстіе объ ея отказѣ, — она была на волосокъ, *только на одинъ волосокъ* отъ коалиціи съ *ингушами генерала Корнилова*.

А теперь?

(«Единство», № 129 отъ 31-го августа 1917 г.)

Его превосходительству Лавру Корнилову не суждено было увѣнчать себя лаврами въ борьбѣ съ революціоннымъ правительствомъ Россіи. Выступленіе властолюбиваго генерала не далеко отъ жалкаго конца. Ему предложено сдаться. Онъ пока еще не отвѣтилъ на это предложеніе. Но позволительно думать, что его отвѣтъ не будетъ похожъ на тотъ, какой дало ему правительство, когда онъ потребовалъ отъ него всей полноты власти. По мнѣнію замѣстителя министра-предсѣдателя, Л. Корниловъ и другіе генералы, преданные суду за свое преступное выступленіе, кончатъ тѣмъ, что *сдадутся*.

Это значитъ, что опасность, угрожавшая Россіи со стороны междоусобной войны, почти миновала.

На долго-ли? Вотъ вопросъ, неизбѣжно возникающій у всѣхъ тѣхъ, которымъ дорога судьба Родины.

Нельзя теперь же рѣшить этотъ вопросъ съ полной увѣренностью. У генерала Корнилова могутъ найтись подражатели, льстящіе себя надеждою, что имъ удастся избѣгнуть его ошибокъ. Все, что можно теперь уже сказать, не колеблясь, это то, что положеніе нашего революціоннаго правительства оказалось гораздо болѣе прочнымъ, чѣмъ полагали его враги. Этому, конечно, отъ души радуется вся наша революціонная демократія.

Однако, та же демократія, которая не можетъ не порадоваться побѣдѣ Временнаго Правительства надъ мятежными генералами, должна старательно избѣгать излишняго оптимизма.

Въ переживаемое нами крайне тревожное время положеніе правительства не можетъ быть достаточно прочнымъ.

Мы обязаны способствовать все большему и большему его упроченію всѣми зависящими отъ насъ средствами. И тѣмъ болѣе обязана революціонная демократія избѣгать такого давленія на правительство, которое могло бы помѣшать ему усвоить себѣ единственную тактику, способную привести его къ побѣдѣ надъ стоящими передъ нимъ безчисленными трудностями.

Слѣдуетъ помнить, что генералъ Корниловъ вовсе не былъ единственнымъ врагомъ революціонной Россіи.

Другимъ и гораздо болѣе страшнымъ врагомъ ея былъ и остается врагъ внѣшній. Онъ, разумѣется, прекрасно освѣдомленъ о томъ, что произошло у насъ въ теченіе послѣднихъ дней и, безъ всякаго сомнѣнія, используетъ нашу смуту, — къ счастью, не глубокую и почти уже законченную, — въ своихъ цѣляхъ. Драгоцѣнной, совершенно незамѣнимой пособницей его является наша страшная экономическая разруха. Чтобы отразить внѣшняго врага, нужно предварительно справиться съ нею. А для того, чтобы справиться съ нею недостаточно силъ одной революціонной демократіи. Объ этомъ можно пожалѣть, и мы всѣ жалѣемъ объ этомъ. Но отрицать это способны только слѣпорожденные или тѣ, которымъ хотѣлось бы ослѣпить нашу трудящуюся массу, пуская въ глаза ей пыль демагогической фразеологіи.

И вотъ, привѣтствуя побѣду Правительство надъ Лавромъ, не пожавшимъ лавровъ, мы опять обращаемся къ его членамъ съ нашей настоящей «докукой».

Расширяйте соціальную основу своей политической власти; привлекайте въ свою среду дѣйствительныхъ представителей торгово-промышленнаго класса. Симъ побѣдите!

Сентябрь 1917 года

Ликвидація недавняго мятежа

(«Единство», № 131 отъ 2-го сентября 1917 г.)

Что мятежная попытка генерала Корнилова окончилась жалкой неудачей, этого уже нѣтъ нужды доказывать. Теперь на очереди дня стоитъ вопросъ о ликвидаціи, — какъ выражаются у насъ, — корниловскаго военнаго выступленія. Въ своей вчерашней редакціонной статьѣ « Единство » рѣшительно высказалу мысль, что обвиняемымъ по дѣлу названнаго выступленія должны быть предоставлены всѣ законныя средства самозащиты. Иначе быть не должно. Иначе и не можетъ быть въ свободной Россіи.

Пока генералъ шелъ съ оружіемъ въ рукахъ противъ Петрограда, рѣчь могла итти только о подавленіи его возстанія. Теперь, когда возстаніе подавлено съ энергіей, дѣлающей честь нашему Революціонному Правительству, необходимо принять всѣ мѣры, во-первыхъ, къ тому, чтобы въ ходѣ слѣдствія не было нарушено ни одно изъ законныхъ правъ обвиняемыхъ, а, во-вторыхъ, къ тому, чтобы всесторонне и ярко освѣтить причины, способствовавшія мятежу. Еще древніе римляне справедливо говорили : « cessante causa cessat effectus » (съ прекращеніемъ причины прекращается и слѣдствіе). Конечно, можно возразить, что въ данномъ случаѣ причина хорошо извѣстна : мятежная попытка корениласьвъ контръ-революціонной склонности нѣкоторой части общества и, въ особенности, высшаго командnаго состава. Пусть такъ. Но вѣдь позволительно спросить себя : не была ли эта *причина*, въ свою очередь, *слѣдствіемъ* тѣхъ или другихъ общественныхъ явленій, усиливающихъ контръ-революціонную склонность высшаго командnаго состава и нѣкоторой части общества? И если бы оказалось, что дѣйствительно — была, то само собою понятно, что одной изъ первыхъ и самыхъ главныхъ заботъ нашего прави-

тельства новаго состава должно быть устраненіе условій, питающихъ контръ-революцію.

Въ воззваніи къ населенію трехъ органовъ революціонно-демократической печати, помѣщенномъ вчера на столбцахъ этихъ органовъ [1]), между прочимъ, сказано :

« Анархическія попытки уравниваютъ дорогу для контръ-революціонныхъ выступленій. Контръ-революціонныя выступленія увеличиваютъ силу и вліяніе анархическихъ элементовъ ».

Полагаю, что невозможно оспаривать правильность положенія, выраженнаго въ этихъ строкахъ. Больше того. Уже теперь происходятъ явленія, весьма убѣдительно доказывающія, что анархическіе элементы могутъ только радоваться контръ-революціоннымъ попыткамъ... разумѣется, лишь до тѣхъ поръ, пока онѣ остаются неудачными. Такія явленія можно наблюдать и въ печати, и въ жизни. На нихъ еще не разъ придется указывать « Единству ». Сегодня я ограничусь ссылкой только на одно.

Въ газеты проникло извѣстіе о томъ, что въ Выборгѣ солдатами сброшены съ Абосскаго моста въ море генералы Орановскій, Степановъ и Васильевъ, полковники Максимовичъ, Кюреніусъ и Дунинъ, адъютантъ Куксинъ и начальникъ саперной команды (фамилія этого послѣдняго не названа).

Въ органахъ, помѣстившихъ извѣстіе объ этомъ, сообщается и поводъ къ такой расправѣ. Солдаты выборгскаго гарнизона считали сброшенныхъ ими въ море офицеровъ дѣятельными контръ-революціонерами.

Но совершенно очевидно, что тутъ передъ нами характерный образчикъ анархической борьбы съ контръ-революціей. Не менѣе очевидно, что, когда предполагаемыхъ участниковъ контръ-революціонныхъ выступленій хватаютъ за шиворотъ и, « не говоря худого слова », предаютъ смерти, то не можетъ быть и рѣчи о законныхъ гарантіяхъ самозащиты обвиняемыхъ.

Такой борьбѣ съ контръ-революціей долженъ быть положенъ конецъ, ибо она-то и представляетъ собою одно изъ условій, усиливающихъ въ извѣстныхъ кругахъ населенія контръ-революціонную склонность. Безъ всякаго сомнѣнія, правительство постарается покончить съ такого рода борьбой какъ можно скорѣе.

---

[1]) «Единство», «Воля Народа», органъ т. н. «правыхъ» соціалистовъ-революціонеровъ и «Народное Слово», органъ народно-соціалистической партіи.

Мы совершенно незаслуженно и жестоко обидѣли бы его, хоть на минуту допустивъ, что, избѣжавъ опасности Харибды, оно приметъ курсъ на Сциллу.

Сторонники анархическихъ выступленій, вѣроятно, скажутъ, что, осуждая ихъ расправы, я самъ выступаю противникомъ революціи. Но это, разумѣется, вздоръ. Осуждая такія расправы, я лишь отстаиваю ту свободу, къ которой въ продолженіи нѣсколькихъ поколѣній съ несокрушимымъ упорствомъ и съ рѣдкимъ самоотверженіемъ стремились лучшіе люди Россіи.

Немножко логики, товарищи революціонеры!

(«Единство», № 132 отъ 3-го сентября 1917 г.)

Въ то время, когда я пишу эти строки, нашъ правительственный кризисъ, какъ будто, можно считать разрѣшеннымъ посредствомъ образованія «директоріи» изъ пяти членовъ. [1]). А когда статья моя будетъ въ наборѣ, у насъ начнется, можетъ быть, новый кризисъ. Такова ужъ судьба нашей молодой революціонной власти! Мамка ушибла ее въ одинъ изъ апрѣльскихъ дней, ознаменовавшихся выступленіемъ вооруженной силы на улицу, — кто изъ насъ не помнитъ этихъ дней? — и съ тѣхъ поръ она, едва выйдя изъ одного кризиса, почти немедленно попадаетъ въ другой. Вѣрнѣе сказать, съ тѣхъ поръ она переживаетъ состояніе хроническаго кризиса. *Къ чему приведетъ ее это мучительное состояніе?* Не хочу брать на себя роль пророка, но безъ колебаній утверждаю, что *чѣмъ болѣе затяжнымъ становится кризисъ революціонной власти, тѣмъ менѣе устойчивой дѣлается эта власть.*

Какъ же быть? Ларчикъ открывается очень просто, отвѣчаютъ сторонники Ленина. Власть выйдетъ изъ состоянія хроническаго кризиса только тогда, когда вся она будетъ принадлежать Совѣтамъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ.

---

[1]) Правительственный кризисъ разразился немедленно послѣ полученія ультиматума генерала Корнилова (въ ночь на 27 авг.). Изъ кабинета вышли сначала Ф. Ф. Кокошкинъ, затѣмъ П. П. Юреневъ, А. Ф. Пѣшехоновъ, В. М. Черновъ и Б. В. Савинковъ. Въ составъ директоріи вошли: А. Ф. Керенскій, М.М. Терещенко, А. М. Никитинъ, ген. Верховскій и адм. Вердеревскій.

Не далѣе, какъ вечеромъ перваго сентября, въ общемъ засѣданіи Центр. Исп. Комитета Всерос. Сов. Раб. и Солд. Депутатовъ и Исп. Комитета Крест. Депутатовъ (охъ, какъ длинно!), довольно извѣстный ленинецъ Рязановъ развивалъ слѣдующую мысль :

« Пора подумать о томъ, что Совѣты представляютъ большинство Россіи, они должны помнить о своей силѣ. Пусть же они выберутъ Врем. Правительство, отвѣтственное передъ ними, которое довело бы Россію до скорѣйшаго созыва Учр. Собранія, которое одно только способно заключить миръ, провести всѣ необходимыя реформы и приблизить насъ къ соціалистическому строю для того, чтобы Россія первой вступила въ единую революціонную пролетарскую семью».

Это все та же ленинская диктатура пролетаріата и проч.

Послѣдняя фраза этого періода страдаетъ большой неясностью. Спрашивается : какъ ухитрится Россія, или какая-нибудь другая страна, « *первой* » войти въ пролетарскую или какую-нибудь иную семью? Чтобы можно было войти въ семью, необходимо, чтобы она уже *существовала*. А если пролетарская семья *уже существуетъ*, то какъ же Россія войдетъ въ нее « *первою* », *т. е., раньше другихъ странъ?*

Далѣе. Что понималъ « крайній » ораторъ подъ революціонной пролетарской семьей? Семья народовъ, установившихъ у себя *соціалистическій* способъ производства? Но семья такихъ народовъ отнюдь не будетъ *пролетарской*, потому что *въ соціалистическомъ* обществѣ исчезнетъ дѣленіе на классы. *Пролетаріи* предполагаютъ существованіе *капиталистовъ*, а капиталисты и пролетаріи являются двумя главными классами развитаго *капиталистическаго* общества. Но Россія *уже* поднялась, хотя и не « первою », на капиталистическую ступень хозяйственнаго развитія. Она *уже* принадлежитъ, — хотя, къ сожалѣнію далеко еще не вполнѣ, — къ семьѣ тѣхъ народовъ, общественный строй которыхъ характеризуется наличностью въ немъ пролетаріата. У Россіи нѣтъ ни нужды, ни возможности повторять свое вступленіе въ эту семью. А если бы, вопреки логикѣ, она и вздумала повторить его, то едва ли она обратилась бы въ этомъ случаѣ за помощью къ Рязанову и другимъ единомышленникамъ Ленина.

Но какъ бы тамъ ни было, цитированный мной ораторъ отстаивалъ всѣмъ хорошо извѣстную ленинскую тактику. Онъ требовалъ диктатуру пролетаріата и крестьянства.

Было время, когда сторонники этой тактики составляли *меньшинство* въ органахъ революціонной демократіи. Теперь дѣло принимаетъ другой оборотъ. Число сторонниковъ ленинской тактики быстро увеличивается, по крайней мѣрѣ, въ Петроградѣ. Если событія пойдутъ такъ, какъ этого хотѣлось бы ленинцамъ, то скоро затяжной кризисъ, переживаемый нашей революціонной властью получитъ весьма опредѣленное рѣшеніе: Н. Ленинъ займетъ мѣсто А. Керенскаго. Это будетъ началомъ конца нашей революціи. Торжество ленинской тактики принесетъ съ собою такую гибельную, такую страшную экономическую разруху, что весьма значительное большинство населенія страны повернется спиной къ революціонерамъ и будетъ поддерживать болѣе или менѣе рѣшительно, болѣе или менѣе послѣдовательно контръ-революціонеровъ.

Весь вопросъ въ томъ, пойдутъ-ли событія такъ, какъ этого желали бы ленинцы. А это въ значительной степени зависитъ отъ того, какъ поведутъ себя наши революціонеры, которые осуждали и осуждаютъ тактику Ленина. Вскорѣ послѣ возвращенія своего на родину, я писалъ, что опасны не столько *Ленинъ и его прямые послѣдователи*, сколько полуленинцы, отвергающіе мысль о диктатурѣ пролетаріата и крестьянства и въ то же время ведущіе себя такъ, какъ будто бы они одобряли ее. Теперь видно, что я былъ правъ. Торжество, — будемъ надѣяться, временное, — *ленинцевъ* въ петроградскихъ органахъ революціонной демократіи [1]), больше всего подготовлено было вопіющей политической непослѣдовательностью ихъ незаконнорожденныхъ братьевъ — *полуленинцевъ*, имя которымъ — легіонъ. И оно до сихъ поръ поддерживается, главнымъ образомъ, тою-же непослѣдовательностью.

До какой степени доходитъ она, видно, между прочимъ, изъ рѣчи Богданова, произнесенной въ томъ же засѣданіи, въ которомъ Рязановъ обнаружилъ отмѣченную мною путаницу понятій.

По мнѣнію Богданова, «путь диктатуры пролетаріата, на который толкаютъ рабочихъ ленинцы, — гибельный путь». Вмѣсто этого пути онъ рекомендуетъ другой путь: «Путь диктатуры демократіи, не Совѣтовъ Раб. и Солд. Деп., а тѣхъ демократи-

[1]) 31 августа Петроградскій Совѣтъ впервые принялъ резолюцію, содержащую изложеніе основныхъ пунктовъ программы большевиковъ.

ческихъ организацій, кадры которыхъ работаютъ по всей странѣ, — это кооперативы, городскія думы и земства новаго созыва и т. д.»

« О такой диктатурѣ демократіи мы говоримъ и къ ней идемъ. Она означаетъ одно : всѣ силы демократіи должны быть призваны къ жизни и выдвинуты тѣ органы, которые будутъ проводить въ жизнь ея рѣшенія ».

Въ интересахъ справедливости надо замѣтить, что Ленинъ никогда не говорилъ о диктатурѣ одного пролетаріата. Онъ всегда говорилъ о диктатурѣ городскихъ рабочихъ, крестьянъ, сельскихъ батраковъ и всякой « бѣдноты ». Совокупность перечисленныхъ элементовъ, какъ двѣ капли воды, похожа на ту демократію, о которой говорилъ Богдановъ. Правда, онъ упоминалъ въ своей рѣчи также о кооперативахъ. Но вѣдь совершенно ясно, что кооперативы важны для него въ той мѣрѣ, — и только въ той мѣрѣ, — въ какой входятъ въ нихъ перечисленные выше элементы, служащіе, въ представленіи Ленина, соціальной основой революціонной диктатуры. Гдѣ же разница? Не очевидно-ли, что нашъ полуленинецъ является въ данномъ случаѣ лишь подголоскомъ Ленина?

Правда и то, что Богдановъ указывалъ еще и на городскія думы, земства новаго созыва « и т. п. ». Въ такихъ органахъ самоуправленія, несомнѣнно, — въ « и т. п. » вѣроятно, — будутъ участвовать и представители буржуазіи. Однако, самъ же Богдановъ утверждаетъ, что просто на просто невозможна у насъ теперь коалиція демократіи съ буржуазіей. Въ этомъ заключается, говоритъ онъ, наша трагедія. Предположимъ на минуту, что онъ правъ. Тогда окажется, что и въ органахъ самоуправленія вплоть до « и т. п. » мы должны будемъ итти къ диктатурѣ той демократіи, которая, какъ двѣ капли воды, похожа на ленинскую. Чѣмъ же отличается нашъ полуленинецъ отъ ленинцевъ? Ничѣмъ. Ровнехонько ничѣмъ, кромѣ нѣкоторыхъ выраженій, подсказанныхъ ему, полуленинцу, характерной для него робостью мысли и ея непослѣдовательностью.

Поразительная, почти безпримѣрная, *непослѣдовательность полуленинцевъ губитъ революціонную демократію, которая въ свою очередь, погубитъ революцію, если только не опомнится, пока еще не совсѣмъ поздно.*

Немножко логики, товарищи революціонеры!

Къ Совѣщанію двѣнадцатаго сентября [1])

(«Единство», № 133 отъ 5-го сентября 1917 г.)

Совѣщанія — прекрасная вещь. Не даромъ же сказано: умъ хорошо, а два лучше. А много умовъ еще того лучше, прибавлю я въ своемъ качествѣ *соціалъ-демократа*. Правда, люди вообще склонны къ злоупотребленію хорошими вещами. Не лишены этой вредной склонности и мы, русскіе революціонеры. Такъ, напримѣръ, всѣмъ извѣстно, что наши партійные съѣзды, имѣвшіе мѣсто заграницей, повергали иностранныхъ соціалистовъ въ величайшее изумленіе чрезвычайной своей продолжительностью. «Откуда берете вы, русскіе соціалъ-демократы, досугъ и средства для съѣздовъ, длящихся по нѣсколько недѣль?» — нерѣдко спрашивали меня иностранные единомышленники наши [2]). Западные соціалисты прекрасно понимаютъ, что, занимаясь партійными дѣлами, никакъ нельзя обойтись безъ обмѣна мнѣній между товарищами. Однако, они всегда помнятъ при этомъ, что время, посвящаемое такому обмѣну, пропадаетъ для непосредственнаго партійнаго дѣла. И они умѣютъ прекращать слишкомъ затяжныя пренія. Мы пока еще не обладаемъ этимъ драгоцѣннымъ умѣніемъ. Мы до сихъ поръ принимаемъ *разговоры за дѣйствія*. Это объясняется, конечно, недостаткомъ у насъ политическаго опыта.

Но объяснить происхожденіе даннаго недостатка еще не значитъ устранить его. Поэтому, когда у насъ предстоитъ Демократическое Совѣщаніе въ томъ или другомъ его видѣ, я не безъ тревоги спрашиваю себя: а сколько времени оно протянется?

Если *чересчуръ продолжительныя* совѣщанія революціонеровъ представляютъ собою несомнѣнное зло съ точки зрѣнія *революціоннаго дѣла*, то не меньшимъ зломъ должны быть признаны совѣщанія, созываемыя *слишкомъ часто*. Излишняя и потому вредная для дѣла *трата времени* не перестаетъ быть излишней и вредной оттого, что она совершается, скажемъ, въ теченіе четы-

[1]) Совѣщаніе это извѣстно подъ именемъ Петроградскаго Демократическаго Совѣщанія.

[2]) Покойный П. Знигеръ даже утверждалъ, что такіе продолжительные съѣзды естественно должны вести къ расколамъ, вслѣдствіе переутомленія участниковъ и обусловленной переутомленіемъ крайней ихъ нервности. *Г. П.*

рехъ недѣль, отдаленныхъ одна отъ другой извѣстнымъ промежуткомъ, а не въ теченіе одного сплошного мѣсяца.

Что же касается излишней *траты средствъ*, то, какъ это понятно само собою, *слишкомъ частыя* совѣщанія легко могутъ оказаться еще болѣе вредными для дѣла, чѣмъ *слишкомъ продолжительныя*. И по этой причинѣ, когда я слышу о созывѣ Демократическаго Совѣщанія, у меня, кромѣ указаннаго выше вопроса, возникаетъ еще другой : не слишкомъ-ли поторопились созвать его?

Наша политическая неопытность, — отрицать которую было бы безполезно до смѣшного, — ведетъ не только къ тому, что мы не умѣемъ дорожить, какъ слѣдуетъ, своимъ временемъ и своими средствами. Она выражается еще и въ томъ, что мы нерѣдко теряемся при видѣ такихъ общественныхъ явленій, въ которыхъ очень легко было бы разобраться, обладая болѣе обширнымъ запасомъ опыта. Растерявшимся людямъ естественно надѣяться, что, потолковавъ между собою, они общими силами найдутъ выходъ изъ своего затруднительнаго положенія. Оттого они очень охотно созываютъ совѣщанія и собираются на съѣзды.

Признаюсь откровенно : я полагаю, что Демократическое Совѣщаніе, созываемое на 12 сентября является, — по крайней мѣрѣ, отчасти, — плодомъ такой растерянности. Нашу демократію смущаетъ теперь вопросъ о коалиціи соціалистическихъ партій съ несоціалистическими. Это, какъ видитъ читатель, вопросъ далеко не новый. Послѣ неудобозабываемыхъ апрѣльскихъ дней наши соціалистическія партіи рѣшили его въ положительномъ смыслѣ [1]).

Конечно, рѣшеніе, тогда ими принятое, далеко не было свободно отъ ошибки. Считалось, что наши соціалисты, — въ противоположность и въ назиданіе западнымъ, — должны вступить въ коалиціонное министерство не затѣмъ, чтобы работать для удовлетворенія насущныхъ нуждъ страны *вмѣстѣ съ несоціалистическими его элементами*, а затѣмъ, чтобы вести съ этими послѣдними «классовую борьбу». Одинъ неоспоримо «полномочный» органъ нашей революціонно-демократической печати безъ обиняковъ выразилъ эту глубоко ошибочную мысль на своихъ столбцахъ.

[1]) «Партія» Ленина всегда рѣшала его отрицательно. Но, какъ извѣстно, Ленинъ тотчасъ по возвращеніи своемъ въ Россію заявилъ, что предпочитаетъ для себя и для своихъ единомышленниковъ названіе коммунистовъ. *Г. П.*

Нечего и говорить, что она внесла много вреднѣйшей путаницы въ тактику нашей крайней демократіи.

Но при всемъ томъ, принятое въ апрѣлѣ рѣшеніе не устраняло самой идеи коалиціи. Можно было надѣяться, что мало-по-малу закравшееся въ него опасное заблужденіе сведется на-нѣтъ подъ вліяніемъ наглядныхъ уроковъ жизни. И хотя эта надежда оставалась неосуществленной, однако, позволительно было питать ее до тѣхъ поръ, пока идея коалиціи не отверглась революціонной демократіей. Теперь революціонная демократія склоняется къ отрицанію этой идеи. Партія соціалистовъ-революціонеровъ и слышать не хочетъ о коалиціи съ партіей народной свободы. Съ своей стороны, представители торгово-промышленнаго класса отказываются вступить въ министерство, если въ немъ не будетъ кадетовъ. Такимъ образомъ, передъ нашей революціонной демократіей остается только одинъ путь, тотъ самый, на который уже давно толкалъ ее Ленинъ, — путь захвата въ свои руки всей полноты политической власти — *путь диктатуры*.

Она смущается при видѣ этого пути; она хочетъ увѣрить себя, что путь, на который она собирается теперь вступить, вовсе не совпадаетъ съ ленинскимъ; въ подтвержденіе этого она дѣлаетъ весьма тонкія и успокоительныя, какъ ей кажется, различенія. Но тутъ же она сама видитъ, что эти, будто бы тонкія успокоительныя различенія, какъ гнилыя нитки рвутся при самомъ легкомъ прикосновеніи критики. И вотъ, растерявшись, она торопится созвать Совѣщаніе.

Повторяю, совѣщанія — прекрасная вещь, хотя и не слѣдуетъ злоупотреблять ими. Но нѣтъ такой прекрасной вещи, которая могла бы привести насъ къ тому убѣжденію, что дважды два не четыре, а пять, или, — какъ выражается одинъ изъ героевъ Вольтера, — что міръ, въ которомъ мы живемъ, сдѣланъ изъ стекла. Никакое совѣщаніе не устранитъ стоящей передъ нашей революціонной демократіей альтернативы :

Или усвоеніе ленинской тактики, или же принятіе идеи коалиціи, но на этотъ разъ продуманной до конца и освобожденной отъ закравшагося въ нее заблужденія.

Здѣсь надо выбрать одно изъ двухъ. Если Совѣщаніе, созываемое на 12 сентября не рѣшится сдѣлать этотъ неизбѣжный выборъ; если оно удовольствуется, — какъ этого, увы, можно опасаться, — какими-нибудь половинчатыми рѣшеніями; если оно

прибѣгнетъ къ тѣмъ, будто бы тонкимъ различеніямъ, которыя, на самомъ дѣлѣ, сводятся къ непростительной путаницѣ политическихъ понятій, то наша революціонная демократія немедленно сдѣлаетъ рядъ крайне вредныхъ, какъ для нея самой, такъ и для всей страны практическихъ ошибокъ и, опять почувствовавъ себя растерянной, станетъ созывать новое совѣщаніе. И эта сказка о бѣломъ бычкѣ будетъ тянуться до тѣхъ поръ, пока мы не убѣдимся, наконецъ, что есть такія требованія объективной логики жизни, отъ которыхъ не отобьешься ни крестомъ, ни перстомъ.

Или коалиція съ политическими представителями торгово-промышленнаго класса до кадетовъ включительно, или торжество ленинской тактики.

Другими словами : или упроченіе революціонныхъ завоеваній съ помощью всѣхъ живыхъ силъ страны, или очень быстрое торжество реакціи, а, слѣдовательно, и гибель всего того, что было завоевано революціей.

Tertium non datur (третьяго нѣтъ). И если Совѣщаніе 12 сентября созывается для того, чтобы найти « третье », то можно заранѣе считать его безплодной тратой времени и средствъ.

Наше правительство, повидимому, очень хорошо понимаетъ, что третьяго, въ данномъ случаѣ, дѣйствительно нѣтъ и быть не можетъ.

Въ своемъ провозглашеніи Россійской Республики оно обѣщаетъ « стремиться къ расширенію своего состава путемъ привлеченія въ свои ряды представителей всѣхъ тѣхъ элементовъ, кто вѣчные и общіе интересы родины ставитъ выше временныхъ и частныхъ интересовъ отдѣльныхъ партій и классовъ ».

Единственное возможное толкованіе этой, не совсѣмъ ясно выраженной, мысли Временнаго Правительства состоитъ въ томъ, что оно постарается привлечь въ свои ряды представителей всѣхъ тѣхъ общественныхъ классовъ и слоевъ, которые не заинтересованы въ возстановленіи нашего стараго порядка.

Если-бъ это было иначе; если-бы министерство А. Ф. Керенскаго считало возможнымъ усвоить себѣ тактику Ленина, — хотя бы въ ея смягченной формулировкѣ, сдѣланной Богдановымъ, — то ему не стоило бы и трудиться провозглашать Республику, потому что провозглашенная имъ Республика была бы осуждена имъ самимъ на неизбѣжную скорую и постыдную гибель.

Будемъ надѣяться, что совѣщаніе 12 сентября одобритъ объединительное стремленіе Временнаго Правительства.

Контръ-революція и контръ-революціонеры

(«Единство», № 135 отъ 7-го сентября 1917 г.)

Что такое контръ-революціонеръ?

Это — человѣкъ, такъ или иначе принимающій участіе въ контръ-революціонномъ движеніи или, по крайней мѣрѣ, сочувствующій ему.

Что такое контръ-революціонное движеніе?

Это — движеніе, направленное къ возстановленію порядка, свергнутаго революціей.

Это, кажется, невозможно оспаривать.

Пойдемъ дальше.

На Руси недавно совершилась революція, и въ ней, несомнѣнно, существуютъ такіе общественные элементы, интересамъ которыхъ противорѣчитъ порядокъ, созданный нашей февральско-мартовской революціей. Изъ среды этихъ элементовъ выходятъ болѣе или менѣе дѣятельные участники нашего контръ-революціоннаго движенія. Они пока еще весьма рѣдко выступаютъ открыто. Имъ пока еще приходится играть не совсѣмъ удобную роль «*подпольныхъ*» дѣятелей, которую такъ долго играли при старомъ порядкѣ наши революціонеры. Однако, было бы до послѣдней степени наивно отрицать наличность у насъ контръ-революціонныхъ элементовъ. Они не только существуютъ, они растутъ и множатся благодаря каждой нашей ошибкѣ и каждому выступленію нашихъ мнимыхъ революціонныхъ братьевъ «слѣва». Каждая громкая анархическая «*шалость*» сторонниковъ Ленина; больше того: каждый слухъ о томъ, что готовится подобная «*шалость*», вызывая въ огромной части населенія мучительную неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, разочаровываетъ ее въ завоеваніяхъ революціи и тѣмъ самымъ вызываетъ въ ней сознательное или безсознательное сочувствіе къ контръ-революціонерамъ.

И это еще не все. Страшная хозяйственная разруха, уже причинившая Россіи такъ много трудно вознаградимыхъ потерь и сулящая жителямъ ея длинный рядъ новыхъ, все болѣе и болѣе тяжелыхъ лишеній, со своей стороны, усиливаетъ въ нихъ тоску по твердой власти, способной положить конецъ грозной экономической неурядицѣ. При этомъ далеко не всѣ спрашиваютъ себя,

въ какой цвѣтъ должна быть окрашена желанная для нихъ твердая власть : въ глубинѣ души они, можетъ быть, предпочли бы власть революціонную, но они готовы помириться и съ *контръ-революціонной*, если только она имѣетъ болѣе многочисленные шансы возникнуть и укрѣпиться.

Революціонная демократя измѣнила-бы своему собственному дѣлу, она пришла-бы въ противорѣчіе со своей собственной природой, если-бы стала закрывать глаза на контръ-революціонную опасность. Ея долгъ передъ трудящейся массой, подарившей ее своимъ довѣріемъ, заключается въ томъ, чтобъ вести неустанную непрерывную и непримиримую войну съ контръ-революціонерами.

Какъ? Отвѣтъ давно уже найденъ : посредствомъ *привлеченія всѣхъ живыхъ силъ страны къ защитѣ сдѣланныхъ революціей драгоцѣнныхъ пріобрѣтеній.*

Этотъ отвѣтъ представляется вполнѣ яснымъ. Но онъ ясенъ только до тѣхъ поръ, пока сохраняетъ свою алгебраическую форму. Онъ оказывается неяснымъ и почти безсодержательнымъ, едва только мы дѣлаемъ попытку перейти отъ алгебры къ ариѳметикѣ, замѣнить опредѣленными ариѳметическими величинами отвлеченные алгебраическіе знаки, то есть, выяснить себѣ, что же, именно, слѣдуетъ понимать подъ словами: живыя силы страны.

Сторонники Ленина причисляютъ соціалистовъ-революціонеровъ и меньшевиковъ, которые не одобряютъ ихъ анархической тактики, къ мелко-буржуазнымъ элементамъ населенія. Такіе элементы не могутъ, по ихъ мнѣнію, поддерживать истинно-революціонную программу рабочаго класса и « деревенской бѣдноты ». Логическимъ выводомъ изъ такой оцѣнки является признаніе соціалистовъ-революціонеровъ и меньшевиковъ, указаннаго образа мыслей, силами *контръ-революціонными*, то есть, отнюдь *не живыми*.

Въ свою очередь, многіе соціалисты-революціонрсы и меньшевики отказываются отнести къ числу живыхъ силъ страны нашъ торгово-промышленный классъ и потому отвергаютъ, какъ контръ-революціонную, мысль о политической коалиціи представителей этого класса съ представителями революціонной демократіи.

Другіе изъ нихъ не идутъ такъ далеко. Они готовы допустить коалицію революціонной демократіи съ торгово-промышленнымъ

классомъ, но и слышать не хотятъ объ участіи въ ней партіи народной свободы. Они считаютъ ее контръ-революціонной.

Но представители торгово-промышленнаго класса отказываются примкнуть къ коалиціи, если въ ней не найдется мѣста для названной партіи. Поэтому вопросъ о томъ, принадлежать или не принадлежать наши «кадеты» къ числу контръ-революціонеровъ, пріобрѣтаетъ огромное практическое значеніе. Отъ его рѣшенія въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ зависитъ все дальнѣйшее направленіе дѣятельности нашей революціонной демократіи. Совѣщанію, созываемому на 12 сентября, навѣрно, придется много заниматься этимъ вопросомъ. И не мѣшаетъ подумать о немъ заранѣе.

Согласно опредѣленію, сдѣланному мною выше, контръ-революціонеръ есть человѣкъ, болѣе или менѣе дѣятельно стремящійся къ возстановленію порядка, свергнутаго революціей.

Пусть же читатель скажетъ мнѣ, положа руку на сердце: можно ли утверждать, что партія народной свободы хотѣла бы возстановить нашъ старый порядокъ?

Оставаясь въ предѣлахъ здраваго смысла, утверждать это никакъ не возможно.

Партія народной свободы сама была нелегальной при нашемъ старомъ порядкѣ. Она стояла въ оппозиціи къ нему. Когда началась нынѣшняя война, «Рѣчь» и ея представители въ Государственной Думѣ, не мало содѣйствовали утратѣ населеніемъ довѣрія къ царскому правительству, и весной нынѣшняго года она приняла горячее участіе въ низверженіи этого правительства. У насъ нѣтъ данныхъ, которыя позволили бы намъ добросовѣстно сказать, что теперь кадеты кореннымъ образомъ измѣнили свое отношеніе къ старому порядку и изъ его противниковъ превратились въ его сторонниковъ.

Указываютъ на нѣкоторыя фальшивыя ноты, взятыя публицистами «Рѣчи» во время корниловскаго возстанія.

Но, во первыхъ, далеко не вся партія народной свободы одобряла относящіяся къ этому времени статьи своего петроградскаго органа. Большинство ея отнеслось къ нимъ отрицательно.

Во-вторыхъ, и эти неудачныя статьи не имѣли контръ-революціоннаго содержанія. Взятыя ихъ авторами фальшивыя ноты свидѣтельствовали вовсе не о томъ, что петроградскій органъ

партіи народной свободы сочувствуетъ возстановленію стараго порядка.

Вслушавшись въ нихъ, мы имѣли право сказать только одно : если бы партія народной свободы стала относиться къ бунтовскимъ движеніямъ въ родѣ корниловскаго съ той непозволительной мягкостью, съ которой отнеслись къ этому послѣднему нѣкоторые публицисты « Рѣчи », то она легко могла бы, — *сама этого не замѣчая*, оказаться сотрудницей такихъ общественныхъ силъ, которыя уже несомнѣнно стремятся къ возстановленію стараго порядка.

Исторія знаетъ не мало примѣровъ подобнаго безсознательнаго сотрудничества. Жирондисты отнюдь не были контръ-революціонерами. Однако, сдѣлавъ нѣсколько ошибочныхъ шаговъ въ борьбѣ съ монтаньярами, они, занимаясь агитаціей противъ Парижа въ провинціи, къ удивленію и къ огорченію своему, видѣли себя идущими бокъ о бокъ съ монархистами.

Но возможность еще не есть *дѣйствительность*. Изъ того, что, раздѣливъ ошибку нѣкоторыхъ публицистовъ « Рѣчи », кадеты *могли бы*, при извѣстныхъ условіяхъ, стать сотрудниками контръ-революціонеровъ, вовсе еще не слѣдуетъ, что сами они дѣйствительно *превратились* въ таковыхъ. Притомъ же, какъ я только что сказалъ, большинство партіи народной свободы замѣтило указанную ошибку и отнеслось къ ней съ рѣшительнымъ отрицаніемъ.

Позволительно-ли осудить человѣка за одно то, что человѣкъ, хотя и не совершилъ извѣстнаго проступка, *но могъ бы* его совершить, *если бы* усвоилъ себѣ неправильное мнѣніе, которое онъ, вдобавокъ, *самъ же нашелъ и объявилъ неправильнымъ?* Конечно, нѣтъ.

Что вѣрно по отношенію къ отдѣльному лицу, то вѣрно, въ данному случаѣ, и въ примѣненіи къ цѣлой партіи.

Я знаю, мнѣ скажутъ, что я самъ сталъ « кадетскимъ подголоскомъ », контръ-революціонеромъ и проч., и проч., и проч. Но я слишкомъ привыкъ къ демагогической, — и совсѣмъ *неизящной*, — словесности этого рода, чтобы хоть на минуту смутиться ею.

Я исполняю свою обязанность революціонера, предостерегая наши соціалистическія партіи отъ крайне опаснаго политическаго промаха, который, будучи совершенъ ими, жестоко повредилъ бы самымъ насущнымъ интересамъ революціи.

Зачѣмъ нужна коалиція

(«Единство», № 136 отъ 8-го сентября 1917 г.)

Въ « Рабочей Газетѣ » (номеръ отъ 6 сентября, статья « Въ чемъ дѣло? ») гражданинъ Ежовъ, высказывая свое пониманіе идеи коалиціи, предлагаетъ намъ объяснить, съ своей стороны, какъ понимаемъ мы эту идею. При этомъ у него выходитъ, что нашъ органъ « *выступаетъ* » противъ созываемаго на 12 сентября Демократическаго Совѣщанія. И дѣлаетъ онъ это, будто бы, *вмѣстѣ* съ газетой « Рѣчь ».

Я не стану распространяться о характерѣ полемическаго пріема, сводящагося къ тому утвержденію, что наши взгляды совпадаютъ со взглядами того или другого не соціалистическаго органа. Въ 1905-7 г. г. его чрезвычайно охотно практиковали сторонники Ленина, которымъ и принадлежитъ честь того открытія, что я не болѣе, какъ « подголосокъ » публицистовъ и ораторовъ партіи народной свободы. Тогдашніе меньшевики съ величайшимъ презрѣніемъ относились къ этому пріему, считая его достойнымъ только самыхъ неумныхъ и жалкихъ демагоговъ. Теперь времена измѣнились. Если въ 1905-7 г. г. меньшевики раздѣляли мои тактическіе взгляды, то теперь весьма значительная, — кажется, даже наибольшая, — часть ихъ, по своимъ тактическимъ воззрѣніямъ оказалась гораздо болѣе близкой къ Ленину, нежели ко мнѣ. Само по себѣ это не представляетъ ничего удивительнаго : мало ли кому случалось переходить съ одной точки зрѣнія на другую! Но, признаюсь, меня немножко удивляетъ то обстоятельство, что меньшевики, въ своихъ тактическихъ взглядахъ сблизившіеся теперь съ ленинцами, употребляютъ по отношенію ко мнѣ тотъ полемическій пріемъ, по поводу котораго сами они, въ доброе старое время, презрительно пожимали плечами. Конечно, примѣръ, заразителенъ. Однако, есть такіе примѣры, которыми неспособны заразиться приличные писатели.

Я уже давно замѣчалъ, что публицисты « Рабочей Газеты » совсѣмъ не отличаются ни яркостью своихъ литературныхъ дарованій, ни... проницательностью. Но мнѣ хотѣлось думать, что они, по крайней мѣрѣ, не унизятся до полемическихъ пріемовъ Ленина

и его компаніи. Теперь я вижу, что ошибся. Очень жалѣю объ этомъ. Не за себя, а за нихъ, за моихъ противниковъ изъ « Рабочей Газеты ».

Что касается нашего « *возстанія* », то излишне говорить, что обвиненіе въ немъ есть не болѣе, какъ « безлѣпичная » ябеда. Мы не возставали противъ Совѣщанія. Мы только говорили, что самая мысль объ его созваніи является плодомъ нѣкоторой растерянности въ рядахъ нашей революціонной демократіи. И я повторяю это, рискуя навлечь на свою бѣдную голову новые громы гражданина Ежова.

Да, это такъ! Совѣщаніе созывается для рѣшенія вопроса, который наша революціонная демократія должна была рѣшить для себя давно и безповоротно. Нужна ли коалиція? Необходима! Кого и съ кѣмъ? Революціонной демократіи со всѣми живыми силами страны. Что такое живыя силы страны? *Это — всѣ тѣ общественныя силы Россіи, которыя не стремятся къ возстановленію нашего стараго, свергнутаго революціей порядка*.

По нашему мнѣнію, это — азбука революціонной тактики, подсказываемой особенностями переживаемаго нами историческаго момента.

Мы думаемъ, что ее давно уже должна была выучить наша революціонная демократія. И, когда мы видимъ, что въ рядахъ этой послѣдней снова и снова поднимается вопросъ о коалиціи, мы говоримъ себѣ и своимъ читателямъ: наша революціонная демократія обнаруживаетъ растерянность, потому что она еще не вполнѣ уяснила себѣ, въ чемъ состоятъ основы истинно-революціонной тактики, т. е., *тактики революціонной не только на словахъ, но и на дѣлѣ*.

Гражд. Ежовъ упрекаетъ насъ въ томъ, что мы тщательно обходимъ вопросъ, во имя чего нужна коалиція. Странный упрекъ! Съ несравненно большимъ основаніемъ можно было бы упрекнуть насъ въ томъ, что мы слишкомъ часто возвращались къ этому вопросу и слишкомъ настойчиво повторяли свой вполнѣ опредѣленный отвѣтъ на него.

Коалиція нужна для избѣжанія гражданской войны. Коалиція нужна для упроченія того, что было завоевано революціей. Коалиція нужна для устраненія той грозной хозяйственной разрухи, борьба съ которой не можетъ быть успѣшно ведома силами одной революціонной демократіи.

Знаетъ ли гражд. Ежовъ, знаютъ ли публицисты «Рабочей Газеты», что такое представляетъ собою названная разруха? Если — нѣтъ, то мы скажемъ имъ, «*въ чемъ дѣло*».

Хозяйственная жизнь служитъ фундаментомъ общественной и политической жизни всякой страны. Развалъ этого фундамента грозитъ гибелью всему общественному дѣлу и, *прежде всего, существующей въ странѣ политической власти.*

Въ настоящее время власть принадлежитъ у насъ революціонному правительству. Поэтому хозяйственная разруха грозитъ прежде всего этому правительству. Не правительству того или другого состава, не правительству А. Ф. Керенскаго, или, — отъ чего, Боже, сохрани, — правительству В. М. Чернова, а революціонному правительству вообще, *правительству революціи.*

Кто легкомысленно относится къ труднѣйшему дѣлу борьбы съ разрухой, тотъ плохой революціонеръ. Можетъ быть, онъ и преданъ революціи, но онъ не понимаетъ необходимыхъ условій ея торжества.

Пусть гражд. Ежовъ скажетъ намъ, что революціонная демократія имѣетъ достаточно силъ для успѣшной борьбы съ хозяйственной разрухой. И пусть онъ докажетъ это. Если его доказательства будутъ убѣдительны, то мы болѣе спокойно будемъ смотрѣть на то, какъ революціонная демократія изолируетъ себя, благодаря достойной крайняго сожалѣнія сбивчивости своихъ тактическихъ понятій. А пока нашъ противникъ изъ «Рабочей Газеты» не найдетъ сколько-нибудь вѣскихъ доказательствъ въ пользу этого положенія, мы съ тревогой будемъ твердить:

— *Хозяйственная разруха легко можетъ оказаться могилой русской революціи. Ставя себя въ изолированное положеніе и тѣмъ самымъ взваливая исключительно на свои плечи задачу борьбы съ хозяйственной разрухой, революціонная демократія очень сильно рискуетъ нанести революціи смертельный ударъ.*

Вполнѣ возможно, что, твердя это, мы беремъ на себя, — чтобъ употребить здѣсь выраженіе Шатобріана, — роль безполезной Кассандры. Но дѣлать нечего. Очевидно, надо кому-нибудь выполнять и эту роль. Мы измѣнили бы своему долгу революціонера, если бы отказались отъ нея изъ страха передъ нападками гражданина Ежова и другихъ подобныхъ ему политическихъ младенцевъ.

Тотъ же публицистъ, какъ видно, страдающій куриной слѣпотой, спрашиваетъ: куда должна вести страну революціонная власть?

На этотъ вопросъ мы тоже много и много разъ давали вполнѣ опредѣленный отвѣтъ.

Революціонная власть должна вести насъ къ упроченію завоеваній революціи. А такъ какъ завоеванія революціи могутъ быть упрочены только дружной и совмѣстной работой всѣхъ живыхъ силъ страны; такъ какъ демократія, изолируя себя, очень сильно рискуетъ сгубить все то, что, къ великой радости всей Россіи и всего цивилизованнаго міра, завоевано было нашимъ народомъ въ концѣ февраля и началѣ марта нынѣшняго года, то мы говоримъ:

Внѣ коалиціи для насъ нѣтъ спасенія.

Гражд. Ежовъ согласенъ на коалицію, но онъ требуетъ, чтобы она была революціонной. Да развѣ коалиція, которая составилась бы для упроченія революціонныхъ завоеваній, не была бы революціонной по самому глубокому своему существу?

Тотъ же гражданинъ совѣтуетъ революціонной демократіи итти въ коалицію лишь съ такими партіями, «которыя рѣшительно станутъ на путь революціонныхъ дѣйствій», и не побоятся опереться на народъ.

Скептическій Пилатъ спросилъ Іисуса: «*что есть истина?*» А я позволю себѣ спросить «революціоннаго» публициста «Рабочей Газеты»: «*что есть революціонное дѣйствіе?*» Но, не принадлежа къ числу скептиковъ, я поясняю свой вопросъ слѣдующимъ категорическимъ утвержденіемъ:

Всякій тотъ, кто упрочиваетъ завоеванія революціи, совершаетъ революціонное дѣйствіе. Такое дѣйствіе, закончить которое безусловно необходимо прежде, чѣмъ подвигаться дальше въ революціонной работѣ.

Если упроченіе сдѣланныхъ нашей революціей завоеваній немыслимо безъ коалиціи, — а оно совершенно немыслимо безъ нея, — то проповѣдывать идею коалиціи значитъ звать людей на революціонное дѣйствіе первой важности.

Наконецъ, опираться на народъ, безъ сомнѣнія, нужно. Но, если наша революціонная демократія пойдетъ на коалицію только съ такими общественными силами, которыя безусловно подчинятся

ея руководству, то она вынуждена будетъ опереться отнюдь не на весь народъ, а только на извѣстныя части его. Тутъ было бы только полъ бѣды, если бы эта часть могла справиться со всѣми « злобами » нашего нынѣшняго историческаго дня. Но она не справится съ ними. И это будетъ бѣдой, непоправимой, роковой бѣдой, которая *вернетъ насъ къ разбитому корыту...*

Наконецъ договорились!

(«Единство», № 137 отъ 10-го сентября 1917 г.)

Съ нѣкоторыхъ поръ на насъ довольно часто нападаетъ « Рабочая Газета ». Каюсь, это не только не печалитъ, но даже сильно радуетъ меня. Въ своихъ политическихъ сужденіяхъ названный органъ такъ часто нарушалъ самыя снисходительныя требованія логики, что, когда онъ порицаетъ насъ, я говорю себѣ : это новое и очень вѣское доказательство въ пользу того, что мы правы. Но хотя и не огорчаютъ меня, — а вмѣстѣ со мною и моихъ товарищей по « Единству », — нападки « Рабочей Газеты », однако, все-таки приходится время отъ времени отвѣчать на нихъ. Это нужно въ интересахъ новаго и новаго выясненія истины.

Въ своемъ № 155 « Рабочая Газета » посвятила намъ неподписанную, т. е., стало быть, редакціонную статью : *«Ясно сказано»*. Статья эта до такой степени характерна, что мы сдѣлали бы большую ошибку, если бы не нашли нужнымъ отвѣтить на нее : не всякій день будемъ мы заставать своихъ противниковъ на такой плохой позиціи.

Дѣло обстоитъ слѣдующимъ образомъ. Въ нашей платформѣ, напечатанной въ № 135 « Единства », — платформѣ, а не программѣ, какъ утверждаетъ « Рабочая Газета », — мы повторили, между прочимъ, энергичную фразу, произнесенную А. Ф. Керенскимъ на Московскомъ Совѣщаніи :

— *Будь проклятъ тотъ, кто съ настоящее время заговоритъ о мирѣ!!!*

Эта фраза подѣйствовала на нашихъ противниковъ, какъ дѣйствуетъ красный цвѣтъ на быковъ.

« Когда эту фразу мы слышали изъ устъ Керенскаго, — загремѣла « Рабочая Газета », — на нее можно было не обратить вниманія, тѣмъ болѣе, что она была обращена противъ сепаратнаго мира. Но теперь ее кладетъ въ основу своей политической программы цѣлая организація « Единство », которая считаетъ еще возможнымъ называться соціалъ-демократическою ».

Это весьма сердито и въ то же время крайне лестно для насъ. Вы только подумайте! Когда эту фразу произнесъ А. Ф. Керенскій, на нее можно было не обратить вниманія. А когда ее повторила организація « Единство », оказались нужными громы « Рабочей Газеты ».

Въ какомъ качествѣ говорилъ на Московскомъ Совѣщаніи А. Ф. Керенскій? Въ качествѣ главы Временнаго Правительства, за поддержку котораго, если не ошибаюсь, стояла до сихъ поръ также и « Рабочая Газета ».

И вотъ, когда людей, поднимающихъ теперь вопросъ о мирѣ, проклинаетъ глава русскаго Революціоннаго Правительства, на это можно не обращать вниманія, а когда проклинаемъ ихъ мы, члены организаціи « Единство », необходимо гремѣть. Очевидно, мы заслуживаемъ гораздо большаго вниманія, чѣмъ само Правительство. Теперь спрашивается : что можетъ означать этотъ неожиданно большой интересъ къ намъ «Рабочей Газеты»? Онъ можетъ означать только одно : то, что мы имѣемъ въ странѣ такое сильное вліяніе, въ сравненіи съ которымъ ничтожно даже вліяніе общепризнанной революціонной власти. Поздравляю васъ всѣхъ, мои товарищи изъ « Единства », а вы, въ свою очередь, поздравьте меня : никогда еще никто не посылалъ по нашему адресу такихъ преувеличенно лестныхъ для насъ сопоставленій.

« Рабочая Газета » стремится разгромить насъ, а дѣлаетъ намъ, сама того не замѣчая, очень большой комплиментъ. У нея можно сказать, *перо рыщетъ, головы ищетъ*.

Чтобы скрыть свою неловкость, « Рабочая Газета » замѣтитъ, пожалуй, что, вѣдь, по ея мнѣнію, Керенскій говорилъ собственно *о сепаратномъ мирѣ*. Но подобное замѣчаніе будетъ служить лишь новымъ доказательствомъ ея поразительной неловкости.

Въ приведенныхъ мною строкахъ изъ статьи « Рабочей Газеты » сказано : *тѣмъ болѣе*, что она (фраза А. Ф. Керенскаго. *Г. П.*) обращена противъ сепаратнаго мира. Согласно здравой логикѣ, слова « *тѣмъ болѣе* » ясно указываютъ на то, что, направивъ

свое проклятіе лишь по адресу сторонниковъ сепаратнаго мира, А. Ф. Керенскій далъ « Рабочей Газетѣ » *лишній поводъ* оставить безъ вниманія его фразу. Но по той же логикѣ выходитъ, что, если бы онъ и не сообщилъ своей фразѣ *ограничительнаго смысла*, то ею все таки можно было бы пренебречь. А вотъ нами пренебрегать никакъ нельзя : стало быть, невѣроятно большой комплиментъ членамъ организаціи « Единство » остается въ своей силѣ, *несмотря* на « *тѣмъ болѣе* », точнѣе, — *именно благодаря этимъ* двумъ словечкамъ.

Едва-ли нужно прибавлять, что намъ и въ голову не приходитъ мнить, будто наше *вліяніе* въ странѣ превышаетъ правительственное вліяніе. Мы не сошли съ ума и надѣемся до конца нашихъ дней оставаться въ здравомъ разсудкѣ. Если я обратилъ вниманіе читателя на комплиментъ, неумышленно сдѣланный намъ « Рабочей Газетой », то исключительно для того, чтобы отмѣтить, какъ изумительно безпомощенъ въ полемикѣ этотъ сердитый органъ.

Дальше. А.Ф. Керенскій послалъ проклятіе людямъ, которые « *въ настоящее время* » заговорятъ о мирѣ. Я не знаю, на какомъ основаніи « Рабочая Газета » придаетъ этимъ его словамъ ограничительный смыслъ. Мы поняли ихъ иначе, т. е., въ томъ смыслѣ, въ какомъ приходится понимать ихъ, согласно ихъ прямому содержанію. Если бы оказалось, что мы ошиблись, если бы гражданинъ, до сихъ поръ стоящій во главѣ нашего правительства, — *Правительства Спасенія Революціи!* — не прочь былъ « *въ настоящее время* » поднять вопросъ о мирѣ, хотя бы и не сепаратномъ, то мы почтительнѣйше поставили бы ему на видъ, что время это совсѣмъ-совсѣмъ неблагопріятно для мирныхъ переговоровъ. Мы недавно потерпѣли рядъ тяжелыхъ неудачъ на нашемъ юго-западномъ фронтѣ; мы только что потеряли Ригу; войска германскаго *императора* и его вассаловъ угрожаютъ Одессѣ и столицѣ русской *республики*, Петрограду. Если бы въ лицѣ А. Ф. Керенскаго, или всего Совѣта Пяти, *русская республика* заговорила о мирѣ, — хотя бы и не сепаратномъ, — она тѣмъ самымъ признала бы себя побѣжденной германскимъ императоромъ. И она должна была бы согласиться на такія мирныя условія, которыя оказались бы не только *унизительными, но и въ высшей степени вредными для ея дальнѣйшаго прогрессивнаго развитія*. Да еще вопросъ, осталась-ли бы *республикой* побѣжденная Германіей Россія. Возможно, что, вознегодовавъ противъ республиканскаго прави-

тельства за его совершенно непозволительную уступчивость по отношенію къ Германіи, страна возстановила бы монархію. Въ виду всего этого, мы никакъ не можемъ допустить, чтобы *Правительство Спасенія Революціи* хоть на минуту сочло возможнымъ заговорить о мирѣ.

Самое большое, что мы можемъ допустить, это — то, что А. Ф. Керенскій, не желая дразнить гусей, — которыхъ очень много не только въ редакціи «Рабочей Газеты», — не сталъ бы теперь проклинать людей, тоскующихъ о мирѣ, а выразился бы съ большей мягкостью. Но вѣдь это нисколько не измѣнило бы существа дѣла. И мы, никогда гусей не боявшіеся, съ убѣжденіемъ восклицаемъ:

Будь проклятъ тотъ, кто въ настоящее время заговоритъ о мирѣ. Будь проклятъ онъ во имя самыхъ жизненныхъ, самыхъ святыхъ интересовъ Россіи и русской революціи.

Говоря это, мы, само собою разумѣется, имѣемъ въ виду Россію и другія, *атакованныя центральными державами*, страны. Мы не станемъ *проклинать Германію*, если вопросъ о мирѣ будетъ поднятъ *ею*. Мы отнюдь не расположены проклинать *угнетателей*, когда они обнаруживаютъ намѣреніе помириться съ тѣми, которыхъ *они угнетаютъ*. Но мы считаемъ, что единственнымъ условіемъ *примиренія угнетеннаго съ угнетателемъ* долженъ явиться отказъ отъ угнетенія. Однако, нерѣдко, угнетатели стремятся обмануть *угнетаемыхъ*, предлагая имъ помириться на менѣе радикальныхъ условіяхъ. И тогда мы протестуемъ, тогда мы проклинаемъ людей, совѣтующихъ угнетеннымъ помириться съ угнетателями.

Я превосходно знаю, что мы сами можемъ подвергнуться за это проклятію и отлученію отъ церкви. «Рабочая Газета» уже дѣлаетъ попытку отлученія, упрекая насъ въ томъ, что мы еще находимъ возможнымъ называть себя *соціалъ-демократами*.

Но тутъ она совершаетъ новый промахъ. Какъ это видно, между прочимъ, изъ ея, разбираемой мною, статьи, она выступаетъ въ качествѣ рѣшительной сторонницы *циммервальдизма*. Она убѣждена, что циммервальдъ-кинтальскія рѣшенія по вопросу о войнѣ и мирѣ представляютъ собою неизбѣжный выводъ изъ основныхъ положеній *международнаго соціализма*. Однако, это — огромная ошибка. Циммервальдъ-кинтальскія рѣшенія насквозь пропитаны духомъ совершенно непримиримаго съ соціализмомъ

анархо-синдикализма. Не Марксъ, а Домела Ньевенгайсъ вдохновляетъ циммервальдистовъ.

Такимъ образомъ, объявляя насъ плохими *соціалъ-демократами*, « Рабочая Газета », — опять таки, не сознавая этого, — въ сущности говоритъ, что мы плохіе *анархо-синдикалисты*. Снова-благодаримъ за комплиментъ, хотя снова — неумышленный; мы такіе плохіе послѣдователи анархо-синдикализма, что мы старательно отметаемъ его, какъ вредный соръ.

« Рабочая Газета » полагаетъ, что соціалъ-демократъ не можетъ высказываться за войну. Марксъ думалъ иначе. Еще въ « Новой Рейнской Газетѣ », выходившей во время германской революціи 1848 года, онъ писалъ :

« Только война съ Россіей есть война революціонной Германіи, война, которой она можетъ побѣдить своихъ собственныхъ самодержцевъ, которой она можетъ, какъ подобаетъ народу, сбрасывающему съ себя цѣпи долголѣтняго инертнаго рабства, купить пропаганду цивилизаціи цѣной жертвъ своими сыновьями и освободить себя, освобождая другихъ [1]).

Мы цѣликомъ примѣняемъ эти строки къ нынѣшнему нашему положенію. Но только мы вмѣсто « *Россіи* » ставимъ въ нихъ « *Германію* », а на мѣсто Германіи — Россію. И мы убѣждены, что мы имѣемъ полнѣйшее право на такую подстановку.

« Рабочая Газета » обвиняетъ насъ въ равнодушномъ отношеніи къ жестокому кровопролитію, длящемуся уже болѣе трехъ лѣтъ. Но развѣ же *мы* виноваты въ томъ, что оно началось? Мы сами всѣми силами души стремимся къ его прекращенію. *Но единственнымъ средствомъ прекратить его является какъ можно болѣе энергичное веденіе войны съ Германіей.*

« Рабочая Газета » до сихъ поръ не догадывается, что та « война за миръ », которую ведетъ она вмѣстѣ со своими единомышленниками, очень сильно способствовала не прекращенію, а продолженію кровопролитія. *Святая простота!*

Но какъ бы тамъ ни было, а наши противники, даже и при нынѣшнихъ, совершенно критическихъ, обстоятельствахъ, — желаютъ продолжать эту злосчастную « войну за миръ », т. е.,

[1]) См. брошюру В. Рафаилова-Чернышева: «Отношеніе соціалистовъ къ войнѣ», стр. 15. *Г. П.*

за циммервальдскую догму. Настоящіе маніаки, они ничего не видятъ, кромѣ этой жалкой догмы. Революціонная Россія должна, наконецъ, понять, что представляютъ собою наши проповѣдники « войны за миръ »...

Что посѣяли, то и пожали

(«Единство», № 138 отъ 12-го сентября 1917 г.)

Что посѣешь, то и пожнешь. И за исключеніемъ случаевъ полнаго неурожая, пожнешь всегда съ нѣкоторымъ приростомъ : посѣешь четверть, пожнешь нѣсколько четвертей; посѣешь вѣтеръ, пожнешь бурю; посѣешь полуленинство, пожнешь ленинство. Это въ порядкѣ вещей.

Президіумъ Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ въ теченіе семи мѣсяцевъ сѣялъ полуленинство. Плодомъ его упорныхъ земледѣльческихъ усилій явился пышный урожай ленинства. Въ Совѣтѣ ленинцы оказались господами положенія, а трудолюбивый президіумъ увидѣлъ себя вынужденнымъ возвратиться, — какъ выражаются въ такихъ случаяхъ французскіе политическіе дѣятели, — къ своимъ дорогимъ научнымъ занятіямъ, т. е., говоря проще, подать въ отставку. И его отставка принята. При выборахъ президіума за старый составъ этого послѣдняго голосовало только меньшинство. Это значитъ, что *объективная* логика вещей произнесла, наконецъ, свое властное, рѣшающее слово, подведя итогъ тому, чего не умѣла подсчитать *субъективная* логика президіума стараго состава.

Это тоже вполнѣ естественно. Объективная логика вещей весьма часто оказывается сильнѣе субъективной логики людей.

Старый президіумъ и его сторонники въ Совѣтѣ отвергали ленинскую тактику. Когда, по своемъ возвращеніи изъ-за границы, Ленинъ изложилъ въ Совѣтѣ свои пресловутые тезисы, президіумъ и его сторонники довольно рѣзко высказались противъ нихъ. Т. Церетелли очень удачно напомнилъ тогда слова Энгельса о томъ, что не можетъ быть для пролетаріата большаго несчастья, какъ овладѣть политической властью въ такое время, когда онъ еще не готовъ для диктатуры. Такимъ образомъ, во время этихъ

споровъ съ Ленинымъ опять поставленъ былъ старый, но вѣчно новый у насъ вопросъ:

Можетъ ли Россія, свергнувъ самодержавіе, миновать капиталистическую фазу развитія и немедленно приступить, по крайней мѣрѣ, къ заложенію основъ соціалистическаго способа производства?

Товарищъ Церетелли и его единомышленники рѣшили этотъ старый, но вѣчно новый вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ. Поступивъ такъ, они остались вѣрны мнѣнію, издавна господствовавшему среди нашей соціалъ-демократіи и состоявшему въ томъ, что ближайшая революція, которую предстоитъ пережить нашей странѣ, есть революція буржуазная, а не соціалистическая. И ихъ позиція была неприступна до тѣхъ поръ, пока рѣчь шла собственно о характерѣ переживаемой нами революціи.

Но паденіе самодержавія совершилось у насъ во время войны, да еще какой войны : такой, какой не знала до сихъ поръ исторія цивилизованнаго міра! Вслѣдствіе этого, рядомъ съ вопросомъ о характерѣ переживаемой нами революціи возникъ вопросъ о томъ, какъ должны вести себя во время войны русскіе соціалисты вообще и русскіе соціалъ-демократы въ частности. Что касается этого второго вопроса, то т.т. Церетелли, Чхеидзе и всѣ тѣ, которые шли съ ними рука объ руку, показали себя склонными рѣшать его въ духѣ Циммервальдъ-Кинталя. На этотъ разъ они не остались вѣрны взглядамъ, господствовавшимъ до войны между сознательными элементами нашей соціалъ-демократіи.

Эти элементы ревниво держались ученія Маркса. Между тѣмъ, резолюціи о войнѣ, принятыя на Циммервальдъ-Кинтальскихъ Съѣздахъ при дѣятельномъ участіи печальной памяти Р. Гримма, насквозь пропитаны были духомъ совершенно непримиримаго съ марксизмомъ анархо-синдикализма. Революціонная мысль, положенная въ основу всѣхъ этихъ резолюцій, высказана была извѣстнымъ голландскимъ анархо-синдикалистомъ Домелой Ньевенгайсомъ еще на Брюссельскомъ Международномъ Соціалистическомъ Съѣздѣ 1891 г. и на Цюрихскомъ — 1893 года. Названные Международные Съѣзды объявили ее несогласной съ соціалистической тактикой. Но потрясеніе, произведенное нынѣшней войной, проложило ей дорогу въ умы тѣхъ международныхъ соціалистовъ, взгляды которыхъ были непослѣдовательны и

неустойчивы. Такихъ соціалистовъ оказалось особенно много въ нашей бѣдной Россіи.

Усвоивъ себѣ циммервальдъ-кинтальскія рѣшенія вопроса о войнѣ, товарищи Чхеизде, Церетелли и другіе оказались въ своей тактикѣ *наполовину марксистами, а наполовину анархо-синдикалистами*. Въ своемъ качествѣ *марксистовъ* они, вопреки Ленину, доказывали, что переживаемая нами революція, по необходимости, имѣетъ буржуазный характеръ. А въ своемъ качествѣ *анархо-синдикалистовъ* они *вмѣстѣ съ Ленинымъ* вели себя такъ, что рабочая масса все болѣе и болѣе склонялась къ мысли о возможности миновать капиталистическій періодъ. Анархо-синдикализмъ, пропитавшій своимъ духомъ всѣ циммервальдъ-кинтальскія резолюціи, не считается съ объективной логикой событій. Онъ съ крайнимъ пренебреженіемъ относится къ тѣмъ соціалистамъ, которые повторяютъ вслѣдъ за Марксомъ, что, когда общество напало на слѣдъ естественнаго закона своего развитія, то оно не можетъ ни перескочить естественныя фазы этого развитія, ни устранить ихъ посредствомъ указовъ. При такомъ образѣ мыслей тактика Ленина неизбѣжно представляется гораздо болѣе правильной и соблазнительной, нежели тактика Церетелли, Скобелева и ихъ друзей. И поскольку наши меньшевики, слѣдовавшіе за Церетелли, Скобелевымъ и ихъ друзьями, агитировали въ пользу циммервальдъ-кинтальскихъ резолюцій; поскольку они требовали, чтобы не только Россія, но и всѣ союзныя съ нею страны перешли на точку зрѣнія Циммервальдъ-Кинталя, поскольку они готовы были поддерживать это утопическое требованіе даже самыми крайними агитаціонными средствами, — постольку они усердно трудились въ пользу Ленина и старательно приближали время окончательнаго, — хотя, будемъ надѣяться, и весьма непродолжительнаго, — торжества его тактики.

Доказывая, что мы переживаемъ буржуазную революцію, Церетелли, Скобелевъ и другіе являлись противниками Ленина; отстаивая циммервальдъ-кинтальскую утопію, они выступали его союзниками и, можно сказать, сообщниками. Потому-то я и назвалъ ихъ *полуленинцами*.

Разсуждая отвлеченно, можно, пожалуй, замѣтить, что двѣ души, живущія въ груди каждаго изъ нашихъ полуленинцевъ, должны нейтрализовать одна другую. Но двѣ силы, дѣйствующія въ прямо противоположномъ направленіи, взаимно нейтрализу-

ются только тогда, когда онѣ равны между собою. А въ данномъ случаѣ между ними нѣтъ равенства. Церетелли, Скобелевъ и другіе меньшевики ихъ оттѣнка, гораздо энергичнѣе распространяли въ массѣ циммервальдскую идею «война за миръ», чѣмъ предостерегали ее отъ опаснаго увлеченія ошибочной мыслью о возможности совершить буржуазную революцію безъ буржуазіи. Кромѣ того, какъ я только что замѣтилъ, логика циммервальдскаго ученія должна была предрасполагать массу именно къ увлеченію этой, въ корнѣ ошибочной, мыслью. Короче, циммервальдская душа должна была въ груди меньшевиковъ, оттѣнка Церетелли и Скобелева, взять верхъ надъ марксистской душой. И она, дѣйствительно, взяла верхъ надъ нею. Церетелли и его друзья, сами того не желая и не сознавая, прокладывали путь для Ленина. Они, такъ разумно утверждавшіе, что захватъ власти трудящейся массой былъ бы для нея величайшимъ историческимъ несчастіемъ, чрезвычайно много сдѣлали для того, чтобы толкнуть ее въ бездну этого несчастья. При такихъ обстоятельствахъ побѣда Ленина, поддержаннаго полуленинцами, была заранѣе обезпечена. И онъ побѣдилъ...

Возвратившись къ своимъ дорогимъ научнымъ занятіямъ, М. И. Скобелевъ, Н. С. Чхеидзе, Церетелли и пр., можетъ быть найдутъ необходимый досугъ для философскихъ размышленій о томъ, что, когда субъективная логика людей не умѣетъ понять объективнаго смысла ихъ собственной дѣятельности, тогда они, идя въ комнату, непремѣнно попадаютъ, по выраженію Фамусова, въ другую.

Будетъ очень хорошо, если они скоро откроютъ эту, впрочемъ, совершенно очевидную истину. Открывъ ее, они, можетъ быть, примутъ мѣры къ тому, чтобы на предстоящемъ Демократическомъ Совѣщаніи ихъ марксистскія души показали себя, наконецъ, болѣе сильными и дѣятельными, нежели души, прилетѣвшія изъ Циммервальда...

P. S. Читатель видитъ, что, говоря о полуленинцахъ, я говорилъ собственно о меньшевикахъ извѣстнаго оттѣнка. Но не изъ однихъ меньшевиковъ состояло большинство, до послѣдняго времени господствовавшее въ Петроградскомъ Совѣтѣ. Къ нему принадлежали также соціалисты-революціонеры. Я не говорилъ въ своей статьѣ объ этихъ послѣднихъ, такъ какъ, будучи соціалъ-

демократомъ, я, естественно, больше всего огорчаюсь ошибками моихъ товарищей. Однако, это не значитъ, что входившіе въ составъ совѣтскаго большинства соціалисты-революціонеры не работали въ пользу Ленина. Работали и притомъ съ неменьшимъ усердіемъ, чѣмъ соціалъ-демократы. Достаточно вспомнить, что они выступали подъ предводительствомъ В. М. Чернова, который самъ временами, какъ двѣ капли, похожъ на Ленина, только наряженнаго въ « селянскій » костюмъ.

Коалиція, или капитуляція ?

(«Единство», № 141 отъ 16-го сентября 1917 г.)

Передъ открытіемъ Демократическаго Совѣщанія многочисленные противники ленинской тактики обнаруживали пессимистическое настроеніе. Они были испуганы значительнымъ успѣхомъ ленинцевъ въ Петроградскомъ Совѣтѣ Р. и С. Депутатовъ. Теперь ихъ настроеніе поднимается. На Совѣщаніи ленинцы показали себя далеко не такими сильными, какъ этого можно было опасаться. Поэтому *пессимизмъ* начинаетъ уступать мѣсто *оптимизму*. Теперь уже предсказываютъ побѣду сторонниковъ коалиціи. Но достаточно вдуматься въ положеніе дѣлъ, чтобы увидѣть, какъ много рискованнаго заключается въ этомъ отрадномъ предсказаніи.

Я всегда говорилъ, что опасны не *ленинцы, а полуленинцы*. Подъ полуленинцами я понимаю тѣхъ нашихъ соціалистовъ, которые отвергая, *нѣкоторыя основныя посылки* ленинской тактики, все-таки подготовляютъ его побѣду тѣмъ, что раздѣляютъ *другія* его посылки, въ *практическомъ отношеніи болѣе важныя*. Само собою разумѣется, что здѣсь одного теоретическаго согласія недостаточно, такъ какъ рѣчь идетъ вовсе не о какомъ-нибудь академическомъ вопросѣ. Она идетъ именно о практическомъ дѣйствіи, объ агитаціонномъ вліяніи на массу. И вотъ тутъ-то соціалисты, раздѣляющіе извѣстную часть основныхъ посылокъ Ленина, изо всѣхъ силъ помогаютъ ему, настраивая рабочихъ и солдатъ въ желательномъ для него смыслѣ.

Этотъ жестокій человѣкъ не находитъ для нихъ ни одного слова благодарности. Онъ презрительно именуетъ ихъ мелкими

буржуа. Порой они обижаются и, въ отместку, называютъ его сторонниковъ не *товарищами*, а только *гражданами*. Но въ то же самое время, когда обида кипитъ въ ихъ сердцѣ, они не перестаютъ трудиться для его торжества. Это звучитъ очень странно, — однако, это такъ. И не нужно далеко ходить, чтобы найти удовлетворительное объясненіе мнимой странности: все дѣло въ томъ, что вѣдь они сами наполовину, — чтобы не сказать на три чертверти, — раздѣляютъ его взгляды. Какъ же вы хотите, чтобы они послѣдовательно боролись съ его вліяніемъ на массу?

Возьмемъ хоть мысль о коалиціи, вызывающую теперь такъ много споровъ въ средѣ нашихъ соціалистовъ.

Ленинъ рѣшительно отвергаетъ эту идею. Если мы на минуту усвоимъ себѣ *его* точку зрѣнія, то мы должны будемъ признать, что онъ совершенно правъ. Зачѣмъ коалиція съ «цензовыми» слоями нашего населенія, когда нуженъ полный переходъ политической власти въ руки представителей трудящейся массы? Въ такой историческій моментъ коалиція представляется излишнимъ и даже прямо вреднымъ «соглашательствомъ»; тутъ есть своя неоспоримая логика. Весь вопросъ въ томъ, точно ли Россія переживаетъ теперь тотъ историческій моментъ, о которомъ съ такой непоколебимой увѣренностью говорятъ Ленинъ и ленинцы.

Полуленинцы утверждаютъ, что такой моментъ еще далеко не наступилъ; что, по историческимъ условіямъ, намъ не миновать болѣе или менѣе продолжительнаго *капиталистическаго* періода. Единственнымъ, логически правильнымъ выводомъ отсюда является тотъ, что представители трудящейся массы не только могутъ, но обязаны войти въ политическое соглашеніе съ «цензовыми» элементами населенія, т. е., сознательно и твердо держаться идеи коалиціи. Но полуленинцы сочли бы себя опозоренными, если бы они, безъ оговорокъ, приняли этотъ логически неизбѣжный выводъ. Когда у насъ составилось коалиціонное правительство, полуленинцы нашли нужнымъ печатно заявить, что, въ противоположность западнымъ соціалистамъ, — и, прибавлю отъ себя, такимъ, напримѣръ, какъ Жюль Гэдъ! — наши соціалистическія свѣтила вошли въ министерство съ тѣмъ, чтобы въ нѣдрахъ его продолжать классовую борьбу. Поставить передъ собою такую цѣль значило отвергнуть идею коалиціи *на дѣлѣ, признавъ ее на словахъ*.

Вотъ какова логика полуленинцевъ! Это еще не все. Послѣ

того, какъ соціалистическіе министры, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, отвергали идею коалиціи *на дѣлѣ*, признавъ ее *на словахъ*, полуленинцы вообразили, что теперь эта идея достаточно провѣрена на опытѣ. И они закричали : ни къ чему хорошему практическое осуществленіе идеи коалиціи не привело; поэтому она должна быть отвергнута. Въ такомъ смыслѣ высказался, въ первый же день Демократическаго Совѣщанія, «меньшевикъ» Богдановъ.

Согласно требованіямъ здравой логики, слѣдовало сказать : такъ какъ признаніе идеи коалиціи на словахъ и отверженіе ея на дѣлѣ ни къ чему хорошему не привело, то необходимо признать ее не только на словахъ, а также и на дѣлѣ. Но съ требованіями здравой логики полуленинцы считаются лишь въ рѣдкихъ случаяхъ.

Спѣшу прибавить, что не всѣ полуленинцы раздѣляютъ высказанный Богдановымъ взглядъ на коалицію. Довольно многіе изъ нихъ до сихъ поръ высказываются въ пользу коалиціоннаго правительства. Но въ какомъ видѣ представляется имъ желательный для нихъ составъ коалиціоннаго правительства? Въ такомъ правительствѣ, по ихъ мнѣнію, не должно быть мѣста представителямъ партіи народной свободы, будто бы ударившейся въ контръ-революцію. Но въ такое коалиціонное правительство, въ которомъ не будетъ мѣста для представителей названной партіи, отказываются войти представители торгово-промышленнаго класса. Это значитъ, что, не согласившись на вступленіе въ министерство кадетъ, революціонная демократія сознательно оттолкнетъ отъ себя тотъ классъ, съ которымъ ей непремѣнно нужно войти въ политическое соглашеніе, если только она въ своемъ большинствѣ не отказалась отъ убѣжденія въ исторической неизбѣжности у насъ капиталистическаго періода развитія. Разумно-ли это? Полуленинцы увѣряютъ, что — да. Они говорятъ, что коалиція съ кадетами и съ торгово-промышленнымъ классомъ можетъ быть весьма успѣшно замѣнена коалиціей съ представителями земскаго и городского самоуправленія. Въ этомъ опять столь же нелогичности, какъ и въ другихъ разсужденіяхъ полуленинцевъ.

Развѣ въ нашемъ городскомъ и земскомъ самоуправленіи отсутствуютъ представители партіи народной свободы? Нѣтъ. А если нѣтъ, то, отвергнувъ коалицію съ ними во Временномъ Правительствѣ, странно было бы входить въ соглашеніе съ ними

въ органахъ мѣстнаго самоуправленія. А если мы отвергнемъ соглашеніе съ ними въ органахъ мѣстнаго самоуправленія, то коалиція, придуманная хитроумными Улиссами полуленинскаго толка, сведется къ коалиціи *революціонной демократіи съ... той-же революціонной демократіей*. Изумительная коалиція! Войти въ нее, это — то же, что жениться на самомъ себѣ, или — если вы предпочитаете, — выйти замужъ за самое себя.

Говорятъ еще о кооперативахъ. Однако, всѣ мы уже знаемъ, какъ настроены кооперативные союзы. Они рѣшительно требуютъ настоящей коалиціи, т. е. такой, которая была бы равносильна соглашенію съ торгово-промышленнымъ классомъ, а не браку революціонной демократіи съ самой собою. Они понимаютъ, что такой бракъ заранѣе осужденъ на полное безплодіе.

Есть еще болѣе хитроумные Улиссы между полуленинцами. Эти тончайшіе политики готовы вступить въ коалицію со всѣми тѣми классами и слоями, которые перейдутъ на точку зрѣнія революціонной демократіи. Это такъ тонко, что немедленно рвется. Коалиція, которую они проповѣдуютъ, есть на самомъ дѣлѣ не *коалиція, а капитуляція*. Разумно-ли требовать капитуляцію въ тотъ страшный историческій моментъ, когда самые насущные интересы страны требуютъ, наоборотъ, планомѣрной и дружной работы всѣхъ ея живыхъ силъ? Конечно, нѣтъ! Выставляя несуразное требованіе капитуляціи, наша революціонная демократія опять таки поставила бы себя въ изолированное положеніе и тѣмъ еще болѣе увеличила бы страшную опасность, нависшую надъ Россіей и надъ русской революціей.

Нужна не капитуляція, а именно коалиція. Нужно соглашеніе всѣхъ тѣхъ классовъ и слоевъ, которые не заинтересованы въ возстановленіи стараго порядка. Къ такому соглашенію нельзя придти безъ взаимныхъ уступокъ. А имъ-то и мѣшаютъ полуленинцы, усердно работающіе на Ленина.

Предпарламентъ

(«Единство», № 142 отъ 17-го сентября 1917 г.)

Сложное русское слово *предпарламентъ* есть не болѣе, какъ переводъ такого же сложнаго нѣмецкаго слова: Vorparlament. Это значитъ, что самое понятіе предпарламента (въ переводѣ,

болѣе соотвѣтствующемъ духу русскаго языка, *предварительнаго* парламента) заимствовано изъ исторіи германской революціи 1848 года. Разумѣется, я ровно ничего не имѣю противъ заимствованія тѣхъ или другихъ понятій изъ Германіи, какъ изъ любой другой цивилизованной страны : какъ замѣтили еще Марксъ и Энгельсъ въ своемъ « Манифестѣ », по мѣрѣ экономическаго развитія человѣчества плоды умственной дѣятельности отдѣльныхъ націй становятся общимъ достояніемъ, и изъ многихъ національныхъ и мѣстныхъ литературъ образуется одна всемірная литература.

Одно только нѣсколько смущаетъ меня : нѣмецкій предпарламентъ и послѣдовавшее за нимъ національное собраніе оставили по себѣ не весьма лестную память. Настоящіе революціонеры, — отъ нихъ же первый былъ Карлъ Марксъ, — довольно основательно обвиняли эти собранія въ бездѣятельности и въ неудержимой склонности къ болтовнѣ. Поэтому представленіе о предпарламентѣ невольно сочетается въ моемъ умѣ съ представленіями о крайней болтливости и бездѣятельности. И это невольное сочетаніе представленій наводитъ на меня грусть.

А впрочемъ, это пустяки! Я не суевѣренъ и самъ хорошо понимаю, что « отъ слова не станется », что указанное мною сочетаніе представленій имѣетъ вполнѣ случайный характеръ и оно никакъ не можетъ быть принято за дурное предзнаменованіе на счетъ судьбы нашего предпарламента, если бы таковой былъ дѣйствительно созванъ.

Это тѣмъ менѣе возможно, что мы, русскіе передовые дѣятели, отнюдь не заслуживаемъ упрека въ болтливости. На своихъ собраніяхъ, собесѣдованіяхъ и съѣздахъ мы ведемъ себя, какъ истинные спартанцы. Наши рѣчи, при весьма большой содержательности, всегда отличаются изумительной краткостью. Но даже ихъ чисто спартанская краткость не мѣшаетъ намъ относиться къ нимъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ : мы слишкомъ торопимся перейти *отъ словъ къ дѣлу*. Это всѣмъ извѣстно, только контръ-революціонеры могутъ быть на этотъ счетъ другого мнѣнія.

Итакъ, со стороны бездѣятельности и болтливости нашему предпарламенту ничто не угрожаетъ. А все таки дѣло съ его созывомъ обстоитъ не такъ просто, какъ это кажется на поверхностный взглядъ.

Всякій парламентъ созывается на основаніи извѣстнаго

закона. Спрашивается : кто издастъ тотъ законъ, на основѣ котораго будетъ созванъ нашъ предпарламентъ?

Дальше. Парламентъ есть *власть законодательная.* Онъ находится въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ *исполнительной власти.* Поэтому возникаетъ новый вопросъ : кто издастъ законъ, опредѣляющій отношенія между предпарламентомъ и Временнымъ Правительствомъ, которому предстоитъ, повидимому, ограничиться *чисто исполнительной ролью?* А если Правительство, даже при существованіи предпарламента, должно будетъ сохранить *извѣстную долю законодательной власти,* то я не знаю, кто опредѣлитъ размѣры этой доли.

Эти препятствія относятся къ числу тѣхъ, которыя принято называть *формальными* и которыми нерѣдко пренебрегаютъ именно вслѣдствіе ихъ формальнаго характера. Однако, въ данномъ случаѣ никакъ нельзя пренебрегать формой, такъ какъ, въ вопросахъ этого *рода, юридическая форма* неразрывно связана *съ политическимъ и соціальнымъ содержаніемъ.*

Я прекрасно знаю, что нѣтъ такихъ формальныхъ препятствій, съ которыми нельзя было бы справиться, обладая нужнымъ запасомъ благоразумія и доброй воли. Но въ томъ-то и дѣло, что тутъ много, очень много требуется какъ благоразумія, такъ и доброй воли. Чтобы побороть указанныя препятствія, необходимо смотрѣть на предметъ съ точки зрѣнія нуждъ всего населенія страны, а не съ точки зрѣнія интересовъ отдѣльнаго общественнаго класса или слоя. Въ противномъ случаѣ изъ предварительнаго парламента ничего хорошаго не выйдетъ. Это можно безошибочно предсказать, вовсе не обладая даромъ пророческаго предвидѣнія.

Если мы захотимъ взглянуть на предметъ съ точки зрѣнія нуждъ всего населенія, а не съ точки зрѣнія интересовъ того или другого класса или слоя, то намъ представится совершенно яснымъ, что предварительный парламентъ лишится всякаго серьезнаго политическаго смысла; что онъ явится злой и неумной насмѣшкой надъ идеей парламентскаго представительства, если доступъ въ него будетъ открытъ только представителямъ тѣхъ партій, которыя обнаружатъ готовность войти въ соглашеніе съ революціонной демократіей на основѣ одной изъ ея декларацій. Предварительный парламентъ отнюдь не можетъ быть *цензовымъ парламентомъ,* хотя бы и въ самомъ крайнемъ демократическомъ смыслѣ. Его дверь должна быть настежь открыта рѣшительно для всѣхъ

тѣхъ «излюбленныхъ людей», которыхъ найдутъ нужнымъ послать въ него законные избиратели. Иначе благоразумнѣе будетъ совсѣмъ не созывать его.

А вотъ еще одинъ важный вопросъ.

На основѣ какого права будутъ избираемы посылаемые въ парламентъ излюбленные люди?

На этотъ вполнѣ естественный вопросъ мыслимъ только одинъ отвѣтъ:

На основѣ всеобщаго, равнаго, тайнаго и прямого избирательнаго права.

Но тутъ я вижу новое затрудненіе.

Если излюбленные люди будутъ избираемы на основѣ знаменитой и всѣмъ намъ, демократамъ, дорогой четырехъ-членной формулы, то Совѣты Р. и Солдатскихъ Депутатовъ лишатся возможности посылать въ предварительный парламентъ своихъ представителей, такъ какъ *эти послѣдніе не были бы избраны на основѣ прямого избирательнаго права.*

Сказанное мною въ равной мѣрѣ относится и къ Совѣту Крестьянскихъ Депутатовъ.

Наконецъ, въ еще большей мѣрѣ примѣняется это соображеніе къ Центральному Комитету Совѣтовъ. Его представительство въ предварительномъ парламентѣ *основывалось бы на трехстепенныхъ выборахъ.*

Согласитесь, что это не малое затрудненіе.

Я не знаю, какъ устранить его. Не знаете ли вы, дорогой читатель? Если знаете, скажите, буду весьма благодаренъ вамъ.

Къ вопросу о коалиціи [1])

(«Единство», № 144 отъ 20-го сентября 1917 г.)

Товарищи и граждане! Нынѣшнее Демократическое Совѣщаніе созвано было для рѣшенія вопроса о коалиціи революціонной демократіи съ торгово-промышленнымъ классомъ, включая въ этотъ послѣдній партію народной свободы. По моему, достаточно

[1]) Вслѣдствіе болѣзни Г. В. Плехановъ не могъ выступить лично на Петроградскомъ Демократическомъ Совѣщаніи, и настоящая рѣчь была прочитана имъ 18 сентября.

поставить этотъ вопросъ, чтобы немедленно рѣшить его въ положительномъ смыслѣ. Вслѣдствіе этого мнѣ казалось, что ради названнаго вопроса не стоило созывать Совѣщаніе.

Какъ видно, вы думали иначе. Вы нашли нужнымъ съѣхаться на Совѣщаніе, чтобы подвергнуть новому пересмотру вопросъ о коалиціи. Я охотно готовъ допустить, что вы были правы. Но разъ вы уже приступили къ обмѣну мнѣній, необходимо, чтобы онъ совершался серьезнымъ и основательнымъ образомъ. Между тѣмъ, нѣкоторые изъ говорившихъ здѣсь ораторовъ отнеслись къ вопросу о коалиціи недостаточно серьезно. Мнѣ непріятно говорить это, но, къ сожалѣнію, это въ самомъ дѣлѣ такъ.

Серьезное отношеніе ко всякому данному вопросу требуетъ прежде всего правильной его постановки. Этого не нужно доказывать, но ораторы, которыхъ я имѣю въ виду, поставили вопросъ о коалиціи совсѣмъ неправильно. Разумѣется, они сдѣлали это неумышленно. Они не хотѣли обмануть васъ, они сами впали въ заблужденіе. И все-таки фактъ неправильной постановки вопроса остается фактомъ, и вамъ непремѣнно нужно быть настороже.

Вамъ говорятъ: нельзя вступать въ коалицію съ кадетами, потому что они сочувствовали корниловскому возстанію. Въ подтвержденіе дѣлается ссылка на статью, *не появившуюся въ печати*. Ссылка эта уже сама по себѣ имѣетъ совершенно неумѣстный въ данномъ случаѣ, — т. е. на Демократическомъ Совѣщаніи, — характеръ чтенія въ сердцахъ. Но допустимъ, что противъ нея ничего возразить невозможно, и спросимъ себя:

Какой смыслъ будетъ имѣть вашъ отказъ отъ коалиціи съ партіей народной свободы, а стало быть, и со всѣмъ торгово-промышленнымъ классомъ, если вы рѣшитесь на него подъ непріятнымъ впечатлѣніемъ статей, появившихся или даже вовсе непоявившихся въ «Рѣчи»?

Онъ можетъ имѣть или тотъ смыслъ, что, принявъ его, вы хотѣли наказать кадетъ, или тотъ, что, не желая ихъ наказывать, вы такъ возмущены содержаніемъ упомянутыхъ статей, что общеніе съ партіей народной свободы представляется вамъ нравственно невозможнымъ.

Справедливо ли дѣлать цѣлую партію отвѣтственной за двѣ-три статьи, одна изъ которыхъ осталась къ тому же не напечатанной? По моему, нѣтъ. Это было бы тѣмъ менѣе справедливо, что большинство партіи народной свободы отрицательно отне-

слось къ корниловскому возстанію, и что въ другихъ ея органахъ появились статьи, рѣзко его осуждавшія.

Однако, я лишь мимоходомъ высказываю это соображеніе; какъ ни справедливо оно, я не считаю его самымъ главнымъ.

Главное въ томъ, что, рѣшая политическіе вопросы, никакъ нельзя руководствоваться желаніемъ подвергнуть кого-нибудь наказанію, точно такъ же, какъ вообще нельзя слѣдовать внушеніямъ того или другого чувства.

Знаменитому французскому революціонеру Бланки приписываются слова : « Хотя въ вашемъ сердцѣ горитъ огонь революціоннаго энтузіазма, въ вашей головѣ долженъ царствовать ледяной холодъ политическаго расчета ». Это прекрасныя слова, кто бы ни произносилъ ихъ на самомъ дѣлѣ. Энтузіазмъ, гнѣвъ, любовь дѣлаютъ, по извѣстному выраженію, поэтовъ, а политиковъ дѣлаетъ холодный расчетъ. Этотъ расчетъ долженъ основываться не на чемъ другомъ, какъ на возможно болѣе правильномъ пониманіи существующаго въ странѣ соотношенія силъ. И вотъ, если мы взглянемъ на интересующій насъ вопросъ подъ угломъ указаннаго соотношенія силъ, то мы должны будемъ признать, что революціонная демократія не будетъ въ состояніи защитить свое собственное дѣло, что она не сможетъ отстоять завоеванія революціи, если не войдетъ въ соглашеніе съ торгово-промышленнымъ классомъ, включая въ него и партію народной свободы.

Намъ говорятъ, что нельзя же вступать въ коалицію съ тѣми, которыхъ уличатъ въ участіи въ корниловскомъ заговорѣ. Я тоже думаю, что этого нельзя. Но вѣдь это относится только къ тѣмъ, которые признаны будутъ участниками корниловскаго заговора. Это относится ко всѣмъ тѣмъ, которые навлекутъ на себя уголовное преслѣдованіе попыткой насильственно нарушить созданный революціей порядокъ вещей. Съ этой стороны я не вижу разницы между тѣми, которые скомпрометировали себя въ глазахъ закона участіемъ въ корниловскомъ выступленіи, и тѣми, которые находятся подъ слѣдствіемъ по дѣлу о безпорядкахъ 3—5 іюля.

Я знаю, что эти мои слова вызовутъ шумъ и скрежетъ зубовъ, но не могу не сказать ихъ вамъ потому, что въ нихъ выражается истина, которую полезно имѣть въ виду всѣмъ дѣйствительнымъ сторонникамъ революціонной демократіи. Революціонная демократія, въ своемъ собственномъ интересѣ, вполнѣ совпадающемъ здѣсь съ интересами всей страны и съ интересами революціи,

должна одинаково энергично бороться какъ съ контръ-революціонными попытками, такъ и съ анархическими выступленіями. Это политическая аксіома, сознаніемъ которой долженъ проникнуться всякій революціонеръ, и отъ которой нельзя откричаться, даже обладая голосомъ стентора.

Итакъ, разумѣется, не можетъ быть рѣчи о коалиціи съ тѣми представителями партіи народной свободы, которые оказались бы скомпрометированными по дѣлу Корнилова. Но рѣчь, вообще, идетъ не о соглашеніи съ отдѣльными лицами, хотя бы и ничѣмъ не скомпрометированными, а о соглашеніи съ цѣлой партіей или даже съ цѣлымъ классомъ. Что же касается кадетской партіи, то теперь уже можно съ увѣренностью сказать, что она не будетъ уличена въ преступномъ содѣйствіи корниловскому мятежу. Утверждая это, я опять предвижу, что тутъ можетъ быть шумъ и скрежетъ зубовъ, но я сошлюсь на товарища Рязанова. Въ своей рѣчи онъ сдѣлалъ сильный выпадъ противъ партіи народной свободы. Но въ чемъ же онъ уличилъ ее, выступивъ въ роли строгаго обвинителя? Въ томъ, что одинъ изъ ея членовъ написалъ статью, которая не была напечатана редакціей, а какіе-то другіе члены собирались выпустить какую-то карикатуру на большевиковъ, карикатуру тоже, если я не ошибаюсь, не увидѣвшую свѣта, хотя, можетъ быть, и по другимъ причинамъ, чѣмъ упомянутая статья.

Согласитесь, товарищи и граждане, что этого недостаточно ни для уголовнаго преслѣдованія партіи, ни для того, чтобы отказаться вести съ нею переговоры о соглашеніи.

Вопросъ въ томъ, нуждается ли революціонная демократія въ соглашеніи съ партіей народной свободы, то есть, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, съ торгово-промышленнымъ классомъ? Я уже сказалъ, что нуждается. И со мной долженъ будетъ согласиться всякій тотъ, кто не думаетъ, что въ Россіи уже настало время для соціалистическаго переворота.

Революціонная демократія достаточно сильна для того, чтобы захватить политическую власть въ свои руки. Это неоспоримо. Но неоспоримо и то, что она недостаточно сильна, чтобы взвалить на свои плечи всю тяжесть борьбы съ переживаемыми страной многочисленными и страшными экономическими и всякими другими затрудненіями. Отвергнувъ идею коалиціи съ торгово-промышленнымъ классомъ, революціонная демократія поставитъ себя

въ изолированное положеніе. Это уже само по себѣ крайне опасно для нея, а слѣдовательно и для революціи. Но опасность увеличивается еще слѣдующимъ грознымъ обстоятельствомъ, которое отмѣтилъ въ своей рѣчи московскій городской голова тов. Рудневъ.

По его словамъ, «линія поведенія органовъ революціонной демократіи, всегда бывшая линіей поведенія всей русской революціи, съ нѣкотораго времени перестаетъ, въ извѣстной мѣрѣ, быть таковой». «Я дѣлаю это отвѣтственное заявленіе, — замѣтилъ тов. Рудневъ, — потому что считаю, что замолчать объ этомъ въ нашемъ демократическомъ совѣщаніи было бы непозволительной офиціальной ложью. Этотъ моментъ перелома произошелъ послѣ событій 3—5 іюля въ Петроградѣ и разгрома на галиційскихъ поляхъ. Съ этого момента широкіе обывательскіе слои, широкіе малосознательные элементы несомнѣнно отходятъ отъ линіи поведенія, намѣченной Совѣтами. Это положеніе особенно усугубляется той оріентировкой, которую Совѣты занимаютъ въ послѣднее время. Революціонная демократія обязана это учесть, такъ какъ это уже учтено страной. Если бы эта линія легла бы въ основу организаціи центральной власти, то углубился бы намѣтившійся разрывъ между передовыми отрядами демократіи и широкими массами. Разрывъ этотъ былъ бы роковымъ для революціи».

Это значитъ, что, начавъ съ изоляціи себя отъ торгово-промышленнаго класса, наша демократія роковымъ образомъ продолжала бы свою линію поведенія, изолируя себя отъ народной массы, той массы, отъ которой она только и можетъ получить свою силу подобно тому, какъ древній Антей получалъ свою, соприкасаясь съ землею. Что же можетъ получиться въ результатѣ такой двойственной изоляціи? Ничего другого, кромѣ краха. Революціонная демократія потерпитъ жалкое крушеніе, которое явится въ то же время крушеніемъ революціи, и, — этого тоже не слѣдуетъ забывать въ нынѣшнее военное время, — торжествомъ германскаго имперіализма, всѣхъ этихъ Гинденбурговъ, Михаэлисовъ, Вильгельмовъ и прочей юнкерской братіи, всегда приходившей въ бѣшенную ярость при одной мысли о демократическихъ стремленіяхъ рабочаго класса. Хотите ли вы этого? Странно было бы хоть на минуту допустить, что да. А если не хотите, то вы обязаны внимательно вдуматься въ слѣдующее замѣчаніе тов. Руднева, сдѣланное на основаніи практическаго опыта: «Какъ ни малъ нашъ опытъ, я долженъ сказать, что вся работа наша, вся повседневная жизнь

сложной муниципальной организаціи основана на принципѣ коалиціи. Въ такомъ же положеніи находится и дѣловая работа правительства. Представляется немыслимымъ, чтобы центръ, регулирующій всю жизнь на мѣстахъ, былъ построенъ по другому принципу». Дѣйствительно, это совершенно немыслимо. Внѣ коалиціи съ торгово-промышленнымъ классомъ мыслима только та двойная изоляція революціонной демократіи, которая неизбѣжно приведетъ ее къ краху.

Коалиція необходима въ интересахъ страны и революціоннаго дѣла. Это слѣдуетъ признать какъ совершенно неоспоримую истину. Но, признавъ это, мы сталкиваемся съ новымъ и, въ сущности, не менѣе важнымъ вопросомъ. На какихъ условіяхъ могла бы революціонная демократія вступить въ коалицію съ торгово-промышленнымъ классомъ? Чтобы правильно рѣшить этотъ новый вопросъ, нужно прежде всего выяснить себѣ, *какой классъ больше всего заинтересованъ въ торжествѣ революціи*, или, чтобы выразить тотъ же вопросъ другими словами, — *какой классъ больше всего пострадаетъ въ томъ случаѣ, если революція потерпитъ крушеніе.* Я утверждаю, что въ этомъ случаѣ больше всего пострадаютъ интересы трудящейся массы. И я надѣюсь, что тутъ меня не будутъ оспаривать даже тѣ участники нынѣшняго совѣщанія, которые не согласны со мною въ остальныхъ частяхъ моей рѣчи. Но вѣдь логика обязываетъ. Если отъ крушенія революціи больше всего пострадали бы интересы трудящейся массы, и если крушеніе революціи явилось бы неизбѣжнымъ слѣдствіемъ изоляціи революціонной демократіи, то выводъ напрашивается самъ собою:

Сознательные политическіе представители трудящейся массы не должны предъявлять представителямъ торгово-промышленнаго класса такія условія, которыя оказались бы непріемлемыми для него по его экономической природѣ. Нельзя требовать отъ торгово-промышленнаго класса, чтобы онъ пересталъ быть торгово-промышленнымъ классомъ и перешелъ на пролетарскую точку зрѣнія. Предъявлять къ нему такія требованія значило бы заранѣе и сознательно отвергать идею соглашенія съ нимъ, т. к. всякое соглашеніе предполагаетъ взаимныя уступки.

Представители трудящагося населенія Россіи должны итти на уступки не потому, чтобы имъ не были дороги интересы этого населенія, а наоборотъ — потому, что они дороги имъ. Лучше уступить часть, нежели потерять цѣлое. И если изоляція револю-

ціонной демократіи грозитъ намъ крушеніемъ революціи, то совершенно очевидно, что поставить въ вину этой демократіи тѣ ея уступки, которыя она сдѣлаетъ, чтобы не оказаться изолированной, могутъ только политическія дѣти болѣе или менѣе изряднаго возраста.

Внѣ коалиціи нѣтъ спасенія ни отъ внутренняго врага, т. е. отъ контръ-революціонеровъ, ни отъ врага внѣшняго, т. е. отъ императора Вильгельма и его вассаловъ.

Соціалъ-демократическая организація « Единство » давно уже настаиваетъ на этомъ. Я имѣю честь повторить вамъ это въ рѣчи, которую болѣзнь не позволила мнѣ устно произнести передъ вами.

Ленинъ и Церетелли

(«Единство», № 145 отъ 21-го сентября 1917 г.)

Въ одной изъ своихъ рѣчей, произнесенныхъ на Демократическомъ Совѣщаніи, т. Церетелли, возражая г. Троцкому, попросилъ его вспомнить предсказаніе, сдѣланное « не пророкомъ, а человѣкомъ, связаннымъ съ россійской демократіей и отражавшимъ ея политику ». Предсказаніе это заключалось въ словахъ:

« Къ намъ контръ-революція прорвется черезъ большевистскія ворота ».

Слова эти произнесены были на іюньскомъ Совѣщаніи Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, — много у насъ было всякихъ совѣщаній, да только возъ и нынѣ тамъ! — тѣмъ же т. Церетелли. Для ихъ произнесенія, дѣйствительно, не требовалось пророческаго дара. Съ тѣхъ поръ, какъ Ленинъ, возвратившись въ Россію черезъ Германію, изложилъ свои пресловутые « тезисы » въ Петроградскомъ Совѣтѣ, всѣмъ его противникамъ стало ясно, что его, съ позволенія сказать, тактика въ огромной степени будетъ способствовать усиленію контръ-революціонныхъ элементовъ. Т. Церетелли выразилъ это общее убѣжденіе противниковъ Ленина на іюньскомъ Совѣщаніи. И теперь, когда только слѣпые не видятъ, какіе роскошные контръ-революціонные всходы даетъ агитація Ленина и его единомышленниковъ, т. Церетелли можетъ, пожалуй,

гордиться своимъ « предсказаніемъ ». Къ сожалѣнію, тутъ приходится отмѣтить слѣдующее печальное обстоятельство.

« Человѣкъ, связанный съ россійской демократіей и отражавшій ея политику », самъ поддерживалъ Ленина въ его вреднѣйшей для революціи дѣятельности. Разумѣется, онъ поддерживалъ его невольно и безсознательно, но, тѣмъ не менѣе, поддерживалъ. И къ тому же — весьма усердно. Будущій историкъ русской революціи вынужденъ будетъ, въ интересахъ истины, занести это печальное обстоятельство на страницы своего труда рядомъ съ « предсказаніемъ » т. Церетелли.

Какъ же могло случиться, что «человѣкъ, связанный съ россійской демократіей и отражавшій ея политику », а главное, — не разъ выступавшій противникомъ Ленина, самъ оказался его пособникомъ? Да очень просто!

Т. Церетелли грѣшитъ двойственностью своихъ политическихъ взглядовъ.

Онъ, *во-первыхъ*, марксистъ. Въ качествѣ марксиста, онъ, выступая противъ Ленина, весьма основательно ставилъ ему на видъ, что Россія переживаетъ теперь не соціалистическую, а буржуазную революцію. Отсюда онъ, — правда, не сразу и не безъ очень значительныхъ колебаній, — вывелъ то вполнѣ вѣрное умозаключеніе, что революціонная демократія можетъ, отнюдь не измѣняя самой себѣ, вступить въ коалицію съ буржуазными партіями. Онъ самъ вошелъ въ коалиціонное министерство. Разъ войдя въ него, онъ не могъ не желать, чтобы трудящаяся масса поддерживала правительство, на половину составленное изъ представителей разныхъ оттѣнковъ соціалистической мысли, а на половину изъ « министровъ-капиталистовъ ». И онъ выражалъ въ своихъ рѣчахъ это, какъ нельзя болѣе естественное, желаніе.

Но онъ выражалъ его лишь « *постольку, поскольку* » оставался марксистомъ. А онъ не всегда оставался таковымъ. Воззрѣнія, почерпнутыя имъ изъ литературы марксизма, къ его великому несчастью, переплелись у него въ головѣ съ резолюціями о войнѣ, высиженными въ Циммервальдѣ и Кинталѣ. Онъ слишкомъ плохо освѣдомленъ былъ по части исторіи Интернаціонала, чтобы замѣтить кровное родство этихъ резолюцій съ тѣми, которыя предлагалъ когда-то *анархо-синдикалистъ* Домела Ньевенгайсъ Международнымъ Соціалистическимъ Съѣздамъ въ Брюсселѣ (1891 г.) и въ Цюрихѣ (1893 г.). Онъ наивно вообразилъ, будто циммервальдъ-

кинтальскія резолюціи о войнѣ являются послѣднимъ словомъ революціоннаго марксизма. Этимъ кореннымъ заблужденіемъ и порождены были всѣ остальныя его ошибки и противорѣчія.

На кого падаетъ отвѣтственность за нынѣшнюю войну? На буржуазію всѣхъ странъ, т. е., *между прочимъ, и на русскую буржуазію*. Такъ гласитъ одна изъ главъ циммервальдъ-кинтальскаго алькорана. И такъ же говорилъ самъ т. Церетелли, въ продолженіи довольно долгаго времени дружески разгуливавшій подъ ручку съ наиболѣе выдающимся изо всѣхъ циммервальдъ-кинтальскихъ пророковъ, *Р. Гриммомъ*.

Но если отвѣтственность за нынѣшнюю войну падаетъ на русскую буржуазію въ такой же мѣрѣ, какъ и на австро-германскихъ имперіалистовъ, то ясно, какъ божій день, что *коалиція* съ нею непріемлема для людей, хоть немного способныхъ къ логическому мышленію. Вмѣсто коалиціи съ буржуазіей нужно возстаніе противъ буржуазіи. Такъ говорилъ Ленинъ, вполнѣ вѣрный духу циммервальдъ-кинтальскихъ резолюцій. Надо рѣшительно порвать со всѣми требованіями буржуазіи, возвѣстилъ онъ, отстаивая свои « тезисы » въ Петроградскомъ Совѣтѣ.

Въ этомъ случаѣ его вполнѣ одобрилъ бы анархо-синдикалистъ Д. Ньевенгайсъ, духъ котораго возродился въ циммервальдъ-кинтальскихъ резолюціяхъ. На Брюссельскомъ и Цюрихскомъ Соціалистическихъ Съѣздахъ Ньевенгайсъ развивалъ именно ту мысль, что война можетъ и должна послужить сигналомъ для международной соціалистической революціи.

Во всякомъ случаѣ Ленинъ дѣлалъ совершенно законный выводъ изъ циммервальдъ-кинтальскихъ резолюцій, приглашая массу кричать : « *долой министровъ-капиталистовъ!* » И, по крайней мѣрѣ въ Петроградѣ, — масса откликалась на его призывъ. Всѣмъ намъ хорошо памятная демонстрація 18 іюня была торжествомъ ленинскихъ « лозунговъ ».

Во время этой демонстраціи я стоялъ на Марсовомъ полѣ рядомъ съ т. Чхеидзе. По его лицу я видѣлъ, что онъ нисколько не обманывалъ себя насчетъ того, какое значеніе имѣло поразительное обиліе плакатовъ, требовавшихъ низверженія « капиталистическихъ » министровъ. Значеніе это, какъ *нарочно подчеркнуто* было поистинѣ начальническими приказаніями, съ которыми обращались къ нему нѣкоторые представители ленинцевъ, проходившихъ мимо насъ настоящими именинниками.

Но если т. Чхеидзе сознавалъ, что демонстрація 18 іюня явилась побѣдой ленинцевъ, то ему врядъ ли приходило въ голову, — да едва ли приходитъ и теперь, — что эта побѣда подготовлена была той проповѣдью циммервальдъ-кинтальскихъ идей, которой онъ, Церетелли и ихъ единомышленники предавались не менѣе усердно, чѣмъ самъ Ленинъ

Долой министровъ-капиталистовъ! — Нельзя было отвергнуть этотъ лозунгъ, оставаясь на почвѣ резолюцій, принятыхъ въ Циммервальдъ-Кинталѣ. Съ этимъ поневолѣ должны были согласиться наши *министры-соціалисты*, сами одобрявшіе названныя резолюціи. Но, если циммервальдъ-кинтальское вѣроисповѣданіе осуждало коалицію революціонной демократіи съ торгово-промышленнымъ классомъ, то неизбѣжно возникалъ вопросъ : почему же т. Церетелли и другіе соціалисты усѣлись въ министерскія кресла бокъ о бокъ съ « буржуями »?

Ленинъ отвѣчалъ на него весьма просто, недвусмысленно и вполнѣ согласно съ духомъ Циммервальдъ-Кинталя : потому что наши соціалистическіе министры измѣнили своему собственному дѣлу. Съ этимъ, понятно, не могли согласиться единомышленники т. Церетелли и другихъ министровъ-соціалистовъ. И вотъ, они придумали хитроумный доводъ, по смыслу котораго наши соціалисты, въ противоположность французскимъ и бельгійскимъ, согласились на вступленіе въ министерство не съ цѣлью сотрудничества съ буржуазными его членами, а единственно затѣмъ, чтобъ продолжать въ немъ борьбу классовъ. Совершенно несостоятельный самъ по себѣ, этотъ доводъ помѣшалъ нашимъ министрамъ-соціалистамъ, — не протестовавшимъ противъ него и, слѣдовательно, признавшимъ его правильнымъ, — начертать для себя сколько-нибудь осмысленную линію поведенія. Отсюда возникло множество ненужныхъ и крайне вредныхъ треній, сильно компрометировавшихъ идею коалиціи. А чѣмъ больше компрометировалась идея коалиціи, тѣмъ болѣе приближалось торжество Ленина. Въ настоящее время Ленину остается сдѣлать только нѣсколько шаговъ, чтобы восторжествовать окончательно.

Я не знаю, догадается ли онъ поблагодарить т. Церетелли, когда будетъ съ тріумфомъ шествовать по широкимъ улицамъ Петрограда. Вѣроятно, нѣтъ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что если празъ былъ т. Церетелли, предсказавшій, что « контръ-революція

прорвется къ намъ черезъ большевистскія ворота », то не менѣе правъ будетъ историкъ, который напишетъ :

Поскольку И. Г. Церетелли былъ циммервальдистомъ, постольку онъ усердно и успѣшно уравнивалъ дорогу, ведущую къ воротамъ ленинскаго большевизма.

Кто побѣдилъ ?

(«Единство», № 146 отъ 22-го сентября 1917 г.)

« День » (номеръ отъ 21 сентября) говоритъ, что побѣдилъ дуракъ. Это невѣрно. Побѣдилъ Ленинъ. А Ленинъ вовсе не дуракъ. Онъ свое дѣло знаетъ. Конечно, его дѣло не имѣетъ ровно ничего общаго съ дѣломъ сознательнаго пролетаріата нашего времени. Его тактика является новымъ, весьма значительно расширеннымъ, изданіемъ « *бунтарской* » тактики М. Бакунина и совершенно лишена даже отдаленнаго сходства съ *революціонной* тактикой, завѣщанной намъ основателями научнаго соціализма. Но это совсѣмъ другой вопросъ, очень далекій отъ занимающаго насъ тутъ вопроса, кто же, собственно, побѣдилъ на Петроградскомъ Демократическомъ Совѣщаніи?

На этотъ послѣдній вопросъ мыслимъ только одинъ отвѣтъ : побѣдилъ Ленинъ, котораго никакъ нельзя назвать дуракомъ въ виду того, что онъ очень хорошо знаетъ свое темное дѣло.

« Дуракъ » не побѣдилъ, а, наоборотъ, былъ побѣжденъ. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо « дураку » на роду написано терпѣть пораженія.

Чего хотѣлъ Ленинъ?

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ вернулся въ Россію, мы безпрестанно слышали отъ него и его единомышленниковъ : *вся власть должна перейти въ руки Совѣтовъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Батрацкихъ Депутатовъ*. И вотъ теперь, благодаря Петроградскому Демократическому Совѣщанію, мы вплотную подошли къ тому, чего добивался Ленинъ. Власть переходитъ въ руки, если не однихъ Совѣтовъ, то во всякомъ случаѣ той революціонной демократіи, которая безраздѣльно господствовала въ нихъ. И этотъ переходъ власти

въ руки революціонной демократіи является несомнѣнной побѣдой Ленина и столь же несомнѣннымъ пораженіемъ « Дурака ».

Какого « Дурака »? Того, которому имя легіонъ, и который никакъ не могъ понять, что нельзя побѣдоносно бороться съ Ленинымъ, раздѣляя и пропагандируя добрую половину посылокъ, лежащихъ въ основѣ ленинской тактики. Того, который хотѣлъ коалиціи съ буржуазіей и упрямо отвергалъ условія, при отсутствіи которыхъ коалиція непремѣнно должна была оказаться безплодной, какъ дѣвственница, посвятившая себя Богу. Того, который, съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, старался сѣсть между двухъ стульевъ и, наконецъ, тяжело шлепнулся на землю.

Политическая власть, — и по существу, и формально, — переходитъ теперь въ руки революціонной демократіи. Кого представляетъ собою революціонная демократія? Трудящуюся массу, т. е., — чтобы выразиться точнѣе, — *извѣстную часть трудящейся массы*. Какъ смотрѣли у насъ на возможныя послѣдствія перехода политической власти въ руки трудящейся массы? Ихъ представляли себѣ весьма различно.

По мнѣнію Ленина и ленинцевъ, они могли быть только благопріятны для дальнѣйшаго развитія рабочаго класса. Противники ленинской тактики видѣли въ нихъ нѣчто, совсѣмъ неблагопріятное для него. Въ своихъ статьяхъ и рѣчахъ я уже не одинъ разъ напоминалъ, какъ товаръ. Церетелли, возражая на « тезисы » Ленина, привелъ слова Энгельса о томъ, что захватъ власти рабочимъ классомъ въ такую пору, когда еще нѣтъ на лицо необходимыхъ для соціалистической революціи объективныхъ условій, составляетъ величайшее несчастье этого класса. Напоминаніе это было, какъ нельзя болѣе, умѣстно. Правда, самъ т. Церетелли оказался неспособнымъ сдѣлать изъ глубокихъ словъ Энгельса тотъ тактическій выводъ, который изъ нихъ вытекаетъ. Во вчерашней своей статьѣ я объяснилъ, въ чемъ коренилось логическое безсиліе т. Церетелли. Но дѣло не въ этомъ товарищѣ, и не въ его логическомъ безсиліи, а въ томъ, что если правильна мысль, заключающаяся въ приведенныхъ имъ словахъ Энгельса, то люди, толкающіе рабочій классъ на преждевременный захватъ власти, ввергаютъ его въ величайшее несчастье. Единенія съ такими людьми не можетъ быть у тѣхъ революціонеровъ, которые послѣдовательно держатся ученія Маркса-Энгельса. Наши противники Ленина, въ своемъ огромномъ большинствѣ, совсѣмъ не блещутъ послѣдо-

вательностью мысли : что ни говорите, а я право же не даромъ назвалъ ихъ *полуленинцами*. Но все таки, пока они не забывали приведенныхъ т. Церетелли словъ Энгельса, они не считали возможнымъ единеніе со сторонниками Ленина. На совѣщаніи представителей Совѣтовъ, состоявшемся въ іюнѣ, противники ленинцевъ, обращаясь къ нимъ, называли ихъ не *товарищами*, *а гражданами*. Ленинцы въ долгу не оставались: въ своихъ печатныхъ произведеніяхъ они презрительно именовали полуленинцевъ *мелкими буржуа*. Вся эта ехидная терминологія была довольно знаменательна въ политическомъ смыслѣ. Теперь приходится наблюдать нѣчто иное.

Я не думаю, чтобы Ленинъ пересталъ смотрѣть на полуленинцевъ, какъ на мелкихъ буржуа. Онъ не легко отказывается отъ своихъ политическихъ взглядовъ. Но несомнѣнно, что полуленинцы теперь уже не расположены видѣть въ немъ человѣка, своей тактикой ввергающаго рабочій классъ въ самое большое несчастье, какое только можетъ случиться съ нимъ въ исторіи. Совсѣмъ напротивъ. Ихъ теперь прямо таки ужасаетъ мысль о томъ, что ленинцы могли бы отказаться отъ единенія съ ними. Такой отказъ представляется имъ опаснымъ расколомъ въ средѣ революціонной демократіи. И, чтобы избѣжать этого раскола, они дѣлаютъ все больше и больше уступокъ ленинцамъ, которые, съ своей стороны, становятся все болѣе и болѣе требовательными. Революція, измышленная т. Церетелли для сохраненія единства въ рядахъ революціонной демократіи, представляетъ собою не что иное, какъ полную и жалкую капитуляцію полуленинцевъ передъ ленинцами. Ну, какъ же не сказать, что на Петроградскомъ Демократическомъ Совѣщаніи лѣта отъ Р. Христова 1917 Ленинъ одержалъ большую побѣду?

Почему-же, однако, полуленинцы стали теперь такими уступчивыми? Почему они такъ сильно дорожатъ союзомъ съ ленинцами, безцеремонно награждающими ихъ пинками? Потому-ли, что теперь уже созрѣли, наконецъ, объективныя условія, необходимыя для того, чтобы захватъ политической власти рабочимъ классомъ не оказался для него величайшимъ историческимъ несчастьемъ? Гдѣ тамъ! За послѣдніе мѣсяцы у насъ не созрѣло ничего, кромѣ страшной экономической разрухи, которая можетъ вызвать контръ-революцію, но на которой никакъ невозможно основать соціалистическое общество.

Измѣнилось одно : измѣнились сами полуленинцы. Усвоивъ себѣ, подъ вліяніемъ логики Циммервальдъ-Кинталя, совершенно ошибочную тактику по отношенію къ торгово-промышленному классу, они все болѣе и болѣе свыкались съ мыслью о захватѣ политической власти революціонной демократіей. Теперь мысль эта не только не пугаетъ ихъ, но кажется имъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, единственной правильной мыслью. И они спѣшно спускаютъ свой флагъ передъ побѣдоносными противниками.

Гряди Ленинъ, полуленинцы привѣтствуютъ тебя!

Чему они обрадовались?

(«Единство», № 147 отъ 23-го сентября 1917 г.)

Тому, что, благодаря придуманному т. Церетелли компромиссу, спасено « единство демократическаго фронта ». По поводу этого спасенія, которое многіе считаютъ почти чудеснымъ, ликуетъ даже « Русская Воля », до сихъ поръ не очень заботившаяся о сохраненіи единства въ рядахъ нашей революціонной демократіи.

Радость сторонниковъ компромисса такъ велика, что они забываютъ, — или, можетъ быть, не осмѣливаются, — спросить себя :

Въ какую же сторону поворачивается теперь единый демократическій фронтъ?

А это, казалось бы, далеко не лишній вопросъ.

Марксъ (въ «*Рѣчи о свободѣ торговли* ») совѣтовалъ когда-то своимъ слушателямъ не увлекаться простымъ словомъ : « *свобода* », а предварительно выяснить, *какая* свобода, — *свобода чего*, — имѣется въ виду. Я полагаю, что нашъ учитель былъ правъ. Мы поступили бы очень странно, если бы стали рукоплескать, напримѣръ, свободѣ разбоя или вообще какого-нибудь дѣйствія, направленнаго ко вреду гражданскаго общества.

То же и со словомъ: *единеніе*. Прежде, чѣмъ увлечься имъ, полезно прійти въ ясность относительно того, какую цѣль преслѣдуютъ объединяющіеся между собою люди. Если рѣчь идетъ, въ частности, о революціонерахъ, то всякій, кто сочувствуетъ

революціи, обязанъ подумать о томъ, какую цѣль преслѣдуютъ они, объединяя свои силы. Если они предпринимаютъ выступленія, *выгодныя* для ихъ собственнаго дѣла, то имъ, конечно, хорошо объединиться. А если они объединяются для совершенія такого поступка, который *повредитъ* имъ же самимъ, то пусть лучше останутся они разъединенными : вредъ, приносимый ими своему собственному дѣлу, окажется въ этомъ случаѣ гораздо менѣе значительнымъ. Не такъ ли?

Если такъ, — а вы, читатель, должны согласиться, что это, дѣйствительно, такъ, — то я возвращаюсь къ вопросу, поставленному мною выше :

Въ какую же сторону поворачивается теперь единый фронтъ нашей революціонной демократіи?

На этотъ вопросъ я отвѣчалъ уже не одинъ разъ : въ сторону захвата всей полноты политической власти. И, разумѣется, никто не скажетъ, что, давая такой отвѣтъ, я ошибочно понималъ значеніе событій.

Но, если революціонная демократія выступаетъ теперь на путь захвата въ свои руки всей полноты политической власти, то я не понимаю, отчего непремѣнно слѣдуетъ радоваться тому, что она сохранила единство своего фронта.

Я думаю, что этому можно радоваться, а можно и огорчаться этимъ. И это зависитъ отъ точки зрѣнія.

Единомышленники Ленина, давно уже добивавшіеся передачи всей власти Совѣтамъ Рабочихъ (и проч.) Депутатовъ, конечно, должны теперь быть очень довольны, видя, что вся революціонная демократія направляетъ свой объединенный фронтъ въ желательную для нихъ сторону.

Ну, а какъ должны себя чувствовать товарищи, не забывавшіе словъ Энгельса о томъ, что преждевременный захватъ власти рабочимъ классомъ является самымъ большимъ несчастьемъ, какое только можетъ съ нимъ случиться? Имѣютъ ли они основаніе радоваться тому, что теперь вся революціонная демократія нашла нужнымъ всѣми своими объединенными силами толкать рабочій классъ въ сторону величайшаго изо всѣхъ возможныхъ для него несчастій? Конечно нѣтъ! Такіе товарищи должны, напротивъ, съ горечью сказать себѣ : « Теперь нашему рабочему классу, пожалуй, уже не избѣжать великой бѣды; теперь его шансы на избавленіе отъ нея уменьшились въ огромной степени ».

И когда такіе товарищи видятъ людей, которые приходятъ въ умиленіе, слыша пріятныя слова : « единство революціоннаго фронта », имъ ничего не остается, какъ пожавъ плечами, воскликнуть : « О, слѣпота большой порокъ ! »

Представьте себѣ, что, скажемъ, три или четыре брата объединились для того, чтобы общими силами задушить своего отца. Не скажете ли вы, что лучше было бы, если бы въ ихъ среду проникло разъединеніе, которое, можетъ быть, помѣшало бы имъ осуществить свой преступный планъ? Конечно, скажете, если только сердце находится у васъ, по нѣмецкому выраженію, на надлежащемъ мѣстѣ.

И то же самое должны вы сказать, убѣдившись, что единый революціонный фронтъ рѣшительно направляется теперь въ сторону захвата власти болѣе или менѣе « полномочными » представителями трудящейся массы.

Благо народа — высшій законъ. Если сохранившееся, — благодаря формулѣ Церетелли, — единство революціонной демократіи, упрочивъ захватъ ею политической власти, ввергнетъ рабочій классъ въ величайшее историческое несчастье, то горе намъ отъ этого единства! Несравненно лучше было бы, если бы на его мѣстѣ водворилось разъединеніе. Тогда часть силъ революціонной демократіи направилась бы на устраненіе величайшей бѣды, грозящей нашему рабочему классу, и тогда онъ, можетъ быть, былъ бы спасенъ, а съ нимъ была бы спасена и революція, а съ революціей вся Россія...

Вспомнимъ ночь съ 9 на 10 іюня нынѣшняго года. Въ эту ночь силы революціонной демократіи раздѣлились. Ленинцы готовили « мирное » выступленіе рабочихъ и солдатъ на улицу. Ихъ противники энергично старались предупредить это выступленіе. Что вышло благодаря такому разъединенію революціонныхъ силъ? Вышло то, что печальныя событія 3 — 5 іюля были отсрочены хоть на нѣсколько недѣль. И въ этомъ, право же, не было ровно ничего худого.

О, товарищи, не увлекайтесь словами : сохраненіе единства революціоннаго фронта! Спросите себя, къ чему должно привести при нынѣшнихъ условіяхъ это сохраненіе.

Г. Сухановъ въ « Новой Жизни » категорически заявляетъ :

«Диктатура демократіи фактически установлена объявленіемъ «Предпарламента» единственнымъ законнымъ источникомъ власти».

Въ первый разъ въ жизни я нахожу, что г. Сухановъ не ошибается. Предпарламентъ несомнѣнно утверждаетъ диктатуру революціонной демократіи. Напрасно т. Церетелли пытался ослабить значеніе этого несомнѣннаго обстоятельства, вводя въ свою эклектическую формулу фразу о томъ, что Правительство должно санкціонировать Предпарламентъ. Пусть извинитъ меня названный товарищъ, но фраза эта — нелѣпа въ полномъ смыслѣ слова. Если бы Предпарламентъ захотѣлъ получить санкцію Правительства, то онъ тѣмъ самымъ призналъ бы свою зависимость отъ него. Но, съ другой стороны, та же формула Церетелли объявляла Правительство зависимымъ отъ Предпарламента. Получался заколдованный кругъ въ родѣ того, въ которомъ безнадежно вращаются сторонники теоріи, гласящей, что земля стоитъ на трехъ китахъ.

— А на чемъ держатся киты? А киты на водѣ. А вода? А вода на землѣ.

Вотъ тутъ и разбери, что на чемъ держится!

Нелѣпость мысли о томъ, что Предпарламентъ, долженствующій диктовать свою волю Правительству, самъ нуждается въ правительственной санкціи, ярко отразила собою полнѣйшую несостоятельность позиціи, занятой т. Церетелли въ интересующемъ насъ вопросѣ. Онъ поспѣшилъ отказаться отъ своей нелѣпой мысли. Но отказъ отъ нея нисколько не улучшилъ его позиціи.

Занявъ эту позицію, т. Церетелли оказалъ огромную услугу Ленину, служить которому онъ врядъ-ли собирается. Въ результатѣ спасенія имъ единства революціоннаго фронта не получится, какъ я уже сказалъ выше, ничего, кромѣ того величайшаго несчастья для русскаго рабочаго класса, о которомъ не такъ еще давно говорилъ, со словъ Энгельса, т. Церетелли...

Единомышленники Ленина прекрасно поняли, какую огромную услугу оказалъ ему этотъ товарищъ. Въ состоявшемся 21 сентября чрезвычайномъ засѣданіи Петроградскаго Совѣта Р. и С. Депутатовъ ленинецъ Бухаринъ требовалъ, чтобы революціонная демократія, произнеся А, немедленно произнесла также Б. Онъ доказывалъ, что Демократическое Совѣщаніе не въ состояніи справиться съ тѣми задачами, которыя стоятъ передъ демократіей. И онъ утверждалъ, — вполнѣ согласно съ хорошо знакомой намъ

проповѣдью Ленина, — что только Съѣздъ Совѣтовъ Р. и С. Депутатовъ можетъ создать настоящую революціонную власть.

Единомышленники Ленина мыслятъ логично, чего нельзя, къ сожалѣнію, сказать о т. Церетелли. Этотъ послѣдній, сохранивъ единство демократическаго фронта, направленнаго въ сторону захвата власти, тѣмъ самымъ произнесъ А. Единомышленники Ленина хотятъ, чтобы онъ произнесъ Б. На это онъ врядъ ли рѣшится. Разъ произнесено А, будетъ произнесено и Б. За это ручается объективная логика событій. Но чему же вы-то здѣсь радуетесь, хорошіе господа? Вы, не стоящіе на точкѣ зрѣнія Ленина? Хоть убейте меня, не пойму! Вѣдь рѣчь идетъ о самомъ большомъ несчастьи, которое только могло случиться съ русскимъ рабочимъ, а стало быть и съ Россіей.

Переговоры въ Зимнемъ Дворцѣ

(«Единство», № 148 отъ 24-го сентября 1917 г.)

Въ то время, когда я пишу эту статью, еще не кончились переговоры о пополненіи состава нынѣшняго министерства, ведомые правительствомъ съ представителями разныхъ политическихъ партій. Въ засѣданіи, состоявшемся по этому поводу 22 сентября въ Малахитовомъ залѣ Зимняго дворца, принимали участіе не только нынѣшніе наши министры и не только представители революціонной демократіи, — т. т. Чхеидзе, Церетелли, Гоцъ, Авксентьевъ, Шрейдеръ, Рудневъ и др., — но также представители торгово-промышленнаго класса и члены центральнаго комитета партіи народной свободы : граждане Кишкинъ, Коноваловъ, Смирновъ, Третьяковъ, Набоковъ и Аджемовъ. Изъ этого какъ будто слѣдуетъ, что отвлеченная логика резолюцій начинаетъ уступать требованіямъ дѣйствительной жизни, и что революціонная демократія согласна признать идею коалиціи, которую она отвергла въ Александринскомъ театрѣ[1]). С. Н. Прокоповичу приписываютъ выраженіе отрадной увѣренности въ томъ, что обмѣнъ мнѣній, начавшійся 22 сентября въ Малахитовомъ залѣ, приведетъ къ желанному результату. Признаюсь, мнѣ чужда эта отрадная увѣренность.

[1]) Въ этомъ театрѣ происходили засѣданія Демократическаго Совѣщанія.

Конечно, соглашеніе возможно; я не удивлюсь, если услышу о немъ часа черезъ два-три. Но вопросъ въ томъ, не будетъ-ли оно прологомъ новаго правительственнаго кризиса. И тутъ уже всякій согласится, надѣюсь, признать вмѣстѣ со мною, что у насъ пока еще нѣтъ никакого основанія быть оптимистами на этотъ счетъ.

Отъ лица революціонной демократіи больше всѣхъ другихъ своихъ товарищей говорилъ И. Г. Церетелли. Какъ извѣстно, это — большой дипломатъ. Разъ вступивъ въ переговоры о соглашеніи, онъ не станетъ обострять разногласія, существующія между сторонами. Напротивъ, онъ постарается сгладить ихъ, по крайней мѣрѣ, въ своемъ изложеніи. Но и тутъ ему не измѣнитъ свойственная ему осторожность. Онъ знаетъ, что наши товарищи словъ боятся гораздо больше, нежели фактовъ, и потому онъ не пойдетъ далеко даже въ чисто словесныхъ уступкахъ. Его главная забота будетъ направлена на то, чтобы не испугать своихъ довѣрителей. Онъ убѣжденъ, что, *будучи ихъ вождемъ, онъ обязанъ слѣдовать за ними*. Это дѣлаетъ изъ него крайне чувствительный аппаратъ для опредѣленія настроеній, господствующихъ въ той средѣ, которую онъ представляетъ. И кто хочетъ уяснить себѣ эти настроенія, тотъ долженъ прислушаться именно къ рѣчамъ И. Г. Церетелли.

Что же говорилъ онъ 22 сентября въ Малахитовомъ залѣ?

Онъ сказалъ, что надо устранить оторванность власти отъ національной базы. Съ этой цѣлью Демократическое Совѣщаніе создало органъ, который будетъ, до созыва Учредительнаго Собранія, выражать, хотя бы и въ несовершенной формѣ, волю народа. Функціи этого новаго органа должны заключаться въ контролѣ надъ дѣятельностью правительства, въ предъявленіи ему запросовъ и въ правѣ выражать ему свое довѣріе и недовѣріе.

Остановимся на этомъ. Какъ должно будетъ поступить правительство, если органъ, созданный Демократическимъ Совѣщаніемъ и выражающій волю народа въ несовершенной формѣ выразитъ ему свое недовѣріе? Оно должно будетъ подать въ отставку. Кто же позаботится составленіемъ новаго правительства? Очевидно тотъ же органъ, въ несовершенной формѣ выражающій волю народа. Если это такъ, то нельзя не замѣтить, что признанное даже т. Церетелли *несовершенство* этого органа нисколько не помѣшаетъ ему обладать *совершенно* неограниченной политической властью.

Я не буду спрашивать, удобно-ли вручать *совершенно* неограниченную власть — органу, *несовершенно* выражающему волю народа. Это былъ бы излишній вопросъ. По справедливому мнѣнію г. Суханова, приведенному во вчерашней моей статьѣ, Петроградское Совѣщаніе установило диктатуру революціонной демократіи. Установило, — прибавлю отъ себя, — если *пока еще и не въ дѣйствительности, то*, по крайней мѣрѣ, *во мнѣніи огромнѣйшаго большинства революціонныхъ демократовъ*. Ну, а разъ установлена диктатура революціонной демократіи, то уже поздно спрашивать, — говоря съ ея сторонниками,—не произойдетъ-ли отъ нея какихъ либо неудобствъ. Съ нею надо считаться, какъ съ фактомъ. Я такъ и поступаю.

Обладая всей полнотой политической власти, революціонная демократія, разумѣется, не замедлитъ *воспользоваться* ею : иначе не стоило и стремиться къ ней. А если она будетъ, какъ это весьма естественно, пользоваться всей полнотой только что полученной ею власти, то я не знаю, позволительно ли вѣрить въ прочность того соглашенія между революціонной демократіей и представителями торгово-промышленнаго класса, о которомъ идетъ рѣчь въ Зимнемъ дворцѣ. По моему, нѣтъ!

Чтобы соглашеніе между ними могло быть прочнымъ, необходимы были взаимныя, — *политическія и другія*, — уступки. Но, захватывая неограниченную политическую власть въ свои руки, революціонная демократія отнюдь не обнаружила склонности къ уступкамъ. Это ясно, какъ дважды два четыре.

Въ виду этого, есть всѣ основанія опасаться, что если А. Ф. Керенскому и удастся составить новое министерство съ участіемъ представителей торгово-промышленнаго класса, то черезъ самое короткое время страна опять услышитъ о кризисѣ власти. А такихъ кризисовъ у насъ и безъ того уже было слишкомъ, слишкомъ много!

Ихъ было слишкомъ много прежде, когда революціонная демократія еще не провозглашала своей диктатуры. Ихъ должно быть еще больше послѣ того, какъ диктатура провозглашена.

И. Г. Церетелли сказалъ, что нашъ полновластный Предпарламентъ долженъ быть пополненъ депутатами отъ цензовыхъ элементовъ населенія. Но кому принадлежитъ право опредѣлить, сколько депутатовъ можетъ послать въ Предпарламентъ торгово-промышленный классъ? Революціонной демократіи? *Если да*,

то это значитъ, что ея диктатура будетъ особенно сильно бить въ глаза именно тамъ, гдѣ т. Церетелли, хотѣлось бы смягчить производимое ею рѣзкое впечатлѣніе. *А если нѣтъ, если* революціонная демократія откажется отъ права опредѣлить размѣры парламентскаго представительства торгово-промышленнаго класса, то кому же достанется, наконецъ, это право? Правительству? Но разъ, революціонная демократія владѣетъ диктатурой, то наши правители явятся ея послушными орудіями и тогда передача имъ права регулировать представительство цензовыхъ элементовъ ничего не поправитъ, ни на одну іоту не измѣнитъ положенія дѣлъ. Диктатура революціонной демократіи останется диктатурой революціонной демократіи, несмотря на хитроумную попытку кое-гдѣ подкрасить ее въ цвѣтъ « цензовыхъ элементовъ ». Да и удастся ли такая попытка? Увидимъ!

Что изо всего этого слѣдуетъ? То, что товарищи, отъ имени которыхъ говорилъ въ Зимнемъ дворцѣ И. Г. Церетелли, надѣются согласить несогласимое, сочетать *диктатуру* революціонной демократіи съ *коалиціей*. Пока они останутся въ такомъ эклектическомъ настроеніи, кризисъ можно будетъ устранить лишь путемъ составленія *однороднаго соціалистическаго министерства*, котораго добивались и добиваются ленинцы.

Но неужто т. Церетелли и его единомышленники такъ-таки и не откажутся отъ безсознательно взятой ими на себя, но тѣмъ не менѣе очень печальной роли какихъ-то предтечъ нашего псевдореволюціоннаго Вицли-Пуцли?

«Однако» ...

Кто живетъ безъ печали и гнѣва,
Тотъ не любитъ отчизны своей.
Некрасовъ.

(«Единство», № 150 отъ 28-го сентября 1917 г.)

Итакъ, наше правительство, — Правительство Спасенія Революціи, — обновило свой составъ [1]). Обновившись, оно, какъ во-

[1]) Помимо А. Ф. Керенскаго въ составъ новаго правительства входили: ген. Верховскій, адм. Вердеревскій, М. Бернацкій, К. Гвоздевъ, Н. Кишкинъ, А. Коноваловъ, Ливеровскій, А. Никитинъ, С. Прокоповичъ, С. Салазкинъ, С. Смирновъ, М. Терещенко, С. Третьяковъ.

дится, поспѣшило довести до всеобщаго свѣдѣнія о томъ настроеніи, которое свойственно ему въ настоящее время.

Я съ интересомъ прочелъ декларацію обновленнаго правительства и... поразился его миролюбіемъ.

Вотъ, что говоритъ оно, между прочимъ :

« Въ непоколебимомъ сознаніи, что только благо всеобщаго мира дастъ возможность нашей великой родинѣ развернуть всѣ ея творческія силы, Временное Правительство будетъ продолжать и неустанно развивать свою дѣйственную внѣшнюю политику въ духѣ демократическихъ началъ, провозглашенныхъ русской революціей, сдѣлавшей эти начала общенаціональнымъ достояніемъ, стремясь къ достиженію всеобщаго мира, исключающаго насилія съ чьей бы то ни было стороны ».

Если строки эти перевести съ того величаво-суконнаго языка, которымъ почему-то пишутся у насъ декларації, даже революціоннаго правительства, то выйдетъ, что наши правители рѣшили « неустанно » слѣдовать политикѣ Циммервальдъ-Кинталя.

Въ самомъ дѣлѣ, какія демократическія начала международной политики провозглашены были русской революціей? Тѣ, которыя получили одобреніе циммервальдъ-кинтальскаго Интернаціонала.

Началъ этихъ два :

1) Миръ безъ аннексій и безъ контрибуцій.

2) Свободное самоопредѣленіе народовъ.

Отличительная черта этихъ двухъ началъ состоитъ въ томъ, что, держась одного изъ нихъ, непремѣнно придешь къ отрицанію второго. Я часто указывалъ на это и никогда никто не противопоставилъ моимъ указаніямъ ни одного сколько-нибудь серьезнаго возраженія. Да это и невозможно.

Въ силу « начала » самоопредѣленія народовъ турецкая Арменія должна быть просоединена къ Россіи, если она этого захочетъ (въ чемъ врядъ ли можно сомнѣваться).

Въ силу того же « начала » восточная Галиція имѣетъ полное право объединиться съ Малороссіей, которая, — я въ этомъ увѣренъ, — обезпечивъ себѣ право автономнаго развитія, не захочетъ выйти изъ состава русскаго государства.

Но соединеніе восточной Галиціи съ Малой Россіей, или турецкихъ армянъ съ русскими было бы « аннексіей », т. е. отторженіемъ извѣстной территоріи отъ Австріи или отъ Турціи и включе-

ніемъ ея въ наши государственные предѣлы. А между тѣмъ первое изъ « началъ », провозглашенныхъ русской революціей (т. е. собственно Циммервальдъ-Кинталемъ) запрещаетъ не только контрибуціи, но и аннексіи.

Разрѣшить это противорѣчіе также невозможно, какъ найти квадратуру круга. И если наше обновленное правительство обѣщаетъ держаться двухъ « началъ », одобренныхъ въ Циммервальдъ-Кинталѣ и провозглашенныхъ русской революціей, то намъ остается предположить одно изъ двухъ :

Или оно до сихъ поръ не замѣтило неразрѣшимаго противорѣчія « началъ », которымъ оно обязуется слѣдовать въ своей внѣшней политикѣ. А это не дѣлаетъ чести его проницательности.

Или же оно видитъ указанное мною взаимное противорѣчіе одобренныхъ Циммервальдомъ « началъ » и сознаетъ его неразрѣшимость, но, тѣмъ не менѣе, обѣщаетъ держаться ихъ обоихъ, « чтобъ гусей не раздразнить ». А это не дѣлаетъ чести его искренности.

Дальше. Откуда взяло обновленное правительство, что циммервальдъ-кинтальскія « начала » внѣшней политики стали нашимъ обще-національнымъ достояніемъ? Такимъ достояніемъ они не дѣлались и, конечно, не сдѣлаются никогда. Правда, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи и практическомъ приложеніи (братаніе и тому подобное) они оказали глубоко развращающее вліяніе на нашу армію.

Но можетъ ли правительство, — Правительство Спасенія Революціи, — видѣть въ этомъ позорномъ явленіи доводъ въ пользу циммервальдскихъ догмъ и ссылаться на него, какъ на свидѣтельство о томъ, что догмы эти сдѣлались обще-національнымъ достояніемъ? Конечно, нѣтъ. А вѣдь больше-то ему и сослаться не на что.

Какъ бы тамъ ни было, наши правители обѣщаютъ рѣшительно выступить передъ союзниками Россіи подъ знаменемъ Циммервальдъ-Кинталя.

Мы узнаемъ отъ нихъ, что « дѣйствуя въ полномъ согласіи съ союзниками, Временное Правительство приметъ въ ближайшіе дни участіе въ конференціи союзныхъ державъ, при чемъ Временное Правительство будетъ на ней представлено въ числѣ своихъ уполномоченныхъ и лицомъ, облеченнымъ особымъ довѣріемъ демократическихъ организацій ».

Другими словами, въ конференціи союзныхъ державъ приметъ участіе также одинъ изъ представителей русскаго утопическаго соціализма (циммервальдизма тожъ). Это будетъ событіе единственное въ своемъ родѣ. Но я не берусь сказать, въ какой мѣрѣ сможетъ оно содѣйствовать укрѣпленію единодушія между нами и нашими союзниками. Насколько мнѣ извѣстно, въ союзныхъ съ нами странахъ всѣ граждане, — не исключая и рабочихъ, принадлежащихъ къ серьезнымъ, заслуживающимъ вниманія организаціямъ, — очень далеки отъ циммервальдъ-кинтальской точки зрѣнія. Какъ бы намъ не оконфузиться!

Впрочемъ, пусть не подумаетъ читатель, еще не успѣвшій ознакомиться съ правительственной декларацією, что въ ней ничего не говорится о самозащитѣ нашей страны. Въ ней мы встрѣчаемъ слѣдующія строки :

« Стремясь къ миру, Временное Правительство, однако, всѣ свои силы положитъ на защиту общесоюзническаго дѣла, на оборону страны, на рѣшительный отпоръ всякимъ попыткамъ отторженія національной территоріи и навязыванія Россіи чужой воли, на изгнаніе непріятельскихъ войскъ изъ предѣловъ родной страны ».

Закравшееся въ эти строки словечко « однако » весьма многознаменательно и поистинѣ безподобно. Французъ сказалъ бы, что оно est impayable (не имѣетъ цѣны).

Онъ былъ бы правъ.

Нѣмцы отхватили у насъ огромную часть территоріи. Они очень близки къ полному господству на Балтійскомъ морѣ. Они угрожаютъ обѣимъ нашимъ столицамъ. Они угрожаютъ Одессѣ и всему нашему югу, этой житницѣ Россіи. Чтобы найти въ нашей исторіи положеніе, подобное тому, въ которомъ мы теперь находимся, нужно вернуться за триста лѣтъ назадъ, къ эпохѣ смуты. И наши правители не остаются равнодушными въ виду этой страшной опасности, которая грозитъ намъ почти со всѣхъ сторонъ. Конечно, они думаютъ прежде всего о мирѣ всего міра на « началахъ », возвѣщенныхъ Циммервальдъ-Кинталемъ и, какъ мы видѣли выше, совершенно непримиримыхъ между собою. « *Однако* », они готовы подумать, въ свободныя минуты, остающіяся у нихъ отъ циммервальдъ-кинтальскихъ мечтаній, и о защитѣ нашей истерзанной, униженной и окровавленной родины. « *Однако* », въ тѣ же минуты, они позаботятся о томъ, чтобы дать рѣшитель-

ный отпоръ германскимъ покушеніямъ на цѣлость « національной территоріи » и выгнать непріятельскія войска изъ нашихъ предѣловъ. Какъ это хорошо! И какъ успокоительно должно дѣйствовать правительственное « *однако* » на всѣхъ насъ!

Теперь мы можемъ вѣрить, что Россія будетъ спасена. Не велико словечко это « *однако* », а какая магическая въ немъ сила.

Если бы наше новое правительство, несмотря на разногласія представленныхъ въ немъ политическихъ партій, дѣйствительно захотѣло подняться на высоту самыхъ передовыхъ принциповъ международнаго права, свойственныхъ нашему историческому періоду, оно должно было бы сказать такъ :

« Мы приложимъ всѣ силы къ тому, чтобы защитить Русскую Республику и прогнать съ ея территоріи полчища германскаго кайзера. Однако, страна, во главѣ которой мы имѣемъ честь стоять, отнюдь не заражена имперіализмомъ. Мы не хотимъ посягать на счастье и независимость другихъ народовъ. И мы сдѣлаемъ все отъ насъ зависящее для того, чтобы тѣ побѣды, которыя удастся одержать нашимъ союзникамъ и намъ, способствовали заключенію прочнаго мира на основѣ свободнаго самоопредѣленія народовъ ».

Это были бы слова, достойныя правительства революціонной страны, стоящаго на высотѣ передового правосознанія. И въ этой связи слово « *однако* » было бы не только умѣстно, а прямо обязательно. Въ той же связи, въ которую поставила его правительственная декларація, оно извращаетъ естественный *порядокъ идей*, подсказываемый объективнымъ *порядкомъ вещей* и тѣмъ самымъ вноситъ опаснѣйшую путаницу въ умы.

Какую путаницу? Какъ разъ ту, которую до сихъ поръ въ изобиліи сѣяла проповѣдь циммервальдъ-кинтальской догмы.

Кому неизвѣстно, что циммервальдъ-кинтальская « война за миръ » въ сильнѣйшей степени содѣйствовала пониженію боеспособности нашей арміи? Теперь обновленное правительство обѣщаетъ поработать надъ поднятіемъ духа арміи. Въ то же время оно въ первую голову ставитъ рѣшительное продолженіе циммервальдъ-кинтальской « войны за миръ ». И вотъ я спрашиваю его; я спрашиваю любого гражданина, не совсѣмъ беззаботнаго на счетъ судьбы своей родины и не окончательно порвавшаго съ логикой : *можно ли поднять боеспособность нашей арміи съ помощью того самаго средства, которое понизило ее въ такой ужасающей степени?*

Еще о декларации обновленнаго правительства

(«Единство», № 151 отъ 29-го сентября 1917 г.)

Если читатель вспомнитъ ту рѣчь, которую произнесъ А. Ф. Керенскій, закрывая Московское Совѣщаніе, и сравнитъ ее съ той частью декларации обновленнаго правительства, которая относится къ вопросу о войнѣ, то онъ вынужденъ будетъ признать, что, въ самомъ дѣлѣ, « времена мѣняются и мы въ оныхъ ». Въ своей второй московской рѣчи А. Ф. Керенскій послалъ проклятіе по адресу всѣхъ, заговаривающихъ въ настоящее время о мирѣ. Это было, конечно, совсѣмъ не согласно съ тѣмъ циммервальдъ-кинтальскимъ духомъ, какимъ пропитана декларація обновленнаго правительства, подписанная, кстати сказать, тѣмъ же А. Ф. Керенскимъ. Откуда эта великая разница ? Почему недавно воинственный глава нашего правительства, а съ нимъ и всѣ члены новаго состава этого послѣдняго сочли теперь нужнымъ заговорить языкомъ Циммервальдъ-Кинталя ?

Результатомъ только что закончившагося Петроградскаго Совѣщанія явился захватъ политической власти революціонной демократіей, т. е., выражаясь точнѣе, революціонной кружковой интеллигенціей, за которой отчасти сознательно, а, главнымъ образомъ, безсознательно слѣдуетъ наиболѣе подвижная часть народной массы. Въ своихъ предыдущихъ статьяхъ я уже указывалъ на фактъ такого захвата. Теперь я прибавлю одно.

Считаясь съ этимъ фактомъ, нашъ верховный главнокомандующій увидѣлъ себя вынужденнымъ вспомнить о томъ, что самъ онъ не чуждался когда-то циммервальдъ-кинтальскихъ мечтаній. Очевидно, то же самое надо предположить о большинствѣ тѣхъ нашихъ министровъ, которые входили въ составъ правительства еще во время Московскаго Совѣщанія и которые рукоплескали воинственной заключительной рѣчи А. Ф. Керенскаго. Конечно, люди другого закала поступили бы иначе. Однако, французы вполнѣ справедливо говорятъ, что самая красивая дѣвушка можетъ дать только то, что она имѣетъ...

Болѣе интереснымъ и труднѣе поддающимся разрѣшенію представляется мнѣ слѣдующій вопросъ :

Почему новые члены «Правительства Спасенія Революціи», принадлежащіе къ торгово-промышленному классу и къ партіи народной свободы, такъ легко усвоили циммервальдъ-кинтальское, настроеніе духа?

Насколько мнѣ извѣстно, настроеніе это было до сихъ поръ очень мало симпатично, какъ названной партіи, такъ и названному классу. Что же такъ внезапно сдѣлало ихъ доступными для него въ настоящее время?

Мнѣ приходитъ въ голову, что тутъ мы имѣемъ передъ собою то психологическое явленіе, которое не одинъ разъ наблюдалось въ исторіи другихъ европейскихъ странъ.

Торгово-промышленный классъ высказывается за войну лишь тамъ и лишь тогда, гдѣ и когда онъ ставитъ передъ собою извѣстныя завоевательныя цѣли, достиженіе которыхъ представляется ему однимъ изъ средствъ увеличенія его экономическаго могущества. Это мы видимъ въ современной Германіи. Но когда историческія обстоятельства не позволяютъ буржуазіи ставить передъ собою подобныя цѣли, тогда она не любитъ войны, а ея идеологи охотно мечтаютъ о вѣчномъ мирѣ. Разумѣется, въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстная страна подвергается непріятельскому нашествію и рискуетъ стать жертвой завоевательныхъ плановъ своей сосѣдки (или своихъ сосѣдокъ), ея буржуазія, даже будучи пропитана миролюбивыми стремленіями, не отказывается принять участіе въ общемъ дѣлѣ національной самозащиты. Но ея участіе въ немъ бываетъ нерѣшительнымъ и вялымъ. Послѣ нѣсколькихъ серьезныхъ неудачъ, она пропитывается тѣмъ непреодолимымъ убѣжденіемъ, что безумно было бы продолжать войну, и болѣе или менѣе открыто требуетъ начатія мирныхъ переговоровъ. Въ такихъ случаяхъ антагонизмъ буржуазіи и пролетаріата выражается, между прочимъ, въ томъ, что *буржуазному стремленію къ миру* враждебно противостоитъ *воинственная воля пролетаріата*, настойчиво требующаго продолженія, во что бы то ни стало, оборонительной войны. Это мы видѣли въ концѣ 1870 и въ началѣ 1871 г., во время единоборства Франціи съ Германіей. Только круглые невѣжды не знаютъ, что Парижская Коммуна была плодомъ крайняго недовольства французскихъ рабочихъ преждевременнымъ, какъ они считали, заключеніемъ мира съ Пруссіей.

Припоминая все это, я спрашиваю себя: неужели и русскій торгово-промышленный классъ начинаетъ пропитываться тѣмъ

убѣжденіемъ, что дальнѣйшее сопротивленіе наше Германіи будетъ безполезно, и что, ради скорѣйшаго заключенія мира, слѣдуетъ испробовать все, до циммервальдъ-кинтальской утопіи, включительно.

Невозможнаго тутъ нѣтъ ничего. Но если наша буржуазія станетъ склоняться къ миру, то, въ противоположность тому, что мы видѣли во Франціи, она не натолкнется на противодѣйствіе рабочаго класса, значительная часть котораго давно и рѣшительно идетъ за циммервальъ-кинтальцами. Только наиболѣе сознательные элементы русскаго пролетаріата поймутъ, что, склонившись къ мысли о мирѣ съ Германіей, наша буржуазія, тѣмъ самымъ, поставитъ свой *классовый интересъ* выше *обще-національнаго* и, въ особенности, пролетарскаго. Наши наиболѣе сознательные рабочіе уже теперь видятъ, что пораженіе Россіи Германіей больше всего повредило бы интересамъ русскаго пролетаріата. Потому они и примыкаютъ къ такъ называемому *оборончеству*.

Бѣда лишь въ томъ, что вліяніе сознательныхъ элементовъ пролетаріата на его малосознательную массу пока еще очень слабо и не можетъ преодолѣть вліянія на ту же массу зараженной циммервальдизмомъ кружковой интеллигенціи. Вслѣдствіе этого надо теперь же признать, не обманывая себя и другихъ, что если нашъ торгово-промышленный классъ начинаетъ подумывать о мирѣ; что если этимъ объясняется усвоеніе циммервальдъ-кинтальской утопіи его представителями, вошедшими въ составъ « Правительства Спасенія Революціи », то плохо обстоитъ дѣло Россіи вообще и дѣло русскаго рабочаго класса въ частности : не миновать нашей странѣ экономическаго ига Германіи ; не миновать нашимъ пролетаріямъ *хронической безработицы и неизбѣжнаго, — въ силу ея, — превращенія нѣкоторой части ихъ въ « бывшихъ людей »*.

Вотъ какія печальныя перспективы открываетъ передъ нами циммервальдъ-кинтальское миролюбіе, обнаружившееся въ деклараціи нашего обновленнаго правительства. Тяжело говорить о нихъ и преступно молчать. Положеніе таково, что необходимо *высказать то, что есть*...

А кромѣ этихъ печальныхъ перспективъ, декларація выдвигаетъ еще и другія. Но о нихъ въ слѣдующій разъ.

Анархія и контръ-революція

(«Единство», № 152 отъ 30-го сентября 1917 г.)

Характеризуя смуту, господствующую теперь въ жизни нашей родины, декларація обновленнаго правительства говоритъ, что, несмотря на быстрое подавленіе попытки ген. Корнилова, потрясенія, имъ вызванныя, угрожаютъ самому существованію Россійской Республики : « Волны анархіи проносятся по странѣ, крѣпнетъ натискъ врага внѣшняго, поднимаютъ голову контръ-революціонные элементы въ надеждѣ, что затянувшійся кризисъ власти въ связи съ охватившей всю страну усталостью, поможетъ имъ убить свободу русскаго народа ».

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о внѣшнемъ врагѣ, дѣло котораго, безъ сомнѣнія, будетъ облегчено рѣшительнымъ переходомъ нашихъ правителей, — въ вопросахъ международной политики,— на точку зрѣнія циммервальдь-кинтальскаго анархо-синдикализма, я позволю себѣ замѣтить, что въ приведенныхъ мной строкахъ декларации неправильно изображено соотношеніе между анархіей и контръ-революціей.

Какъ давно и справедливо сказалъ И. Г. Церетелли, контр-революція вторгается въ жизнь нынѣшней Россіи черезъ ворота ленинскаго большевизма. Названный товарищъ забылъ къ этому прибавить, что самъ онъ, услужливый И. Г. Церетелли, старательно уравнивалъ дорогу, ведущую къ ленинскимъ воротамъ. Но это послѣднее обстоятельство, — какъ ни печально оно само по себѣ, — въ данномъ случаѣ для насъ не имѣетъ значенія. Важно то, что контръ-революція надвигается на насъ именно со стороны, указанной названнымъ товарищемъ. Правительство, берущее на себя великую задачу спасенія « свободы русскаго народа », обязано знать и помнить это. И не только знать и помнить. Его революціонный долгъ передъ страною повелительно требуетъ отъ него принятія всѣхъ тѣхъ мѣръ, которыя понадобятся для закрытія воротъ ленинскаго большевизма. А такъ какъ ленинскій большевизмъ вызываетъ большую тревогу во всей странѣ, то обновленному правительству непремѣнно нужно было, ради успокоенія, заявить въ опубликованной имъ декларации о своей готовности бороться съ анархическими выступленіями сторонниковъ Ленина. Оно этого не сдѣлало.

Правда, въ его декларации есть указаніе на проносящіяся по странѣ « волны анархіи ». Но мы не находимъ у него даже намека на то, какимъ вѣтромъ вызываются эти волны. Скажу больше. Печальныя явленія нашей внутренней жизни перечисляются имъ въ такой послѣдовательности, что можно вообразить, будто « волны анархіи » представляютъ собой лишь одно изъ « потрясеній », вызванныхъ мятежомъ ген. Корнилова.

Въ извѣстномъ смыслѣ оно, пожалуй, такъ и есть. Мятежъ ген. Корнилова въ огромной степени способствовалъ усиленію ленинскаго большевизма. Но весьма значительно усилившись подъ вліяніемъ корниловскаго выступленія, ленинскій большевизмъ представляетъ собою теперь такую опасность, которая вполнѣ заслуживаетъ отдѣльнаго разсмотрѣнія или, по меньшей мѣрѣ, отдѣльнаго упоминанія тамъ, гдѣ правительство заводитъ рѣчь о «глубокой смутѣ», господствующей въ нашей внутренней жизни.

Между тѣмъ, такое упоминаніе совершенно отсутствуетъ въ разбираемой мною декларации. Обновленное правительство какъ будто не видитъ, — вѣрнѣе: какъ будто не хочетъ видѣть, — что сторонники Ленина, громко заявившіе о своемъ рѣшительномъ отрицаніи того коалиціоннаго принципа, который служитъ основой ему самому, дѣятельно и открыто готовятся къ выступленію съ цѣлью передачи всей полноты политической власти Совѣтамъ. Къ чему можетъ повести усвоеніе нашими правителями этой политики страуса, зарывающаго голову въ песокъ въ виду грозящей ему опасности ? Разумѣется, отъ нея нельзя ожидать ровно ничего хорошаго.

Чтобы упрочить свою власть, чтобы внушить довѣріе широкимъ слоямъ населенія, въ концѣ измученнаго непрерывной и все болѣе возрастающей внутренней смутой, «Правительство Спасенія Революціи» должно съ одинаковой энергіей подавлять, какъ контръ-революціонныя, такъ и анархическія выступленія. Всякая слабость его по отношенію къ тому или другому разряду этихъ преступныхъ выступленій тотчасъ же пошатнетъ его кредитъ въ странѣ и нарушитъ прочность его власти.

Мы неустанно повторяемъ это въ своемъ органѣ. И былъ моментъ, когда мы стали надѣяться, что у насъ явится, наконецъ, сильная, революціонныя власть. Закрывая Московское Совѣщаніе, А. Ф. Керенскій обѣщалъ, — такъ поняли мы его рѣчь, — проявить въ борьбѣ съ разноцвѣтной смутой несокрушимую энер-

гію дѣятелей великой французской революціи. Къ сожалѣнію, обѣщаніе это до сихъ поръ нельзя назвать выполненнымъ со всѣхъ сторонъ. А. Ф. Керенскій недостаточно энергично боролся съ « волнами анархіи ». А теперь, когда обновленное Правительство, во главѣ котораго онъ выступаетъ, перешло на точку зрѣнія циммервальдъ-кинтальской международной политики, можно опасаться, что и внутренняя политика его приметъ крайне опасное для свободы русскаго народа направленіе.

Усвоеніе международной политики Циммервальдъ-Кинталя подсказано и навязано было обновленному правительству *полуленинцами*.

Полуленинцы не могутъ не поблагодарить его отъ всей души за сдѣланную имъ огромную, — прямо таки *невѣроятную*, — принципіальную уступку. Они будутъ усердно поддерживать его до тѣхъ поръ, пока оно будетъ послушно итти у нихъ въ поводу. Но, не говоря уже о томъ, что правительство никогда не упрочитъ надлежащимъ образомъ своей власти, идя въ поводу у полуленинцевъ, пора понять, что политика этихъ послѣднихъ только подготовляетъ торжество политики Ленина. Зачѣмъ же было огородъ городить, зачѣмъ же было капусту садить, — зачѣмъ же было вести длиннѣйшіе переговоры съ представителями торгово-промышленнаго класса и составлять коалиціонное правительство, если въ результатѣ всѣхъ этихъ хлопотъ должна была получиться « особая » капитуляція всѣхъ входящихъ въ коалицію политическихъ партій передъ одною изъ разновидностей циммервальдъ-кинтальскаго анархо-синдикализма ?

Еще разъ : *разсчитывать на успѣхъ и прочность можетъ только правительство, которое найдетъ въ себѣ рѣшимость съ одинаковой энергіей подавлять какъ контръ-революціонныя попытки, такъ и анархическія выступленія.* А. Ф. Керенскій долженъ былъ бы, наконецъ, сдержать обѣщаніе, во всеуслышаніе данное имъ Россіи въ московскомъ Большомъ театрѣ. Рѣшится-ли онъ на это ?

Я не знаю. Во всякомъ случаѣ нельзя не сказать, что непозволительная уступка, сдѣланная имъ Циммервальдъ-Кинталю во внѣшней политикѣ, чрезвычайно сильно помѣшаетъ ему взять правильный курсъ въ политикѣ, касающейся нашей внутренней жизни. Какъ и все на свѣтѣ, ошибки общественныхъ дѣятелей имѣютъ свою логику...

Октябрь 1917 года

Смотрите, Граждане!

(«Единство», № 154 отъ 3-го октября 1917 г.)

Прологъ разыгранъ. Долго играли его : цѣлыхъ семь мѣсяцевъ. Теперь кончили. Теперь начинается трагедія, — потрясающая трагедія военнаго разгрома великаго народа, едва стряхнувшаго съ себя цѣпи стараго порядка, едва родившагося для свободной жизни.

Возможно, что, вопреки всѣмъ правиламъ драматическаго искусства, трагедія окажется менѣе продолжительной, чѣмъ прологъ. Во всякомъ случаѣ, ея дѣйствія будутъ очень коротки, и много времени она не возьметъ.

Я пишу это, разумѣется, не потому, чтобъ я намѣревался « сѣять панику ». Такое занятіе никогда не входило въ мои планы. Я пишу это потому, что пора, давно уже пора, всѣмъ намъ трезвыми глазами взглянуть на положеніе Россіи и понять значеніе страшныхъ словъ... « отечество въ опасности ».

Правда, нѣкоторые безпечальные члены нашего « однако » - правительства даютъ себѣ трудъ успокоить насъ. Если вѣрить газетнымъ извѣстіямъ, военный министръ ген. Верховскій сдѣлалъ слѣдующее оптимистическое заявленіе :

« По поводу создавшагося положенія, вслѣдствіе высадки нѣмецкаго десанта на островѣ Эзелѣ, нужно сказать, что нѣмцамъ необходимо произвести болѣе сильное впечатлѣніе на психику, а, въ особенности, на психику Петрограда, главнаго политическаго центра, всегда нервно воспринимающаго вѣсти съ фронта.

« Да, нѣмцы ударами въ разныхъ мѣстахъ стараются подорвать наше настроеніе, но развитіе дальнѣйшей операціи въ этомъ направленіи весьма сложно и отъ острова Эзеля до Петрограда не такъ ужъ близко ».

Что правда, то правда : отъ острова Эзеля до Петрограда не такъ ужъ близко. Съ этимъ безъ труда согласится всякій, кто

хоть немного знакомъ съ географіей русскаго государства. Но дѣло не только въ географіи. И не только въ « психикѣ Петрограда », о которой счелъ нужнымъ упомянуть безпечальный министръ. Дѣло въ томъ, что, какъ-бы ни было сложно развитіе дальнѣйшихъ операцій непріятеля, оно будетъ совершаться въ обстановкѣ, чрезвычайно сильно измѣнившейся къ его выгодѣ и къ нашему ущербу.

Г. Верховскій нашелъ нужнымъ умолчать объ этомъ. А, между тѣмъ, подобныя умолчанія не могутъ не быть крайне вредными въ наше грозное время, когда необходимо мужественно высказать то, что есть, и поставить на видъ всѣмъ гражданамъ, не потерявшимъ сознанія своего долга передъ родиной, что теперь нужно защищать ее съ удесятиренной энергіей.

Морской министръ контръ-адмиралъ Вердеревскій показалъ себя болѣе откровеннымъ, — или, можетъ быть, болѣе вдумчивымъ? — нежели г. Верховскій. Онъ безъ обиняковъ призналъ, что наше положеніе очень серьезно и что нѣмцы нанесли намъ *весьма тяжкій ударъ*. Въ качествѣ взрослыхъ людей, отнюдь не нуждающихся въ томъ, чтобъ наши правители обращались съ нами, какъ съ малыми дѣтьми, мы должны поблагодарить морского министра за его откровенность. Надо горячо поблагодарить его также и за слѣдующее сообщеніе.

« На возможность этого удара, — замѣтилъ онъ, — я указывалъ еще съ марта мѣсяца. О той же возможности говорилъ и А. Ф. Керенскій ».

Что-же это такое? Еще съ марта мѣсяца контръ-адмиралъ Вердеревскій указывалъ (конечно, не кому-нибудь другому, а нашимъ правителямъ) на возможность тяжкаго непріятельскаго удара со стороны острововъ Эзеля и Даго; о той-же возможности говорилъ и А. Ф. Керенскій, ставшій впослѣдствіи главою Временнаго Правительства. И несмотря на все это, надлежащія мѣры отпора все-таки не были приняты, и нѣмцы все-таки застали насъ врасплохъ. Или, можетъ быть, я ошибаюсь? Можетъ быть, я не такъ понялъ слова контръ-адмирала Вердеревскаго? Я очень радъ былъ-бы ошибиться. Но, къ сожалѣнію, я правъ. Это вполнѣ подтверждается дальнѣйшими строками признанія морского министра.

« Мы ведемъ войну, сказалъ онъ, а въ то-же время ставимъ на

первое мѣсто политическую борьбу. Нѣмцы это великолѣпно учитываютъ и умѣютъ этимъ пользоваться ».

Видите, такъ оно и выходитъ, какъ я сказалъ : мы не позаботились о томъ, чтобы дать надлежащій отпоръ врагу; сдѣлать это намъ помѣшала политическая борьба. Такъ думаетъ гр. Вердеревскій.

Отсюда, какъ будто, самъ собою слѣдуетъ тотъ выводъ, что намъ лучше было бы совсѣмъ забыть о политикѣ, немыслимой безъ взаимной борьбы партій. Но это неправильный выводъ.

Титаническіе дѣятели Великой Французской Революціи тоже очень много занимались политикой. Кто скажетъ, что это помѣшало имъ успѣшно защитить свою страну отъ реакціоннаго нападенія на нее коализованной Европы? Нѣтъ, дѣло тутъ не въ томъ, что мы занимались политикой, а въ томъ, что какъ нельзя болѣе ошибочно было бы направленіе, которое приняла наша политическая борьба.

Надо говорить прямо : съ тѣхъ поръ, какъ палъ насквозь прогнившій тронъ царей, господствующимъ у насъ политическимъ направленіемъ сдѣлалось направленіе, связанное съ именами швейцарскихъ деревушекъ Циммервальдъ и Кинталя. Въ идейномъ смыслѣ оно совсѣмъ не ново. Теоретическимъ родоначальникомъ его былъ голландскій анархо-синдикалистъ Домелла Ньевенгайсъ, энергично отстаивавшій его съ самаго начала 90-хъ годовъ прошлаго вѣка. Но нигдѣ не расцвѣло оно такъ пышно, нигдѣ не пріобрѣло оно такого огромнаго количества сторонниковъ, какъ въ Россіи. Въ первые же мѣсяцы нынѣшней войны, оно, какъ зараза, проникло въ кружки нашей революціонной интеллигенціи. А когда рушился старый порядокъ и когда эти кружки, прежде дѣйствовавшіе тайно, не только получили возможность открыто проповѣдывать свои взгляды, но и увлекли за собою мало сознательную рабочую и солдатскую массу, тогда происходившая на нашей землѣ политическая борьба сразу окрасилась въ яркій свѣтъ циммервальдъ-кинтальскаго анархо-синдикализма. Въ этомъ-то и заключалась коренная причина всѣхъ нашихъ военныхъ злоключеній.

Внимательно вглядываясь въ ходъ событій, легко убѣдиться, что циммервальдъ-кинтальское направленіе обусловило собою, въ послѣднемъ счетѣ, тотъ хроническій правительственный кризисъ, который начался въ 20-хъ числахъ апрѣля. Правительство,

переживающее состояніе хроническаго кризиса, не можетъ дѣятельно оборонять страну. Нечего и говорить, что нѣмецкій главный штабъ учитывалъ это со свойственной ему аккуратностью.

Но главная бѣда была въ томъ, что циммервальдъ-кинтальская « война за миръ » страшно понизила боеспособность русскаго войска. Если недавно осужденный Сухомлиновъ оставилъ русскаго солдата безъ снарядовъ, то идея Циммервальдъ-Кинталя растлила солдатскую душу. Вотъ почему нѣмецкая армія подвигается впередъ, сметая русскія дружины, какъ вѣтеръ гонитъ прахъ долины и клонитъ пыльную траву.

Если бы гр. Вердеревскій хорошенько выяснилъ себѣ это, — онъ сказалъ бы, что слабыми сдѣлала насъ не политика, а только принятое нашей политической борьбой циммервальдъ-кинтальское направленіе. Къ сожалѣнію, это для него совсѣмъ не ясно. Онъ самъ входитъ въ составъ того правительства, которое нѣсколько дней тому назадъ заявило въ опубликованной имъ декларации о полной готовности своей плясать, на удивленіе всей Европы, подъ циммервальдъ-кинтальскую дудку. По смыслу этой декларации, пляска подъ циммервальдъ-кинтальскую дудку составляла первую заботу его въ международной политикѣ. Оборона страны стояла въ декларации лишь на второмъ мѣстѣ : хотя, молъ, и будемъ плясать съ усердіемъ и граціей, достойными гейневскаго Атта-Тролля, « *однако* » подумаемъ также о военной защитѣ Россіи.

Отъ *такой* политики Россія ничего не выиграетъ и страшно много потеряетъ. Но вѣдь отвѣтственность за нее падаетъ также и на нашего морского министра. Въ своемъ обращеніи къ балтійскому флоту нашъ верховный главнокомандующій писалъ, что « не проститъ Родина, которая будетъ жить не только сегодняшній день, преступнаго легкомыслія или умышленнаго предательства ». Это такъ. Родина никогда не проститъ ни того, ни другого. Но развѣ не было « *преступнымъ легкомысліемъ* » правительственное обѣщаніе плясать во внѣшней политикѣ циммервальдъ-кинтальскую пляску? Увы, было! И это преступное легкомысліе проявлено было нашимъ правительствомъ какъ разъ наканунѣ нѣмецкихъ побѣдъ на балтійскихъ островахъ. Горе тебѣ, русскій рабочій классъ! Горе тебѣ, земля русская!

Правда, потрясающее впечатлѣніе побѣдъ, одержанныхъ нѣмцами, какъ будто, принудило наше « однако » - правитель-

ство начертать себѣ другую линію поведенія. Оно пообѣщало сдѣлать оборону страны своей главной и первой заботой. Лучше поздно, чѣмъ никогда. Но долго-ли сохранитъ оно это хорошее намѣреніе?

Каждый изъ насъ обязанъ употребить всѣ доступныя ему средства для того, чтобы наши правители не позабыли своего новаго обѣщанія.

Не телѣга везетъ лошадь, а лошадь телѣгу. Не правительство должно опредѣлять политику страны, а страна, — *вся страна*, — политику правительства. Въ виду грозящей Россіи страшной опасности, должно, наконецъ, громко заговорить ея общественное мнѣніе. Для этого есть много совершенно законныхъ путей: печать, резолюціи, принимаемыя на собраніяхъ, петиціи и т. п. Но нужно, какъ можно скорѣе, воспользоваться всѣми этими путями. Время не ждетъ. Конецъ приближается...

Смотрите же, граждане, чтобы наши консулы не причинили республикѣ ущерба.

Циммервальдъ и Германія

(«Единство», № 155 отъ 4-го октября 1917 г.)

Германскіе имперіалисты превосходно знаютъ, что на свѣтѣ существуетъ множество простаковъ, которыхъ очень легко поддѣть съ помощью самыхъ незамысловатыхъ софизмовъ. На психологію этихъ простаковъ разсчитано огромное большинство заявленій и разъясненій нѣмецкаго правительства по вопросамъ, касающимся нынѣшней войны. Но изъ всѣхъ разновидностей простаковъ наибольшимъ вниманіемъ его пользуется циммервальдъ-кинтальская разновидность. Оно и понятно. Эта разновидность уже оказала ему драгоцѣнную услугу, разрушивъ дисциплину въ русской арміи и въ весьма значительной степени понизивъ ея боеспособность. Имперское правительство Вильгельма II нарушило бы свой собственный интересъ, если бы перестало доставлять циммервальдъ-кинтальцамъ новые доводы въ пользу столь успѣшно ведомой «*войны за миръ*». Ихъ «война за миръ» составляетъ одно изъ необходимыхъ условій успѣшнаго веденія

имъ войны за *міровое господство*. Не такіе люди германскіе имперіалисты, чтобы ими могло быть упущено изъ виду это условіе.

Очереднымъ софизмомъ, изготовленнымъ въ Германіи для приманки циммервальдъ-кинтальцевъ, вообще, и русскихъ, — отличающихся наибольшимъ ротозѣйствомъ, — « воиновъ за миръ », въ частности, является теперь то, будто бы мимоходомъ высказанное, признаніе, что нѣмецкое правительство готово сдѣлать своимъ западнымъ противникамъ очень существенныя уступки и не можетъ рѣшиться только на возвращеніе Франціи Эльзаса и Лотарингіи, отнятыхъ у нея въ 1871 г. О Россіи не упоминалось въ этомъ признаніи. Да излишне было и упоминать о ней : « россійскіе » циммервальдъ-кинтальцы давно уже показали себя вполнѣ готовыми принести важнѣйшіе интересы нашей родины въ жертву « третьему Интернаціоналу ». И вотъ, нисколько не смущаясь зловѣщимъ умолчаніемъ германскаго дипломата о Россіи, наши борцы « за миръ » уже начинаютъ поговаривать, что не стоитъ продолжать кровопролитіе изъ-за вопроса о томъ, кому должны принадлежать Эльзасъ и Лотарингія.

Но чѣмъ усерднѣе будутъ они выдвигать этотъ, « сдѣланный въ Германіи » (made in Germany), доводъ, тѣмъ яснѣе станетъ обнаруживаться неустранимая противорѣчивость основныхъ положеній ихъ собственной, — измышленной въ двухъ, пресловутыхъ отнынѣ, швейцарскихъ деревушкахъ, — международной политики.

Циммервальдъ-кинтальцы не перестаютъ требовать *мира безъ аннексій и безъ контрибуцій, на основѣ самоопредѣленія народовъ*. Но если бы они серьезно хотѣли, чтобы условія будущаго мира не явились жестокой насмѣшкой надъ правомъ народовъ свободно располагать своей судьбой, то они должны были бы энергично протестовать противъ намѣренія Германіи силою оружія сохранить за собой Эльзасъ и Лотарингію.

Если населеніе этихъ двухъ провинцій предпочитаетъ французское *гражданство* германскому *подданству*, то, повидимому, измѣняетъ Циммервальдъ-Кинталю всякій тотъ, кто говоритъ : « Не стоитъ продолжать войну изъ за этого предпочтенія ». Почему же циммервальдъ-кинтальцы не только не осуждаютъ такой измѣны, но толкаютъ на нее всѣхъ, попадающихъ подъ ихъ вліяніе? Почему не дорожатъ они формулой, ими же самими одобренной и громко провозглашенной?

Да именно потому, что требованіе свободнаго самоопредѣленія народовъ представляетъ собою лишь внѣшнее украшеніе циммервальдъ-кинтальской международной политики и, по своей природѣ, не имѣетъ съ нею ровно ничего общаго.

Для циммервальдъ-кинтальцевъ важно совсѣмъ не то, чтобы народы получили право на самоопредѣленіе. Имъ важно, чтобы война прекратилась какъ можно скорѣе и во что бы то ни стало.

Сущность ихъ международной политики лучше выражается въ формулѣ: «миръ безъ аннексій и контрибуцій». Но и эта формула не можетъ быть признана *совершеннымъ* (*адекватнымъ*) ея выраженіемъ. Она была принята потому, что съ ея помощью легче было, — какъ думали циммервальдъ-кинтальцы, — расположить всѣ народы къ прекращенію войны.

Но съ тѣхъ поръ, какъ ее приняли, прошло три года. Карта военныхъ дѣйствій сильно измѣнилась въ пользу центральныхъ державъ. И теперь сама формула: «миръ безъ аннексій и контрибуцій» можетъ послужить препятствіемъ для скорѣйшаго заключенія мира: попробуйте-ка уговорить Германію безъ борьбы отказаться отъ всѣхъ тѣхъ «*аннексій*», которыя сдѣланы ею во время войны!

Поэтому циммервальдъ-кинтальцы не настаиваютъ теперь даже и на мирѣ «безъ контрибуцій и аннексій». Пусть Германія сдѣлаетъ *аннексіи* за счетъ Россіи. Пусть за нею останутся всѣ тѣ *контрибуціи*, которыя она *уже* взыскала съ жителей захваченныхъ ею мѣстностей, и пусть она, — *вопреки праву народовъ на самоопредѣленіе*, — удержитъ за собой Эльзасъ и Лотарингію. Это все *мелочи*, не заслуживающія вниманія настоящаго «*интернаціоналиста*», интернаціоналиста циммервальдъ-кинтальской марки. Единственная цѣль, которую онъ обязанъ преслѣдовать, — это скорѣйшее заключеніе мира, *хотя бы на основѣ самаго безпощаднаго поруганія правъ народовъ*.

Читатель видитъ, какъ выгодно это германскимъ имперіалистамъ. Недаромъ эти послѣдніе такъ сильно интересуются миролюбивой проповѣдью циммервальдъ-кинтальцевъ, вообще, и «россійскихъ циммервальдъ-кинтальцевъ», въ особенности.

А почему такъ сильно тяготѣютъ къ миру господа, носящіе на себѣ «большую печать» Циммервальдъ-Кинталя?

Потому, — отвѣчаютъ они, что война отвлекаетъ вниманіе

пролетаріата отъ его конечной цѣли : замѣны капиталистическаго способа производства — соціалистическимъ.

Тутъ есть несомнѣнная доля истины, но есть тутъ и большое заблужденіе, сводящее на нѣтъ самую истину.

Джентельмены изъ Циммервальдъ-Кинталя забываютъ, что движеніе пролетаріата къ его конечной цѣли есть историческій процессъ, совершающійся не въ безвоздушномъ пространствѣ, а въ извѣстной исторической обстановкѣ, свойства которой весьма сильно будутъ зависѣть, *между прочимъ, и отъ тѣхъ условій, на которыхъ прекратится нынѣшняя война.*

А почему они забываютъ объ этомъ?

Такое забвеніе есть отличительная черта всѣхъ школъ утопическаго соціализма : всѣ онѣ твердо были убѣждены, что если до ихъ появленія была исторія, то съ тѣхъ поръ, какъ онѣ возникли, весь историческій процессъ долженъ свестись къ пропагандѣ и торжеству ихъ утопическаго евангелія. Это мы знаемъ еще отъ Маркса и Энгельса.

Кругъ смыкается

(«Единство», № 157 отъ 6-го октября 1917 г.)

Вскорѣ по возвращеніи моемъ на родину, Вѣра Засуличъ сообщила мнѣ остроумное замѣчаніе одного нашего общаго знакомаго, сдѣланное имъ въ разговорѣ съ кѣмъ то изъ крайнихъ представителей нашей революціонной демократіи. Замѣчаніе это пришло мнѣ на память въ виду анархіи, разливающейся теперь по всей Русской Землѣ. Но такъ какъ я знаю его только изъ вторыхъ рукъ, то передамъ его своими словами, ручаясь только за его смыслъ.

Если-бъ земля представляла собою безконечную плоскость, то данное тѣло, движущееся отъ данной точки влѣво, постоянно оставалось бы по лѣвую сторону отъ нея. Но такъ какъ наша планета представляетъ собою опредѣленной величины шаръ, — собственно эллипсоидъ вращенія, что въ данномъ случаѣ все равно, — то, подвигаясь отъ данной точки влѣво, данное тѣло, по прошествіи извѣстнаго времени, непремѣнно окажется на правой отъ нея сторонѣ.

Это совершенно вѣрно. Такова діалектика движенія по шарообразной поверхности. И такова же діалектика партійнаго движенія. Въ этомъ легко убѣдиться, наблюдая движеніе значительной части элементовъ нашей революціонной демократіи.

Въ своемъ постоянномъ стремленіи « углубить революцію », элементы эти « лѣвѣли » все болѣе и болѣе. И они страшно гордились своей « лѣвизною », язвительно упрекая всѣхъ относившихся къ ней съ недовѣріемъ, въ кадетофильствѣ, мелкобуржуазности и проч. смертныхъ грѣхахъ. Но прошло нѣкоторое время и въ « *лѣвизнѣ* » нашихъ будто бы наиболѣе передовыхъ представителей революціоннаго движенія стали обнаруживаться признаки « *правизма* ». Уже открытіе въ особнякѣ Кшесинской и, — если память меня не обманываетъ, — на дачѣ Дурново складовъ черносотенныхъ изданій, отчасти окрашенныхъ въ яркій антисемитическій цвѣтъ, могло навести безпристрастныхъ наблюдателей русской общественной жизни на ту мысль, что процессъ постояннаго «*полѣвѣнія* », пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ превращается, на извѣстной ступени развитія, въ свою собственную противоположность, т. е., въ процессъ « *поправѣнія* ».

Однако, наличность въ особнякѣ Кшесинской склада черносотенныхъ изданій допускала и другое объясненіе. Можно было предположить, что здѣсь передъ нами продѣлка одного или нѣсколькихъ черносотенныхъ провокаторовъ, проникшихъ въ среду «крайнихъ лѣвыхъ » безъ ихъ вѣдома и согласія. Я самъ готовъ допустить такое предположеніе. Но есть другіе факты, становящіеся все болѣе многочисленными и не позволяющіе сомнѣваться въ томъ, что « *лѣвизна* » съ постоянно возростающимъ ускореніемъ превращается въ « *правизну* ». Едва-ли не каждый номеръ едва-ли не каждой газеты содержитъ въ себѣ неотразимыя свидѣтельства на этотъ счетъ.

Въ деревняхъ крестьяне разрушаютъ помѣщичьи дома, жгутъ находимыя въ нихъ книги, уничтожаютъ ссыпанный въ помѣщичьи амбары хлѣбъ, раззоряютъ ихъ же обслуживающія больницы и школы, словомъ, придаютъ своей « классовой борьбѣ » съ землевладѣльцами такой характеръ, благодаря которому она является варварской реакціей противъ реформъ Петра Великаго. Въ городахъ развязными господами положенія являются пьяные солдаты, какъ это было недавно въ Ржевѣ, и учиняются погромы, иногда заканчивающіеся избіеніемъ евреевъ. (Тамбовъ, Харьковъ и т. д.

и т. д.). Кругъ смыкается, и, повидимому, не далека та минута, когда онъ окончательно сомкнется. Какъ этого и слѣдовало ожидать, въ избіеніяхъ евреевъ принимаютъ дѣятельнѣйшее участіе агенты реакціи, во всеуслышаніе требующіе возстановленія стараго политическаго порядка. Это ли не движеніе вправо?

Мнѣ скажутъ, что это происходитъ внѣ всякой связи съ дѣятельностью какихъ бы то ни было элементовъ революціонной демократіи, которая сама осуждаетъ стихійныя выступленія народной массы. Однако, хотя революціонная демократія и осуждаетъ подобныя выступленія, невозможно отрицать, что они связаны съ дѣятельностью нѣкоторыхъ ея элементовъ.

Вотъ, напримѣръ, что происходило и, кажется, до сихъ поръ происходитъ въ Раненбургскомъ уѣздѣ Рязанской губ.

Тамъ какіе-то агитаторы стали внушать крестьянамъ:

« Необходимо немедленно захватить землю. Буржуазія захватила власть въ свои руки и прогнала Чернова. Захватывайте землю, пока не поздно! » [1])

Неизвѣстно, кто были агитаторы, пустившіе эти лозунги въ темную крестьянскую массу. Я согласенъ вѣрить, что они не принадлежали даже къ самому *р-р-революціонному*, максималистскому крылу партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Готовъ признать, что и къ партіи ленинцевъ они не имѣли прямого *отношенія. Но какъ вы думаете, читатель* : *почему* они сочли умѣстнымъ и полезнымъ волновать массу указаніемъ на отставку г. Чернова? Не потому ли, что въ распоряженіяхъ нашего недавняго « селянскаго министра » слышались имъ явственные намеки на необходимость немедленнаго захвата крестьянами помѣщичьихъ земель? Полагаю, что поэтому. А если — поэтому, то можно ли утверждать что въ нашей революціонной демократіи не существуетъ такихъ элементовъ, на которые, хотъ отчасти, падала бы отвѣтственность за безпорядки, происходящіе въ деревняхъ и заставляющіе вспоминать о временахъ Степана Разина и Емельяна Пугачева.

Далѣе. Что сказать о психологіи солдатъ, безчинствующихъ въ городахъ и порой облагающихъ населеніе настоящими военными контрибуціями? Тотъ жестоко ошибается, кто думаетъ, что ея наиболѣе печальныя черты возникли независимо отъ воздѣйствія на солдатъ извѣстныхъ элементовъ революціонной демократіи.

[1]) «Власть Народа», № 132. *Г. П.*

Вспомнимъ братаніе съ нѣмцами. Его проповѣдывали *ленинцы*, а ленинцамъ поддакивали, — по своему обыкновенію, не совсѣмъ рѣшительно, — *полуленинцы*. Наши солдаты жадно прислушивались къ проповѣди братанія и, какъ это всѣмъ извѣстно, усердно практиковали его. Но проповѣдь братанія есть въ то же самое время проповѣдь самаго жестокаго нарушенія военной дисциплины. А что такое армія, лишенная дисциплины? Я ужъ не разъ говорилъ и писалъ : это дикая развращенная орда. И всѣ мы знаемъ, что далеко не только проповѣдью братанія разрушали въ солдатскомъ сердцѣ чувство дисциплины извѣстные элементы нашихъ крайнихъ лѣвыхъ партій. Послѣ этого нельзя удивляться тому, что пьяные солдаты своими безчинствами наводятъ ужасъ на мирное населеніе нашихъ городовъ и успокаиваются только тогда, когда правительство противопоставляетъ ихъ насилію вооруженную силу. (Что случается, впрочемъ, далеко не часто).

Стыдно сказать, а грѣхъ — большой грѣхъ! — утаить : извѣстные элементы нашихъ крайнихъ лѣвыхъ партій, несомнѣнно, должны нести значительную долю отвѣтственности за то анархически-реакціонное движеніе, которое перебрасывается теперь, къ нашему стыду и горю, изъ одной мѣстности Россіи въ другую.

Эти элементы нанесли трудно поправимый вредъ революціонному дѣлу благодаря тому, что слишкомъ плохо уяснили себѣ незамѣнимыя условія его успѣха.

Когда совершилась наша революція, они заговорили о необходимости ея углубленія. Для углубленія революціи, какъ и всякаго другого общественнаго движенія, требуется наличность извѣстныхъ объективныхъ условій. Въ Россіи не было объективныхъ условій, нужныхъ для углубленія революціи въ смыслѣ замѣны капиталистическаго строя — соціалистическимъ. Съ этимъ иногда бывали вынуждены согласиться даже ленинцы. А полуленинцы очень рѣдко оспаривали это. Но, съ другой стороны, очень многіе революціонеры наши твердо держались того убѣжденія, что они измѣнили бы принципу борьбы классовъ, если бы хоть въ нѣкоторыхъ случаяхъ воздержались отъ борьбы съ буржуазіей. Буржуазія была существенно заинтересована въ установленіи у насъ правового порядка и потому не могла сочувствовать контръ-революціи. Но, чтобы оправдать свой отказъ отъ всякихъ соглашеній съ ней, наши крайнія лѣвыя партіи, чуть не съ самыхъ первыхъ дней переворота, стали третировать ее, какъ контръ-

революціонную силу. Къ этому присоединилось неправильное представленіе объ отвѣтственности за нынѣшнюю войну, которая, согласно циммервальдъ-кинтальской догмѣ, въ одинаковой мѣрѣ распространяется на буржуазію всѣхъ странъ, не исключая экономически отсталой Россіи. Вслѣдствіе этого даже полуленинцы, въ своемъ отношеніи къ буржуазіи, усвоили себѣ такую тактику, какъ будто бы они считали возможнымъ существованіе капиталистическаго общества безъ капиталистовъ. Это было нелогично. Но усвоенная ими нелогичная тактика по отношенію къ буржуазіи производила сильнѣйшее впечатлѣніе на широкую массу. А такъ какъ крайняя экономическая отсталость Россіи дѣлала эту широкую массу пока еще совершенно неспособной къ сознательному и организованному движенію въ сторону соціализма, то нашимъ « крайнимъ » агитаторамъ пришлось опираться на такіе стороны ея характера, которыя представляли собою печальное наслѣдіе печальныхъ вѣковъ темноты и рабства. Но, чѣмъ громче аппелировали они къ этимъ сторонамъ ея характера, тѣмъ болѣе предрасполагали они и къ тѣмъ стихійнымъ выступленіямъ, которыя, какъ сказано мною выше, явились варварской реакціей противъ реформъ Петра Великаго. Весьма естественно, что, въ результатѣ подобныхъ выступленій, начали раздаваться прямые призывы къ возстановленію стараго порядка. Тутъ все естественно. Тутъ все неизбѣжно. Тутъ все логически вытекаетъ одно изъ другого. Враги революціонной демократіи, видя ея серьезныя ошибки, готовы кричать теперь : « Долой ее, распни ее! »

Мы, сами принадлежащіе къ этой демократіи, конечно, не повторимъ этого реакціоннаго крика. Мы критикуемъ ошибки демократіи не затѣмъ, чтобы осуждать ее на распятіе. Мы воскликнемъ наоборотъ :

Да здравствуетъ революціонная демократія, но да откажется она отъ тѣхъ ошибокъ, которыя грозятъ окончательной гибелью, какъ ея собственному дѣлу, такъ и всей странѣ.

Намъ все еще хочется вѣрить, что она способна отказаться отъ тактики, которая роковымъ образомъ превращаетъ революціонную « лѣвизну » въ реакціонную « правизну ».

Первый парламентскій день

(«Единство», № 160 отъ 10-го октября 1917 г.)

Не знаю, что готовитъ намъ нынѣшнее засѣданіе предпарламента, но полагаю, что его первое субботнее засѣданіе не могло удовлетворить гражданъ, внимательно относящихся къ роковымъ вопросамъ переживаемаго нами бѣдственнаго времени.

Спикеромъ нашего « *Дома* », — который въ смыслѣ правовой своей основы, болѣе напоминаетъ, впрочемъ, сказочную избушку на курьихъ ножкахъ, — выбранъ былъ Н. Д. Авксентьевъ. Состоя однимъ изъ членовъ редакціи парижскаго « Призыва », онъ твердо держался точки зрѣнія, такъ называемаго на нашемъ варварскомъ политическомъ жаргонѣ, *оборончества*. Но, вернувшись въ Россію, Н. Д. Авксентьевъ съ головой ушелъ въ дипломатію партійныхъ кружковъ, вслѣдствіе чего полинялъ въ ужасающей степени. Поэтому выборъ его на постъ предсѣдателя вовсе не можетъ быть разсматриваемъ, какъ ручательство за *оборонческое* настроеніе избушки на курьихъ ножкахъ. Выборъ этотъ тѣмъ менѣе можетъ считаться такимъ ручательствомъ, что рѣчь, которую произнесъ Н. Д. Авксентьевъ, приступая къ исполненію своихъ обязанностей, свидѣтельствуетъ, наоборотъ, о сильномъ вліяніи на него *Циммервальдъ-Кинталя*.

Въ самомъ дѣлѣ, предсѣдатель Совѣта нашелъ нужнымъ распространиться въ своей рѣчи о стремленіи свободной Россіи къ миру. Будто тѣ люди, партіи или народы, которые, подвергшись разбойничьему нападенію, больше всего заботились о сохраненіи своего миролюбія, достигали этимъ чего-либо, кромѣ удесятеренныхъ пинковъ и толчковъ, униженій и заушеній! Чрезвычайно невыгодно для себя отличается языкъ Н. Д. Авксентьева отъ гордаго языка тѣхъ французскихъ революціонеровъ, которые рѣшительно заявили :

« Мы не вступаемъ въ мирные переговоры съ непріятелемъ, попирающимъ нашу землю ». Н. Д. Авксентьевъ, надѣюсь, и самъ чувствуетъ это. Но кружковая дипломатія требовала отъ него « осторожности ». А онъ прекрасно зналъ, что у насъ ничего не можетъ быть осторожнѣе, какъ говорить объ оборонѣ страны лишь

послѣ принесенія обильной словесной жертвы богу циммервальдъ-кинтальской войны за миръ.

Превосходно зналъ Н. Д. Авксентьевъ и то, что принесеніе словесныхъ жертвъ богу «войны за миръ» растлѣваетъ душу русскаго солдата и понижаетъ боеспособность нашей арміи. Безъ всякаго сомнѣнія онъ, «оборонецъ», не одинъ разъ глубоко огорчался такимъ пониженіемъ. Но что прикажете! Онъ не могъ не считаться съ требованіемъ кружковой дипломатіи. Кружковая дипломатія предписывала осторожность. И вотъ онъ довелъ свою осторожность до того, что заговорилъ языкомъ Циммервальдъ-Кинталя. Бѣдный спикеръ. Бѣдная избушка на курьихъ ножкахъ.

Что касается А. Ф. Керенскаго, то рѣчь, произнесенная имъ при открытіи предпарламента, напоминаетъ, какъ и всѣ его другія рѣчи, игру Сарры Бернаръ. Эта актриса обладала голосомъ, въ которомъ слышалась большая нервность и который, поэтому, довольно сильно волновалъ ея слушателей. Но, какъ совершенно справедливо замѣтилъ И. С. Тургеневъ, въ нервности голоса и состоялъ весь талантъ знаменитой Сарры, такъ какъ настоящей художественности не было въ ея игрѣ. То же и съ А. Ф. Керенскимъ. Въ его голосѣ порой слышатся ноты, бьющія по нервамъ его аудиторіи; въ его рѣчахъ иногда встрѣчаются фразы, волнующія тѣхъ, которые ихъ слышатъ. Но дальше нѣкотораго возбужденія и извѣстнаго гражданскаго волненія, я готовъ сказать: горѣнія — дѣло не идетъ, потому что въ рѣчахъ А. Ф. Керенскаго нѣтъ и признака всесторонне обдуманной и стройно изложенной политической программы. Фразы, волнующія его слушателей, представляютъ собою не болѣе, какъ алгебраическія формулы, приводящія къ цѣлому ряду неожиданностей всякій разъ, когда на мѣсто отвлеченныхъ знаковъ алгебры приходится подставлять опредѣленныя ариѳметическія величины.

Закрывая Московское Совѣщаніе, А. Ф. Керенскій послалъ проклятіе по адресу людей, заговаривающихъ теперь о мирѣ. Это сильно взволновало многихъ его слушателей. А потомъ, еще не износивъ тѣхъ башмаковъ, въ которыхъ онъ совершилъ свое путешествіе въ Москву, нашъ министръ-предсѣдатель подписалъ, а, можетъ быть, даже и составилъ декларацію обновленнаго правительства, громко возвѣстившаго о необходимости циммервальдъ-кинтальской «войны за миръ». Это сильно взволновало многихъ его слушателей. Но уже совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ

взволнованы были граждане, слышавшіе московское проклятіе несвоевременному и потому вредному миролюбію.

Въ только что указанномъ мною случаѣ А. Ф. Керенскій перешелъ, по выраженію Мольера, отъ бѣлаго къ черному и утромъ осудилъ мнѣніе, высказанное вечеромъ предыдущаго дня. Возможно-ли это? Очень возможно, потому что, какъ видно, онъ плохо разбирается въ своихъ отвлеченныхъ формулахъ.

Въ его рѣчахъ онѣ очень часто противорѣчатъ одна другой. Желаете доказательствъ? За ними не далеко ходить. Ими изобилуетъ, напримѣръ, хотя бы рѣчь, произнесенная А. Ф. Керенскимъ при открытіи избушки на курьихъ ножкахъ. Отмѣтивъ геройство балтійскихъ моряковъ, погибающихъ « въ борьбѣ съ десятикратно превышающимъ ихъ силы врагомъ », А. Ф. Керенскій замѣтилъ :

« Я не могу того-же сказать о сухопутныхъ войскахъ. Я не считаю себя вправѣ скрывать правду и никогда, и нигдѣ не скрывалъ ея. Я долженъ сказать здѣсь, что недостаточна та сила сопротивленія, которая могла-бы быть ».

Это такъ, Это всѣмъ намъ извѣстно. Однако, кто-же виноватъ въ томъ, что ослабѣла сила сопротивленія нашей арміи? Верховный главнокомандующій отвѣчаетъ на этотъ крайне важный вопросъ съ совершенно удовлетворительной ясностью :

« Отвѣтственность за это, — говоритъ онъ, — мы не можемъ возложить на тѣхъ, кто въ минуты великихъ испытаній забываетъ о родинѣ и думаетъ о себѣ. Великое невѣжество, доставшееся намъ отъ старой власти, и та безудержная, забывшая объ отвѣтственности передъ родиной агитація и пропаганда, которая идетъ въ средѣ самой темной массы арміи, — на нихъ лежитъ отвѣтственность за позоръ и несчастія, нами переживаемые ».

Нельзя ничего возразить противъ этого мѣста рѣчи А. Ф. Керенскаго. Дѣйствительно, именно тѣ люди, которые, позабывъ объ отвѣтственности передъ многострадальной родиной, начали вести указанную имъ пропаганду и агитацію, должны нести отвѣтственность за весь позоръ и за всѣ несчастія, пережитые нами. Но откуда-же заимствованы были этими людьми « лозунги », брошенные ими въ невѣжественную среду? Изъ Циммервальдъ-Кинталя. Это навѣрно знаетъ А. Ф. Керенскій, такъ какъ это знаютъ всѣ и каждый. Но если это такъ, то спрашивается :

Какимъ же образомъ могъ А. Ф. Керенскій, въ послѣдней декларації правительства, во всеуслышаніе заявить, что онъ,

со всѣми своими товарищами по новому министерству, переходитъ въ лагерь циммервальдъ-кинтальцевъ? Вѣдь онъ любитъ родину, не желаетъ пользоваться невѣжествомъ значительной части ея населенія и стремится отвратить отъ нея позоръ и несчастія? Единственно потому, что плохо онъ разбирается не только въ конкретныхъ явленіяхъ дѣйствительности, но даже и въ отвлеченныхъ формулахъ.

Верхомъ наивности надо признать то мѣсто рѣчи перваго министра, гдѣ онъ сообщилъ о надеждахъ, вызываемыхъ въ немъ отъѣздомъ заграницу делегаціи Временнаго Правительства.

« Мы увѣрены, — заявилъ онъ, — что въ ближайшемъ будущемъ отъѣзжающая заграницу делегація Временнаго Правительства, вмѣстѣ съ входящимъ въ нее представителемъ русской демократіи, [1]) достойно, ясно и опредѣленно установитъ наше положеніе въ настоящій тяжелый и рѣшающій моментъ войны ».

Непонятно, на чемъ основывается его отрадная увѣренность. Та часть революціонной демократіи, представитель которой входитъ въ составъ ѣдущей заграницу русской делегаціи, до сихъ поръ не имѣетъ ни малѣйшаго намѣренія разорвать съ Циммервальдъ-Кинталемъ. Это вполнѣ ясно видно изъ наказа, выработаннаго ею для своего представителя. А такъ какъ наши союзники, въ свою очередь, не обнаружили до сихъ поръ ни малѣйшаго желанія обратиться, — подобно А. Ф. Керенскому и его нынѣшнему министерству, — въ циммервальдъ-кинтальскую вѣру, то русская делегація, вмѣсто ясности и опредѣленности, привезетъ имъ съ собою много весьма непріятныхъ сюрпризовъ, если только ея циммервальдъ-кинтальскій спутникъ не рѣшится позабыть наказъ, составленный для него подъ предлогомъ защиты интересовъ « крайней демократіи ». И эти непріятные сюрпризы весьма невыгодно отразятся на международномъ положеніи Россіи, которая, благодаря пониженію боеспособности своей арміи и царствующей въ ней безпримѣрной экономической разрухѣ, безъ того уже играетъ весьма не достойную роль бѣдной родственницы въ кругу державъ согласія.

И тотъ же А. Ф. Керенскій, который такъ наивно радуется предстоящему путешествію русской делегаціи подъ знаменемъ циммервальдъ-кинтальскаго анархо-синдикализма, рѣшительно повторяетъ въ своей рѣчи :

[1]) М. И. Скобелевымъ.

« Главное и основное — необходимо возстановить въ полной мѣрѣ боеспособность русской арміи ».

Правильно! Необходимо возстановить. Но я, въ свою очередь, не менѣе рѣшительно повторяю, что невозможно возстановить боеспособность арміи, не прекративъ той циммервальдъ-кинтальской « войны за миръ », которая разрушила ее и проповѣдовать которую на западѣ ѣдетъ, съ благословенія А. Ф. Керенскаго, русская дипломатическая делегація.

Заключеніе рѣчи министра-предсѣдателя не разрѣшило содержащихся въ ней многочисленныхъ противорѣчій. Да этого, конечно, и нельзя было ожидать, потому что они не разрѣшимы. Но чѣмъ лучше видишь ихъ неразрѣшимость, тѣмъ болѣе тяжелое впечатлѣніе производитъ, какъ рѣчь А. Ф. Керенскаго, такъ и рѣчь сильно полинявшаго Н. Д. Авксентьева. Ни та, ни другая не заключаютъ въ себѣ сколько нибудь точнаго отвѣта на вопросъ: что дѣлать? А Россія болѣе, чѣмъ когда-либо, нуждается теперь въ совершенно точномъ отвѣтѣ на этотъ страшный вопросъ!

Если правительство не способно выработать программу дѣйствій; если оно, какъ маятникъ, качается между оборономъ страны и циммервальдъ-кинтальскими разглагольствованіями о « войнѣ за миръ », то общественное мнѣніе должно властно призвать его на правильный путь.

Вѣдь на обязанности всѣхъ здравомыслящихъ гражданъ, не заинтересованныхъ въ возстановленіи стараго порядка, лежитъ священная забота о томъ, чтобы наши консулы не причинили Республикѣ ущерба...

Минимальная программа германскаго имперіализма

(«Единство», №№ 163 и 164 отъ 13 и 14-го октября 1917 г.)

Статья первая

Съ разныхъ сторонъ меня спрашиваютъ, почему я до сихъ поръ не высказался о наказѣ, выработанномъ Центральнымъ Исп. Ком. С. Р. и С. Д. для М. И. Скобелева, который ѣдетъ на союзную конференцію въ качествѣ представителя революціонной русской демократіи. На это были нѣкоторыя второстепенныя при-

чины, « независящія отъ редакціи ». Но, признаюсь, главная причина состояла въ томъ, что мнѣ тяжело было высказать всю правду о документѣ, дѣлающемъ слишкомъ мало чести политической проницательности своихъ авторовъ.

Правда, точка зрѣнія авторовъ этого документа очень далеко отстоитъ отъ моей. Я, вмѣстѣ со всѣми членами организаціи « Единства », стою на точкѣ зрѣнія *соціалъ-демократіи* и строго придерживаюсь преданій *стараго* Интернаціонала, по прямой линіи идущихъ отъ Маркса. Что же касается авторовъ наказа, то, какъ я разъяснялъ это уже много разъ, они обѣими ногами стоятъ на почвѣ *анархо-синдикализма* и въ своей международной политикѣ слѣдуютъ тактикѣ *новаго*, — « *третьяго* », — Интернаціонала, обязаннаго своимъ возникновеніемъ, главнымъ образомъ, Роберту Гримму, Радеку и Анжеликѣ Балабановой. Такимъ образомъ, между мною и авторами наказа лежитъ цѣлая пропасть. Если я борюсь съ ними и съ ихъ единомышленниками теперь, то въ этомъ нѣтъ ровно ничего удивительнаго : я велъ энергичную борьбу съ анархо-синдикалистами уже со времени первыхъ выступленій моихъ въ рядахъ участниковъ Международнаго Товарищества Рабочихъ.

Тѣмъ не менѣе, я не могу не видѣть, что за авторами наказа и за ихъ единомышленниками идетъ значительная часть русскаго пролетаріата. Поскольку они имѣютъ опору въ нашей пролетарской средѣ, постольку ихъ приходится разсматривать, какъ представителей, — хотя бы и мало сознательныхъ, отсталыхъ, — революціонной демократіи. И когда эта демократія дѣлаетъ, въ ихъ лицѣ, вопіющія политическія ошибки, мнѣ иногда очень трудно бываетъ взяться за перо для ихъ разоблаченія. Положимъ, въ этихъ ошибкахъ слѣдуетъ винить не демократію вообще, а только демократовъ, подчинившихся вліянію циммервальдъ-кинтальскаго *анархо-синдикализма*. Но вѣдь широкая публика плохо разбирается въ этомъ. Для нея что ни попъ, то батька. И всякая ошибка, совершенная дѣйствующими въ нашей демократической средѣ анархо-синдикалистами, простодушно относится ею на счетъ демократическаго соціализма. Легко ли выступать съ критикой, которая всегда можетъ подать поводъ къ новымъ и новымъ недоразумѣніямъ этого рода?

Однако, легко или не легко, а выступать все-таки надо. Ошибки, совершаемыя нашими анархо-синдикалистами во имя

революціонной демократіи, принадлежатъ къ числу тѣхъ, о которыхъ грѣшно молчать, хотя стыдно говорить. Я нахожу, что лучше превозмочь стыдъ, чѣмъ совершить грѣхъ. Поэтому я, послѣ нѣкотораго невольнаго колебанія, все-же приступаю къ оцѣнкѣ наказа. Не моя вина въ томъ, что оцѣнка эта выйдетъ далеко не сочувственной.

На счетъ моего отношенія къ наказу читатель достаточно предупрежденъ самымъ названіемъ предлагаемой статьи: *Минимальная программа германскаго имперіализма*. Въ этихъ четырехъ словахъ содержится, по моему мнѣнію, краткая, но точная характеристика подлежащаго разбору документа.

Въ самомъ дѣлѣ, заключающіяся въ наказѣ условія мира таковы, что если бы германскій имперіализмъ вынужденъ былъ принять ихъ, то мы все-таки не имѣли бы повода считать его побѣжденнымъ. Напротивъ, мы должны были бы сказать, что ему все-таки удалось обезпечить за собою весьма существенныя выгоды.

Авторы наказа, конечно, вполнѣ искренне считаютъ себя непримиримыми врагами имперіалистической политики. Но, несмотря на ихъ искренность, логика Циммервальдъ-Кинталя превращаетъ ихъ въ болѣе или менѣе рѣшительныхъ, хотя и безсознательныхъ сторонниковъ этой политики, *поскольку она практикуется Австріей и Германіей*.

Вотъ доказательство. Въ первой статьѣ наказа говорится, что нѣмецкія войска должны быть выведены изъ занятыхъ ими областей Россіи. Это правильно. Но непосредственно за этимъ идетъ нѣчто, не совсѣмъ правильное.

« Россія, — читаемъ мы, — предоставляетъ полное самоопредѣленіе Польшѣ, Литвѣ и Латвіи ».

Съ этимъ необходимо согласиться. Народы должны получить право на самоопредѣленіе. Но всѣ знаютъ, что въ составъ Пруссіи тоже входитъ мѣстность, населенная литовцами. Получитъ ли эта мѣстность « полное самоопредѣленіе? » Повидимому — нѣтъ : она не получитъ не только « *полнаго* », но и *никакого* самоопредѣленія. По крайней мѣрѣ, авторы наказа ни однимъ словомъ не упоминаютъ о ней. Что это : незнаніе географіи, забывчивость или же какое-то странное пристрастіе къ Пруссіи?

А какъ быть съ герцогствомъ Познанскимъ? О немъ наказъ тоже не проронилъ ни одного слова. А между тѣмъ, вѣдь не Россія же (о которой говорится въ наказѣ) могла бы предоставить ему

«полное самоопредѣленіе»! Тутъ нужно обращаться къ Пруссіи. Но авторамъ наказа почему-то не хочется обращаться къ ней.

Почему же именно? Можетъ быть, потому, что на нихъ убѣдительно подѣйствовала недавняя рѣчь Шейдемана, рѣшительно отвергшаго всякую мысль объ освобожденіи той части Польши, которая попала въ когти прусскаго орла. А, можетъ быть, и по какой-нибудь другой причинѣ, я не знаю. Мнѣ извѣстно только то, что авторы наказа не сочли нужнымъ упомянуть о прусской Польшѣ. И мнѣ начинаетъ казаться, что пресловутая циммервальдъ-кинтальская формула мира «безъ аннексій и безъ контрибуцій, на основѣ самоопредѣленія народовъ» захромала на одну ногу.

Шестая статья наказа гласитъ, что спорныя области на Балканскомъ полуостровѣ получатъ «временную автономію съ послѣдующимъ плебисцитомъ». Это значитъ, что, пройдя чистилище временной автономіи, названныя области, по своему свободному выбору, примкнутъ къ тому или другому балканскому государству. Это хорошо.

Противъ этого не станетъ возражать тотъ, кто признаетъ право народовъ на самоопредѣленіе. Но вотъ изъ статьи пятой того же документа мы узнаемъ, что Сербія и Черногорія будутъ возстановлены, а Боснія и Герцоговина получатъ автономію. Какую? «Временную»? Должно быть, нѣтъ, потому, что дальше ничего не говорится о «послѣдующемъ плебисцитѣ». Выходитъ, что если бы Боснія и Герцоговина пожелали, въ свою очередь, примкнуть къ тому или другому изъ балканскихъ государствъ, то авторы наказа не стали бы считаться съ ихъ желаніемъ. По какой причинѣ? Опять не знаю. Однако вижу, что и въ этомъ мѣстѣ наказа циммервальдъ-кинтальская формула мира хромаетъ со стороны права народовъ на самоопредѣленіе.

А что будетъ со славянскими народами, населяющими двуединую имперію? Получатъ ли они право на «полное самоопредѣленіе» или хотя бы только на автономію? Объ этомъ хранятъ гробовое молчаніе авторы наказа, въ качествѣ циммервальдъ-кинтальцевъ считающіе право народовъ на самоопредѣленіе однимъ изъ двухъ членовъ своего символа вѣры. Гдѣ искать мудрость Эдипа, способнаго разгадать загадку ихъ непостижимаго молчанія?

Это еще не все. « Германскія колоніи, — декретируетъ наказъ, — возвращаются обратно ». Такимъ образомъ, туземцы этихъ колоній лишаются не только права на « полное самоопредѣленіе », но даже и на автономію. Здѣсь вдохновляющая авторовъ наказа циммервальдъ-кинтальская формула мира хромаетъ такъ сильно, что хочется предложить ей костыль.

Да и костыль врядъ ли поможетъ дѣлу. Останется нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, какъ поступить съ туземцами германскихъ колоній, если они не захотятъ «возвратиться обратно ». Не послать ли для ихъ усмиренія международную армію, составивъ ее изъ анархо-синдикалистовъ циммервальдъ-кинтальскаго толка?

Авторы наказа позабыли рѣшенія Международныхъ Соціалистическихъ Конгрессовъ на счетъ колоній; они позабыли, что туземцы тоже люди, хотя имѣютъ болѣе или менѣе темную кожу. Они позабыли обо всемъ, кромѣ интересовъ германскаго имперіализма. Странно, очень странно.

Но и это не все. Четвертая статья наказа, требуя возстановленія Бельгіи въ прежнихъ границахъ, прибавляетъ : « возмѣщеніе убытковъ должно быть произведено изъ международнаго фонда ».

Этотъ фондъ, очевидно, долженъ быть образованъ взносами воевавшихъ между собою сторонъ. Такъ какъ Бельгія тоже была втянута въ войну, то нашъ бельгійскій товарищъ Дестрэ, находящійся теперь въ Петроградѣ, обратившись къ авторамъ наказа съ открытымъ письмомъ, спросилъ ихъ : неужели его страна тоже должна будетъ сдѣлать взносъ для покрытія соотвѣтствующей части убытковъ, ей же причиненныхъ нѣмцами. Они успокоительно отвѣтили ему, что нѣтъ. Но если Бельгія избавляется отъ взноса, то Франція, очевидно, не будетъ избавлена отъ него. Но за что же станетъ платить Франція? За то, что, желая пройти на французскую территорію съ той стороны, съ которой всякое нападеніе запрещалось международнымъ правомъ, Германія раззорила нейтральную Бельгію. Опять очень странно! Имперскій канцлеръ Бетманъ-Гольвегъ показалъ себя менѣе пристрастнымъ, заявивъ въ засѣданіи 4 августа (н. с.), что Германія заплатитъ всѣ убытки, причиненные ею Бельгіи.

Прибавимъ, что наказъ требуетъ нейтрализаціи всѣхъ проливовъ, открывающихъ доступъ ко внутреннимъ морямъ, а также каналовъ Суэцкаго и Панамскаго. Послѣ этого подведемъ итогъ

тѣмъ выгодамъ, которыя получили бы центральныя державы, если бы приняты были разсмотрѣнныя нами условія мира.

1) Къ Германіи съ ея колоніями совершенно не былъ бы примѣненъ принципъ самоопредѣленія народовъ.

2) Къ Австро-Венгріи онъ былъ бы примѣненъ лишь въ самой незначительной степени (автономія Босніи и Герцоговины).

3) Наоборотъ, его во всей полнотѣ приложили бы къ русской Польшѣ, Литвѣ и Латвіи. Въ военномъ смыслѣ это означало бы, — точнѣе будетъ означать, если названныя мѣстности не вступятъ въ тѣснѣйшій союзъ съ Россіей, — относительное ослабленіе русскаго государства и относительное усиленіе центральныхъ державъ.

4) Германія получила бы ту свободу морей, которой она такъ усердно добивается, чтобы облегчить осуществленіе своихъ имперіалистическихъ цѣлей.

5) Такъ какъ Турція ничего не утратила бы отъ своихъ владѣній (кромѣ развѣ Арменіи), и такъ какъ она несомнѣнно осталась бы въ той вассальной зависимости отъ Германіи, въ какую она попала во время войны; то почти цѣликомъ выполненъ былъ бы знаменитый планъ, выраженный формулой: «*Берлинъ — Багдадъ*».

Какъ видите, германскій имперіализмъ не будетъ имѣть повода очень горько жаловаться на судьбу, если приняты будутъ условія мира, выработанныя нашими противниками имперіализма.

Но тутъ еще не конецъ. Въ слѣдующей статьѣ мы увидимъ, что, кромѣ перечисленныхъ здѣсь выгодъ, наказъ обезпечиваетъ германскому имперіализму чрезвычайно важныя преимущества въ области международнаго экономическаго обмѣна.

Статья вторая

Въ моей вчерашней статьѣ находятся строки, на основаніи которыхъ люди недобросовѣстные или неумные скажутъ, пожалуй, что я отвергаю принципъ свободы морей. Но люди умные и добросовѣстные безъ труда увидятъ, что это вздоръ. На самомъ дѣлѣ, я писалъ въ своей статьѣ не противъ свободы морей, а противъ той изумительной суммы условій мира, однимъ изъ слагаемыхъ которой является требованіе нейтрализаціи Панамскаго и

Суэцкаго каналовъ. Я замѣтилъ вчера и потворяю сегодня, что, если бъ осуществились выработанныя Центральнымъ Исполнительнымъ Комитетомъ условія мира, то это послужило бы новымъ толчкомъ для развитія германскаго имперіализма. Что касается, въ частности, нейтрализаціи Суэцкаго и Панамскаго каналовъ, то германскіе имперіалисты могутъ только поблагодарить Центр. Исп. Комитетъ за ея требованіе. Когда они говорятъ о свободѣ морей, они всегда подразумѣваютъ, меджу прочимъ, и эту нейтрализацію. И я спрашивалъ авторовъ наказа : почему, возставая противъ имперіализма, они разсуждаютъ такъ, какъ будто бы имъ хотѣлось служить ему? Странность эта объясняется, по моему мнѣнію, тѣмъ, что циммервальдъ-кинтальскій утопизмъ вноситъ страшную путаницу въ головы своихъ послѣдователей. Циммервальдъ-кинтальцы напоминаютъ миѳическихъ пошехонцевъ, заблудившихся въ трехъ соснахъ. Только они блуждаютъ не между тремя деревьями, а между двумя формулами мира : 1) миръ безъ аннексій и контрибуцій; 2) миръ на основѣ самоопредѣленія народовъ. Отчаявшись въ возможности привести къ соглашенію эти формулы, которыя дѣйствительно не согласимы одна съ другой, — они рѣшаются принести вторую въ жертву — первой. Вслѣдствіе этого они позволяютъ себѣ говорить о правѣ народовъ на самоопредѣленіе и о разныхъ свободахъ только тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о Россіи, да развѣ еще отчасти о балканскихъ народахъ. Тамъ же, гдѣ поднимается вопросъ о центральныхъ державахъ, они предоставляютъ этимъ послѣднимъ нарушать это право, сколько ихъ душенькамъ угодно. Оттого-то условія мира, выработанныя Центр. Исп. Комитетомъ, имѣютъ такой видъ, какъ будто бы при ихъ обсужденіи онъ заботился только о томъ, чтобы не задержать дальнѣйшихъ успѣховъ австро-германскаго имперіализма, а, слѣдовательно, и милитаризма.

Свобода морей — прекрасная вещь. Но когда о ней говорятъ нѣмецкіе имперіалисты, — а они говорятъ о ней съ самаго начала нынѣшняго вооруженнаго столкновенія, — тогда обязанность международнаго сознательнаго пролетаріата заключается въ томъ, чтобы крикнуть всѣмъ цивилизованнымъ націямъ : « Берегите свое имущество, свою независимость, свою жизнь! » А когда требованія нѣмецкихъ имперіалистовъ, безъ оговорокъ, заносятся въ якобы соціалистическую программу мира, тогда приходится признать, что авторы этой программы еще далеко-далеко

не доросли до сколько-нибудь осмысленной и плодотворной борьбы съ имперіализмомъ.

Нейтрализація тоже весьма недурная вещь. Но вѣдь Бельгія была нейтральной страной, когда полчища германскаго императора бросились черезъ нее на Францію. Германія цинично насмѣялась надъ тѣмъ дипломатическимъ актомъ, которымъ обезпечивался бельгійскій нейтралитетъ. Гдѣ искать ручательства за то, что она съ меньшимъ цинизмомъ будетъ относиться къ нейтрализаціи проливовъ и каналовъ, предлагаемой теперь авторами наказа? Его можно искать только въ одномъ направленіи : направленіи такихъ мѣръ, совокупность которыхъ сокрушила бы силу германскаго имперіализма. А пока такія мѣры не приняты, пока германскій имперіализмъ сохраняетъ всю свою силу, до тѣхъ поръ толковать о « свободѣ морей » значитъ вести пропаганду въ его пользу. Къ сожалѣнію, это и дѣлаютъ, — хотя и невольно, — авторы наказа.

Кстати. Почему, говоря о нейтрализаціи каналовъ, они позабыли о Кильскомъ каналѣ, открывающемъ входъ въ одно изъ внутреннихъ морей (Балтійское)? Вѣдь не потому же, что онъ находится не въ рукахъ Англіи и Америки, а въ рукахъ Германіи?

Взглянемъ теперь на экономическую сторону выработанной Центр. Исп. Ком. программы мира.

Тринадцатая статья наказа говоритъ : « Торговые договоры не являются составной частью условій мира. Каждая страна автономна въ своей торговой политикѣ ; въ договорѣ о мирѣ ей не можетъ быть навязано обязательство заключить тотъ или иной договоръ или не заключать его ».

Это похвально. Если данной странѣ можетъ быть навязано обязательство заключить тотъ или иной договоръ или не заключать его, то ясно, что она не имѣетъ права свободно располагать собою или, иначе сказать, права на самоопредѣленіе. Но такъ какъ « торговые договоры не являются составной частью условій мира », то не совсѣмъ понятно, почему же заговорили о нихъ авторы наказа. Чтобы разрѣшить наше недоумѣніе, станемъ читать дальше.

« Однако, — продолжаетъ наказъ, — всѣ государства должны мирнымъ договоромъ обязаться не вести экономической блокады послѣ войны, не заключать сепаратныхъ таможенныхъ союзовъ

и предоставлять право наиболѣе благопріятствуемой націи всѣмъ государствамъ безъ различія ». Теперь понятно, почему авторы коснулись торговыхъ договоровъ, хотя они « не являются составной частью условій мира ». Именно затѣмъ, чтобы сдѣлать ихъ составною частью этихъ условій и тѣмъ самымъ отнять у народовъ только что признанное за ними право экономическаго самоопредѣленія.

Данный народъ, заключая торговый договоръ съ другимъ народомъ, дѣлаетъ извѣстныя уступки въ его пользу. Какъ только договоръ заключенъ, другія государства « безъ различія » объявляютъ ему, что на основаніи великодушнаго рѣшенія Центр. Исп. Ком. они имѣютъ право на тѣ-же самыя уступки (право наиболѣе благопріятствуемой націи). Но, если другимъ государствамъ « безъ различія » обязательно предоставляется по отношенію къ данному народу право наиболѣе благопріятствуемой націи, то это именно и значитъ, что ему навязывается « заключить съ ними тотъ или другой договоръ ». Другими словами, у него отнимается обѣщанная ему автономія въ области торговой политики.

Мнѣ возразятъ, что такъ какъ автономіи этой лишаются *всѣ народы* « безъ различія », то ни одинъ изъ нихъ въ отдѣльности не потерпитъ отъ этого никакого ущерба. Но это — изъ рукъ вонъ плохое возраженіе.

Во-первыхъ, все-таки остается непонятнымъ, зачѣмъ-же наши авторы обѣщали то, что они собирались отнять въ той же статьѣ наказа (экономическую автономію народовъ).

Во-вторыхъ, — и это, конечно, самое главное, — ни откуда не слѣдуетъ, что пріобрѣтеніе « всѣми государствами безъ различія » права наиболѣе благопріятствуемой націи принесетъ всѣмъ имъ одинаковыя экономическія выгоды. Напротивъ, совершенно очевидно, что равенство экономическихъ выгодъ представляетъ собою здѣсь чистѣйшую фантазію, если не гнилой софизмъ.

Возьмемъ Россію и Германію. Чтобы вести войну, которую объявила ей та-же Германія, Россія вынуждена совершать иностранные займы, — много займовъ. Ея вынужденныя займы могутъ, — если могутъ, — быть заключаемы на болѣе или менѣе обременительныхъ для нея условіяхъ. Предположимъ, что, ища денегъ и, естественно, желая получить ихъ на условіяхъ не очень тяжелыхъ, она вступаетъ съ государствомъ-заимодавцемъ въ торговый договоръ, обезпечивающій за нимъ извѣстныя пре-

имущества по части ввоза его промышленныхъ произведеній. Но вотъ заключается миръ на условіяхъ, выработанныхъ нашими циммервальдъ-кинтальцами, и такія же преимущества получаетъ, въ силу статьи 13 разсматриваемаго наказа, та самая Германія, которая, своимъ разбойнымъ нападеніемъ на Россію, заставила ее войти въ огромные, почти неоплатные долги. Я не стану доказывать, что это несправедливо : циммервальдъ-кинтальскіе любомудры давно уже объявили справедливость буржуазнымъ предразсудкомъ. Я загляну на дѣло съ чисто экономической точки зрѣнія и скажу одно : если бы наше Временное Правительство показало себя расположеннымъ принять тринадцатую статью наказа, то намъ или совсѣмъ перестали бы давать деньги взаймы, или давали бы ихъ на условіяхъ, несравненно болѣе обременительныхъ, чѣмъ прежде. Этимъ была бы очень ослаблена сила нашего военнаго сопротивленія непріятелю. Кому это было бы выгодно? Германіи. Кому это было бы убыточно? Россіи.

Какъ же не сообразили этого авторы наказа? Не знаю. Можетъ быть они, вообще, плохо соображаютъ. А можетъ быть ихъ продолжали сбивать съ толку циммервальдъ-кинтальскія догмы, въ которыхъ заблудились эти новѣйшіе пошехонцы.

Еще въ началѣ нынѣшней войны « товарищъ » Зюдекумъ, разсуждая объ ея цѣляхъ, замѣтилъ, что Германіи нѣтъ надобности настаивать на территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ (« миръ безъ аннексій »), такъ какъ она можетъ вознаградить себя торговыми догозорами (миръ, сопровождаемый уплатой замаскированной контрибуціи). Циммервальдъ-кинтальцы осуждали Зюдекума и его единомышленниковъ, какъ имперіалистовъ. Въ этомъ они были правы. Но авторы наказа, отнюдь не отрекшіеся отъ циммервальдъ-кинтальскаго вѣроисповѣданія, сами стали разсуждать теперь такъ, какъ будто бы они перешли на точку зрѣнія Зюдекума. Они сочинили минимальную программу германскаго имперіализма. Позволяю себѣ думать, что они могли бы употребить свое время и свой трудъ съ гораздо большей славой для себя и съ гораздо большей пользой для своей страны.

Но, если-бъ я и ошибся въ этомъ своемъ предположеніи, несомнѣнно то, что Россія никакъ не можетъ одобрить изложенныя въ наказѣ условія мира. Съ какой стати будетъ она жертвовать своими существенными и вполнѣ правомѣрными политическими и экономическими интересами ради выгодъ своей хищной сосѣдки?

Чужія заботы убиваютъ осла

(«Единство», № 166 отъ 17-го октября 1917 г.)

Я вижу, что вы удивлены, читатель : Какой оселъ? Какія заботы ? И что это за тема для передовой статьи?

Я согласенъ, что это довольно странная тема. Поэтому спѣшу объясниться.

Въ заглавіи статьи мною поставлена испанская пословица, которая, можетъ быть, и теперь не позабыта, а, во всякомъ случаѣ, была употребительна во времена Сервантеса.

Въ XIII главѣ второй части « Донъ Кихота » мнимый оруженосецъ мнимаго рыцаря Лѣса, иначе — рыцаря Зеркалъ, говоритъ Санчо-Пансѣ:

« Въ мірѣ нѣтъ большаго безумца, чѣмъ мой господинъ, потому что онъ изъ тѣхъ, о которыхъ говорятъ : « чужія заботы убиваютъ осла », такъ какъ, чтобы вернуть разсудокъ другому рыцарю, потерявшему его, онъ самъ его теряетъ ». Эти строки отчасти объясняютъ смыслъ приведенной мною пословицы : осла убиваетъ не то, что его черезъ-чуръ заботливо опекаютъ другіе, а то, что самъ онъ слишкомъ усердно заботится о чужихъ дѣлахъ. Однако, я признаю, что это объясненіе не мѣшаетъ пословицѣ сохранить извѣстный оттѣнокъ загадочности. Если намъ извѣстно, какія заботы убиваютъ осла, то все таки остается непонятнымъ, откуда взяли испанцы, что уословъ есть сильная — и даже излишняя для нихъ самихъ — смертельная склонность безпокоиться о чужихъ дѣлахъ. Нынѣшніе ослы, какъ въ Испаніи, такъ и во всѣхъ остальныхъ странахъ, подобной склонности не обнаруживаютъ. А такъ какъ Сервантесъ ручается намъ за существованіе пословицы, то остается предположить, что нѣкогда испанскіе ослы стояли на болѣе высокой степени нравственнаго развитія, чѣмъ теперь.

Допуская справедливость этого предположенія, мы должны пожалѣть о нравственномъ паденіи испанской ослиной породы. Заботливость о чужихъ интересахъ вызываетъ въ насъ нѣкоторое невольное уваженіе къ ней даже тогда, когда, впадая въ крайность, она становится неразумной.

Пока испанскіе ослы своимъ излишнимъ альтруизмомъ вредили только самимъ себѣ, они были достойны не *осужденія*, а развѣ *сожалѣнія*. Иное дѣло если бы ихъ излишняя заботливость убивала не ихъ самихъ, а тѣхъ, о которыхъ они заботились. Въ этомъ случаѣ пришлось бы сказать, что какъ ни дорога при нуждѣ услуга, но за нее не всякъ умѣетъ взяться, и что порой услужливость бываетъ опаснѣе вражды.

Насколько мнѣ извѣстно, не сохранилось никакихъ, заслуживающихъ довѣрія, извѣстій о томъ, чтобъ испанскіе ослы отличались услужливостью этого послѣдняго рода. Но не подлежитъ сомнѣнію, что она подчасъ свойственна какъ изображаемымъ въ басняхъ медвѣдямъ, такъ и людямъ.

Вотъ, напримѣръ, нѣкоторые «россійскіе» публицисты до того простираютъ свою заботливость о судьбахъ нашей страны, а особенно нашей революціи, что безъ устали твердятъ намъ: мы не хотимъ военнаго разгрома Германіи.

Не подумайте, что я, описавшись поставилъ *Германію* вмѣсто *Россіи*. Нѣтъ, я написалъ какъ разъ то, что мнѣ слѣдовало написать. Интересующіе меня здѣсь «россійскіе» публицисты опасаются именно за судьбу Германской Имперіи.

Еще на дняхъ одинъ изъ нихъ упрекнулъ меня въ проповѣди ея разгрома и, возведя очи къ небу, воскликнулъ: благодарю тебя, Господи, за то, что ты создалъ меня непохожимъ на имперіалиста Плеханова.

Замѣтьте, какъ это логично! *Имперіалисты*, это тѣ, которые желаютъ *пораженія войскъ германскаго императора. А противники имперіализма, это тѣ, — которые боятся ихъ пораженія.* И при какихъ обстоятельствахъ высказывается такая боязнь? Она высказывается тогда, когда нѣмцы, захвативъ едва-ли не четвертую часть территоріи Европейской Россіи, угрожаютъ нашей столицѣ, и когда рѣчь идетъ буквально о томъ, не суждено-ли нашей родинѣ погибнуть въ неравной борьбѣ. Это поистинѣ изумительно!

Конечно можно сказать, что дѣло объясняется тутъ очень просто: публицисты, статьи которыхъ пропитаны совсѣмъ неумѣстными теперь опасеніями за будущность Германіи, подкуплены нѣмцами. Такъ и говорятъ теперь довольно часто. Но подобное объясненіе не выдерживаетъ критики. Конечно, вездѣ могутъ найтись продажные люди, какъ повсюду могутъ проникнуть шпіоны и провокаторы. Тѣмъ не менѣе, было бы въ высшей сте-

пени ошибочно видѣть во всѣхъ логическихъ и политическихъ ошибкахъ революціонныхъ дѣятелей провокаторское или шпіонское вліяніе. Чаще всего революціонеры ошибаются не потому, что подчиняются этому вліянію, а потому, что не умѣютъ правильно опредѣлить свои задачи и намѣтить пути, ведущіе къ ихъ практическому рѣшенію. То же самое и здѣсь.

«Россійскіе» публицисты, такъ несвоевременно боящіеся гибели Германіи, въ огромнѣйшемъ большинствѣ своемъ, навѣрно, честные и неподкупные люди. Они не желаютъ зла Россіи, когда уговариваютъ ее пощадить Германію. Напротивъ, они по-своему желаютъ ей добра. Вѣдь, по ихъ искреннему мнѣнію, ни для одной страны не можетъ быть болѣе завидной участи, какъ переходъ на точку зрѣнія «третьяго Интернаціонала», поставившаго, вопреки традиціямъ — *перваго* и второго, *оборонительныя* войны на одну доску съ *завоевательными*. Они, какъ умѣютъ, заботятся о Россіи. Но логическая сила мышленія страшно отстаетъ у нихъ отъ доброты побужденій. Ихъ заботливость своимъ неразумѣемъ очень похожа на ту, которая свойственна была испанскимъ осламъ добраго стараго времени. Она тоже убиваетъ. Но ея дѣйствіе убійственно для ея объектовъ, а не для ея субъектовъ. А такъ какъ въ разсматриваемомъ нами случаѣ ея объектомъ (предметомъ) является наша родина, мы, конечно, не можемъ отнестись къ ней иначе, какъ съ самымъ рѣшительнымъ отрицаніемъ.

Публицисты, зараженные заботливостью этого рода, это — именно тѣ благонамѣренные неудачники, услужливость которыхъ опаснѣе вражды. Но я вѣрю въ ихъ искренность и не сомнѣваюсь въ ихъ добрыхъ намѣреніяхъ, поэтому я позволю себѣ дать имъ хорошій совѣтъ.

Если хотятъ они воспитывать въ сердцѣ своемъ неразумную заботливость, то пусть лучше вернутся къ тому ея, не столь вредному, виду, о которомъ говоритъ пословица, приведенная оруженосцемъ рыцаря Лѣса и поставленная мною въ заглавіи статьи.

Смѣлый плѣнникъ

(«Единство», № 167 отъ 18-го октября 1917 г.)

М. И. Терещенко имѣлъ, какъ говорятъ французы, дурную прессу. Его выступленіе въ Совѣтѣ Республики никого не удовлетворило и вызвало насмѣшки. Петроградскій органъ партіи народной свободы сравнилъ его рѣчь съ «танцемъ между яйцами съ завязанными глазами».

Это зло. Но, по моему, въ такомъ отношеніи къ ней очень много несправедливаго. Разсуждая объ этой рѣчи, необходимо имѣть въ виду положеніе нашего правительства, отъ лица котораго говорилъ министръ иностранныхъ дѣлъ. Правительство уже давно (съ конца апрѣля) находится подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ Циммервальдъ-Кинталя. А со времени послѣдняго обновленія своего состава оно сдѣлалось плѣнникомъ его въ полномъ смыслѣ слова и формально обѣщало въ своей декларации держаться циммервальдъ-кинтальской международной политики. Всякому понятно, что пребываніе въ плѣну тоже обязываетъ. Но объ этомъ то и забываютъ публицисты, слишкомъ строго относящіеся къ первому парламентскому выступленію М. И. Терещенко.

Принимая во вниманіе затруднительное положеніе плѣнника, въ которое попалъ нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ вмѣстѣ съ другими членами «Правительства Спасенія Революціи», надо признать, что онъ обнаружилъ не малую смѣлость.

Въ самомъ дѣлѣ, видя себя вынужденнымъ «скакать, якъ панъ каже», правительство торжественно возвѣстило urbi et orbi (городу и міру), что въ международной политикѣ оно будетъ держаться циммервальдъ-кинтальскихъ формулъ. Въ доказательство искренности своего намѣренія оно сослалось на то обстоятельство, что въ составъ русской делегаціи, ѣдущей на конференцію союзниковъ, войдетъ представитель революціонной демократіи. Сказано-сдѣлано. Представитель выбранъ: его товарищи написали для него наказъ. При данныхъ обстоятельствахъ естественно было думать, что правительство станетъ только радоваться и на самого делегата, и на наказъ, для него составленный. А вышло не то. Министръ иностранныхъ дѣлъ далъ понять Совѣту Республики, что наказъ далеко не удовлетворилъ его, — т. е.,

значить, и другихъ министровъ, и что въ своихъ заявленіяхъ на конференціи союзниковъ русская делегація этимъ наказомъ руководствоваться не можетъ. Чего же вамъ больше?

Правда, въ своей рѣчи М. И. Терещенко говорилъ о наказѣ тѣмъ тономъ, который покойный А. П. Чеховъ называлъ *тономъ почтительной кислоты*. Онъ даже нашелъ нужнымъ «привѣтствовать» въ немъ «первую попытку къ конкретизаціи формулъ мира». Но за привѣтствіемъ у него послѣдовала такая критика, какой право же трудно было ожидать въ виду того, что онъ,вмѣстѣ со всѣмъ правительствомъ, до сихъ поръ находится въ циммервальдъ-кинтальскомъ плѣненіи.

Подумайте только! Циммервальдъ-кинтальскій плѣнникъ рѣшился сказать, что въ наказѣ «много неудачнаго (т. е., очевидно, вреднаго. — *Г. П.*) для интересовъ Россіи». Чтобы обосновать этотъ свой отзывъ,—*кислый*, но уже совсѣмъ *не почтительный*, — онъ сослался на несогласимость *интересовъ* русскаго государства съ предоставленіемъ Латвіи и Литвѣ права полнаго самоопредѣленія. Я нахожу, что указаніе это не обладаетъ той убѣдительностью, какую приписываетъ ему М. И. Терещенко. Конечно, полная независимость Латвіи, лишивъ Россію незамерзающей гавани на Балтійскомъ морѣ, вернула бы ее къ до-петровскимъ временамъ.

Я уже говорилъ въ «Единствѣ», что именно къ этимъ временамъ отбросила бы наше государство утрата имъ балтійскихъ провинцій. И, разумѣется, министръ иностранныхъ дѣлъ обязанъ былъ поставить на видъ Совѣту Республики опасность, намъ угрожающую. Но вѣдь еще неизвѣстно, захотятъ ли латыши использовать свое право на полное самоопредѣленіе въ смыслѣ государственнаго разрыва съ Россіей. Есть всѣ основанія сомнѣваться въ этомъ. М. И. Терещенко былъ бы болѣе правъ, если бы обратилъ вниманіе своихъ слушателей на то, совершенно неоспоримое, обстоятельство, что принципъ самоопредѣленія, о которомъ такъ хорошо помнятъ авторы наказа тамъ, гдѣ рѣчь касается народовъ, входящихъ въ составъ *русскаго государства*, забывается ими тотчасъ же, когда они заговариваютъ о *германской имперіи*.

Но для этого требовалась такая смѣлость, какой неразумно было бы добиваться отъ члена правительства, плѣненнаго Циммервальдъ-Кинталемъ...

Удовольствуемся тѣмъ, что было сказано имъ объ Австро-Венгріи.

Весьма недурно говорилъ онъ и объ *экономическихъ интересахъ нашей страны*, о которыхъ не счелъ нужнымъ даже и мимоходомъ упомянуть наказъ, изготовленный для М. И. Скобелева. Совершенно ясно, что и съ этой, — въ высшей степени важной, — стороны М. И. Терещенко не одобряетъ наказа. Вѣроятно, экономическій вопросъ еще разъ поднимется во время преній по поводу рѣчи М. И. Терещенко. Тогда я подробнѣе остановлюсь на немъ. А теперь, подводя итогъ сказанному мною выше, я повторю, что *нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ произнесъ самую смѣлую изо всѣхъ рѣчей, какую только могъ произнести человѣкъ, находящійся въ его чрезвычайно затруднительномъ положеніи.*

Телеграмма профессора Масарика

(«Единство», № 168 отъ 28-го октября 1917 г.)

Предсѣдатель Чешско-Словацкаго Національнаго Совѣта, извѣстный проф. Масарикъ, обратился къ Центральному Исполнительному Комитету Совѣтовъ Р. и С. Депутатовъ съ обширной телеграммой по поводу пресловутаго наказа М. И. Скобелеву. Его телеграмма была третьяго дня напечатана во многихъ петроградскихъ газетахъ и, между прочимъ, въ нашемъ « Единствѣ ».

Профессоръ Масарикъ разбираетъ наказъ, беря за точку исхода принципъ самоопредѣленія народовъ. Онъ говоритъ, что принципъ этотъ совсѣмъ непослѣдовательно проводится въ наказѣ. По его замѣчанію, наказъ « устанавливаетъ автономію Добруджи (четверть милліона турокъ), но умалчиваетъ о чехахъ и словакахъ въ количествѣ десяти милліоновъ! Народъ Гуса и Каменскаго, народъ не менѣе культурный, чѣмъ его притѣснители, забытъ! Забыты австрійскіе румыны (свыше трехъ милліоновъ), и юго-славяне (почти шесть милліоновъ!) въ то время, какъ Боснія и Герцеговина, часть юго-славянскаго народа, выдѣлена изъ своего народа ».

Замѣчаніе это, какъ нельзя болѣе, правильно. Въ первой изъ своихъ статей — « Минимальная программа германскаго импе-

ріализма » — я уже обращалъ вниманіе читателя на то, что авторы наказа забываютъ о правѣ самоопредѣленія тамъ, гдѣ заходитъ рѣчь о Германіи и объ Австріи. Въ томъ же упрекнулъ ихъ, — правда, совсѣмъ не такъ рѣзко, — М. И. Терещенко въ рѣчи, произнесенной имъ передъ Временнымъ Совѣтомъ Республики. Но какъ ни справедливъ этотъ упрекъ самъ по себѣ, необходимо помнить, дѣлая его, что онъ не способенъ произвести сколько-нибудь сильное впечатлѣніе на авторовъ наказа и вообще на всѣхъ тѣхъ, которые раздѣляютъ ихъ образъ мыслей.

Сторонники этого образа мыслей долго и настойчиво повторяютъ на всѣ лады, что они стремятся къ миру « *безъ аннексій и безъ контрибуцій, на основѣ самоопредѣленія народовъ* ». Но при внимательномъ отношеніи къ ихъ проповѣди легко было бы убѣдиться, что до самоопредѣленія народовъ имъ, въ сущности, нѣтъ никакого дѣла. Да и невозможно согласить самоопредѣленіе съ требованіемъ мира безъ аннексій. Кто серьезно хочетъ добиться признанія за всѣми народами права на самоопредѣленіе, тотъ не можетъ не видѣть, что, воплощая въ жизнь это право, необходимо прибѣгнуть къ « аннексіямъ » въ пользу тѣхъ или иныхъ государствъ. А такъ какъ единомышленники авторовъ наказа всегда очень рѣшительно отвергали аннексіи, то ясно было, что право народовъ на самоопредѣленіе нужно имъ, собственно, только для красоты слога. Теперь они думаютъ, что ихъ слогъ уже не нуждается въ такомъ украшеніи.

И вотъ они самымъ безцеремоннымъ образомъ отвергаютъ названное право въ своихъ разсужденіяхъ объ условіяхъ мира.

Мы можемъ уличить ихъ въ противорѣчіи; мы можемъ осмѣять ихъ. Но мы не можемъ переубѣдить ихъ именно потому, что вопросъ о *взаимныхъ отношеніяхъ народовъ* совсѣмъ ихъ не интересуетъ. Для нихъ важенъ только вопросъ о *взаимномъ отношеніи классовъ, какъ онъ представляется съ ихъ утопической точки зрѣнія*. Чуждые всякаго пониманія конкретныхъ условій историческаго процесса, они даже не подозрѣваютъ, что тотъ или иной складъ международныхъ отношеній имѣетъ колоссальное вліяніе на ходъ классовой борьбы внутри капиталистическаго общества.

Марксъ очень хорошо выяснилъ это на примѣрѣ взаимныхъ отношеній между Англіей и Ирландіей. Но въ томъ-то и бѣда, что взгляды авторовъ наказа не имѣютъ ровно ничего общаго со взгля-

дами основателя научнаго соціализма. Если бы Марксъ *инкогнито* появился между ними, онъ былъ бы немедленно обвиненъ въ имперіализмѣ, въ склонности къ контръ-революціи, въ измѣнѣ Интернаціоналу, въ «соглашательствѣ съ буржуазіей» и во всѣхъ остальныхъ смертныхъ грѣхахъ.

Французы очень хорошо говорятъ: самые глухіе изо всѣхъ глухихъ это — тѣ, которые не хотятъ слышать. Авторы наказа не хотятъ слышать о самоопредѣленіи народовъ... *въ примѣненіи къ центральнымъ державамъ.*

Теперь уже не можетъ быть никакого сомнѣнія на этотъ счетъ. Вотъ почему я съ увѣренностью говорю, что напрасно и обращался къ нимъ проф. Масарикъ.

Но, конечно, его телеграмма, въ которой онъ такъ искренно и такъ убѣдительно защищалъ свое дѣло, не останется безъ вліянія на русское общественное мнѣніе. Я увѣренъ, что мнѣніе это, въ концѣ концовъ, окажется сильнѣе мнѣнія засѣдающихъ въ Центр. Исполн. Комитетѣ утопистовъ циммервальдъ-кинтальскаго толка. И съ этой стороны я охотно признаю, что уважаемый предсѣдатель Чешско-Словацкаго Національнаго Совѣта совсѣмъ не напрасно далъ себѣ трудъ составленія и опубликованія своей телеграммы.

P. S. Статья эта была уже написана, когда мы получили «Докладную записку» Чешско-Словацкаго Національнаго Совѣта. Въ слѣдующемъ номерѣ «Единства» мы постараемся удѣлить больше мѣста этой «запискѣ». Пока же отмѣтимъ, что ея авторы, — въ полное подтвержденіе того, что нами сказано выше, — не могутъ скрыть чувства смущенія, вызваннаго въ ихъ душахъ наказомъ М. И. Скобелева.

«Наше смущеніе, — пишутъ они, — вызвано прежде всего тѣмъ обстоятельствомъ, что наказъ русской демократіи, не упоминая о правахъ на самоопредѣленіе подъяремныхъ народовъ Габсбургской монархіи, какъ будто бы является молчаливымъ одобреніемъ той системы національнаго и классоваго насилія, на которой зиждется современный австро-венгерскій дуализмъ».

Къ сожалѣнію, это именно такъ. И Чешско-Словацкій Совѣтъ совершенно правъ, сближая отношеніе наказа къ самоопредѣленію національностей, находящихся подъ гнетомъ Австро-Венгерской монархіи, съ тѣмъ отношеніемъ къ этому вопросу, которое проявилъ въ своей нотѣ представитель средневѣковья, римскій папа.

Нашъ грѣхъ, нашъ великій грѣхъ!

(«Единство», № 169 отъ 21-го октября 1917 г.)

Двадцатаго мая (по новому стилю) 1915 года Италія объявила войну Австро-Венгріи. Это пришлось очень кстати для Россіи, войска которой, оставшіяся безъ снарядовъ, благодаря частью преступной небрежности, а частью злой волѣ царскаго правительства, уже начали тогда свое вынужденное отступленіе изъ Галиціи, ознаменовавшееся многими подвигами истиннаго мужества. Разумѣется, въ глазахъ людей, презирающихъ самую мысль о защитѣ отечества, серьезная поддержка, оказанная намъ Италіей весною 1915 года, не имѣла ровно никакого положительнаго значенія. Но такъ какъ мы отнюдь не принадлежали къ числу людей этого рода, то мы сохранили благодарное воспоминаніе о рѣшеніи, которое принято было Италіей весною 1915 г. и которое отвлекло на итальянскій фронтъ часть непріятельскихъ силъ, наступавшихъ на русскую землю. И теперь, когда положеніе Италіи сдѣлалось весьма затруднительнымъ, передъ нами встаетъ вопросъ: *нѣтъ-ли тутъ нашей вины?* Другими словами: *было-ли сдѣлано нами все то, что мы обязаны были сдѣлать для поддержки нашихъ союзниковъ вообще и для поддержки Италіи въ частности?*

Извѣстно, что итальянскій посланникъ, гражданинъ Карлотти, посѣтилъ А. Ф. Керенскаго. Съ какою цѣлью? Вѣроятно, у него возникъ тотъ же самый вопросъ, и онъ захотѣлъ рѣшить его въ бесѣдѣ съ главою нашего правительства. Позволительно также думать, что склоняясь къ отрицательному рѣшенію этого вопроса, онъ нашелъ нужнымъ поставить А. Ф. Керенскому на видъ тѣ, крайне выгодныя для центральныхъ державъ и крайне вредныя для странъ Согласія, послѣдствія, которыя повлечетъ за собою дальнѣйшее бездѣйствіе русской арміи.

Предполагая, что именно объ этомъ бесѣдовалъ итальянскій посланникъ съ нашимъ Верховнымъ Главнокомандующимъ, нельзя не согласиться, что ему очень легко было подтвердить свои слова какъ нельзя болѣе вѣскими соображеніями.

На самомъ дѣлѣ, германскіе архистратеги, распоряжающіеся всѣми военными средствами центральныхъ державъ, сосредоточили на итальянскомъ фронтѣ огромную массу войска. По нѣкоторымъ

извѣстіямъ, число переброшенныхъ туда штыковъ и сабель простирается до милліона. Можетъ быть, тутъ есть извѣстное преувеличеніе. Но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что австро-германцы повели свое наступленіе съ огромными силами. Генералиссимусъ Кадорна не могъ оказать имъ успѣшное сопротивленіе и вынужденъ былъ отступить. Австро-германцы понесли весьма серьезныя потери. Но весьма серьезныя потери выпали также и на долю итальянцевъ. Нѣмцы увѣряютъ, что въ ихъ руки попало до 800 итальянскихъ орудій. Но въ это число они включаютъ бомбометы, минометы и тому подобныя вспомогательныя приспособленія, которыя не считаются артиллерійскими орудіями въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Но все-таки неоспоримо, что итальянцы лишились немаловажной части своей артиллеріи. Это плохо. Но съ такой утратой сравнительно легко помириться. Гораздо хуже то, что австро-германское наступленіе отняло у итальянцевъ почти всѣ плоды усилій, дѣлавшихся ими въ теченіе двухъ лѣтъ и пяти мѣсяцевъ. А еще печальнѣе тѣ перспективы, которыя откроются передъ итальянскимъ народомъ въ томъ случаѣ, если остановившееся теперь австро-германское наступленіе возобновится съ новымъ успѣхомъ. Тогда въ руки непріятеля можетъ попасть *Венеціанская* область и часть Ломбардіи. Овладѣвъ Миланомъ, австро-германская армія явится серьезной угрозой для всей средней Италіи. Словомъ, центральныя державы окажутся очень близки къ тому, чтобы раздавить еще одно союзное съ нами государство.

Англія и Франція прекрасно понимаютъ страшное значеніе этихъ перспективъ и, насколько извѣстно, дѣлаютъ все, отъ нихъ зависящее, чтобы облегчить послѣдствія пережитой Италіей военной неудачи. Къ величайшему сожалѣнію, этого нельзя сказать о Россіи. Она пока еще ничего не сдѣлала, чтобы помочь той своей союзницѣ, которая такъ кстати пришла къ ней на помощь въ 1915 г. Разумѣется, мы можемъ быть увѣрены, что при свиданіи своемъ съ г. Карлотти А. Ф. Керенскій наговорилъ ему множество прекрасныхъ словъ: прекрасныя слова — его спеціальность. Но если изъ словъ можно, по выраженію Мефистофеля, строить цѣлыя системы, то они совсѣмъ ничего не стоютъ, какъ средство борьбы съ сильнымъ, безпощаднымъ и до послѣдней степени искуснымъ непріятелемъ. И конечно, прекрасныя слова нашего Верховнаго Главнокомандующаго ни на минуту не ввели въ пріятное

заблужденіе г. Карлотти: онъ хорошо знаетъ, что его странѣ словами не поможешь...

Откуда взяли германскіе архистратеги тѣ многочисленныя дивизіи, съ помощью которыхъ они нанесли пораженіе Италіи? Можетъ быть, съ французскаго фронта? Нелѣпое предположеніе! Англо-французскія войска такъ энергично и такъ успѣшно наступаютъ теперь на этомъ фронтѣ, что нѣмцы никакъ не могли позволить себѣ роскошь удаленія оттуда сколько-нибудь внушительной части своихъ силъ. Но за то, они имѣли возможность безъ малѣйшаго риска для себя почти совершенно обнажить тотъ свой фронтъ, который смотритъ въ сторону Россіи. Наша армія обнаруживаетъ такую малую боеспособность, что непріятелю нѣтъ надобности считаться съ нею! И онъ дѣйствительно не считается!

Пораженіе, только что испытанное Италіей, это — нашъ грѣхъ, нашъ великій грѣхъ! Это грѣхъ Россіи и, — что обиднѣе всего, — это, главнымъ образомъ, грѣхъ революціонной Россіи. Чтобы выразиться точнѣе, надо сказать, что отвѣтственность за австро-германскіе успѣхи на итальянскомъ фронтѣ падаетъ на тѣхъ дѣтей революціонной Россіи, которые, усвоивъ себѣ циммервальдъ-кинтальское понятіе « войны за миръ », съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, опустошали душу русскаго солдата, парализуя боевую мощь его. И не слѣдуетъ думать, что такая отвѣтственность, останется чисто нравственной отвѣтственностью. Нѣтъ, если бы центральнымъ державамъ удалось раздавить Италію, то уже ничто не помѣшало бы имъ покончить съ Россіей. И тогда, что сталось бы съ нашей революціей, въ ложно понятомъ интересѣ которой циммервальдъ-кинтальцы вели свою, разлагавшую армію, проповѣдь « войны за миръ »? [1])

Пораженіе, только что испытанное Италіей, нашъ грѣхъ, нашъ великій грѣхъ! И, можетъ быть, намъ суждено поплатиться за него всею своею будущностью. Чтобы хоть отчасти искупить этотъ грѣхъ, необходимо прежде всего поднять боеспособность нашей арміи, не останавливаясь даже передъ самымъ рѣшительнымъ изо всѣхъ средствъ, которыя потребуются для достиженія цѣли. Но чего ждать въ этомъ отношеніи, — какъ и во всѣхъ другихъ, — отъ правительства, не умѣющаго, да и не желающаго заниматься ничѣмъ, кромѣ « словесности »?

[1]) Во избѣжаніе недоразумѣній замѣчу, что ленинцы въ такой же мѣрѣ принадлежатъ къ лагерю циммервальдъ-кинтальцевъ, какъ и полуленинцы.

Согласно телеграфнымъ извѣстіямъ, страшная опасность, какъ черная туча нависшая надъ Италіей, вызвала взаимное сближеніе всѣхъ политическихъ партій этой страны. Повидимому, даже такъ называемые итальянскіе соціалисты признали себя обязанными защищать свою родину. Трудно было надѣяться на исправленіе такихъ закоренѣлыхъ и такихъ узкихъ доктринеровъ, какими показывали себя до сихъ поръ члены офиціальной партіи итальянскаго соціализма, — особенно, ея лѣваго крыла. Но успѣхи австро-германскихъ войскъ, какъ будто, сдѣлали то, что представлялось почти совершенно невозможнымъ.

Лучше поздно выступить на путь истины, чѣмъ никогда не приближаться къ нему. Однако, если итальянскіе офиціальные соціалисты въ самомъ дѣлѣ отреклись отъ своего прежняго анархосиндикалистическаго пониманія международной политики пролетаріата, если они дѣйствительно прониклись искреннимъ опасеніемъ за дальнѣйшую судьбу родины, то передъ ними долженъ былъ встать тотъ самый вопросъ, какой встаетъ передъ каждымъ изъ насъ.

Кто виноватъ въ томъ, что Италія потерпѣла такое сильное пораженіе?

И на этотъ вопросъ они должны были отвѣтить себѣ точно такъ же, какъ отвѣчаемъ мы :

Виноваты въ этомъ тѣ, которые своей пропагандой циммервальдъ-кинтальскихъ идей въ такой ужасающей степени ослабили боеспособность русской арміи.

А если они дали себѣ этотъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, логически неизбѣжный отвѣтъ, то они не могли не пожалѣть о той живой и шумной радости, съ какой они всегда привѣтствовали въ своихъ рѣчахъ и въ своихъ статьяхъ успѣхи русскихъ циммервальдъ-кинтальцевъ.

И, — кто знаетъ? Можетъ быть, подъ вліяніемъ этого сожалѣнія, они говорятъ себѣ теперь, подобно тому, какъ говоримъ мы :

Нашъ грѣхъ, нашъ великій грѣхъ!

Наказанная смѣлость

(«Единство», № 170 отъ 22-го октября 1917 г.)

Въ статьѣ «Смѣлый плѣнникъ», я, дѣлая оцѣнку выступленія М. И. Терещенко въ Совѣтѣ Республики, замѣтилъ, что онъ произнесъ наиболѣе смѣлую изо всѣхъ рѣчей, какія только могъ произнести министръ иностранныхъ дѣлъ, находящійся, — вмѣстѣ со всѣмъ правительствомъ, въ составъ котораго онъ входитъ, — въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи циммервальдъ-кинтальскаго плѣнника.

Теперь какъ будто оказывается, что М. И. Терещенко понесетъ наказаніе за свою смѣлость.

Если вѣрить нѣкоторымъ органамъ, М. И. Скобелевъ пожаловался на него А. Ф. Керенскому, заявивъ, что представители «революціонной демократіи» не признаютъ возможнымъ участвовать въ парижской конференціи вмѣстѣ съ нынѣшнимъ нашимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Тѣ же органы прибавляютъ, что, выслушавъ М. И. Скобелева, нашъ Верховный Главноуговаривающій немедленно принялся уговаривать М. И. Терещенко, поставивъ ему на видъ, что по мнѣнію его, Главноуговаривающаго, а также и большинства членовъ Временнаго Правительства, ультимативное заявленіе бывшаго министра труда непремѣнно должно быть принято во вниманіе. Стали искать «равнодѣйствующую», найти которую было, — по отзыву, приписываемому А. Ф. Керенскому, — *весьма затруднительно*. Но какихъ затрудненій не преодолѣютъ разумъ и добрая воля? Дружныя усилія Главноуговаривающаго и его товарищей по министерству привели къ открытію искомаго средства разрѣшить опасное столкновеніе. Рѣшено, что въ началѣ будущей недѣли М. И. Терещенко произнесетъ передъ Совѣтомъ новую рѣчь, которая, очевидно, должна дать удовлетвореніе М. И. Скобелеву и его единомышленникамъ.

Хорошо все то, что хорошо кончается. Но, если правильно приведенное мною извѣстіе, то, по человѣчеству, я не могу не пожалѣть М. И. Терещенко. Не легко играть роль, выпавшую ему на долю. Какъ школьникъ, не знавшій урока, онъ долженъ «*отвѣчать*» во второй разъ. Бѣдный, бѣдный!

Нельзя и не пожалѣть Главноуговаривающаго. Вынужденный вести борьбу съ *ленинцами*, сей хитроумный Улиссъ хочетъ привлечь къ себѣ *полуленинцевъ*. Въ угоду имъ онъ и нашелъ нужнымъ поставить министра иностранныхъ дѣлъ на смѣшное повтореніе урока. Но полуленинцы — очень плохіе союзники въ борьбѣ съ *ленинцами*. Они, сами того не замѣчая, очень усердно и какъ нельзя болѣе успѣшно, *работаютъ для торжества своихъ противниковъ*. Къ большому вреду для всей Россіи, Главноубѣждающій убѣдится въ этомъ, *когда будетъ поздно*. Конечно, надо сказать и то : у него слишкомъ мало мужества и политической проницательности, чтобы держаться другой политики. Но неужели же ему трудно понять, что, дѣлая смѣшнымъ М. И. Терещенко, онъ самъ становится *еще того смѣшнѣе?*

Не божественная комедія

(«Единство», № 171 отъ 25-го октября 1917 г.)

Въ ней всего три очень короткихъ дѣйствія. Но, не смотря на всю исключительную краткость и на полное отсутствіе въ ней элемента божественнаго, комедія производитъ потрясающее впечатлѣніе.

Главнымъ лицомъ является въ ней « Правительство Спасенія Революціи ». Всѣ усилія этого лица направляются, однако, не къ спасенію революціи, а, наоборотъ, къ выгораживанію одного изъ тѣхъ, которые губятъ ее, губя Россію.

Въ первомъ дѣйствіи Правительство опровергаетъ напечатанное В. Бурцевымъ сообщеніе о томъ, что въ засѣданіи комиссіи по оборонѣ военный министръ ген. Верховскій предложилъ заключить миръ съ центральными державами *тайно отъ союзниковъ*. Правительственное опроверженіе подкрѣпляется слѣдующимъ сообщеніемъ предсѣдателя комиссіи по иностраннымъ дѣламъ Скобелева (извѣстно, что нашъ многосторонній Матвѣй Ивановичъ пошелъ теперь по дипломатической части) и предсѣдателя комиссіи по оборонѣ гражд. Знаменскаго.

« Въ № 23 газеты « Общее Дѣло » въ замѣткѣ за подписью В. Л. Бурцева сообщается, что « въ засѣданіи комиссіи по оборонѣ

въ Совѣтѣ Республики военный министръ генералъ Верховскій предложилъ заключить миръ съ нѣмцами тайно отъ союзниковъ ».

« Считаемъ необходимымъ заявить, что ни въ комиссіи по оборонѣ, ни въ соединенномъ засѣданіи комиссій по иностраннымъ дѣламъ и по оборонѣ ген. Верховскій такого предложенія не дѣлалъ ».

Само собою разумѣется, что сообщеніе это претендуетъ на полную достовѣрность.

Во второмъ дѣйствіи комедіи выступаютъ на сцену комментаріи, очевидно, исходящіе изъ высшихъ сферъ и имѣющіе цѣлью успокоить общественное мнѣніе. Самая замѣчательная черта комментаріевъ состоитъ въ томъ, что они побѣдоносно опровергаютъ опроверженіе, составляющее предметъ перваго дѣйствія. Правда, эта же черта свойственна была всѣмъ опроверженіямъ, съ которыми выступало правительство Николая II-го. Но никогда она не имѣла въ нихъ той выпуклости, какую получила въ опроверженіи В. Л. Бурцева, сдѣланномъ правительствомъ А. Ф. Керенскаго.

Вотъ, напримѣръ, мы узнаемъ изъ комментаріевъ, что мнѣніе выраженное ген. Верховскимъ, было его личнымъ мнѣніемъ, что онъ не былъ уполномоченъ выражать его отъ имени Временнаго Правительства. Это весьма утѣшительно. Но изъ этого слѣдуетъ нѣчто не столь утѣшительное. Оказывается, что « мнѣніе » это все таки было выражено. Конечно, весь вопросъ тутъ въ томъ, какой характеръ оно имѣло. Комментаріи отвѣчаютъ, какъ намъ извѣстно, что это было *личное мнѣніе*. Но личныя мнѣнія бываютъ разныхъ родовъ : и совсѣмъ невинныя и такія, отъ которыхъ приходится открещиваться. Правительство поспѣшило откреститься отъ « личнаго мнѣнія » военнаго министра. Это даетъ полное основаніе думать, что мнѣніе это вовсе не имѣло невиннаго характера. А если это такъ, то у насъ невольно возникаетъ склонность думать, что В. Л. Бурцевъ погрѣшилъ только тѣмъ, что сказалъ въ своемъ органѣ правду.

Дальше мы узнаемъ, что Правительство не могло отнестись равнодушно къ формѣ выступленія ген. Верховскаго и что по поводу названнаго выступленія состоялось особое правительственное совѣщаніе. Тутъ, какъ будто, выходитъ, что военный министръ высказалъ мнѣніе правильное по своему существу и только придалъ ему неподходящую форму. Но если мнѣніе г. Верховскаго было неправильнымъ только со стороны формы, то стоило ли

открещиваться отъ него, указывая на то, что оно является личнымъ мнѣніемъ? И стоило ли искать обстоятельствъ, смягчающихъ вину генерала? Кто ищетъ смягчающихъ обстоятельствъ, тотъ признаетъ, что вина находится на лицо. А вѣдь комментаріи, очевидно, исходящіе изъ правительственныхъ сферъ, совершенно недвусмысленно говорятъ объ одномъ изъ такихъ обстоятельствъ, ссылаясь на « нѣсколько болѣзненное состояніе генерала Верховскаго ». Мы, пожалуй, такъ и запишемъ : военный министръ виноватъ, но заслуживаетъ снисхожденія, будучи нездоровъ. Къ сожалѣнію, комментаріи умалчиваютъ, какая именно болѣзнь смягчаетъ генеральскую вину. Судя по обстоятельствамъ дѣла, можно догадываться, что она принадлежитъ къ разряду психическихъ. Такая догадка объясняетъ и нѣкоторыя предыдущія рѣчи г. Верховскаго. Но, какъ-бы тамъ ни было, ясно, что провинился не В. Л. Бурцевъ, котораго правительство опровергаетъ, а г. Верховскій, котораго правительство взяло подъ свою защиту.

Наконецъ, комментаріи доводятъ до нашего свѣдѣнія, что по причинѣ своей болѣзни военный министръ уволенъ въ отставку и врядъ-ли вернется когда-нибудь къ исполненію своей прежней обязанности. Статья эта была уже написана, когда я прочелъ въ вечернихъ газетахъ, что г. Верховскій уволенъ въ отпускъ « съ освобожденіемъ отъ обязанностей военнаго министра и члена Временнаго Правительства ». Временнымъ управляющимъ военнымъ министерствомъ назначенъ товарищъ военнаго министра, генералъ Маниковскій. Общее же руководство военнымъ вѣдомствомъ возлагается на всеобъемлющаго А. Ф. Керенскаго. Этого нельзя не одобрить. Больному надо лечиться. Но, скажите, читатель, положа руку на сердце : неужели, въ виду всего изложеннаго, вы думаете, что г. Верховскій въ самомъ дѣлѣ не говорилъ того, въ чемъ былъ онъ обвиненъ В. Л. Бурцевымъ? Я думаю, что — говорилъ.

Комментаріи, очевидно, исходящіе изъ « высшихъ сферъ », убѣждаютъ меня въ полной основательности сдѣланнаго редакторомъ « Общаго Дѣла » разоблаченія.

Въ третьемъ дѣйствіи небожественной комедіи правдолюбивое правительство А. Ф. Керенскаго старается завязать В. Л. Бурцеву ротъ, посредствомъ запрещенія его газеты и наложенія секвестра на типографію. Совсѣмъ, какъ во времена «Божьей милостью» царей : какъ-бы ни провинились передъ отечествомъ наши мини-

стры, никто не могъ возвысить противъ нихъ голосъ! Главноуговаривающій должно быть рѣшилъ, что пора, наконецъ, дать Россіи ту твердую власть, въ которой она такъ нуждается, но при этомъ онъ, повидимому, запамятовалъ, что существуютъ разные виды твердости и что они « разнствуютъ во славѣ ». Обновленная революціей Россія не легко помирится съ такой твердой властью, которая по старому обычаю приноситъ интересы отечества въ жертву интересамъ бюрократіи.

Правительство запретило, а потомъ вновь подтвердило « воспрещеніе печатать свѣдѣнія о закрытомъ засѣданіи комиссіи по оборонѣ и выступленіи генерала Верховскаго ». Оно разрѣшило « только сообщенія за подписью Знаменскаго и Скобелева ».

Я понимаю это. Однако, второе дѣйствіе не божественной комедіи не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что любовь къ истинѣ, живущая въ сердцахъ Знаменскаго и Скобелева имѣетъ лишь условную цѣнность. Поэтому, пока В. Л. Бурцевъ не найдетъ другого болѣе удобнаго для него средства продолжать свою публицистическую дѣятельность, я предлагаю ему пользоваться газетой « Единство » для разоблаченій, какъ по дѣлу генерала Верховскаго, такъ и по всякому дѣлу, связанному съ жизненными интересами нашего отечества и нашей революціи.

Въ заключеніе позволю себѣ напомнить читателямъ, что я уже не разъ заканчивалъ свои статьи словами :

Смотрите, граждане, чтобы наши консулы не причинили Республикѣ ущерба. *Теперь мы переживаемъ такую минуту, когда всякій гражданинъ долженъ съ удесятереннымъ вниманіемъ слѣдить за дѣятельностью нашихъ консуловъ. Правительство идетъ по ложному и крайне опасному для Россіи пути.*

P.S. Моя статья «*Не божественная Комедія*» должна была появиться въ номерѣ отъ 24 октября. Номеръ этотъ не вышелъ по независящимъ отъ редакціи причинамъ.

Вчера А. Ф. Керенскій произнесъ въ Совѣтѣ Республики рѣчь, въ которой пытался оправдать позицію, занятую Временнымъ Правительствомъ по отношенію къ г. Верховскому.

Завтра я покажу, какъ неудачна была эта его попытка.

Открытое письмо къ петроградскимъ рабочимъ

(«Единство», № 173 отъ 28-го октября 1917 г.)

Товарищи!

Не подлежитъ сомнѣнію, что многіе изъ васъ рады тѣмъ событіямъ, благодаря которымъ пало коалиціонное правительство А. Ф. Керенскаго и политическая власть перешла въ руки Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Скажу вамъ прямо : меня эти событія огорчаютъ.

Не потому огорчаютъ, чтобы я не хотѣлъ торжества рабочаго класса, а наоборотъ, потому, что призываю его всѣми силами своей души.

Въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ нѣкоторые агитаторы и публицисты изображали меня чуть-ли не контръ-революціонеромъ. Во всякомъ случаѣ, они охотно распространялись на ту тему, что я готовъ перейти или уже перешелъ на сторону буржуазіи. Но эти агитаторы и публицисты, — по крайней мѣрѣ, тѣ между ними, которые не страдали неизлѣчимымъ простодушіемъ, — конечно, сами не вѣрили тому, что распространялось ими на мой счетъ. Да и нельзя было этому вѣрить.

Кому извѣстна была исторія моей политической дѣятельности, тотъ знаетъ, что уже съ начала восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, — со времени основанія группы «Освобожденія Труда», — въ ея основѣ лежала одна политическая мысль : мысль объ историческомъ призваніи пролетаріата, вообще, и русскаго пролетаріата, въ частности.

« Революціонное движеніе въ Россіи восторжествуетъ, какъ движеніе рабочаго класса или совсѣмъ не восторжествуетъ », сказалъ я въ рѣчи о русскомъ положеніи, произнесенной мною на Парижскомъ Международномъ Соціалистическомъ Съѣздѣ 1889 г., — этомъ первомъ Съѣздѣ 2-го Интернаціонала.

Эти мои слова недовѣрчиво встрѣчены были огромнымъ большинствомъ участниковъ Съѣзда. Россія представлялась имъ такой безнадежно отсталой страною, что они должны были принять и дѣйствительно приняли за несбыточную утопію мое мнѣніе о великомъ историческомъ призваніи русскаго пролетаріата въ области нашей внутренней политики. Только мой другъ Жюль

Гэдъ, зять Маркса, Шарль Лонгэ, да еще старый дѣятель германской соціалъ-демократіи Вильгельмъ Либкнехтъ, иначе отнеслись къ мысли, мною высказанной. Они нашли, что мысль эта проливаетъ новый свѣтъ на дальнѣйшій ходъ русскаго общественнаго развитія и соотвѣтствующаго ему освободительнаго движенія.

Что же касается нашей революціонной интеллигенціи того времени, то въ ея средѣ моя парижская рѣчь вызвала значительное неудовольствіе. Вѣра въ промышленный пролетаріатъ считалась тогда у насъ вредной ересью. Интеллигенція насквозь пропитана была старозавѣтными народническими понятіями, согласно которымъ промышленный *рабочій не могъ* претендовать ни на какую самостоятельную историческую роль. Въ лучшемъ случаѣ онъ способенъ былъ, по убѣжденію тогдашнихъ народниковъ, поддержать революціонное движеніе крестьянства. И это убѣжденіе такъ сильно укоренилось въ интеллигенціи, что всякое отклоненіе отъ него считалось почти измѣной революціонному дѣлу.

Въ первой половинѣ девяностыхъ годовъ «*легальные*» народники печатно называли насъ, «*нелегальныхъ*» проповѣдниковъ идеи рабочаго сословія (какъ выразился бы Лассаль), *кабатчиками*, а одинъ изъ нихъ выразилъ ту отрадную увѣренность, что ни одинъ уважающій себя журналъ не позволитъ себѣ напечатать на своихъ страницахъ изложеніе нашихъ взглядовъ.

Въ продолженіе цѣлой четверти вѣка мы стойко выносили самыя ожесточенныя нападки и преслѣдованія. Мы обладали той «благородной упрямкой», на которую съ гордостью указывалъ нѣкогда Ломоносовъ, какъ на одно изъ отличительныхъ свойствъ своего характера. И вотъ теперь, когда жизнь какъ нельзя болѣе убѣдительно показала, что мы были правы; теперь, когда русскій рабочій классъ въ самомъ дѣлѣ сталъ великой движущей силой общественнаго развитія, мы отвернемся отъ него и перейдемъ на сторону буржуазіи? Да вѣдь это ни съ чѣмъ не сообразно; этому можетъ повѣрить лишь тотъ, кто не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о психологіи!

Повторяю, этому не вѣрятъ сами наши обвинители. И, конечно, сознательные элементы русскаго рабочаго класса отвергнутъ это обвиненіе, какъ недостойную клевету на тѣхъ, которыхъ сами обличители не могутъ не признать первоучителями русской соціалъ-демократіи.

Итакъ, не потому огорчаютъ меня событія послѣднихъ дней,

чтобы я не хотѣлъ торжества рабочаго класса въ Россіи, а именно потому, что я призываю его всѣми силами души.

Въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ намъ, русскимъ соціалъ-демократамъ, очень часто приходилось вспоминать замѣчаніе Энгельса о томъ, что для рабочаго класса не можетъ быть большаго историческаго несчастья, какъ захватъ политической власти въ такое время, когда онъ къ этому еще не готовъ. Теперь, послѣ недавнихъ событій въ Петроградѣ, сознательные элементы нашего пролетаріата обязаны отнестись къ этому замѣчанію болѣе внимательно, чѣмъ когда бы то ни было.

Они обязаны спросить себя : готовъ-ли нашъ рабочій классъ къ тому, чтобы теперь же провозгласить свою диктатуру?

Всякій, кто хоть отчасти понимаетъ какія экономическія условія предполагаются диктатурой пролетаріата, не колеблясь, отвѣтитъ на этотъ вопросъ рѣшительнымъ отрицаніемъ.

Нѣтъ, нашъ рабочій классъ еще далеко не можетъ, съ пользой для себя и для страны, взять въ свои руки всю полноту политической власти. Навязать ему такую власть, значитъ, толкать его на путь величайшаго историческаго несчастья, которое было бы, въ то же время, величайшимъ несчастіемъ и для всей Россіи.

Въ населеніи нашего государства пролетаріатъ составляетъ *не большинство, а меньшинство*. А между тѣмъ онъ могъ бы съ успѣхомъ практиковать диктатуру только въ томъ случаѣ, если бы составлялъ большинство. Этого не станетъ оспаривать ни одинъ серьезный соціалистъ.

Правда, рабочій классъ можетъ разсчитывать на поддержку со стороны крестьянъ, изъ которыхъ до сихъ поръ состоитъ наибольшая часть населенія Россіи. Но крестьянству нужна земля, въ замѣнѣ капиталистическаго строя соціалистическимъ оно не нуждается. Больше того : хозяйственная дѣятельность крестьянъ, въ руки которыхъ перейдетъ помѣщичья земля, будетъ направлена не въ сторону соціализма, а въ сторону капитализма. Въ этомъ опять таки не можетъ сомнѣваться никто изъ тѣхъ, которые хорошо усвоили себѣ нынѣшнюю соціалистическую теорію. Стало быть, крестьяне — совсѣмъ ненадежный союзникъ рабочаго въ дѣлѣ устройства соціалистическаго способа производства. А если рабочій не можетъ разсчитывать въ этомъ дѣлѣ на крестьянина, то на кого же онъ можетъ разсчитывать? Только на самого себя. Но вѣдь онъ, какъ сказано, въ *меньшинствѣ*, тогда какъ для основанія

соціалистическаго строя необходимо *большинство*. Отсюда неизбѣжно слѣдуетъ, что если бы, захвативъ политическую власть, нашъ пролетаріатъ захотѣлъ совершить «соціальную революцію», то сама экономика нашей страны осудила-бы его на жесточайшее пораженіе.

Говорятъ : то, что начнетъ русскій рабочій, будетъ докончено нѣмецкимъ. Но это — огромная ошибка.

Спора нѣтъ, въ экономическомъ смыслѣ Германія гораздо болѣе развита, чѣмъ Россія. « Соціальная революція » ближе у нѣмцевъ, чѣмъ у русскихъ. Но и у нѣмцевъ она еще не является вопросомъ нынѣшняго дня. Это прекрасно сознавали всѣ толковые германскіе соціалъ-демократы, какъ праваго, такъ и лѣваго крыла, еще до начала войны. А война еще болѣе уменьшила шансы соціальной революціи въ Германіи, благодаря тому печальному обстоятельству, что большинство нѣмецкаго пролетаріата съ Шейдеманомъ во главѣ стало поддерживать германскихъ имперіалистовъ. Въ настоящее время въ Германіи нѣтъ надежды не только на « соціальную », но и на политическую революцію. Это признаетъ Бернштейнъ, это признаетъ Гаазе, это признаетъ Каутскій, съ этимъ навѣрное согласится Карлъ Либкнехтъ.

Значитъ, нѣмецъ не можетъ докончить то, что будетъ начато русскимъ. Не можетъ докончить это ни французъ, ни англичанинъ, ни житель Соединенныхъ Штатовъ. Несвоевременно захвативъ политическую власть, русскій пролетаріатъ не совершитъ соціальной революціи, а только вызоветъ гражданскую войну, которая, въ концѣ концовъ, заставитъ его отступить далеко назадъ отъ позицій, завоеванныхъ въ февралѣ и мартѣ нынѣшняго года.

А война, которую поневолѣ приходится вести Россіи? Страшно осложняя положеніе дѣлъ, она еще больше уменьшаетъ шансы соціальной революціи и еще больше увеличиваетъ шансы пораженія рабочаго класса.

На это возражаютъ : мы декретируемъ миръ. Но, чтобы германскій императоръ послушался нашего декрета, надо, чтобы мы оказались сильнѣе его, а такъ какъ сила на его сторонѣ, то, « декретируя » миръ, мы тѣмъ самымъ декретируемъ его побѣду, т. е. побѣду германскаго имперіализма надъ нами, надъ трудящимся населеніемъ Россіи. Рѣшите сами, можемъ ли мы радостно привѣтствовать подобную побѣду.

Вотъ почему, дорогіе товарищи, меня не радуютъ, а огорчаютъ недавнія событія въ Петроградѣ. Повторяю еще разъ. Они огорчаютъ меня не потому, чтобы я не хотѣлъ торжества рабочаго класса; а, наоборотъ, потому, что я призываю его всѣми силами души и вмѣстѣ съ тѣмъ вижу, какъ далеко отодвигаютъ его названныя событія.

Ихъ послѣдствія и теперь уже весьма печальны. Они будутъ еще несравненно болѣе печальными, если сознательные элементы рабочаго класса не выскажутся твердо и рѣшительно противъ политики захвата власти однимъ классомъ или, — еще того хуже, — одной партіей.

Власть должна опираться на коалицію всѣхъ живыхъ силъ страны, то есть на всѣ тѣ классы и слои, которые не заинтересованы въ возстановленіи стараго порядка.

Я давно уже говорю это. И считаю своимъ долгомъ повторить это теперь, когда политика рабочаго класса рискуетъ принять совсѣмъ другое направленіе.

Сознательные элементы нашего пролетаріата должны предостеречь его отъ величайшаго несчастья, какое только можетъ съ нимъ случиться.

Весь вашъ *Г. Плехановъ.*

Ноябрь 1917 г. — май 1918 г.

А все-таки движется!

(«Наше Единство» № 1 отъ 19-го декабря 1917 г. [1])

Правленіе политическаго клуба меньшевиковъ-оборонцевъ, « Рабочее Знамя », — въ открытомъ письмѣ, напечатанномъ въ № 222 газеты « День », — довело до моего свѣдѣнія, что я единогласно выбранъ почетнымъ предсѣдателемъ названнаго клуба. Это сообщеніе, уже само по себѣ весьма для меня лестное, сопровождалось нѣсколькими еще болѣе лестными строками, говорившими объ отношеніи ко мнѣ рабочей интеллигенціи.

Въ письмѣ говорится, что рабочая интеллигенція, которая вынесла на своихъ плечахъ практическое дѣло строительства рабочей партіи въ Россіи и пронесла черезъ всѣ препятствія знамя научнаго соціализма, воспитывалась на моихъ трудахъ.

Трудно выразить съ достаточной ясностью то значеніе, которое имѣютъ для меня эти строки. Скажу одно : для писателя, стоящаго на точкѣ зрѣнія рабочаго класса, не можетъ быть болѣе высокой похвалы. Прошу авторовъ письма принять мою горячую благодарность за ихъ доброе слово.

Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы поблагодарить также авторовъ довольно многочисленныхъ телеграммъ, писемъ, адресовъ, полученныхъ мною изъ разныхъ концовъ Россіи по поводу грубыхъ обысковъ, которые сдѣланы были у меня въ Царскомъ Селѣ. Между авторами этихъ сочувственныхъ посланій было не мало рабочихъ группъ и цѣлыхъ организацій. Смѣю думать, что эти группы и организаціи тоже принадлежатъ къ рабочей интеллигенціи. А отсюда я дѣлаю тотъ выводъ, что мои тактическіе взгляды, подвергавшіеся съ различныхъ сторонъ жестокимъ нападкамъ, раздѣляются значительной частью сознательныхъ рабочихъ Россіи. И я говорю себѣ : если это такъ, то не все еще пропало и, хотя крайне тяжело переживаемое нами время бѣдствій и позора, наше дѣло все-таки движется.

[1]) «Единство» было закрыто большевиками на № 185 отъ 12 ноября.

Этотъ мой взглядъ раздѣляется, какъ видно, и правленіемъ политическаго клуба «Рабочее Знамя». Оно говоритъ въ своемъ письмѣ: «И теперь, въ дни безумнаго кошмара, тяготѣющаго надъ родной страной, эта рабочая интеллигенція поднимаетъ еще выше старое знамя соціалъ-демократіи».

Дѣйствительно, теперь всѣмъ намъ необходимо крѣпче, нежели когда-нибудь, держать въ своихъ рукахъ старое знамя соціалъ-демократіи, берущей методъ и пріемы своей борьбы изъ богатой сокровищницы научнаго соціализма. Событія, характеризующія собой «дни безумнаго кошмара», объясняются не тѣмъ, что указанный методъ и пріемы были несостоятельны, — какъ это думаютъ нѣкоторые наши противники, — а единственно тѣмъ, что они слишкомъ недостаточно распространены были въ сознаніи нашего пролетаріата. Оно и понятно: старый порядокъ ставилъ слишкомъ много препятствій для ихъ распространенія. Раздѣлавшись съ нимъ, нашъ пролетаріатъ не могъ сразу пріобрѣсть всю ту политическую опытность, которая нужна ему, — какъ и пролетаріату всѣхъ другихъ странъ, — для успѣшнаго шествія къ своей великой цѣли. Глубоко скорбя объ его ошибкахъ, отъ которыхъ жестоко пострадаетъ вся страна, — а прежде и больше всего онъ самъ, — будемъ, по мѣрѣ нашихъ силъ, разъяснять ему правильный способъ дѣйствій.

Я очень хорошо знаю, что это совсѣмъ не легкая задача. Людямъ, берущимся за ея рѣшеніе, не рѣдко придется услышать рѣзкое слово порицанія и даже, можетъ быть, физически пострадать отъ тѣхъ, просвѣтить которыхъ они стремятся. Но съ этимъ надо заранѣе примириться. Кто берется просвѣщать сознаніе рабочаго класса, тотъ заранѣе долженъ быть освѣдомленъ о томъ, что онъ выступаетъ на ту дорогу, на которой его ждетъ больше терній, чѣмъ рукоплесканій.

А главное, будемъ помнить, что съ какимъ бы недовѣріемъ ни относились къ намъ безсознательные, — пока еще, увы! слишкомъ многочисленные, — рабочіе, они были и остаются нашими братьями, просвѣщенію которыхъ каждый изъ насъ обязанъ служить до послѣдняго своего издыханія.

Чернышевскій говаривалъ когда-то: пусть будетъ, что будетъ, а будетъ все таки на нашей улицѣ праздникъ. И мы имѣемъ полное право съ твердой и спокойной увѣренностью повторять эти гордыя слова великаго и благороднаго русскаго соціалиста.

Похороны Н. А. Некрасова

(«Наше Единство», № 7 отъ 29-го декабря 1917 г.)

Двадцать седьмого числа текущаго мѣсяца исполнилось сорокалѣтіе со дня смерти Н. А. Некрасова. Нѣкоторыя газеты, заранѣе, т. е. еще до праздниковъ, посвятили поэту « мести и печали » особыя статьи. Мнѣ тоже хочется побесѣдовать о немъ съ читателемъ. Но я не вижу ни нужды, ни возможности возвращаться къ вопросу о роли, сыгранной имъ въ исторіи русской поэзіи. Все то существенное, что можно было сказать о ней, уже сказано. Поэтому я предпочитаю разсказать здѣсь о томъ, какое участіе приняли въ похоронахъ Н. А. Некрасова революціонеры-народники 70-хъ г. г., въ лицѣ общества « Земля и Воля ».

Впрочемъ, не только этого общества. Какъ разъ въ то время въ Петроградѣ, — по тогдашнему въ Петербургѣ, — собралось не мало виднѣйшихъ представителей южно-русскаго «бунтарства». Тутъ находились Фроленко, Волошенко, Валеріанъ Осинскій, Чубаровъ (« Капитанъ ») и еще многіе другіе. Все это былъ народъ « нелегальный », смѣлый, энергичный, прекрасно владѣвшій оружіемъ и весьма склонный къ рискованнымъ выступленіямъ. Заручившись содѣйствіемъ этихъ испытанныхъ удальцовъ, общество « Земля и Воля » рѣшило открыто явиться на похороны въ качествѣ революціонной соціалистической организаціи. Съ этой цѣлью оно заказало вѣнокъ съ надписью « отъ соціалистовъ ». Не могу припомнить, кѣмъ именно исполненъ былъ этотъ заказъ, но я хорошо помню, что онъ былъ исполненъ. Вокругъ соціалистическаго вѣнка тѣснымъ кольцомъ сомкнулись южно-русскіе бунтари и землевольцы вмѣстѣ съ членами рабочихъ кружковъ, уже весьма нерѣдкихъ тогда въ разныхъ петроградскихъ фабрикахъ и заводахъ. Бунтари и землевольцы захватили съ собой револьверы, твердо вознамѣрившись пусть ихъ въ дѣло, если полиція вздумаетъ отнять вѣнокъ силой.

Не знаю почему, — можетъ быть потому, что, слишкомъ поздно догадавшись о намѣреніи революціонеровъ сдѣлать демонстрацію, она не приготовилась къ отпору, — полиція не сдѣлала попытки захватить соціалистическій вѣнокъ. Онъ благополучно достигъ Волкова кладбища, и только въ тамошней церкви, куда

внесли тѣло Некрасова для отпѣванія, съ нашимъ вѣнкомъ произошло какое-то замѣшательство.

Я не знаю, въ чемъ оно состояло, такъ какъ въ церковь вошли только немногіе изъ насъ. Всѣ же остальные, — за исключеніемъ « сигнальныхъ », которые должны были поднять тревогу въ случаѣ, если бы полиція захотѣла арестовать лицъ, приставленныхъ къ вѣнку, — отправились къ приготовленной для Некрасова могилѣ и расположились около нея сомкнутыми рядами. Намъ было извѣстно, что у гроба Некрасова будутъ произнесены рѣчи, и общество « Земля и Воля » нашло нужнымъ со своей стороны выдвинуть оратора, который долженъ былъ, не стѣсняясь присутствіемъ тайной и явной полиціи, высказать то, что думала объ авторѣ «Желѣзной дороги » тогдашняя революціонная интеллигенція. Выборъ палъ на пишущаго эти строки. Я не помню, много ли ораторовъ говорило передо мной. Помню только, что въ ихъ числѣ были Засодимскій и Достоевскій.

Рѣчь народника Засодимскаго преисполнена была высочайшимъ сочувствіемъ къ поэзіи Некрасова. Мы вполнѣ раздѣляли это сочувствіе, однако, къ рѣчи Засодимскаго отнеслись довольно холодно. Она была неудачна по формѣ. У него все какъ-то выходило, что Некрасовъ намъ « дорогъ, ибо симпатиченъ и симпатиченъ, ибо дорогъ ». И онъ никакъ не могъ выбраться изъ заколдованнаго круга взаимодѣйствія психологическихъ мотивовъ. Зато рѣчь Ф. М. Достоевскаго вызвала въ нашихъ рядахъ большое оживленіе.

Какъ извѣстно, уже скоро послѣ его выступленія на литературное поприще у Ф. М. Достоевскаго были довольно большія непріятности съ кружкомъ Бѣлинскаго, къ которому принадлежалъ также Некрасовъ. Эти непріятности оставили свой слѣдъ на отношеніи Достоевскаго ко всему кружку. Но и помимо того, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что Достоевскій не могъ безъ весьма существенныхъ оговорокъ одобрять направленіе Некрасовской музы. Достаточно вспомнить, что онъ, самымъ искреннимъ образомъ восторгавшійся стихотвореніемъ « Дядя Власъ », былъ глубоко возмущенъ тѣми строками, которыми Некрасовъ заканчиваетъ въ этомъ стихотвореніи изображеніе адскихъ мукъ, представлявшихся бредившему Власу :

Но всего не описать.
Богомолки, бабы умныя, могутъ лучше разсказать.

Тонъ этихъ строкъ, конечно, противорѣчитъ тону всего остального стихотворенія. Ихъ можно и должно было осудить во имя требованія художественности. Но Достоевскій увидѣлъ въ нихъ неуваженіе къ дорогимъ ему религіознымъ вѣрованіямъ народа. Въ этой области никакое соглашеніе и невозможно было между нимъ и тѣми нашими писателями, которые усвоили себѣ міросозерцаніе, сложившееся у Бѣлинскаго въ послѣдніе годы его дѣятельности.

Тѣмъ не менѣе, Достоевскій, какъ видно, захотѣлъ на этотъ разъ держаться правила : о мертвомъ надо говорить хорошее или вовсе не говорить. Онъ выставлялъ только сильныя стороны поэзіи Некрасова. Между прочимъ, онъ сказалъ, что, по своему таланту, Некрасовъ былъ не ниже Пушкина! Это показалось намъ вопіющей несправедливостью.

— Онъ былъ выше Пушкина! — закричали мы дружно и громко.

Бѣдный Достоевскій этого не ожидалъ. На мгновеніе онъ растерялся. Но его любовь къ Пушкину была слишкомъ велика, чтобы онъ могъ согласиться съ нами. Поставивъ Некрасова на одинъ уровень съ Пушкинымъ, онъ дошелъ до крайняго предѣла уступокъ « молодому поколѣнію ».

— Не выше, но и не ниже Пушкина! — не безъ раздраженія отвѣтилъ онъ, обернувшись въ нашу сторону. Мы стояли на своемъ: « Выше, выше! » Достоевскій, очевидно, убѣдился, что насъ не переговоришь, и продолжалъ свою рѣчь, уже не отзываясь на наши замѣчанія.

Я хорошо помню, что, вернувшись съ похоронъ, я записалъ небольшую рѣчь, произнесенную мною на могилѣ Некрасова. Но сомнѣваюсь, чтобы она была напечатана въ какомъ-нибудь революціонномъ изданіи. О появленіи-же ея въ легальной печати не могло быть и рѣчи. Я оттѣнялъ революціонное значеніе поэзіи Некрасова. Я указывалъ на то, какими яркими красками изображалъ онъ бѣдственное положеніе угнетаемаго правительствомъ народа. Отмѣтилъ я также и то, что Некрасовъ впервые въ легальной русской печати воспѣлъ декабристовъ, этихъ предшественниковъ революціоннаго движенія нашихъ дней...

Вотъ все, что сохранилось у меня въ памяти отъ содержанія

моей рѣчи. Все — за исключеніемъ еще одной подробности, о которой я считаю своей обязанностью упомянуть.

Я началъ свою рѣчь тѣмъ замѣчаніемъ, что Некрасовъ не ограничился воспѣваніемъ ножекъ Терпсихоры, а ввелъ въ свою поэзію гражданскіе мотивы. Намекъ былъ совершенно ясенъ. Я въ своюочередь имѣлъ въ виду Пушкина. И само собой разумѣется, что я былъ кругомъ неправъ передъ нимъ : Пушкинъ воспѣвалъ не только ножки Терпсихоры, о которыхъ онъ, кстати сказать, и упомянулъ то мимоходомъ. Но таково было наше тогдашнее настроеніе. Всѣ мы въ большей или меньшей степени раздѣляли взглядъ Писарева, который « разнесъ » нашего великаго поэта въ извѣстной статьѣ : « Пушкинъ и Бѣлинскій ».

Я потому привелъ здѣсь это мѣсто своей рѣчи, что мнѣ захотѣлось покаяться : лучше поздно, чѣмъ никогда. Но, каясь въ своемъ грѣхѣ, я считалъ справедливымъ привести то смягчающее обстоятельство, что далеко не одинъ я грѣшилъ имъ въ то время.

Каково бы ни было содержаніе моей рѣчи, фактъ тотъ, что я говорилъ языкомъ недопустимымъ съ точки зрѣнія полиціи. Это сразу почувствовала присутствовавшая на похоронахъ публика. Не знаю, по какой причинѣ полиція не попыталась арестовать меня. Прекрасно сдѣлала. Тѣснымъ кольцомъ окружавшіе меня землевольцы и южно-русскіе бунтари отвѣтили бы на полицейское насиліе дружнымъ залпомъ изъ револьверовъ. Это было твердо рѣшено еще наканунѣ похоронъ...

Послѣ меня произнесъ нѣсколько словъ одинъ рабочій, — къ величайшему сожалѣнію, никакъ не могу вспомнить его имени, — говорившій о томъ, что не зарастетъ тропа къ могилѣ великаго народнаго заступника.

Такъ почтили тогдашніе революціонеры память своего любимаго поэта, собравшись на его могилѣ. Но они оставались неудовлетворенными. Имъ хотѣлось еще и еще говорить о немъ. Какъ то само собою, безъ всякаго заранѣе обдуманнаго плана, вышло, что многіе изъ насъ собрались въ одномъ недалекомъ отъ кладбища трактирѣ. Тамъ опять стали раздаваться рѣчи о революціонномъ значеніи Некрасова. Какой-то артистъ императорскихъ театровъ съ большимъ чувствомъ прочелъ « Размышленіе у парадnаго подъѣзда ». Его наградили бурными рукоплесканіями. Всѣ мы были преисполнены бодраго, боевого настроенія.

— А что, если бы начальство окружило трактиръ солдатами и арестовало находившихся тамъ? — тогда же замѣтилъ одинъ изъ наиболѣе осторожныхъ « конспираторовъ », — вѣдь, въ его рукахъ оказался бы чуть не весь штабъ русской революціи.

Это было справедливо. Но начальство не догадалось окружить трактиръ, а мы, совсѣмъ позабывъ объ угрожавшей намъ опасности, отводили душу въ разговорахъ о Некрасовѣ. Засодимскій былъ правъ, не смотря на то, что разсуждалъ очень странно : Некрасовъ былъ намъ и дорогъ и симпатиченъ.

Буки Азъ — Ба

(«Наше Единство», №№ 14 и 16 отъ 11 и 13-го января 1918 г.)

Должны ли мы, революціонеры, въ своей практической дѣятельности, держаться какихъ нибудь безусловныхъ принциповъ?

Я всегда говорилъ и писалъ, что у насъ долженъ быть только одинъ безусловный принципъ : *благо народа — высшій законъ*. И я не разъ пояснялъ, что, въ переводѣ на революціонный языкъ, принципъ этотъ можетъ быть выраженъ еще такъ :

Высшій законъ — это успѣхъ революціи.

Я не помню, чтобы мнѣ приходилось сколько нибудь подробно обосновывать эту мысль : ея истинность представлялась мнѣ очевидной. Теперь, оказывается, что я довольно сильно ошибался въ этомъ отношеніи. Съ тѣхъ поръ, какъ г. Борисъ Мирскій, въ одномъ изъ недавнихъ своихъ фельетоновъ, въ « Вечернемъ Часѣ », разразился благороднымъ негодованіемъ по тому поводу, что вышеназванная мысль была защищаема мною на нашемъ партійномъ Съѣздѣ 1903 г., нѣкоторые читатели — друзья просятъ меня подробнѣе высказаться на тему о неумѣстности безусловныхъ принциповъ въ нашей политикѣ и тактикѣ. Кромѣ того, одни изъ моихъ противниковъ по тому же поводу упрекаютъ меня, что я проповѣдую вредную ересь, — гражд. Викторъ Черновъ въ « Дѣлѣ Народа », — а другіе, находя мою мысль совершенно правильной, ехидствуютъ на ту тему, что я отказываюсь отъ нея въ настоящее

время, когда сторонники Ленина взялись усердно примѣнять ее на практикѣ.

Въ виду всего этого ясно, что мнѣ, дѣйствительно, надо высказаться подробнѣе. Правда, болѣзнь мѣшаетъ мнѣ писать. Но обстоятельства требуютъ, чтобы я сдѣлалъ надъ собою маленькое усиліе, какъ говаривала высокопочтенная миссъ Домби у Диккенса.

Похоже на то, что читатели-друзья, ждущіе моихъ разъясненій, нѣсколько смущаются опасными выводами, въ основу которыхъ можетъ быть положена мысль, высказанная мною на нашемъ второмъ Съѣздѣ. Но я позволю себѣ спросить : есть ли такое открытіе, которымъ не злоупотребляли бы люди? По моему, нѣтъ!

Одинъ изъ самыхъ красивыхъ и наиболѣе богатыхъ содержаніемъ греческихъ миѳовъ повѣствуетъ, какъ Прометей похитилъ огонь съ неба и научилъ человѣчество его употребленію. Хорошо ли онъ поступилъ? Греки находили, что превосходно. И у насъ, думается мнѣ, нѣтъ никакого основанія оспаривать ихъ сужденіе. А между тѣмъ, вспомните, сколько поджоговъ произошло съ тѣхъ поръ, какъ могучій титанъ совершилъ свой благодѣтельный для человѣчества подвигъ, сколько несчастныхъ еретиковъ отправлено было на тотъ свѣтъ съ помощью огня, похищеннаго Прометеемъ. Почему вы не оплакиваете открытія огня? Да очень просто: вы понимаете, что польза, принесенная этимъ великимъ открытіемъ дѣлу человѣческаго прогресса, безконечно превышаетъ вредъ, причиненный употребленіемъ его во зло. Люди, къ сожалѣнію, способны злоупотреблять всѣмъ. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что, опасаясь злоупотребленій, человѣчество должно стоять на одномъ мѣстѣ.

И это вѣрно, какъ въ области техники, такъ и въ области теоріи. Я не знаю такой политической мысли, которая, будучи правильна сама по себѣ, не могла бы быть использована искуснымъ софистомъ для подкрѣпленія ложныхъ и вредныхъ выводовъ. Но развѣ на этомъ основаніи мы станемъ налагать цензуру на политическую мысль, станемъ требовать отъ нея свидѣтельства о благонадежности? Да избавятъ насъ отъ этого боги Олимпа! Мы уподобились бы тому осмотрительному субъекту, который оспаривая атеистовъ, говорилъ : « если Бога нѣтъ, то какой же я послѣ этого капитанъ? »

Къ плодамъ человѣческаго мышленія приложимъ только

одинъ критерій : критерій истины. Нельзя спрашивать : вредна или нѣтъ данная теорія? Можно спрашивать только о томъ, представляетъ ли она собою истину или заблужденіе. Я требую, чтобы съ помощью этого критерія судили и о той мысли, которая, бывъ не разъ высказана мною, неожиданно вызвала теперь шумъ въ печати.

Однако, возразятъ мнѣ мои противники, вы далеко не грѣшите излишней скромностью. Вы стараетесь поднять свою мысль на одинъ уровень съ величайшимъ открытіемъ человѣческаго ума; вы готовы приравнять себя къ Прометею.

Вовсе нѣтъ! Не скрою, что мнѣ въ высшей степени лестно было бы имѣть право называть своимъ теоретическимъ открытіемъ ту мысль, по поводу которой зашумѣли газетныя витіи. Но, чтобы хоть на минуту вообразить, будто я могу имѣть такое право, мнѣ предварительно нужно было бы, подобно моимъ противникамъ, стать круглымъ невѣждой въ вопросахъ этого рода.

Мысль, о которой идетъ здѣсь рѣчь, представляетъ собой одинъ изъ плодотворнѣйшихъ результатовъ движенія философской мысли XIX столѣтія.

Она ведетъ начало отъ Гегеля. Въ своей «маленькой» логикѣ геніальный нѣмецкій идеалистъ съ высокимъ краснорѣчіемъ изображалъ непобѣдимую мощь діалектики, которая все зоветъ къ своему суду и передъ которой ничто устоять не можетъ. Она все отжившее осуждаетъ на гибель во имя дальнѣйшаго движенія. Такимъ образомъ, уже у Гегеля, — поскольку онъ продолжалъ держаться своей діалектической точки зрѣнія, — не оставалось ничего безусловнаго (абсолютнаго), кромѣ самаго хода діалектическаго развитія, этой безсмертной смерти или, что одно и тоже, вѣчнаго возрожденія.

Какой общественный политическій строй лучше всѣхъ другихъ соотвѣтствуетъ требованіямъ человѣческой природы? Надъ рѣшеніемъ этого вопроса усердно трудились соціалисты-утописты. Для Гегеля этотъ вопросъ не существуетъ. Идеальнаго строя нѣтъ и быть не можетъ. Все течетъ, все измѣняется. Превосходный при однихъ историческихъ условіяхъ, данный строй оказывается никуда негоднымъ, когда условія эти смѣняются другими, на нихъ совсѣмъ непохожими. И этотъ неизбѣжный политико-соціальный выводъ изъ теоретической философіи Гегеля явился одной изъ важнѣйшихъ составныхъ частей теоріи научнаго соціализма.

Научный соціализмъ тоже не знаетъ ничего абсолютнаго, ничего безусловнаго, кромѣ безпристрастной смерти или вѣчнаго возрожденія. Онъ стройно и послѣдовательно развиваетъ то положеніе, что все зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста. До какой степени это такъ, покажетъ слѣдующій примѣръ.

Одному изъ основателей научнаго соціализма, Ф. Энгельсу, принадлежитъ замѣчательная фраза: «Если бы не было древняго рабства, то не было бы и новѣйшаго соціализма». Вдумайтесь въ эту фразу: она равносильна относительному оправданію рабства, т. е., его оправданію въ предѣлахъ извѣстной исторической эпохи. Не есть ли это позорная измѣна требованіямъ идеала?

Успокойтесь! Здѣсь нѣтъ измѣны. Здѣсь есть только отрицаніе того утопическаго идеала, который возникаетъ въ туманѣ отвлеченія, внѣ всякой органической связи съ опредѣленными условіями времени и мѣста. И въ такомъ отрицаніи не вина Энгельса, а его заслуга. Отвлеченный идеалъ слишкомъ долго задерживалъ поступательное движеніе человѣческаго ума. Не даромъ нашъ В. Г. Бѣлинскій оплакивалъ то время, когда находился подъ его вреднымъ вліяніемъ.

Заслуживающіе довѣрія путешественники сообщаютъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Африки рабы сверху внизъ поглядываютъ на людей наемнаго труда. Въ свою очередь эти послѣдніе смотрятъ на нихъ снизу вверхъ. Другими словами, въ этихъ мѣстностяхъ Африки общественное положеніе раба представляется болѣе высокимъ, нежели положеніе наемника. А это ручается намъ за то, что въ ту пору, къ какой относится приведенное мной свидѣтельство путешественниковъ, рабство не задерживало тамъ развитія производительныхъ силъ, а, напротивъ, способствовало ему.

Но, если научный соціализмъ даже о рабствѣ судитъ съ точки зрѣнія обстоятельствъ времени и мѣста; если онъ даже рабству готовъ дать относительное оправданіе въ той мѣрѣ, въ какой оно ускоряетъ экономическій, а, стало быть, и всякій другой прогрессъ человѣчества, то какъ прикажете относиться ему къ тѣмъ или другимъ отдѣльнымъ правиламъ политической тактики или, вообще, политики? Онъ, разумѣется, и о нихъ судитъ съ точки зрѣнія обстоятельствъ времени и мѣста; онъ и на нихъ отказывается смотрѣть какъ на *безусловныя*. Онъ считаетъ наилучшими тѣ изъ нихъ, которыя вѣрнѣе другихъ ведутъ къ цѣли; и онъ отбрасываетъ, какъ негодную ветошь, тактическія и политическія пра-

вила, ставшія нецѣлесообразными. Нецѣлесообразность — вотъ единственный критерій его въ вопросахъ политики и тактики.

— Но, вѣдь, это — верхъ безнравственности! — кричатъ хоромъ наши противники научнаго соціализма. Признаюсь, я никакъ не могу понять — почему? Тутъ, какъ и вездѣ, нѣтъ ничего безусловнаго. Когда общественные дѣятели, судящіе о своихъ политическихъ и тактическихъ пріемахъ съ точки зрѣнія цѣлесообразности, задаются цѣлью угнетенія народа, тогда и я, разумѣется, готовъ признать ихъ безнравственными; но, когда дѣятель, усвоившій себѣ принципъ цѣлесообразности, руководится благомъ народа, какъ высшимъ закономъ, тогда я рѣшительно не вижу, что можетъ быть безнравственнаго въ его стремленіи держаться такихъ правилъ, которыя скорѣе другихъ ведутъ къ его благородной цѣли.

Мнѣ кажется, что ему нужно было бы измѣнить своему дѣлу или, по меньшей мѣрѣ, усвоить утопическій методъ мышленія, чтобы предпочесть какія-нибудь другія правила.

Не человѣкъ для субботы, а суббота для человѣка, училъ Іисусъ. И это же повторяютъ сторонники научнаго соціализма, несмотря на то, что ихъ міросозерцаніе радикально расходится съ міросозерцаніемъ кроткаго сына Іосифа и Маріи. Скажите, будьте ласковы, гдѣ же тутъ верхъ безнравственности?

Не человѣкъ для субботы, а суббота для человѣка. Переведите это положеніе на языкъ политики, и оно будетъ гласить: не революція для торжества тѣхъ или другихъ тактическихъ правилъ, а тактическія правила для торжества революціи. Кто хорошо пойметъ это положеніе, кто станетъ руководствоваться имъ во всѣхъ своихъ тактическихъ соображеніяхъ, тотъ, — и *только тотъ* — покажетъ себя истиннымъ революціонеромъ. Его силы могутъ быть малы; онѣ могутъ быть очень велики, но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ найдетъ для нихъ наиболѣе производительное приложеніе.

Если же у него не хватитъ логической отваги, если онъ побоится до конца усвоить ту мысль, что нѣтъ и не можетъ быть безусловныхъ тактическихъ правилъ, то онъ, именно въ мѣру своей непослѣдовательности и какъ бы въ наказаніе за нее, будетъ, самъ того не желая и не замѣчая, ставить себѣ препятствія на пути къ своей цѣли.

Позволительно ли соціалисту вступать въ буржуазное мини-

стерство? — Нѣтъ. — Никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ? — Никогда и ни за что на свѣтѣ.

Такъ разсуждали многіе изъ моихъ друзей французскихъ марксистовъ въ эпоху перваго принятія Мильераномъ министерскаго портфеля.

Я не могъ согласиться съ этимъ. Запрошенный редакціей «Mouvement Socialiste», которая дѣлала въ соціалистическомъ мірѣ анкету по этому вопросу, я отвѣтилъ, что не признаю безусловныхъ тактическихъ правилъ, такъ какъ въ политикѣ все зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста. Мыслимы такія условія, при которыхъ соціалистъ обязанъ войти въ буржуазное министерство, продолжалъ я; но при нынѣшнемъ состояніи французскаго рабочаго движенія поступокъ Мильерана представляется мнѣ вреднымъ.

— Вы высказались скорѣе въ нашу пользу, замѣтилъ мнѣ одинъ изъ самыхъ видныхъ сторонниковъ Мильерана на Парижскомъ Международномъ Соціалистическомъ Съѣздѣ 1900 г. Я и до сихъ поръ не могу постигнуть, гдѣ онъ выудилъ такое умозаключеніе. Но зато я тогда же и очень хорошо понялъ тѣхъ моихъ французскихъ друзей, которыхъ смутилъ и даже почти огорчилъ мой отвѣтъ.

Они вообразили, будто, отказываясь признать безусловныя тактическія правила, я ослаблялъ ихъ позиціи въ борьбѣ съ оппортюнизмомъ Мильерана.

Прошли года. Вспыхнулъ нынѣшній всемірный военный пожаръ. Не желавшая войны Франція оказалась въ такомъ положеніи, что въ интересахъ не только французскаго пролетаріата, но всего международнаго движенія, ея соціалисты должны были вступить въ министерство національной самообороны. Тогда нѣкоторые мои французскіе друзья, можетъ быть, сказали себѣ, что я не былъ неправъ, когда отвергалъ безусловные тактическіе принципы. А другіе изъ нихъ продолжали твердо держаться того убѣжденія, что, вступая въ буржуазное министерство, соціалистъ всегда измѣняетъ себѣ и своей партіи. Слѣдуя этому убѣжденію, они возстали противъ своего вождя, Гэда, и, незамѣтно для себя, перешли на почву анархо-синдикализма. Но анархо-синдикализмъ есть низшая фаза развитія соціалистической мысли. Марксистъ, переходящій на почву анархо-синдикализма, опускается на менѣе высокій уровень. Пріемы его борьбы становятся гораздо менѣе

производительными. А этимъ неизбѣжно замедляется достиженіе имъ своей конечной цѣли. Только такой цѣной и можетъ быть куплено и покупается торжество догматизма въ политикѣ и тактикѣ, т. е., все то же признаніе безусловныхъ политическихъ и тактическихъ принциповъ.

Возьмемъ другой примѣръ. Можетъ-ли соціалистъ высказаться за войну? Съ точки зрѣнія безусловныхъ принциповъ — не можетъ и не долженъ. Съ точки зрѣнія этихъ принциповъ соціалистъ имѣетъ право признавать только одинъ родъ войны : войну на « внутреннемъ фронтѣ ». Такъ до сихъ поръ думаютъ анархисты и анархо-синдикалисты (немногія исключенія только подтверждаютъ здѣсь общее правило). Наоборотъ, основатели научнаго соціализма никогда не склонялись къ безусловному отрицанію войны. Этотъ важный вопросъ они тоже рѣшали примѣнительно къ обстоятельствамъ мѣста и времени, какъ рѣшалъ его и нашъ Чернышевскій. Они понимали, что хотя внѣшнія войны чаще всего задерживаютъ развитіе рабочаго движенія, но бываютъ такіе случаи, когда онѣ ускоряютъ его. Въ такихъ случаяхъ пролетаріатъ поступилъ бы несообразно со своими классовыми интересами, если бы отказался принять въ войнѣ энергичное и сознательное участіе. Въ продолженіе своей политической и литературной карьеры Марксъ и Энгельсъ не одинъ разъ указывали рабочему классу на его военныя задачи.

А вотъ болѣе частный вопросъ. Позволительно-ли соціалисту голосовать за военные кредиты? Многія соціалистическія головы до сихъ поръ думаютъ, что соціалистъ, голосующій за военные кредиты, нарушаетъ одинъ изъ основныхъ принциповъ своей тактики. У насъ до паденія стараго порядка такого мнѣнія держалось огромное большинство даже тѣхъ соціалистовъ, которые были убѣждены, что Россія непремѣнно должна оборониться отъ напавшей на нее Германіи, такъ какъ нѣмецкая побѣда очень вредно повліяла бы на дальнѣйшіе успѣхи русскаго пролетарскаго движенія. Они говорили : « надо вести войну ».

И тутъ же прибавляли : « но при этомъ надо голосовать противъ военныхъ кредитовъ ». Логики тутъ мало, а тактическаго догматизма хоть отбавляй.

Съ давнихъ поръ догматизмъ этого рода вызываетъ въ моемъ воображеніи образъ знаменитаго въ исторіи русскаго раскола протопопа Аввакума.

Человѣкъ чрезвычайно сильный и самоотверженный, Аввакумъ настойчиво звалъ своихъ послѣдователей « умирать за азъ », даже не задаваясь вопросомъ о томъ, въ какой мѣрѣ нуженъ « азъ » для достиженія цѣлей, поставленныхъ себѣ христіанствомъ. Онъ сжился съ « азомъ », онъ сроднился съ нимъ, и ему казалось, что съ устраненіемъ « аза » рухнетъ и все православіе.

Кто вращался въ революціонной средѣ, тотъ, навѣрно, встрѣчалъ въ ней множество лицъ, подобныхъ Аввакуму, хотя, разумѣется, рѣдко обладавшихъ его желѣзной энергіей. Они тоже горячо отстаивали тотъ или другой « азъ ». И пока наше революціонное движеніе вдохновлялось преимущественно ученіемъ Бакунина, до тѣхъ поръ это было естественно. Представляя собою едва ли не самую главную разновидность утопическаго соціализма временъ упадка, бакунизмъ былъ очень богатъ неприкосновенными тактическими « азами ».

Русская соціалъ-демократія унаслѣдовала отъ бакунизма весьма порядочную долю ихъ. Въ 1906 году большевики, проповѣдывавшіе бойкотъ Государственной Думы, выдвигали тотъ доводъ, что ея члены должны приносить присягу, а принесеніе присяги означаетъ принятіе ими на себя обязанности отстаивать существующій политическій и общественный строй. Сторонники бойкота, разсуждавшіе такимъ образомъ, не подозрѣвали, что доводъ, выдвигавшійся имъ, былъ однимъ изъ любимыхъ коньковъ бакунистовъ въ ихъ борьбѣ противъ политической программы западной соціалъ-демократіи. Западная соціалъ-демократія не могла не сознавать *формальной* правильности анархическаго довода. Однако, она ни мало не смущалась имъ. Въ данномъ случаѣ вся она, въ полномъ своемъ составѣ, понимала, что формальныя соображенія должны умолкать всюду, гдѣ возвышаютъ свой повелительный голосъ насущныя требованія живой жизни.

У насъ дѣло обстояло, какъ видите, иначе: но это-то и доказываетъ, что мы болѣе другихъ заражены тактическимъ догматизмомъ. Зная это, я не переставалъ бороться съ нимъ въ своихъ публицистическихъ статьяхъ, при каждомъ удобномъ случаѣ напоминая, что главное отличительное свойство нашей тактики должно состоять исключительно въ ея *цѣлесообразности*.

Само собою разумѣется, что я не позабылъ напомнить объ этомъ своимъ товарищамъ и на 2-мъ Съѣздѣ нашей партіи.

Излагая на второмъ Съѣздѣ нашей партіи свою любимую

тактическую мысль, я пояснилъ ее примѣрами. Когда г. Борисъ Мирскій, — какъ видно, ничего не понявшій въ моей аргументаціи, — привелъ теперь эти давніе примѣры въ своемъ фельетонѣ, они вызвали благочестивый ужасъ въ однихъ и ироническія одобренія со стороны другихъ. Враги нынѣшняго большевизма спрашивали себя : « Неужели Плехановъ могъ разсуждать такъ? » Напротивъ, большевики говорили : « Посмотрите, какъ разсуждалъ онъ, когда былъ революціонеромъ; теперь онъ перешелъ на сторону контръ-революціи и разсуждаетъ, разумѣется, совсѣмъ иначе ». Но въ томъ-то и дѣло, что я разсуждаю теперь все такъ же, какъ разсуждалъ прежде. Но меня очень плохо понимаютъ какъ тѣ, которыхъ мой взглядъ приводитъ въ ужасъ, такъ и тѣ, которые иронически одобряютъ его.

Въ одномъ изъ примѣровъ, приведенныхъ мною на Съѣздѣ 1903 года, говорилось объ Учредительномъ Собраніи. Это и сдѣлало мой примѣръ « актуальнымъ » для нашихъ дней. Тѣ, которыхъ онъ испугалъ, поняли его такъ, что я способенъ былъ оправдать разгонъ собиравшагося у насъ Учредительнаго Собранія.

Тѣ же, которые злорадно одобряли его, упрекали меня въ измѣнѣ, чувствуя, что я никакъ не могу одобрить такой разгонъ.

Но для меня и въ отношеніи къ Учредительному Собранію нѣтъ ничего безусловнаго. Тутъ тоже все зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста.

Приводя одинъ изъ своихъ примѣровъ, я сказалъ : теоретически мыслимъ такой случай, когда и т. д. Но теоретически мыслимый случай не есть такой случай, который имѣетъ мѣсто вездѣ и всегда. Теоретическая *возможность* вовсе не есть *дѣйствительность*, къ которой мы стремимся при данныхъ условіяхъ.

Учредительныя Собранія имѣютъ разный характеръ. Если бы парижскій пролетаріатъ, быстро оправившись отъ жестокаго пораженія, нанесеннаго ему Кавеньякомъ, къ великой радости французскаго Учредительнаго Собранія 1848—49 г. г., положилъ насильственный конецъ дѣятельности этого органа реакціи, то я не знаю, кто изъ насъ рѣшился бы осудить такое дѣйствіе. Французское Учред. Собр. названныхъ годовъ было враждебно пролетаріату. А то Собраніе, которое разогнали на этихъ дняхъ « народные комиссары », обѣими ногами стояло на почвѣ интересовъ трудящагося населенія Россіи. Разгоняя его, « народные

комиссары» боролись не съ врагами рабочихъ, а съ врагами диктатуры Смольнаго института.

Это — «двѣ большія разницы». Кто этого не понимаетъ, тотъ вообще не способенъ разбираться въ вопросахъ рабочей тактики.

Очень наивно думать, будто вліяніе рѣчи, произнесенной мною на нашемъ Съѣздѣ 1903 г., побудило большевиковъ запереть двери Таврическаго дворца послѣ перваго же засѣданія собравшихся въ немъ депутатовъ. Моя рѣчь нисколько не мѣшала имъ горячо проповѣдывать идею Учредительнаго Собранія въ 1905—1907 г. г. Когда послѣ роспуска первой Госуд. Думы, я предложилъ нашей партіи формулу: «полновластная Дума», въ качествѣ избирательной платформы, они обвинили меня въ измѣнѣ (они всегда дѣлаютъ это «съ легкимъ духомъ» [1]).

Разгонъ нашего Учред. Собранія подсказанъ былъ имъ вовсе не внутренней логикой тактики, освобожденной отъ безусловныхъ принциповъ. Онъ подсказанъ былъ имъ внутренней логикой политическаго дѣйствія, совершеннаго ими въ концѣ октября.

Захватывая власть въ свои руки, они, конечно, не собирались отказываться отъ нея въ томъ случаѣ, если большинство Учред. Собр. будетъ состоять не изъ ихъ сторонниковъ. Когда они увидѣли, что большинство это состоитъ изъ соціалистовъ-революціонеровъ, они рѣшили: необходимо, какъ можно скорѣе, покончить съ Учредительнымъ Собраніемъ. И со свойственной имъ энергіей они осуществили свое рѣшеніе.

---

[1]) На нашемъ Лондонскомъ Съѣздѣ 1907 г. одинъ молодой делегатъ съ Урала съ ласковой укоризной говорилъ мнѣ: «Ахъ, т. Плехановъ, какъ огорчены мы были тѣмъ, что вы отказались отъ идеи Учредительнаго Собранія».

— «Это было совершенно напрасное огорченіе — возразилъ я, — такъ какъ мнѣ никогда въ голову не приходило отказываться отъ этой идеи».

— «Да вѣдь, вы же высказались за полновластную Думу».—На это я отвѣтилъ вопросомъ: «Скажите, какъ представляетъ себѣ рабочее населеніе вашего Уральскаго завода Учредительное Собраніе?» Мой молодой собесѣдникъ, не колеблясь, отвѣчалъ: «Оно представляетъ себѣ его въ видѣ Думы, которая сможетъ дѣлать все, что захочетъ» *(буквально такъ. Г. П.)*. — «Да вѣдь это же и есть полновластная Дума».

— «Ахъ, вотъ, что вы понимали подъ ней». Мой молодой товарищъ удалился, изобразивъ крайнюю степень удивленія. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ, которые готовы были «умирать за «азъ» и не способны были итти дальше «аза».

Такихъ насчитывалось много. Но роль «аза» играли въ данномъ случаѣ слова: «*Учредительное Собраніе*».

Ясно, что рѣчь, произнесенная мной на Съѣздѣ 1903 г. отнюдь не лишила большевиковъ готовности отстаивать названное Собраніе. *Г. П.*

Это было, какъ я сказалъ, вполнѣ сообразно съ логикой дѣйствія, совершеннаго въ концѣ октября. Но разгонъ Учред. Собр. тоже имѣетъ свой ясный логическій смыслъ. Онъ является новымъ и огромнымъ шагомъ въ области гибельнаго междоусобія въ средѣ трудящагося населенія Россіи.

Защитники этого шага возразятъ мнѣ: «Сила на нашей сторонѣ». Я готовъ согласиться съ ними, что на ихъ сторонѣ, дѣйствительно, находится вооруженная сила. Но, вѣдь, давно уже сказано, что сидѣть на штыкахъ не очень удобно.

Кромвелю замѣтили однажды: «За васъ только одна десятая часть націи». — «Не бѣда, — отвѣтилъ онъ, — эта десятая часть вооружена и будетъ господствовать надъ девятью десятыми». Исторія не оправдала этой увѣренности Кромвеля, а, вѣдь, онъ не задавался цѣлью организовать соціалистическій способъ производства. Его стремленія все больше и больше суживались, становясь чисто династическими.

Совсѣмъ недавно Каутскій напомнилъ въ «Leipziger Volkszeitung», что диктатура, необходимая для основанія соціалистическаго общества, должна быть диктатурой большинства. За Смольнымъ большинства нѣтъ, и это должно было бы заставить задуматься его дѣятелей.

Ихъ диктатура представляетъ собою не диктатуру трудящагося населенія, а диктатуру одной части его, диктатуру группы. И именно потому имъ приходится все болѣе и болѣе учащать употребленіе террористическихъ средствъ.

Употребленіе этихъ средствъ есть признакъ шаткости положенія, а вовсе не признакъ силы. И ужъ во всякомъ случаѣ ни соціализмъ, вообще, ни марксизмъ, въ частности, тутъ совершенно не при чемъ.

Тактика Смольнаго есть тактика Бакунина, а во многихъ случаяхъ просто на просто тактика Нечаева.

Курьезное совпаденіе. По свидѣтельству Н. П. Драгоманова, — который самъ пережилъ эпоху нечаевщины, — Нечаевъ распространялъ среди учащейся молодежи вѣсть, что въ Западной Европѣ 2.000.000 интернаціоналистовъ готовы возстать и поддержать соціальную революцію въ Россіи [1]).

Читателю извѣстно, что теперь у насъ распространяется въ рабочей средѣ столь же мало основательная вѣсть о готовности

[1]) См. «Историческій Сборникъ», СПБ., 1917, стр. 217. *Г. П.*

западно-европейскаго пролетаріата поддержать русскую соціальную революцію. Это все та же метода, только примѣняемая въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ. Я вовсе не хочу сказать, что метода эта всегда примѣняется въ цѣляхъ сознательнаго обмана.

Далеко нѣтъ. Я думаю, что самообмана тутъ гораздо больше. И къ нему склонялись не только большевики. Ребячески преувеличенныя надежды на Западъ питалъ самъ И. Г. Церетелли, этотъ, — довольно впрочемъ тусклый, — Свѣтъ Азіи. И не Чхеидзе-ли принадлежитъ замѣчательная своей неумностью фраза: «Съ нѣмцами мы переговоримъ!»

Гражд. В. Черновъ утверждаетъ въ «Дѣлѣ Народа», что большевики мои дѣти.

Это напоминало мнѣ, какъ Викторъ Адлеръ говаривалъ мнѣ полу-шутя, полу-серьезно: «Ленинъ — вашъ сынъ». Я отвѣчалъ ему на это: «Если сынъ, то очевидно незаконный». Я до сихъ поръ думаю, что тактика большевиковъ представляетъ собою совершенно незаконный выводъ изъ тѣхъ тактическихъ положеній, которыя проповѣдывалъ я, опираясь на теорію Маркса-Энгельса.

Покойный Михайловскій какъ-то замѣтилъ, что нельзя считать Дарвина, писавшаго о борьбѣ за существованіе, отвѣтственнымъ за поступки «дарвиненка», который во имя теоріи великаго англійскаго натуралиста выскакиваетъ на улицу и хватаетъ прохожихъ за шиворотъ. Какъ думаетъ гражд. Черновъ, справедливо ли это замѣчаніе Михайловскаго? По моему — да. А разъ оно справедливо, то, — если позволите сравнить малое съ большимъ, — нельзя и меня, какъ теоретика русскаго марксизма, дѣлать отвѣтственнымъ за всякое нелѣпое или преступное дѣйствіе всякаго русскаго «марксенка» или всякой группы «марксятъ».

Откровенно говоря, я думаю, что мы будемъ гораздо ближе къ истинѣ, признавъ нынѣшнихъ нашихъ большевиковъ не моими дѣтьми, а двоюродными братьями гражданина Чернова.

Не даромъ же его органъ громко жаловался, нѣсколько недѣль тому назадъ, на то, что большевики сдѣлали важное похищеніе изъ сокровищницы черновской премудрости (преимущественно по аграрной части).

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОГО ТОМА.

Іюль 1917 года.

Тревожныя опасенія одной умной газеты 5
Объ Интернаціоналѣ 11
Какъ же быть? 17
Двѣ недѣли на размышленіе 19
Революція живетъ 22
Новое министерство 26
Совершилось 28
Историческая справка 30
Партія, или только фракція? 34
Борьба съ контръ-революціей 37
Соглашеніе нужно и возможно 39
Пойми, кто можетъ! 44
Глухое ухо 48
Къ вопросу о виновникахъ нынѣшней войны 51
Новое Правительство, буржуазія и революціонная демократія 53
Нашъ сотый номеръ 57

Августъ 1917 года.

Пора дерзнуть 67
Къ вопросу объ Объединительномъ Съѣздѣ Россійской Соціалъ-демократіи 70
Конференція международныхъ оппортюнистовъ 73
Наканунѣ Московскаго Совѣщанія 78
Все о томъ же 82
Къ вопросу о превращеніи видовъ 86
Неужели они его удалятъ? 91
Основы политической тактики (для дѣтей изряднаго возраста и примѣнительно къ нынѣшнему времени) 94
Начало Московскаго Совѣщанія 97
Рѣчь, произнесенная 15 августа на Государственномъ Совѣщаніи въ Москвѣ. 100
У послѣдней черты 108

Что дало Московское Совѣщаніе 112
И. Г. Церетелли 116
О классовомъ интересѣ (посвящается сознательнымъ элементамъ русскаго рабочаго класса) 119
Что дѣлать? 124
Два слова публицисту « Рѣчи ». 127
А теперь? 131

Сентябрь 1917 года.

Ликвидація недавняго мятежа 135
Немножко логики, товарищи революціонеры! 137
Къ Совѣщанію двѣнадцатаго сентября 141
Контръ-революція и контръ-революціонеры 145
Зачѣмъ нужна коалиція? 149
Наконецъ договорились! 153
Что посѣяли, то и пожали 158
Коалиція, или капитуляція? 162
Предпарламентъ. 165
Къ вопросу о коалиціи 168
Ленинъ и Церетелли 174
Кто побѣдилъ? 178
Чему они обрадовались? 181
Переговоры въ Зимнемъ Дворцѣ. 185
« Однако » 188
Еще о декларации обновленнаго правительства. 193
Анархія и конртъ-революція. 196

Октябрь 1917 года.

Смотрите, граждане! 201
Циммервальдъ и Германія 205
Кругъ смыкается. 208
Первый парламентскій день 213
Минимальная программа германскаго имперіализма:
Статья первая. 217
Статья вторая 222
Чужія заботы убиваютъ осла 227
Смѣлый плѣнникъ 230
Телеграмма профессора Масарика. 232
Нашъ грѣхъ, нашъ великій грѣхъ 235
Наказанная смѣлость 239
Не божественная комедія 240
Открытое письмо къ петроградскимъ рабочимъ 244

Ноябрь 1917 г. — Май 1918 г.

А все-таки движется 251
Похороны Н. А. Некрасова 253
Буки Азъ — Ба. 257